ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Москва
2008

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск тридцать седьмой)
М., 2008, 404 стр.

Ответственный редактор А.О.Филоник, М.Р.Арунова

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89282-374-6
ISBN 978-5-89394-201-9

ISBN 978-5-89282-374-6
ISBN 978 5-89394-201-9

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

М.Р.Арунова
ИРАНО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1947–2008)
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 5

Н.Н.Белей
КОМПЛЕКС «НОВОЙ» ЭКОНОМИКИ ИЗРАИЛЯ:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И СТРУКТУРА..... 20

Е.В.Дунаева
ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ИРАНЕ:
РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ..... 46

О.И.Жигалина
НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ КУРДИСТАНЕ..... 67

С.Н.Каменев
ЭКОНОМИКА ПАКИСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ..... 78

Э.О.Касаев
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЛИВИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ..... 105

А.А.Кашина
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУНИСЕ: ПРОСЧИТАННЫЙ
РЕЗУЛЬТАТ..... 121

Н.А.Кожанов
ИРАН: ЧЛЕНСТВО В ВТО И РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМПОРТА
СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ..... 132

А.И.Куприн
ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ..... 140

Н.М.Мамедова
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ИСЛАМСКИХ СТРАН И ИРАНА..... 160

К.В.Марков
ЯДЕРНЫЙ И РАКЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН..... 175

Д.А.Нечитайло
О РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЕ..... 188

А.В.Прокофьев
В СЕРДЦЕ АЗИИ..... 229

М.А.Сапронова
ПАРЛАМЕНТЫ В АРАБСКИХ МОНАРХИЯХ: КОНСТИТУЦИОННАЯ
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА..... 236

И.Н.Серенко
РОССИЯ И ПАКИСТАН: ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА..... 283

С.Ю.Серёгичев
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СУДАНЕ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И
СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ..... 294

И.И.Стародубцев
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТОРГИ ПО СООРУЖЕНИЮ АЭС В ТУРЦИИ..... 303

Яков Файтельсон
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ИЗРАИЛЬ И
РЕАЛЬНОСТЬ. ИСТОРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ
НАСЕЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ (1898–2005)..... 312

Владимир (Зеэв) Ханин
ФЕНОМЕН ГАЙДАМАКА: ОПЫТЫ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ..... 356

Н.И.Черниченкина
ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕС..... 370

М.Р.Арунова

ИРАНО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1947–2008): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Иран был первым государством, признавшим Пакистан в 1947 г. сразу же после его создания. При шахском режиме страны активно сотрудничали в рамках СЕНТО (до 1959 г. – Багдадский пакт), а в 1964 г. вошли в состав организации «Сотрудничество ради развития» (с 1985 г. – Организация экономического сотрудничества – ОЭС). В 1969 г. Иран и Пакистан стали членами Организации Исламская конференция (ОИК).

В 70-е годы связи двух государств как в рамках двусторонних, так и многосторонних отношений получили дальнейшее развитие. Идя на расширение контактов с шахским Ираном, Пакистан, как видится, небезосновательно рассчитывал на его поддержку и содействие в решении экономических вопросов. В 1974–1976 гг. Иран предоставил Пакистану два займа – 580 и 150 млн. долл. и несколько займов на строительство небольших объектов, главным образом в приграничном ИРИ Белуджистане.

После падения шахского режима Исламабад практически первым признал пришедшее к власти новое правительство в Тегеране. Однако отношения двух стран были прохладными: Исламабад опасался установления контактов между режимом Р.М. Хомейни и пакистанскими шиитами, а в Тегеране рассматривали Пакистан как проводника американского влияния в регионе.

В последующие годы наметилась активизация ирано-пакистанских отношений, что было связано с идентичностью их позиций по афганским делам – резким неприятием кабульского режима НДПА, осуждением ввода в Афганистан советского воинского контингента и поддержкой муджахедов.

Во время ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) Пакистан придерживался нейтралитета, а затем сыграл важную роль в посреднических усилиях ОИК по прекращению этой войны.

Во второй половине 80-х гг. между странами развивалась торговля, а в 1987 г. было подписано соглашение о ее развитии.

ИРП экспортировала в ИРИ рис, фрукты, кунжут, одежду, химикаты, ювелирные изделия и хирургические инструменты. Основную часть его импорта из соседней страны составляли весьма необходимое Пакистану жидкое топливо, продукты нефтяной, нефтехимической и химической промышленности, шины, пластик, кожа, сушеные фрукты.

Последовавшее затем в 90-е годы резкое охлаждение ирано-пакистанских отношений было связано не столько с прокатившимися в Пакистане в середине 90-х годов погромами шиитов, сколько с активнейшей поддержкой Исламабадом талибов, утвердившихся в Афганистане.

Напомним, что свержение режима НДПА и провозглашение в 1992 г. Исламского государства Афганистан (ИГА) во главе с муджахедами не привели к установлению мира и спокойствия в стране. У власти в Кабуле оказалась непрочная коалиция влиятельных лиц из различных партий муджахедов, в которую входили разные этносы. Внутри коалиции как в центре, так и на местах тотчас же разгорелась кровопролитная борьба за власть. Силовой фактор оставался определяющим в политической жизни страны. Положение осложнялось тем, что едва ли не за каждой из соперничавших партий, группировок и крупных объединений полевых командиров стояли внешние силы, в частности США, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Турция, стремившиеся укрепить свои позиции в новом Афганистане и в регионе в целом.

В Исламабаде учитывали сложившуюся в Афганистане взрывоопасную ситуацию и внимательно отслеживали ее развитие. Руководство Пакистана, прежде всего Общевойсковая разведка, МВД, а также лидеры праворадикальной партии «Джамаате ислами» при широкой разноплановой поддержке США и Саудовской Аравии сформировали для координации своих действий «Афганское бюро», а затем приступили к подготовке новой военной силы, которая была бы способна стабилизировать обстановку в Афганистане и создать на его территории пуштунское (подчеркнуто нами – *авт.*) государство, лояльное Пакистану и США. Такой силой стали талибы, воинские подразделения которых формировались в местах расселения десятков тысяч афганских беженцев и при духовных школах – медресе*.

* Отсюда и название талиб – ищущий знаний.

Будучи уверены в том, что талибы сумеют «умиротворить» Афганистан, в Исламабаде строили планы продвижения вглубь континента и установления тесных экономических и политических связей с государствами Центральной Азии[1], потеснив при этом Иран, также заинтересованный в усилении своего влияния в этих государствах.

В 1993 г. в Пакистане уже создавались лагеря и базы, где талибы проходили военную подготовку. Основу их воинских подразделений составляли афганские беженцы-пуштуны, к которым позже присоединились пуштуны из СЗПП Пакистана, исламисты экстремистских группировок Узбекистана, других стран, в том числе уйгуры КНР, чеченцы.

Обученные и вооруженные современным стрелковым оружием, вертолетами и самолетами талибы при поддержке Пакистана и США в октябре 1994 г. вторглись в Афганистан. Не встретив особого сопротивления, они заняли ряд приграничных с Пакистаном провинций, а затем двинулись к Кабулу и осенью 1996 г. заняли его. Утвердившись в Кабуле, талибы объявили о создании Исламского эмирата Афганистан.

Президент образованного в апреле 1992 г. Исламского государства Афганистан (ИГА) Б. Раббани (таджик), члены правительства, в их числе министр обороны Ахмад Шах Масуд (тоже таджик) выехали из столицы на север, где к ним примкнули отряды таджиков, хазарейцев, узбеков, а также антиталибски настроенных пуштунов. Их объединение, получившее название «Северный альянс», поддержал Иран. Весьма позитивно в Северному альянсу относились Россия и Индия. Однако «северяне» смогли удерживать только часть территорий северных и северо-восточных провинций. Что касается талибов, то их подразделения, в которые вошли бывшие пакистанские военнослужащие, в течение двух лет заняли более половины афганской территории. Таким образом, произошел раскол страны. Поляризация позиций Тегерана и Исламабада во внутриафганском противостоянии естественно весьма негативно сказалась на их взаимоотношениях.

В сентябре 1995 г. поддержанные Исламабадом талибы двинулись к западным провинциям Афганистана и захватили Шинданд и Герат. Тегеран, серьезно озабоченный подобным развитием событий, заявил о возникновении угрозы проникновения талибов на иранскую территорию и усилил охрану границы.

Успехи талибов – носителей экстремистского ислама суннитского толка – содействовали росту влияния в Пакистане исламистских сил. В политической жизни страны резко возросло значение исламского фактора. Среди военных возник заговор с целью захвата власти и провозглашения Пакистана суннитским исламским государством[2]. 27 мая 1997 г. Исламабад объявил об официальном признании правительства талибов. После захвата талибами Кабула пакистанское руководство стремилось обеспечить их представителям «законное место» в ООН путем отстранения от участия в этой организации официального представителя президента ИГА Б. Раббани – одного из лидеров «Северного альянса». Естественно, эти попытки вызывали резко негативную реакцию Тегерана и не были поддержаны мировым сообществом.

Ирано-пакистанские отношения особенно обострились, когда в августе 1998 г. талибы, захватив Мазари-Шариф, разгромили иранское консульство. Дипломаты и журналист были убиты, а граждане Ирана арестованы. Руководство Тегерана, потребовав от талибов официального извинения, судебного наказания виновных и передачи иранской стороне тел убитых, сконцентрировало на границе порядка 200 тысяч солдат и офицеров и провело широкомасштабные войсковые учения.

Пуштунский национализм, экстремизм, религиозная нетерпимость, антишиитские и антииранские настроения, геноцид в отношении хазарейцев-шиитов, утверждение в быту жестких норм ислама суннитского толка в собственной интерпретации талибов, их продвижение к иранским границам и, конечно же, разгром консульства ИРИ в Мазари-Шарифе еще более обострили ситуацию. Тегеран открыто на всех уровнях, включая ООН, обвинял Пакистан в поддержке действий экстремистов[3]. Руководство Исламабада, со своей стороны, категорически отрицало причастность Пакистана к их акциям. Однако, как свидетельствуют материалы секретного доклада пакистанского Федерального агентства расследований, подлинным рассадником религиозного экстремизма в регионе был Международный исламский университет в Исламабаде[4].

В конце концов, в Тегеране было принято решение прекратить торговлю с Афганистаном, через территорию которого в Пакистан из ИРИ и ОАЭ доставлялись топливо, энергетика, товары широкого спроса.

Талибы компенсировали свои потери за счет разносторонней, в том числе и финансовой, помощи, которую им оказывал

обосновавшийся в Афганистане международный террорист саудовский миллионер Усама бен Ладен, привлекший к тому же на их сторону арабских исламистов стран Ближнего Востока. Весьма значительные доходы талибы получали и от контрабанды наркотиков, производство которых резко возросло и превысило 5 тыс. т опиума-сырца[5]. Судя по выступлениям талибской прессы, а также материалам афганских эмигрантских изданий, руководство талибов по ряду вопросов стало высказывать свою позицию, далеко не всегда совпадавшую с мнением официального Исламабада. Проблема управляемости талибами становилась для Пакистана, а также США все более актуальной[6].

Вскормленные в свое время Вашингтоном и Исламабадом, активно поддерживаемые бен Ладеном и стоявшими за ним международными экстремистскими исламистскими организациями талибы, почувствовав к тому же и вкус наркоденег, захватили почти 90% афганской территории, в том числе и близкие к Ирану районы. Выйдя из-под контроля своих покровителей, они стали выдвигать джихад на планетарный уровень. Афганистан превращался в очаг международного терроризма и мировой центр производства и контрабанды наркотиков[7].

Мировое сообщество – Генеральная ассамблея и Совет Безопасности ООН, Европарламент, ОБСЕ, Совет Европы и многие международные правозащитные организации приняли резолюции, осуждающие талибов. В ответ на их многократные отказы выдать бен Ладена США нанесли бомбовые удары по его лагерям и базам в Афганистане. Кроме того, США и многие страны Европы ввели санкции в отношении Пакистана, прекратили с ним политические и иные контакты.

Учитывая все это, пакистанское руководство, продолжая поддерживать талибов, активизировало свое участие в работе созданной по инициативе России и США «Группы друзей и соседей Афганистана», куда входили Иран, пограничные с Афганистаном центральноазиатские государства – Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, а также Россия и США. Эта группа, в которой значительную роль играл Иран, выступала за проведение переговоров между «Северным альянсом» и талибами, за установление мира в Афганистане путем создания широко представительного правительства, учитывавшего интересы всех афганцев.

Пакистанские руководители, хотя и заявляли о необходимости мирного урегулирования афганской проблемы и создания правительства на широкой основе, в то же время в противовес Ирану, поддерживающему «северян», настаивали на лидирующем положении талибов в этом правительстве. Одновременно Исламабад предпринял некоторые шаги, призванные продемонстрировать его причастность к борьбе с терроризмом или, по крайней мере, создать видимость такой борьбы. Так, в 1998 г. в Пакистане был принят закон о борьбе с терроризмом, а в преддверии «саммита тысячелетия» руководство Исламабада пошло на подписание некоторых международных антитеррористических конвенций, однако две ключевые конвенции – о запрете финансирования терроризма и бомбового терроризма Пакистан проигнорировал.

На рубеже XX–XXI вв. Исламабад, оставаясь одним из немногих союзников талибов, продолжал оказывать им разностороннее содействие в борьбе с «Северным альянсом», поддерживаемым Ираном. Упорство, которое Пакистан проявлял в афганском вопросе, отрицательно сказалось на его отношениях с США, европейскими странами, Россией, Индией и, конечно же, Ираном и явилось одной из главных причин как международной изоляции страны, так и осложнения ее внутриполитического положения.

После трагических событий в США 11 сентября 2001 г. была создана мощная международная антитеррористическая антиталибская коалиция, к которой присоединился и Исламабад, осознавший, насколько его курс на поддержку талибов оказался ошибочным. Тесные контакты с талибами были прерваны. Это вызвало острое недовольство пакистанских пуштунов, которые тысячами уходили из страны на помощь талибам-афганцам. Власти задерживали исламистских активистов, многие из них были арестованы, а центры их организаций закрыты. Государство взяло под контроль сотни медресе, обучавших экстремистов, за деятельностью некоторых мечетей власти также установили контроль[8].

Эти акции, естественно, были позитивно встречены в ИРИ.

Понимая необходимость перехода от конфронтации к сотрудничеству с соседними странами и прежде всего с Ираном, Исламабад стал предпринимать весьма конкретные и не безуспешные шаги, направленные на налаживание отношений с Тегераном. В начале ноября 2001 г. пакистанский президент П. Мушарраф посетил ИРИ, где вел переговоры с президентом С.М. Хатами, которые вскоре были продолжены в Нью-Йорке

на сессии ГА ООН. Руководители ИРИ и ИРП высказали заинтересованность в развитии двусторонних отношений и принятии совместных мер в Афганистане. Тогда же, осенью 2001 г. состоялись визиты в Пакистан глав МИД и МВД Ирана. Кроме обсуждения вопросов, связанных с афганскими проблемами, представители обеих стран наметили планы дальнейшего торгово-экономического сотрудничества.

В ходе Боннской конференции (конец ноября – начало декабря 2001 г.), где формировалась временная афганская администрация, президент П. Мушарраф сделал еще один важный шаг, заявив о признании поддержанного Ираном «Северного альянса» и всех входящих в него групп. В признании «Альянса» был заинтересован не только Исламабад, потерявший в результате действий антиталибской коалиции своего единственного союзника в регионе. «Альянс», со своей стороны, представленный в основном афганскими нацменьшинствами, стремился установить контакты с населяющими юг страны многочисленными пуштунскими племенами, традиционно находившимися под пакистанским влиянием[9].

В результате разноплановых мер, предпринимавшихся и Пакистаном, и Ираном, в начале XXI века ирано-пакистанские отношения начали успешно развиваться. В результате переговоров, прошедших в 2002 г. по линии внешнеполитических ведомств двух стран, в январе 2003 г. состоялся визит в Пакистан иранского президента С.М. Хатами. В октябре того же года Тегеран посетила представительная торгово-промышленная делегация во главе с пакистанским премьер-министром. Стороны договорились о создании межведомственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, которая вскоре была сформирована. Между странами активизировались торгово-экономические связи: в 2005 г. было подписано соглашение о преференциальной торговле, предусматривавшее увеличение товарооборота, а затем Иран предоставил Пакистану кредит на восстановление разрушений в результате прошедшего там землетрясения.

В мае 2006 г. и январе 2008 г. Исламабад последовательно посетили министр иностранных дел и первый вице-премьер иранского правительства. Эти контакты заметно активизировали многоуровневые связи и содействовали развитию и углублению политических и торгово-экономических отношений, в чем было заинтересовано руководство двух стран.

В рамках многостороннего сотрудничества представители обоих государств активно работали в таких международных организациях, как ООН (имеют идентичные позиции по вопросу реформирования Совета Безопасности), Организация Экономического сотрудничества и Организация Исламская конференция.

Важное место в отношениях обоих государств занимали и занимают проблемы обеспечения безопасности общей почти тысячекилометровой границы, разделяющей «неспокойные» белуджские племена, проживающие в Иране, Пакистане, а также Афганистане. Через границу в Пакистан переправлялось (и, видимо, переправляется и ныне) оружие для воинственных белуджских националистических группировок, что, естественно, вызывает озабоченность Исламабада.

В укреплении границы заинтересован и Тегеран, небезосновательно полагающий, что при содействии спецслужб США в страну проникают подрывные элементы. Несомненно беспокоили и беспокоят и ИРИ, и ИРП наркотрафик и нелегальная миграция.

Серьезное внимание как Исламабад, так и Тегеран уделяют ситуации в пограничных провинциях, где дислоцируются белуджские националистические суннитские группировки. Причем некоторые из них активно выступают не только за автономию Белуджистана, но и за создание независимого «Большого Белуджистана» в составе районов Пакистана, Афганистана и Ирана с преимущественно белуджским населением. Таковыми, в частности, являются «Студенческая организация Белуджистана», «Фронт освобождения Белуджистана» и др. В последнее время заметно активизировалась пакистанская экстремистская группировка «Джандолла», боевики которой причастны к ряду кровопролитных терактов. Так, в феврале 2007 г. сторонники этой суннитской группировки, переправившись через границу в центр иранской провинции Систан и Белуджистан г. Захедан, взорвали там автобус, принадлежавший Корпусу Стражей Исламской Революции, а затем захватили 30 заложников. Вскоре после этого теракта иранское правительство ввело запрет на проживание, наем на работу и перемещение всех иностранцев, живущих в данной провинции.

Во многом в связи с осложнением ситуации на границе активизировался диалог между правоохранительными структурами двух стран. В августе 2007 г. в Тегеране состоялось заседание созданной незадолго до этого совместной рабочей

группы по вопросам безопасности на уровне первых заместителей министров внутренних дел. Стороны обсуждали ситуацию на границе в целом, уделив особое внимание террористической деятельности «Армии освобождения Белуджистана»[10]. Причем Исламабад получил заверения Тегерана в том, что боевики этой организации в Иран допущены не будут.

На состоявшихся летом 2007 г. переговорах весьма детально и с пониманием стороны рассматривали вопросы совместной борьбы с терроризмом и криминальными структурами, контрабандой товаров и людей, пресечения наркотрафика, пограничной безопасности в целом. Тогда же в результате переговоров были достигнуты договоренности о создании специальной подгруппы для обмена информацией, тесном взаимодействии пограничных служб и ведомств, занимающихся пресечением наркотрафика и незаконной торговли людьми. При этом по инициативе Тегерана было принято решение о подготовке двустороннего соглашения по вопросам безопасности.

Несмотря на то, что Пакистан и Иран весьма заинтересованы в развитии торговли и экономического сотрудничества, они признают, что объем товарооборота не соответствует их потенциальным возможностям. В 2006/2007 финансовом году товарооборот между ними составил порядка 400 млн. долл. (с учетом контрабандной торговли его объем значительно превышает 1 млрд. долл.), причем структура экспорта и импорта оставалась прежней. В 2007 г. на очередном заседании Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству иранская сторона объявила о решении ратифицировать соглашение, подписанное в 2005 г. о преференциальной торговле, которое должно привести к увеличению товарооборота до 1 млрд. долл.

Тогда же пакистанцы обратились к Тегерану с просьбой смягчить условия кредита в 200 млн. долл. (его, как отмечалось выше, было обещано предоставить на ликвидацию последствий произошедшего в 2005 г. землетрясения), а также призвали иранцев пересмотреть ряд обременительных для местных экспортеров процедур, выразив готовность пойти на встречные уступки.

Перспективной сферой пакистано-иранского торгово-экономического сотрудничества является и развитие систем коммуникаций, связывающих территории двух стран. Так, ИРИ выразила готовность сотрудничать с ИРП в реконструкции и

строительстве соединяющих оба государства автомобильных и железных дорог.

В центре внимания пакистанского руководства постоянно находилась и находится ситуация вокруг развития Тегераном ядерной программы. При этом Исламабад неоднократно заявлял о неприемлемости силового решения этой проблемы и необходимости ее урегулирования исключительно путем переговоров. Кстати, при голосовании в Совете управляющих МАГАТЭ по вопросу передачи иранского досье в СБ ООН в сентябре 2005 г. Пакистан воздержался, однако, оказал содействие в расследовании факта нелегальных поставок из Пакистана в Иран документации и чертежей по производству центрифуг[11]. В Исламабаде, как видится, считают, что Иран как участник ДНЯО имеет законное право на развитие «мирного атома» при условии соблюдения им принципов нераспространения. В то же время занятая ИРИ твердая позиция в вопросе разработки ядерной программы, по мнению некоторых пакистанских аналитиков, может привести к началу силовой акции против нее и, в свою очередь, к дестабилизации ситуации в самом Пакистане и во всем регионе. Заинтересованный в решении этой проблемы исключительно путем переговоров Исламабад неоднократно выражал готовность сыграть роль посредника в урегулировании отношений между Тегераном и Вашингтоном. Однако нельзя не заметить, что в Пакистане подчас отмечалось некоторое раздражение атомными амбициями ИРИ. Известно и заявление Исламабада о том, что в случае принятия резолюции СБ ООН о введении санкций в отношении соседей ИРП подчинится этому решению.

По кашмирской проблеме ИРИ занимает в целом осторожную позицию, заявляя, что ее решение должно быть прежде всего приемлемо для самих кашмирцев.

В Тегеране несомненно всерьез озабочены существующей в Пакистане суннитско-шиитской рознью (шииты составляют более 20% населения ИРП)[12], которая до сих пор порой переходит в кровопролитные столкновения. Иран относится к этому сдержанно, не давая поводов обвинить его в какой бы то ни было причастности к этим столкновениям и поддержке шиитов Пакистана.

Рассматривая шаги руководства двух стран, предпринимавшиеся ими с целью развития и углубления экономического сотрудничества, следует особо подчеркнуть их намерение осуще-

ствить проект строительства газопровода Иран – Пакистан – Индия (ГИПИ). Идея строительства ГИПИ возникла у его потенциальных участников в конце прошлого века. Однако конкретные шаги в направлении его практической реализации тогда не были предприняты в связи с резким ухудшением ирано-пакистанских отношений, вызванным поддержкой Исламабадом режима талибов в Афганистане, а также напряженностью между Пакистаном и Индией. Изменение позиции Исламабада в афганском вопросе, а также наметившееся потепление пакистано-индийских отношений содействовали тому, что после длительных переговоров обсуждение проекта ГИПИ возобновилось. Однако индийское руководство хотя открыто не заявляло о своем отказе от участия в проекте, тем не менее весьма затягивало его документальное оформление. Приостановка решения вопроса о реализации ГИПИ ни в коей мере не устраивала его партнеров.

В этих условиях возникла идея осуществлять строительство газопровода в двустороннем формате, поэтому было введено в оборот новое название проекта – «Газопровод Иран – Пакистан». Стороны договорились о его сегментном строительстве.

К концу 2007 г. Тегеран и Исламабад «вышли» на подписание «Соглашения о продаже и покупке газа», в рамках которого предусматривалось определить цену на газ, а также периодичность ее пересмотра. При этом Пакистан заявил о готовности закупать до 190 млн. куб. м газа в день, что составило бы четверть объема его нынешнего суточного потребления и одновременно позволило бы покрыть дефицит, который может образоваться в энергетическом балансе к 2010 г.

В апреле 2008 г. состоялся краткий визит в Пакистан президента Ирана, в ходе которого была достигнута договоренность о подписании соответствующего документа о строительстве газопровода во время предполагавшегося в мае визита президента Пакистана в Тегеран. Однако при обсуждении проекта произошли серьезные подвижки.

На состоявшейся тогда же в Исламабаде встрече пакистанского министра нефти и природных ресурсов Х. Асифа с индийским министром М. Деорой, курирующим эти проблемы, последний заявил о решении Индии возобновить участие в проекте в трехстороннем формате. На состоявшихся переговорах стороны договорились о том, что строительство газопровода начнется в 2009 г. и завершится в 2012 г. Прохождение маршрута газовой магистрали было намечено провести от выхода из Ирана на пакистанскую территорию в районе порта Гвадар, затем вдоль шоссе Гвадар–Карачи и выхода к индийской границе вблизи г. Навабшах.

29 апреля находившийся в Нью-Дели президент ИРИ М. Ахмадинежад официально заявил, что соглашение о ГИПИ будет подписано через 45 дней[13]. При строительстве газопровода и начале его функционирования, по всей видимости, остро встанет проблема обеспечения безопасности на территории Белуджистана, где сепаратисты с завидной регулярностью взрывают уже существующие газопроводы, требуя своей «справедливой доли» отчислений от их эксплуатации.

Необходимо особо подчеркнуть, что будущее ГИПИ в немалой степени зависит от позиции США по данному вопросу, поскольку Вашингтон ранее неоднократно доводил до сведения Исламабада свое резко отрицательное отношение к этому проекту и участию в нем Пакистана. При этом не исключалось, что американцы могут пойти на сокращение финансовой и военной помощи Исламабаду [*].

Пакистанское руководство, видимо, учитывает это обстоятельство и тем не менее продолжает сотрудничество с Ираном. Некоторые политологи объясняют его позицию не только большой заинтересованностью в импорте энергосырья из ИРИ, но и намерением показать Вашингтону свое негативное отношение к взятой им линии как в свете американо-индийской ядерной сделки, так и их жесткой позиции по вопросу ядерной программы Тегерана.

Как отмечалось выше, Пакистан неоднократно заявлял о неприемлемости силовой развязки этой проблемы, подчеркивая ее возможные весьма серьезные последствия не только для Исламабада, но и для региона в целом. Кроме того, как видится, за пакистанской позицией в отношении ГИПИ может просматриваться и сугубо прагматичный расчет: проект ГИПИ

[*] Напомним, что после присоединения Пакистана к антитеррористической кампании в Афганистане с Исламабада были сняты санкции, введенные ранее США и рядом других государств, оказана широкая военная помощь (в том числе самолеты, вертолеты, ракеты ближнего боя, танки), улучшились условия предоставления кредитов и т.п. Все это и многое другое с вниманием, а по некоторым вопросам и с озабоченностью отмечалось в Тегеране, но не вело к снижению его заинтересованности в развитии отношений с Исламабадом.

остается для Пакистана, с одной стороны, действительно наиболее реальной возможностью для удовлетворения все возрастающих энергопотребностей, а с другой, – в случае вынужденного отказа от него элементом торга с США по получению «достойной компенсации». В качестве одной из вероятных разменных карт, на наш взгляд, могло бы, например, стать налаживание сотрудничества США и Пакистана в области мирного использования атомной энергии. К тому же, идя на развитие экономического сотрудничества с ИРИ, Исламабад, как видится, стремится показать свою в определенной мере независимость от Вашингтона.

Рассматривая проблему ГИПИ, важно отметить, что в реализации этого проекта предусматривается возможность участия российского ОАО «Газпром» (согласно Меморандуму о взаимопонимании, подписанному в 2002 г. с министром нефтяной промышленности и природных ресурсов Пакистана)[14]. Некоторые пакистанские эксперты высказывают мнение, что участие России в этом проекте могло бы ускорить начало строительства этой магистрали и, кроме того, послужило бы позитивным сигналом для крупных международных инвесторов и топливно-энергетических консорциумов.

Рассматривая вопрос о реализации проекта ГИПИ, следует напомнить о существовании и другого варианта строительства газопровода в Пакистан, так называемого туркменского[15]. Этот маршрут предполагается провести от месторождения Давлатабад в Туркмении и далее через территорию Афганистана по линии Герат–Кандагар, в Пакистанский Белуджистан (Кветта) и Мултан до границы с Индией. Заинтересованные в этом проекте страны, желающие обойтись без Ирана, не могут не учитывать, что при нынешней ситуации в Афганистане (а она имеет явную тенденцию к ухудшению), а также в условиях обострения афгано-пакистанских отношений осуществление этого проекта практически не реально. Однако 24 апреля 2008 г. представители Пакистана, Индии, Афганистана и Туркмении сочли возможным «на всякий случай» подписать рамочное соглашение о проведении газопровода из Туркмении в Индию.

Рассматривая возможные перспективы ирано-пакистанского экономического сотрудничества и отношений между ИРИ и ИРП в целом, нельзя не упомянуть о существовании более или менее серьезных ограничителей, в той или иной степени влияющих на их развитие. Это, несомненно, достаточно тесные отно-

шения Пакистана с США (в которых Исламабад, разумеется, весьма заинтересован) и, конечно же, позиции Вашингтона в регионе в целом. В определенной мере осложняют двусторонние отношения ИРИ и ИРП нерешенность проблемы демаркации ирано-пакистанской границы, несовпадение интересов и позиций двух стран по некоторым региональным вопросам, скрытое соперничество в Афганистане. Кроме того, в Тегеране с настороженностью отслеживают активизацию созданного в декабре 2007 года в Южном Вазиристане «Движения талибов Пакистана», поддерживающего экстремистов Афганистана, и контакты лидеров этого Движения с Исламабадом.

Подводя некоторые итоги сказанному, представляется, что при нынешней ситуации в регионе и несомненном учете существующих сложностей, в том числе резкого обострения внутриполитического положения в Пакистане и жесткой линии Вашингтона по иранской ядерной программе, Тегеран и Исламабад едва ли будут заинтересованы в сколько-нибудь значительном сокращении торгово-экономического сотрудничества и ухудшении двусторонних отношений в целом.

[1] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008, с. 378.
[2] Там же, с. 384–385.
[3] Ушаков В.А. Афганистан и Иран // Афганистан: проблемы войны и мира. М. 2000, с. 155; Москаленко В.Н. Афганистан и Пакистан // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, с. 137, 145.
[4] Куделев В.В. «Аль-Каида»: структура, союзники, покровители. М., 2008, с. 277.
[5] Арунова М.Р. Вовлечение Афганистана в международный наркобизнес // Восток и Россия на рубеже XXI в. М., 1998, с. 196–205; Арунова М.Р. Трудные поиски путей к примирению // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, с. 220; Арунова М.Р., Набиев З.К. Афганистан: процессы генезиса международного терроризма. Колл. монография «Афганистан на переходном этапе». М., 2002, с. 19–28.
[6] Сикоев Р.Р. Ориентиры внешнеполитического курса талибов // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, с. 234–235.
[7] Арунова М.Р., Набиев З.К. Указ. соч., с. 19–28.
[8] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Указ. соч., с. 429–430.
[9] Москаленко В.Н. Пакистан и Афганистан. Колл. монография «Афганистан на переходном этапе». М., 2002, с. 138–139.

[10] «Армия освобождения Белуджистана» (АОБ) опирается на крупные кланы племен марри, бугти, в меньшей степени менгалов и располагает хорошо подготовленными и вооруженными подразделениями боевиков (10–15 тыс. чел.). С лета 2004 г. боевики АОБ проводят регулярные диверсии на автомобильных и железных дорогах, мостах, ЛЭП и особенно на газовых магистралях, осуществляют нападения на представителей правоохранительных органов и армейские подразделения.

В 2006–2007 гг. пакистанские власти проводили военную операцию против АОБ с участием авиации, уничтожив около 40 их законспирированных баз. Однако правительственные войска тем не менее не сумели полностью взять ситуацию под контроль.

[11] См. об этом: Сотников В.И. К вопросу о пакистано-иранском сотрудничестве в ядерной области и вероятных сценариях нуклеаризации Ирана // Пакистан в современном мире. М., 2005, с. 347–359. По некоторым данным, 9 иранских специалистов в 80-е гг. выезжали на стажировку в Пакистан (см. об этом: Ядерное оружие после холодной войны / Под ред. А.Арбатова и В.Дворкина // Российская политическая энциклопедия. М., 2006, с. 470.

[12] Видимо, уместно отметить, что Беназир Бхутто исповедовала шиитский толк ислама. Шиитом является и нынешний пакистанский премьер Гиляни.

[13] Dawn Top Stories; April 30, 2008.

[14] Морозова М.Ю. Энергетическая политика Пакистана: стратегия и перспективы // Ближний Восток и современность. Вып. 18. М., 2003, с. 69.

[15] Там же, с. 66.

Н.Н.Белей

КОМПЛЕКС «НОВОЙ» ЭКОНОМИКИ ИЗРАИЛЯ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И СТРУКТУРА

Как известно, характерной чертой последних десятилетий стало стремительное, беспрецедентное по темпам (прежде всего в странах-лидерах мирового хозяйства) развитие современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), включающих средства обработки информации и новые способы коммуникаций. Во многом достигнутый прогресс в ИКТ, как считают некоторые исследователи, привел к формированию в развитых странах существенного по масштабам сегмента так называемой инновационно-информационной («knowledge-based») или «новой» экономики[1].

Яркий пример больших успехов на этом пути демонстрирует Израиль. Дальновидный и вовремя сделанный выбор социально-экономической стратегии через приоритетное развитие научно-технической и инновационной деятельности, а также максимально эффективное использование интеллектуального ресурса населения стали основой устойчивого экономического роста страны, определили ее место и специализацию в мировой экономике.

Израиль является одной из немногих стран, в короткие сроки создавших многопрофильную индустрию высоких технологий, продукция которой успешно конкурирует на мировых рынках. В этой связи примечательны слова Билла Гейтса, произнесенные во время его первого визита в страну в 2005 г. на встрече с ведущими специалистами рынка высоких технологий: «Израиль – это мировая сверхдержава в области высоких технологий и науки… инновационная активность страны вносит огромный вклад в будущее технологического бизнеса»[2].

Показательно также и то, что страна занимает ведущие позиции на мировом рынке по большинству из наиболее перспективных технологических направлений НТР, обозначенных в 2006 г. экспертами американского стратегического центра

«RAND Corporation» в докладе «Глобальная технологическая революция – 2020». Среди них: технологии беспроводной связи и телекоммуникационные устройства для ускорения получения информации, персональные компьютеры, универсальные сенсоры безопасности, генетически модифицированные растения, технологии фильтрации и обеззараживания воды, усовершенствование диагностических и хирургических методов в медицине и др.[3]

Опыт Израиля в сфере развития высоких технологий во многом уникален и показателен. Его изучение представляется крайне желательным для стран разного уровня развития, ставящих перед собой серьезные задачи инновационного прорыва.

Динамика развития высокотехнологического комплекса Израиля

В истории развития высокотехнологического комплекса Израиля можно выделить несколько этапов «технологического прорыва». *Первый* из них тесно связан с войнами 1967 и 1973 гг. Как известно, после Шестидневной войны возникли серьезные трудности с приобретением вооружения за рубежом. Была инициирована программа создания собственных основных видов вооружений, что явилось действенным стимулом к развитию наукоемких отраслей, а также внесло ощутимые коррективы в научно-техническую стратегию страны. Милитаризация экономики в 70-е годы переориентировала НТК в сторону прикладных разработок и их концентрации в военно-промышленном комплексе. В значительной степени благодаря этому уже в 80-е годы Израиль превратился в крупного производителя и одного из ведущих мировых экспортеров оружия.

Вместе с тем наметилось отставание в фундаментальной и гражданской науке, которое напрямую отражалось на конкурентоспособности ряда высокотехнологичных отраслей. Осознание этого побудило государство начать в середине 80-х годов процесс конверсии сферы НИОКР. Одной из центральных идей общеэкономической стратегии становится «формирование сбалансированной научно-технической специализации, сочетающей в себе фундаментальные, гражданские и военные прикладные разработки, нацеленные на максимальную коммерческую реализацию их результатов»[4].

Второй период расцвета израильского хай-тека пришелся на вторую половину 90-х годов и совпал с общемировым бумом информационных технологий. Подъему способствовали и начавшийся процесс приватизации государственного сектора экономики, а также накопленный в предыдущие десятилетия огромный опыт создания передовых военных технологий. К тому же в полной мере проявился потенциал программы переориентации военно-прикладной направленности значительной части научно-технического потенциала страны на развитие фундаментальных и гражданских исследований, запущенной в середине 80-х годов.

Стоит особо подчеркнуть исключительное влияние массовой русскоязычной иммиграции («Алии 90-х) на развитие НТК Израиля. Приток высококвалифицированных специалистов-репатриантов, их знания и опыт, стремление к всесторонней самореализации, – все это в совокупности с грамотной государственной политикой в области абсорбции и скорейшей интеграции новых иммигрантов в экономический процесс, позволило Израилю выйти на принципиально новый научно-технический уровень и превратиться в одного из мировых лидеров в области высоких технологий.

Американский еженедельник BusinessWeek, отмечая мощный прорыв израильских высокотехнологичных компаний на мировые рынки и биржи США, писал: «Земля молока и меда превратилась в землю денег и технологий. У Кремниевой долины есть только один конкурент за пределами США – это Израиль»[5].

Подобная оценка подкреплялась тем фактом, что к концу 90-х годов сразу 15 израильских компаний вошли в клуб предприятий с рыночной капитализацией свыше миллиарда долларов, что определяет их высокую репутацию в международном инвестиционном сообществе. Неудивительно, что из числа этих 15 компаний только Банк Хапоалим не принадлежал к высокотехнологическому сектору. В данную группу среди прочих вошли Comverse Technology, Amdocs и CheckPoint. Их совокупная рыночная капитализация превышала 20 млрд. долл. Всего свыше 150 компаний котировались большей частью на американском NASDAQ, а также на европейских технологических площадках – Easdaq, Neu Markt и Nouveau Marche[6].

Рост сектора высоких технологий (сектор ИКТ) существенно превосходил показатели других отраслей экономики страны. В период 1990–2002 гг. ВВП в расчете на одного работника

увеличился на 3% по экономике в целом, на 9% в частном секторе и на 53% в секторе ИКТ. ВВП на работника сектора ИКТ в 2002 г. составил 346 тыс. шкл. по сравнению с 141 тыс. шкл. по всему частному сектору[7]. Экспорт высокотехнологической продукции демонстрировал впечатляющий рост, о чем свидетельствуют данные Диаграммы 1 (см. Приложение). По ней также можно проследить общую динамику развития отрасли в конце 90-х годов.

– 1997–98 гг.: бурный рост отрасли на фоне благоприятной международной конъюнктуры – по всему миру огромные средства вкладываются в развитие телекомов и доткомов. Главный венчурный фонд Израиля «Yozma», созданный в 1992 г., активно привлекает иностранный капитал. Израиль занимает лидирующие позиции по показателю привлечения венчурного капитала в расчете на душу населения[8].

– 1999–2000 гг.: как известно, современный этап НТП связан с развитием коммуникационных и интернет технологий, и именно в этот период т.н. «интернет-бум» достигает своего пика. В израильском хай-тек-секторе отмечается наибольший прирост выпуска продукции. Страна становится синонимом высоких технологий конца XX века. Иностранные инвесторы были полны оптимизма по поводу будущего израильской экономики вообще и высокотехнологического сектора, в частности. Тель-Авив и его пригороды превратились в один из ведущих мировых центров предприятий высоких технологий, в котором действовали как исследовательские отделения крупных международных концернов, так и тысячи местных старт-ап компаний. Цепочка фирм хай-тек протянулась вдоль средиземноморского побережья от Тель-Авива до Хайфы. Накануне 2000 г. каждые 36 часов в Израиле появлялась новая старт-ап компания. В новое тысячелетие Израиль вошел, занимая ведущие позиции на самых перспективных направлениях технического прогресса.

Современному этапу израильского технологического прорыва предшествовал общемировой кризис хай-тека. Рынок оказался сильно «перегретым», капитализация высокотехнологических компаний во много раз превышала их реальную стоимость. «Интернет-пузырь» лопнул в марте 2000 г., когда произошло резкое падение котировок акций ИТ-компаний на главной технологической площадке мира, NASDAQ. Данные события внесли серьезные коррективы в развитие высокотехнологического сектора экономики Израиля и нашли выражение

в резком падении показателей выпуска продукции и экспорта. К тому же важным локальным фактором явилось начало интифады «Аль-Акса», которая оказала ощутимое негативное воздействие на экономику в целом.

Положительным моментом было то, что условия рецессии вынудили инвесторов и функционеров высокотехнологического сектора предпринимать меры предосторожности в отношении экономических и финансовых планов. Венчурные капиталисты все чаще говорили об извлеченных уроках. Они вернулись к практике финансирования компаний, у которых есть не только привлекательная идея, но и солидный бизнес-план и управленческая составляющая. Ожидания прибыли стали превалировать над ростом оборота рынка.

С первой половины 2003 г. можно говорить о начале восстановительного периода в экономике Израиля. В это время была запущена программа оздоровления экономики, которая начала быстро приносить плоды. К тому же общемировая конъюнктура благоприятствовала новому витку подъема израильского хай-тека.

Первыми оживление рынка ощутили компании, специализирующиеся на микрочипах, в связи с увеличением потребительского спроса на память и микропроцессоры в различных сферах, будь то беспроводная связь, телефония или карманные компьютеры. Такие компании, как DSPG, разрабатывающая процессоры для домашних телефонов, не были затронуты кризисом хай-тека и продолжали расти. Другие компании данной подотрасли – Tower Semiconductor, Zoran Microelectronics, Audio Codes – также начали восстанавливать объемы деятельности раньше других.

Кроме того, привлечение капитала старт-апами в первые месяцы 2004 г. достигло объемов, близких к зафиксированным в начале 2001 г., – около 300 млн. долл. за квартал. Венчурные фонды сообщали о значительном увеличении «посевных» («seed») инвестиций. В 2003 г. количество образованных высокотехнологичных компаний превысило число расформированных: в предыдущие три года ситуация была прямо противоположной. По данным Центрального статистического бюро, инвестиции в израильскую экономику возросли в 2,5 раза, до отметки в 6 млрд. долл. в 2003 г. Эта тенденция продолжилась и в 2004 г. Многие иностранные инвесторы начали покупку акций израильских компаний, особенно в сфере телекоммуникаций, в которых

Израиль особенно силен. В целом настроение участников отрасли и инвесторов начало меняться в лучшую сторону.

В середине марта 2004 г. Банк Израиля объявил, что поддерживает заявление министра финансов Беньямина Нетаньяху о том, что рецессия в Израиле официально закончилась. Начали появляться первые признаки, указывающие на начало нового этапа роста.

После долгого затишья возобновился спрос на работников хай-тек отрасли, включая выпускников-бакалавров, не имеющих опыта работы. В целом число работников отрасли составляло 140 тыс. человек, что на 10 тыс. меньше, чем на пике хайтековского бума. Факультеты биологических наук, а также компьютерные отделения университетов, сократившие набор учащихся в последние годы, начали активизироваться. Иерусалимский Еврейский университет сообщал о 100%-м увеличении числа абитуриентов на указанные факультеты в 2003 г.[9]

2005 год можно назвать наиболее успешным для израильского хай-тека со времени краха доткомов. Знаменательным событием стало инвестирование компании Intel в строительство завода по производству чипов с использованием новейших технологий в городе Кирьят Гат. Инвестиции были запланированы на уровне в 3,5 млрд. долл. (однако превысили отметку в 4 млрд. долл.) Напомним, что *Intel* уже имеет один завод в стране, выпускающий чипы для Pentium 4. Всего компания располагает 6 производственными и исследовательскими комплексами, рассредоточенными на территории Израиля, на которых занято более 6 тыс. человек, что делает компанию одним из крупнейших частных работодателей. Планировалось, что новый завод создаст еще, как минимум, 2 тыс. рабочих мест[10].

Примеры таких крупных производителей, как *Intel*, а также успешная деятельность старт-апов, спонсируемых фирмами венчурного финансирования в Тель-Авивском пригороде Герцлия, свидетельствовали о том, что высокотехнологическая отрасль во многом восстановилась после пережитой страной рецессии. В 2005 г. более 70 израильских компаний котировались на NASDAQ. Число работников отрасли, составлявшее 161 тыс. в 2001 г. и сократившееся до 147 тыс. в 2003 г., в 2005 г., согласно данным Центрального статистического бюро, вышло на отметку в 172 тыс.[11]

Несмотря на разразившуюся в 2006 г. войну в Ливане, израильская экономика продемонстрировала впечатляющий

рост, который превзошел все официальные прогнозы. Рост ВВП составил 5,2%, что существенно выше, чем в среднем по развитым странам ОЭСР (3,2%). Израильское промышленное производство выросло за год на 37,1% – самый высокий показатель в мире, – на порядок выше, чем, скажем, в США. При этом двигателем израильской промышленности по-прежнему оставался хай-тек, на долю которого и пришлась большая часть роста.

Слияния и поглощения вышли на новый пик во многом благодаря активности интернет-компаний. Общий объем инвестиций в экономику в 2006 г. составил 14,2 млрд. долл. по сравнению с 4,8 и 2,1 млрд. долл. в 2005 и 2004 годах соответственно[12]. Одно из ведущих рейтинговых агентств *Standard & Poor's* поменяло израильский кредитный рейтинг на «положительный», последовав примеру коллег из *Moody's u Fitch*[13].

73 израильские компании с суммарным капиталом около 50 млрд. долл. были представлены на торговой площадке *NASDAQ*. По данным журнала *Red Herring*, в списке из 100 ведущих хай-тек компаний Европы израильским фирмам принадлежало не менее 20 позиций. В рейтинге конкурентоспособности мировых держав на 2006 г., составляемом Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), Израиль занял 15-е место из 125. Это на 8 позиций выше, чем годом ранее[14].

В 2007 г. достигнутые успехи удалось закрепить и развить. Израиль обошел Великобританию в рейтинге поставщиков оружия на мировые рынки и занял в нем четвертую строчку после США, России и Франции. По сообщению газеты *Haaretz*, со ссылкой на доклад генерального директора министерства обороны, в 2007 г. оборонный экспорт Израиля достиг примерно 4 млрд. долл.[15]

К настоящему моменту можно утверждать, что израильский хай-тек продолжает свой уверенный рост и остается потенциально наиболее перспективным сегментом экономики страны и особенно привлекательной областью внешнеэкономического сотрудничества. Доказательством этому служит ряд факторов:

– высокие текущие показатели сектора и хорошие предпосылки к дальнейшему росту;

– конкурентоспособность на мировых рынках. Такие компании, как *CheckPoint*, *Teva*, *RAD Data Communication*, *ECI Telecom, Amdocs* и др., хорошо зарекомендовали себя за пре-

делами Израиля, а такие продукты, как *ICQ*, *Skype* и *USB Flash*, известны практически любому компьютерному пользователю. Дополнительный оптимизм вселяют крайне успешные технологические инновации, например, протокол *VoIP* (voice over IP) и коммуникационный стандарт *WiMAX*.

– отлаженные механизмы привлечения капитала в виде государственного финансирования, прямых иностранных инвестиций (последние крупные сделки – *Intel* (завод по производству чипов) и *Apax Partners* (приобретение контрольного пакета акций телекоммуникационного гиганта *Безек*); через венчурные фонды, а также *IPO* и *M&A* технологических компаний (которые в 2006 г. составили, соответственно, 693 млн. долл. и 10,6 млрд. долл.[16]).

Наконец, в свете экспонентально возрастающей информатизации человеческого общества, – когда информационный ресурс приобретает все большее значение, а вложения в его получение и применение становятся все более прибыльными, – логично прогнозировать дальнейшее расширение инновационно-информационного сегмента в экономиках стран мира.

Структура высокотехнологического комплекса

Рассмотрение структуры высокотехнологического производства Израиля целесообразно начать с введения основных определений.

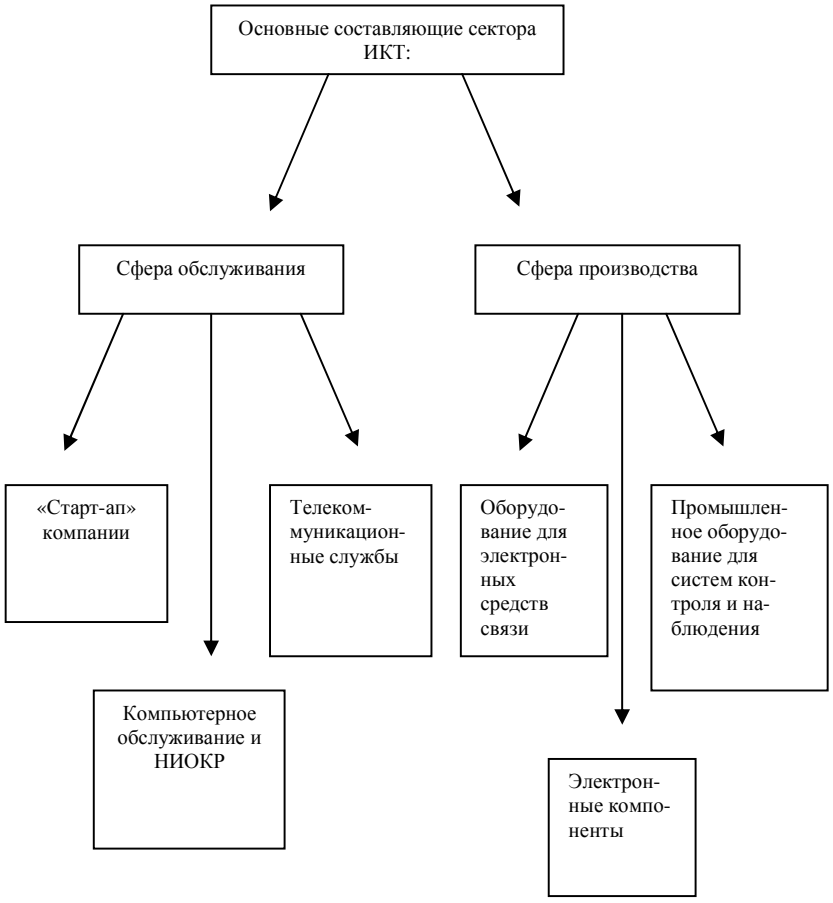
Сразу следует отметить, что на данный момент не существует унифицированного международного определения сектора высоких технологий. В национальных статистических справочниках и международных организациях приводятся различные трактовки высокотехнологического производства.

Согласно номенклатуре Центрального статистического бюро Израиля (ЦБС), высокотехнологическое производство в израильской экономике концентрируется в секторе ИКТ (информационные и коммуникационные технологии; собственно, то, что мы и понимаем под термином «хай-тек») и в отраслях промышленности, отличающихся высокой интенсивностью использования технологий в производстве, – фармацевтике и самолетостроении (ВПК в целом, и самолетостроение, в частности, весьма интенсивно используют продукцию сектора ИКТ).

По определению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), деятельность в сфере ИКТ включает производство компьютерного «железа» (hardware), разработку программного обеспечения, передачу и представление информации. Индустрия ИКТ объединяет сферу производства (обрабатывающая промышленность) и сферу обслуживания, как показано на схеме 1:

Схема 1

Структура сектора ИКТ[17]



Стоимостные показатели сектора

Валовой внутренний продукт сектора* в 2006 г. составил 16,9 млрд. долл., что эквивалентно 17% ВВП частного сектора. Доля отрасли ИКТ в ВВП по экономике в целом составляет 12%, что наравне с США – самый высокий показатель среди 30 ведущих промышленно развитых стран, входящих в ОЭСР[18]. Хорошую динамику демонстрирует и показатель прироста продукта в расчете на работника отрасли. Внутриотраслевое распределение продукта представлено в Диаграмме 2.

Экспорт товаров и услуг сектора ИКТ (наиболее динамично растущий сегмент экспорта израильской экономики) достиг пикового показателя в 2006 г. на отметке в 15,2 млрд. долл., составив 26% всего экспорта страны. Также можно отметить устойчивый профицит торгового баланса в секторе ИКТ на фоне хронического дефицита по экономике в целом. Диаграмма 1 наглядно демонстрирует впечатляющий рост объемов экспорта за последние несколько лет.

Занятость в секторе

Специалистами в сфере хай-тек являются дипломированные представители следующих профессий (согласно Israeli SCO, 1994): биологи, фармакологи, химики, физики, геологи и геофизики, математики и актуарии, специалисты по системному анализу и специалисты смежных областей, электротехники и инженеры-электроники, инженеры по вычислительной технике.

В 2000 г. практически 50% всех занятых в секторе ИКТ были т.н. «академаим» (дипломированные специалисты). Аналогичный показатель доли академаим по экономике в целом равнялся 27%.

В 2006 г. 184 тыс. чел. было занято в секторе ИКТ, что составляет 6,5% всей рабочей силы страны. По сравнению с 2003 г. рост занятых составил 20%[19]. Большинство из них – 68% – заняты в сфере обслуживания, причем существует тенденция к дальнейшему сокращению доли работников сферы производства (это глобальный тренд, обуславливаемый значительным смещением инновационной деятельности в область программного обеспечения).

* Под ВВП подразумевается добавленная стоимость, созданная внутри сектора ИКТ, без учета стоимости промежуточного потребления. Что касается общего выпуска продукции сектора, то в 2006 г. этот показатель составил 37,8 млрд. долл.

Инвестиции

Значительную долю капиталовложений в отрасль составляют прямые иностранные инвестиции крупных транснациональных корпораций, большая часть из которых осуществляется путем слияний и поглощений; меньшая – через организацию центров НИОКР и строительство производственных объектов «с нуля». Важную роль в финансировании сектора высоких технологий также играет государство. Государственные затраты на инвестиции в области НИОКР в 2005 г. составляли 4,6% ВВП страны, причем правительство планирует дальнейшее увеличение этого показателя до отметки в 10% в течение пяти лет. Государством создана развитая программа технологических инкубаторов и промышленных парков (в настоящее время функционирует 22 технологических инкубатора и 24 промышленных парка[20]). Кроме того, предусмотрен целый ряд программ поддержки развития предпринимательства в области хай-тека. Таковыми являются программы поддержки компаний, находящихся на «предначальной» и начальной стадиях становления: «Тнуфа», «Ноффар» и «Хезнек»; а также содействие компаниям базовой стадии развития (начало серийного производства): «Магнет», «Минимагнет», «Базовые НИОКР»[21]. Программы отличаются масштабом государственных вложений.

Несмотря на достаточно высокий уровень налогообложения в стране, в рамках закона «О поощрении капитальных инвестиций» государство предоставляет инвестиционные гранты, налоговые льготы и освобождения для иностранных и местных инвесторов.

Говоря о привлечении инвестиционного капитала в хай-тек, стоит упомянуть и израильскую биржу (TASE). В последние годы эта площадка становится основной альтернативой банковского финансирования, о чем свидетельствуют данные 2007 г.: общий объем привлеченных средств составил 25 млрд. долл., из которых 5 млрд. долл. привлечено в виде акций и 20 млрд. – в виде облигаций. Рост данных показателей по сравнению с 2006 г. составил, соответственно, 85 и 90%. TASE активно участвует в IPO компаний технологического сектора. В 2007 г. 56 компаний, 20 из которых относятся к высокотехнологичному сектору, привлекли 2,6 млрд. долл. через первичное размещение акций[22].

Центральную роль в привлечении инвестиций – как внутренних, так и иностранных – в высокотехнологичный сектор играет израильская *венчурная индустрия*.

Венчурный бизнес является одним из столпов «новой экономики», решающим задачу трансформации «идеи» в готовый рыночноориентированный продукт. Этот вид деятельности связывает воедино разработку инноваций и налаживание их производства через поддержку со стороны специализирующихся на этом венчурных фондов и компаний. Не отменяя значения фундаментальных исследований с их высокой неопределенностью результатов, венчурный бизнес повышает отдачу от прикладных исследований и через них – от науки в целом. Причем венчурное финансирование особенно актуально на ранних стадиях развития компаний, на которых они зачастую лишены финансовой поддержки, адекватной своим потребностям.

Посути венчурные инвестиции – это вложения, достаточные для того, чтобы вырастить предприятие и через 3–7 лет продать его корпоративному покупателю или провести IPO. Венчурный капитал занимает нишу, образовавшуюся из-за того, что традиционный рынок капитала неэффективен на поприще инноваций. Технологии – это интеллектуальная собственность, а банки отказываются ссужать деньги, если нет гарантий в виде материальных активов.

Еще в конце 70-х годов отдельные израильские высокотехнологические фирмы начали кооперацию с американскими компаниями с целью доступа к фондам венчурного финансирования. Это привело к новой волне потоков венчурного капитала, начавшейся в конце 1980-х. В 1992 г. под руководством Министерства промышленности и торговли создается венчурный фонд фондов *Yozma* (в переводе с иврита «инициатива») как инвестиционная компания, в которую правительство внесло 100 млн. долл.: 80 млн. долл. в венчурные фонды и 20 млн. долл. – для прямого инвестирования в высокотехнологичный малый и средний бизнес. Для оперативного управления фондом были назначены профессиональные венчурные финансисты с опытом работы в технологической промышленности. Yozma был использован для капитализации десяти других венчурных фондов, к которым предъявлялось требование наличия американского или европейского партнера, с тем чтобы они обучали израильских коллег методике и принципам инвестирования, развития компаний и ведения дел фонда[23]. За первые три года работы капитализация этих фондов превысила 200 млн. долл.

Именно *Yozma* принадлежит заслуга создания в Израиле отрасли венчурного инвестирования.

Израильская статистика разделяет потоки венчурного финансирования на две составляющие: капитал, привлекаемый израильскими высокотехнологичными компаниями, и средства, привлекаемые израильскими венчурными фондами. Большая часть инвестиций, *привлекаемых хай-тек компаниями*, поступает из иностранных источников, в основном из крупных корпораций. В первом квартале 2008 г. 135 израильских высокотехнологичных компаний привлекли 617 млн. долл. от венчурных инвесторов – внутренних и иностранных. Этот показатель является максимальным за последние 7 лет, превысив аналогичный показатель за первый квартал 2007 г. на 52%[24].

В 2007 г. *израильские фонды венчурного капитала* привлекли 1,1 млрд. долл., что на 21% больше, чем за 2006 г., о чем свидетельствует Диаграмма 3. На данный момент объем доступного для инвестирования венчурного капитала составляет 2 млрд. долл. Всего в Израиле функционируют 80 венчурных фондов, которые привлекли ок. 10 млрд. долл. за последнее десятилетие[25].

В целом массив статистических данных свидетельствует о том, что отрасль успешно преодолела кризисный период 2002–04 гг. и вышла на новый этап роста. Представляется, что с фундаментальной точки зрения нынешний рост носит более сбалансированный, устойчивый характер, по сравнению с бумом венчурной индустрии 1999–2001 гг. с его немалой спекулятивной составляющей.

Научно-исследовательские центры на территории Израиля

Дюжины государственных, оборонных и частных исследовательских институтов, медицинских центров и университетов Израиля занимаются НИОКР. В группу университетов, помимо хайфского Техниона и Еврейского университета, входят также Бар-Иланский и Тель-Авивский университеты, а также Университет Хайфы и университет Бен-Гуриона в Негеве. Все они имеют свои компании, на которые регистрируются патенты и в которых коммерчески реализуются разрабатываемые технологии. Что касается затрат на НИОКР, то израильские университеты получают в 2 раза больше

патентов, чем университеты США, и в 9 раз больше, чем в Канаде[26].

Помимо этого, стоит отметить тесное сотрудничество между высокотехнологическими индустриальными парками и соседствующими с ними университетами. Примером служат: индустриальный парк Вейцмана в Кирьяте и Институт Вейцмана в Реховоте; Хар ха-Цофим и технологические парки Малка и Еврейский университет в Иерусалиме; высокотехнологический комплекс «МАТАМ» и Технион в Хайфе; парк высоких технологий «Атидим» и Тель-Авивский университет[27].

Как уже упоминалось, Израиль имеет репутацию «Кремниевой долины-2», что видится вполне справедливым. Сектор высоких технологий Израиля развивается и с каждым годом достигает новых вершин как в совершенствовании технологий, так и в увеличении объемов продаж. Частные высокотехнологические компании концентрируются в 5 основных относительно небольших кластерах: Хар ха-Цофим и технологический парк Малка в Иерусалиме, окрестности Реховота и Ришон ле-Циона (включая знаменитый Институт Вейцмана), технологический парк Хайфы и Герцлия. Также внутри этих ИКТ-кластеров функционирует ряд программ технологических инкубаторов – результат продолжительных усилий государства с целью увеличения концентрации высоких технологий в производстве товаров и услуг.

Отдельного внимания заслуживают иностранные исследовательские центры. В настоящий момент в Израиле функционируют 110 иностранных центров НИОКР, на которых занято более 35 тыс. чел. Большая часть этих центров является подразделениями международных технологических компаний, которые приобрели израильские фирмы и трансформировали их в локальные исследовательские комплексы[28].

Например, **Cisco inc**. – один из крупнейших поставщиков оборудования для телекоммуникационных сетей – приобрела, по меньшей мере, 9 израильских компаний, что обошлось ей в 1 млрд. долл. Среди них Actona Technologies, чьи решения позволили организовать централизованное хранение информации и доступ к ней в реальном режиме с отдаленных сетей; Pentacom и Riverhead, разработавшие решения, позволяющие контролировать трафик при экстренных перегрузках сетей[29].

Компания **Motorola –** одна из старейших ТНК на территории Израиля. Подразделение Motorola Israel воспринимается

головной компанией как одно из ее наиболее успешных капиталовложений. Израильские центры НИОКР возглавляют разработку многих ведущих продуктов компании, а на юге страны также расположен крупный производственный комплекс.

Freescale Semiconductors, вышедшая из состава Motorola, имеет в Израиле один из основных центров разработки, на который приходится более 1/6 общих доходов компании. Компания производит для рынка широкополосных телекомов обрабатывающие чипы, использующиеся компаниями Cisco, Siemens, Alcatel, а также чипы для мобильных телефонов и других беспроводных систем[30].

В июне 2006 г. **Microsoft** объявила о планах открытия нового центра НИОКР в Тель-Авиве в дополнение к уже существующему с 1991 г. в Хайфе. Штат сотрудников в Хайфе насчитывает 400 человек, и ожидается открытие еще большего числа рабочих мест в новом центре.

В августе того же года **Oracle,** крупнейшая мировая компания на рынке корпоративного ПО с годовым оборотом более 12 млрд. долл., объявила о планах открытия исследовательского центра в Рамат Гане[31].

Помимо этого, **IBM** объявила о создании в Израиле еще одного центра НИОКР, который присоединится к уже существующему на протяжении 30 лет исследовательскому центру в Хайфе. Новая лаборатория сосредоточится на исследованиях в области информации, управления знаниями, а также объединит под своим крылом три ранее приобретенные Intel израильские компании: *Ubique*, *iPhrase* и *Unicorn*. Новый центр продолжит давнюю традицию инвестиций Intel в Израиль, благодаря которым ранее были созданы два центра НИОКР, включая крупнейший подобный центр за пределами США, а также так называемый *Global Technology Unit*, занимающийся продвижением израильских технологий на мировые рынки[32].

Не отстают и интернет-компании. В сентябре 2006 г. **Google** открыла свои маркетинговые и торговые подразделения в Израиле, а двумя месяцами позже поисковый гигант анонсировал открытие двух новых центров НИОКР в Хайфе и Тель-Авиве. Два новых центра исследований не будут инкорпорированы в официальное израильское подразделение компании, а будут работать над проектами вместе с исследовательской штаб-квартирой компании в Калифорнии.

Компания-ветеран на израильской земле – **Intel** объявила в ноябре о том, что ее израильский центр разработок, благодаря которому появились на свет многие известные продукты компании, включая процессор Centrino, создал четырехъядерный микропроцессор, более эффективно расходующий энергию и позволяющий компьютеру более успешно справляться с одновременным запуском большого число приложений[33].

Помимо наличия в стране отменной квалификации израильских специалистов, Израиль привлекает иностранных инвесторов целым рядом льгот и привилегий, делая особую ставку именно на высокотехнологические компании и НИОКР.

Показатели высокотехнологического комплекса Израиля в индексах «технологической готовности»

Термин «технологическая готовность» («technology readiness») пока не часто фигурирует в русскоязычных публикациях, исследующих конкурентоспособность различных экономик. Однако этот показатель, отражающий способность компаний и готовность страны в целом широко внедрять в экономику новые технологии, приобретает все больший вес при оценке потенциала экономического развития той или иной страны.

Существует несколько индексов измерения технологической готовности. Впервые тесная связь между уровнем развития ИКТ и финансовым процветанием была отмечена на Всемирном экономическом форуме 2001 г. и описана в первом Глобальном отчете по информационным технологиям («*Global Information Technology Report*»). В этом документе, который ежегодно – с 2002 г. – публикуется Всемирным экономическим форумом и школой бизнеса *INSEAD*, все страны ранжируются по т.н. «индексу сетевой готовности» (*Networked Readiness Index, NRI*). Он измеряет уровень развития информационных технологий по 67 параметрам.

Результаты отчета за 2007 г. представлены в Таблице 1. Как видно, все верхние «этажи» списка заняли европейские и, в частности, скандинавские страны. Лидирующую позицию занимает Дания, которая имеет четкую государственную концепцию использования ИКТ, что привело к впечатляющему уровню распространения Интернета и компьютеров, созданию систем электронного правительства и появлению динамично

развивающегося электронного бизнеса. В первой десятке всего две неевропейские страны: США и Сингапур. Успех последнего объясняется наличием строгой и дальновидной государственной политики развития отрасли ИКТ. Еще один примечательный факт – обилие небольших азиатских стран в первой двадцатке. Такие государства, как Гонконг, Тайвань и Корея[34], имеют много общего со скандинавскими странами: высокий уровень распространения информационно-коммуникационных технологий, а также эффективное государственное управление.

Таблица 1

Ранжирование стран по индексу NRI (первая десятка из 117 стран, вошедших в рейтинг)[35]

Страна	Ранг	Оценка
Дания	1	5.71
Швеция	2	5.66
Сингапур	3	5.60
Финляндия	4	5.59
Швейцария	5	5.58
Нидерланды	6	5.54
США	7	5.54
Исландия	8	5.50
Великобритания	9	5.54
Норвегия	10	5.42
....		
Израиль	18	5.14

Что касается Израиля, то страна – как и в прошлогоднем отчете – занимает 18 строчку рейтинга[36], являясь лидером среди государств Ближнего Востока и опережая такие европейские государства, как Франция, Ирландия, Бельгия, Италия и др. Подробнее о показателях страны далее.

Существует еще один авторитетный индекс, отражающий уровень технологической готовности стран – т.н. «e-readiness», который рассчитывается с 2000 г. Исследовательской службой журнала *Economist* совместно с Институтом бизнес оценок *IBM*.

Показатель *e-readiness* оценивает уровень развития информационно-коммуникационных технологий, степень их использования в экономике, а также тщательно исследует состояние электронной коммерции. В ходе анализа учитываются не только рыночные факторы, важную роль играет государственная политика в сфере ИКТ – в особенности направленная на создание условий и стимулирование электронной коммерции, а также некоторые социокультурные факторы.

В эконометрической модели измерения индекса e-readiness используются около 100 количественных и качественных критериев, которые можно разделить на 6 основных категорий, имеющих различный удельный вес в общей оценке (указан в скобках). Среди них: степень охвата населения современными средствами связи и технологическая инфраструктура (20%), бизнес-климат (15%), социокультурные факторы(15%), законодательство (10%), государственная политика в области ИКТ (15%) и уровень внедрения ИКТ в бизнесе (25%). Результаты расчета индекса e-readiness за 2007 г. представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Позиции стран-лидеров в индексе «e-readiness»[37]

Страна	Ранг	Оценка (из 10)
Дания	1	8.88
США	2	8.85
Швеция	3	8.85
Гонконг	4	8.72
Швейцария	5	8.61
Сингапур	6	8.60
Великобритания	7	8.59
Нидерланды	8	8.50
Австрия	9	8.46
Финляндия	10	8.43
….		
Израиль	23	7.58

Авторы последнего доклада делают несколько фундаментальных выводов. Во-первых, т.н. «глобальный цифровой разрыв» продолжает сокращаться – группа развивающихся стран, ведомая динамичными азиатскими экономиками, вплотную приближается к традиционным лидерам цифрового пространства. Однако в целом десятка лидеров остается прежней.

Второй важный вывод заключается в том, что в будущем вполне возможен новый цифровой разрыв между странами, активно разрабатывающими и финансирующими инновационную политику, и странами, чьи правительства полагаются исключительно на свободные силы рынка. Последние рискуют продолжать падение в рейтинге.

Израиль занимает 23-е место в рейтинге e-readiness, несколько утратив свои позиции за последние 2 года. В этом смысле данные по обоим индексам не отличаются. Данные по конкретным категориям свидетельствуют о том, что в целом страна имеет большой потенциал в сфере развития ИКТ, который, однако, сдерживается рядом факторов, среди которых:

– общая геополитическая напряженность и продолжающаяся угроза военных конфликтов в регионе (негативное влияние на позиции Израиля оказала Ливанская кампания 2006 г.);

– правительственный кризис и в целом достаточно неубедительная политика кабинета Э.Ольмерта на первом этапе его премьерской каденции;

– сильный уровень бюрократизации государственных структур, что отражается на скорости принятия деловых решений (например, достаточно длительное время требуется для регистрации нового бизнеса в стране);

– ощутимая зависимость от рынков США, подверженность влиянию экономических циклов США;

– проблема «утечки мозгов» за океан.

Несмотря на это, к настоящему моменту израильский сектор ИКТ находится на небывалом подъеме и продолжает оставаться потенциально наиболее перспективным сегментом экономики страны. Есть основания предполагать, что Израиль в ближайшие годы может значительно повысить свой уровень технологической готовности и уверенно закрепится в первой двадцатке индексов e-readiness и NRI. Об этом свидетельствует ряд факторов:

– высокоразвитая технологическая инфраструктура. Страна занимает лидирующие позиции по показателям количества ПК и абонентов сотовой связи на душу населения (162 на 100 человек, против 137 в среднем по развитым странам в 2006 г.[38]).

Также стоит отметить широкое распространение современных коммуникационных стандартов Wi-Fi и WiMAX;

– улучшение бизнес-климата в стране, что находит отражение в положительной динамике макроэкономических показателей (годовой прирост ВВП в 2004–07 гг. соответствует 5%[39]; инфляция в 2006–07 гг. не превышает 2%; уже отмеченный рекордный для экономики страны уровень инвестиций в 2007 г). Нужно упомянуть также разумную фискальную политику правительства, благодаря чему шекель за последние годы превратился в одну из наиболее твердых мировых валют. Его укрепление по отношению к доллару стимулирует приток иностранного капитала, особенно из США;

– высокообразованная рабочая сила. Предпринимательские способности и инновационная активность израильтян традиционно находятся на высочайшем уровне;

– важным элементом является охраняемость торговых марок, патентов и другой интеллектуальной собственности (Израиль входит в группы стран с наименьшим количеством пиратской продукции на рынке);

– стратегическое планирование инновационного развития со стороны государства; постоянный рост гос. расходов на ИКТ и НИОКР, в % от ВВП;

– расширение совместных программ по долгосрочному научно-техническому сотрудничеству с другими странами.

Заключение

Красноречивой иллюстрацией текущего состояния дел в высокотехнологическом секторе Израиля может служить недавнее крупное капиталовложение самого успешного инвестора планеты, Уоррена Баффета. Баффет приобрел компанию «ISCAR»[40] за 4 млрд. долл. По прибытии в Израиль инвестор заявил, что это первые инвестиции его компании за пределами США и пояснил, что впервые он и его коллеги нашли бизнес, который мгновенно полюбили. Баффет отметил, что инвестировал средства в компанию, которую никогда не видел. По его словам, в ходе визита на предприятие у него была возможность «видеть волшебство своими собственными глазами». «Мы видели тысячи разнообразных компаний, но никогда прежде не встречали такого потрясающего сочетания успеха,

энергии, таланта и воображения, которыми обладает ISCAR – компания, выросшая из ничего и ставшая поставщиком продукции для международных компаний», – поделился впечатлениями инвестор[41].

Восторг инвестора хорошо понятен людям, знакомым с функционированием высокотехнологического комплекса Израиля. Подобные эпитеты вполне могут быть применены ко многим компаниям этого сектора экономики страны.

Многое было сказано и написано (в том числе, в рамках данной работы) об оригинальности и искусности израильского хай-тека, заслужившего солидную репутацию во всем мире. Однако меньшее внимание обычно уделяется некоторым, на первый взгляд, специфическим факторам, обуславливающим такое положение дел.

Квинтэссенцией достижений израильского хай-тека являются прежде всего инновационный потенциал, энергичность и предприимчивость граждан страны. Корни этого отчасти уходят в традицию интеллектуальной любознательности и анализа, жажду к знаниям, которая является важным аспектом еврейской культуры. Эта традиция, делающая главный акцент на образовании, породила огромное, по любым меркам, число выдающихся ученых и изобретателей.

Образование является самой большой ценностью в любой еврейской семье, свидетельством чего является тот факт, что население Израиля имеет наибольшее количество университетских степеней в мире. Более того, 24% рабочей силы страны имеют университетские степени – 3-е место в мире после США и Голландии, – а 12 обладают дипломом выше бакалавра. Высшие учебные заведения страны имеют мировую репутацию. Университет Вейцмана был признан лучшим исследовательским университетом в области биологических наук.

Такое положение вещей представляется особенно актуальным в нашу эпоху информационной революции, когда целый ряд ученых связывает прогресс общества с феноменом расширения и преобразования знания, обеспечения доступа к нему. Не стоит забывать, что население Израиля состоит из выходцев различных стран и культур. Многие израильские исследователи привезли с собой ценный опыт и знания, приобретенные в различных уголках мира.

Научная деятельность имеет особое значение в еврейской традиции. В 1949 г. Хаим Вейцман, всемирно известный химик

и первый президент Израиля, заявил: «Мы располагаем могущественным оружием, которое мы должны использовать с большой искусностью и умением, и всеми доступными нам возможностями: наука является этим оружием – фактором нашей силы и источником защиты».

Данная парадигма прочно укрепилась в сознании израильтян и, как следствие, в стране выпускается самое большое количество научных публикаций на душу населения, чем в какой-либо другой стране – 109 на 10 тыс. человек. По данным отчета *Business Date Israel*, Израиль занимает третью позицию из 148 стран по числу патентов на 10 тыс. человек. За 1999–2003 гг. число зарегистрированных в США израильских патентов выросло на 63%. В стране пишутся 1,28% всех научных статей, выходящих в мире. При этом в области математики и компьютерных наук доля еще выше: 2,74% и 2,22% соответственно[42]. За последние 4 года четверо израильтян стали лауреатами Нобелевской премии.

Важным и, на первый взгляд, необычным источником талантов для хай-тека и других отраслей экономики является Армия обороны Израиля. Армия служит своего рода общенациональной программой обнаружения самых многообещающих и одаренных молодых людей, которые проходят тщательную элитную подготовку в сфере технологий и по другим военным специальностям. Служащие приобретают уникальные практические знания, навыки лидерства, умение разрешать разнообразные проблемы, а также устанавливают связи, которые часто становятся основой для будущего сотрудничества в бизнесе и организации технологических старт-апов.

В целом можно констатировать, что на протяжении своей чуть более полувековой истории Государство Израиль продемонстрировало отличительную модель социально-экономического развития, основанную на развитии интеллектуального, духовного потенциала своих граждан, выдвижении на первый план именно человеческого капитала и максимально эффективного его использования. Приоритет такой модели позволил государству в короткие исторические сроки превратиться в постиндустриальную «сверхдержаву» Ближнего Востока, занять устойчивые позиции в системе международных экономических отношений, даже несмотря на «сдерживающие» факторы в виде ограниченности природными ресурсами и маленьких масштабов страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диаграмма 1

Динамика экспорта продукции сектора ИКТ
(млн. долл., в ценах 2005 г.)

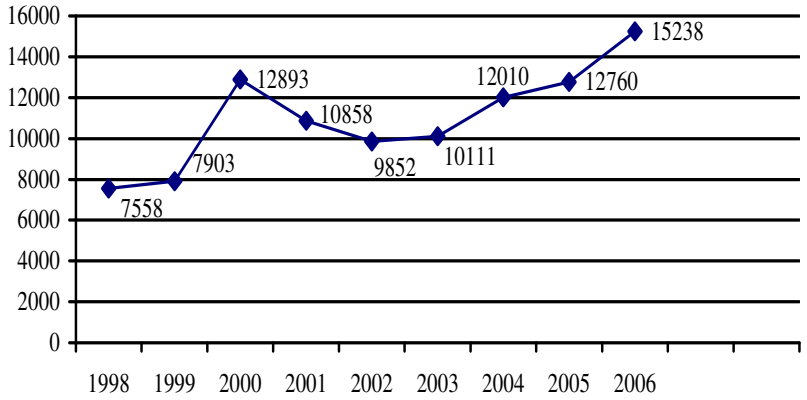


Диаграмма 2

Внутриотраслевое распределение ВВП сектора ИКТ
(в млн. шкл., 2006 г.)[43]

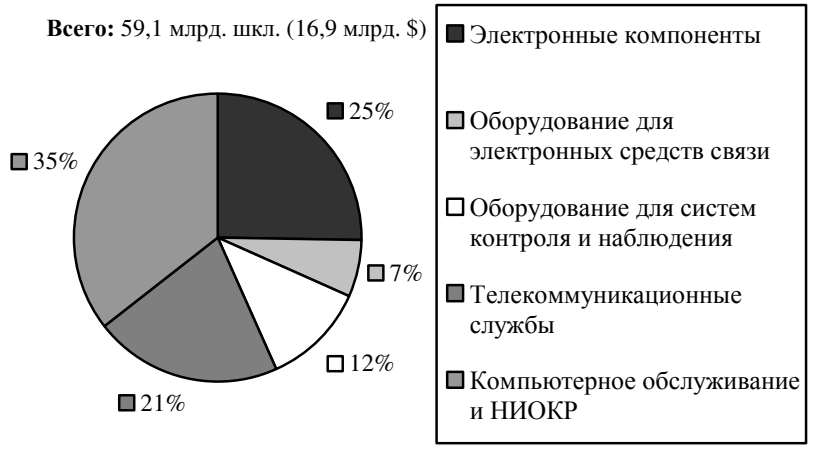
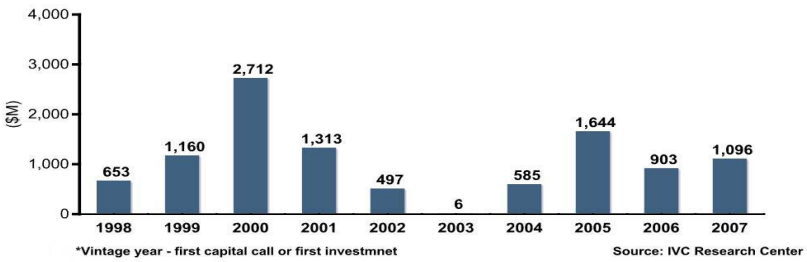


Диаграмма 3

Капитал, привлеченный израильскими венчурными фондами (в млн. долл.)[44]



[1] *Мельянцев В.А.* Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М.: Гуманитарий, 2000, с. 4.
[2] Цитата из Israel Line 2-Nov-2005 / Israel Ministry Of Foreign Affairs [http://www.mfa.gov.il/MFA/Archive/Israel+Line/2005/Israel%20Line%202-Nov-2005]
[3] Эксперт, № 29, 14–20 августа 2006.
[4] *Федорченко А.В.* Путь к современной экономике // Азия и Африка сегодня. 1998, № 5, с. 92.
[5] High-Tech Opportunities in Israel. Israel Ministry Of Foreign Affairs [http://www.mfa.gov.il/MFA/MFAArchive/2000_2009/2002/5/High-Tech+Opportunities+in+Israel.htm]
[6] *Morgenstern, J.* The Israel High-Tech & Investment Report, January 2000 [http://www.ishitech.co.il/jan00ar1.htm]
[7] Information and Communication Technologies in Israel 1990 – 2002. CBS, Statistilite # 36, November 2003.
[8] Уже в 2000 г. объем капитала, привлеченного израильскими венчурными фондами, составил рекордные для страны 2,6 млрд. долл., что в 4 раза больше показателей 1997-98 гг. Данные: Israel Venture Capital Research Center [http://www.ivc-online.com/upload/archive/survey/Q4-07press1.pdf]
[9] Там же.
[10] Intel to build $3.5bn Israel plant // Financial Times, 02 Dec 2005. [http://globaltechforum.eiu.com/index.asp?layout=printer_friendly&doc_id=7854]

[11] *Myre, G.* High-Tech Industry in Israel Goes From Bust to Boom // The New York Times, December 26, 2005. [http://www.ishitech.co.il/0106nytimes.htm]
[12] Данные Центрального статистического бюро Израиля.
[13] По итогам 2007 г. Израиль классифицирован компаниями Standard & Poor's и Moody's как страна категории «А», а не «А-», как это было ранее. См: Другой Израиль. Выпуск четырнадцатый. [http://www.sohnut.lv/index.php?mode=news&id=204]
[14] *Шульман А.* Израильское ИТ-процветание имеет военные корни. Cnews 2006 [http://cnews.ru/reviews/print.shtml?2006/12/28/230067]
[15] *Morgenstern, J.* The Israel High-Tech & Investment Report, July 2007 [http://www.ishitech.co.il/0707ar4.htm]
[16] Данные отчета Thompson Financial. http://www.canadavc.com/
[17] CBS, Statistical Abstract Of Israel, 2007. http://www1.cbs.gov.il/shnaton58/st18_13.pdf
[18] *Шульман А.* Израильское ИТ-процветание имеет военные корни. Cnews 2006 [http://cnews.ru/reviews/print.shtml?2006/12/28/230067]
[19] Рассчитано по CBS, Statistical Abstract Of Israel, 2007 [http://www.cbs.gov.il/shnaton58/st18_14.pdf]
[20] Israel Science and Technology Homepage. http://www.science.co.il/Technology.asp.
[21] *Федорченко А.В, Марьясис Д.А.* Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия // Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Выпуск 7(12), 2006.
[22] *Morgenstern, J.* The Israel High-Tech & Investment Report, February 2008. [http://www.ishitech.co.il/0208ar7.htm]
[23] *Федорченко А.В, Марьясис Д.А.* Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия // Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Выпуск 7(12), 2006.
[24] Israel Venture Capital Research Center press release, 2008. [http://www.ivc-online.com/upload/archive/survey/Q1-08_PR.pdf]
[25] Israel Venture Capital Research Center press release, 2007. [http://www.ivc-online.com/upload/archive/survey/Q4-07press1.pdf]
[26] Israel Science and Technology Homepage [http://www.science.co.il/]
[27] Facets of the Israeli Economy – The High-Tech Sector. Israel Ministry of Foreign Affairs. [http://www.mfa.gov.il/MFA/MFAArchive/2000_2009/2001/1/Facets%20of%20the%20Israeli%20Economy-%20The%20High-Tech%20Sector]

[28] Global Enterprises Favor Israel for their R&D Centers. Israel Export & International Cooperation Institute publications [http://www.export.gov.il/Eng/_Articles/Article.asp?ArticleID=5333&CategoryID=948&Page=1]
[29] Israel's Telecommunications Industry overview. Israel Export & International Cooperation Institute publications. [http://www.export.gov.il/NewsHTML/Telecom/TelcomBbrochure.pdf]
[30] Israel: Of missiles and microchips // *The Economist*, 01.09.2006.
[31] Global Enterprises Favor Israel for their R&D Centers. Israel Export & International Cooperation Institute publications [http://www.export.gov.il/Eng/_Articles/Article.asp?ArticleID=5333&CategoryID=948&Page=1]
[32] Там же.
[33] Israel's telecommunications industry overview. Israel Export & International Cooperation Institute. [http://www.export.gov.il/NewsHTML/Telecom/TelcomBbrochure.pdf]
[34] Все входят в ведущую двадцатку, в которой 6 представителей стран Азии и Африки; еще 9 расположились на 20–50-х местах, что свидетельствует о все еще ощутимом цифровом разрыве между новыми индустриальными странами и остальными странами обоих регионов.
[35] The Networked Readiness Index 2006–2007 rankings [http://www.weforum.org/pdf/gitr/rankings2007.pdf]
[36] В отчете за 2002–03 гг. Израиль занимал 12-ю строчку.
[37] Там же.
[38] Данные World Development Indicatiors 2006.
[39] Там же.
[40] IMC Group ISCAR занимается помимо прочего производством высокотехнологического оборудования для обрабатывающей промышленности.
[41] *Morgenstern, J.* The Israel High-Tech & Investment Report, June 2006 [http://www.ishitech.co.il/0606.pdf]
[42] *Шульман А.* Израильское ИТ-процветание имеет военные корни. Cnews, 2006 [http://cnews.ru/reviews/print.shtml?2006/12/28/230067]
[43] CBS, Statistical Abstract Of Israel, 2007. http://www.cbs.gov.il/shnaton58/st18_13.pdf
[44] Israel Venture Capital Research Center. http://www.ivc-online.com/upload/archive/survey/Q4-07press1.pdf

Е.В.Дунаева

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ИРАНЕ: РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Выборы в меджлис 8-го созыва придали новый импульс соперничеству основных политических фракций, представленных консерваторами (осульгарайан) и реформаторами (эслахталабан), и активизировали процессы размежевания внутри каждого из этих течений. Оба лагеря придавали особое значение предстоящим выборам. Борьба шла отнюдь не только за количество мест в парламенте. Эти выборы рассматривались как «генеральная репетиция» президентских выборов 2009 г., которая должна определить, какая политическая сила будет управлять страной.

Изменения в расстановке сил на политической арене страны, наблюдавшиеся в период подготовки к выборам, проходили под влиянием таких факторов, как обострение внутренних социально-экономических проблем и усиливающееся давление со стороны США и ряда западных государств, требующих от ИРИ отказа от ядерной программы.

Международный фактор на данном этапе играл определяющую роль и оказывал непосредственное воздействие на внутриполитическую и экономическую ситуацию. Иран находился под угрозой наложения более жестких санкций со стороны международного сообщества, что не могло не привести к дальнейшему ухудшению экономического положения, которое уже сейчас вызывает беспокойство экономистов-ученых и управленцев. Об опасности, нависшей над страной, открыто заявляли и заявляют такие известные политические деятели ИРИ, как А.А. Хашеми Рафсанджани, М. Хатами, М. Кярруби, Х. Рухани.

Согласно статистическим данным и прогнозам, несмотря на постоянный рост доходов от нефти, экономическая ситуация в стране имеет тенденцию к постоянному ухудшению. Эксперты отмечают, что такие явления, как рост инфляции (по официальным сообщениям, в последние месяцы 2007 г. она достигла

17%, по данным исследовательского центра меджлиса, темпы инфляции превысили 24% и в ближайшие месяцы могут достигнуть 30%[1]), постоянная эмиссия денежных знаков для покрытия расходов на многочисленные пособия и субсидии, рост задолженности банков Центральному банку, понижение банковской процентной ставки, вывоз капиталов из страны, отток иностранных инвестиций, значительное превышение импорта над экспортом ненефтяных товаров, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи и выпускников вузов (по официальным данным – до 20%[2]), сокращение объемов сельскохозяйственного производства, изношенность основных производственных мощностей – в первую очередь в главной экспорториентированной отрасли страны – нефтедобыче. Правительство столкнулось с большими сложностями при формировании бюджета на новый год и с трудом добилось его одобрения в парламенте.

За два с половиной года, прошедших после избрания президентом М.Ахмадинежада, стало ясно, что его правительство не в состоянии выполнить свои предвыборные лозунги, провозглашавшие курс на достижение материального благополучия и процветание страны. Ему не удалось хоть как-то привести в соответствие рост цен и доходов, обуздать дороговизну, стимулировать рост производства, активизировать процесс приватизации, разрешить целый ряд социальных проблем. Отсутствие гибкости в международных делах и неуступчивость по вопросу национальной ядерной программы привели к введению против Ирана санкций, что, в конечном счете, усилило кризисные явления в экономике.

Стремление президента сформировать правительство и создать новый управленческий аппарат из лиц, входящих в его окружение, или его идеологических союзников, способных хотя бы частично облегчить экономическую ситуацию, пока не увенчалось успехом. В последние месяцы 2007 г. Иран пережил настоящий правительственный кризис. Были сняты со своих постов или ушли в отставку по собственному желанию более 20 руководителей высокого ранга, в том числе 5 министров, несколько заместителей министров (включая заместителей министра внутренних дел и министра иностранных дел), секретарь Высшего совета национальной безопасности страны, руководитель Центрального банка ИРИ, командующий Корпусом стражей исламской революции, глава Организации исламских связей, руководители нескольких провинций и районов. Ранее

были сняты со своих постов директор Информационного агентства Ирана, редакторы правительственной газеты «Иран», заместитель министра культуры и исламской ориентации, руководители системы государственного страхования и целый ряд других. Парламент страны неоднократно ставил на повестку дня вопрос о выражении недоверия министрам, в том числе министру иностранных дел. Изменения в правительстве Ахмадинежада называют беспрецедентными за почти 30-летнюю историю Исламской республики[3].

Все четче проявляется тенденция к назначению на руководящие посты представителей Корпуса стражей исламской революции и лиц из ближайшего окружения президента. Возрастание количества военных в государственном аппарате и рост их вмешательства в политическую жизнь страны вызывают обеспокоенность не только у политических противников Ахмадинежада, но и у ряда известных религиозных деятелей ИРИ. Активным противником такой тенденции выступил Сеид Ахмад Хомейни (внук аятоллы Хомейни), известный богослов аятолла Х. Санеи, недавно умерший аятолла Тавасоли.

Пытаясь сохранить свой имидж и завоевать дополнительную поддержку населения, М. Ахмадинежад много времени проводит в поездках по стране, в ходе которых пропагандирует достижения в сфере ядерных технологий и военной отрасли, заявляет о готовности страны противостоять любым вызовам и угрозам и ни на шаг не отступить от выбранной линии на дальнейшее развитие своей ядерной программы, особо отмечая такие благоприятные для этого факторы, как внутренняя стабильность и активизация хозяйственной жизни. Он призывает к усилению исламской составляющей в культурной сфере, системе воспитания и образования, уделяет большое внимание молодежным организациям, в частности, движению басиджей – добровольных воинских формирований (ополчение), численность которых предполагается увеличить в 3 раза и довести в ближайшем будущем до 10 млн. человек[4]. Очевидно, что президент и его команда рассматривают, на их взгляд, более «революционно» настроенное население провинции, особенно ее молодую часть, в качестве своей основной опоры и прилагают усилия к расширению этой социальной базы в преддверии выборов. Одним из шагов в этом направлении можно назвать попытку правительства расширить слой электората путем внесения в Закон о выборах поправки, предоставляющей право голоса иранским гражданам, достигшим пятнадцати-

летнего возраста (вместо 18 лет в действующей редакции). Однако парламент отклонил эту инициативу.

Линия президента и деятельность правительства открыто критикуются как политическими противниками из лагеря реформаторов, так и представителями некоторых течений внутри лагеря фундаменталистов. Их главным аргументом является некомпетентность руководящих кадров и недостаточная продуманность и обоснованность принимаемых решений, излишняя увлеченность президента развитием ядерной программы в ущерб решению других актуальных для экономики вопросов. Причем критика касается как практики решения внутренних проблем, так и аспектов международной деятельности правительства.

Оппозиционные силы, оценивая внутриполитическую ситуацию и усугубление международной изоляции страны после принятия трех резолюций СБ ООН о введении санкций, рассматривали выборы как решающий момент в жизни страны и в судьбе демократии в Иране.

Сторонники президента в ходе предвыборной кампании прилагали усилия к тому, чтобы любой ценой сохранить в своих руках основной орган законодательной власти, закрепить свое влияние на властные структуры с тем, чтобы и далее способствовать проведению линии президента и переизбранию Ахмадинежада на второй срок. В последнее время в Иране также много говорится о том, что действующий сейчас меджлис перестал выполнять функции основного органа законодательной власти, а стал исполнительным инструментом в руках кабинета министров, проводящего через него выгодные ему решения. Перед кандидатами в новый меджлис ставится задача воссоздания независимого от правительства рычага власти.

Определение Наблюдательным советом даты проведения выборов 14 марта 2008 г. подстегнуло соперничество основных политических сил. В это время иранцы готовятся к традиционному и очень любимому в стране празднику ноуруз – началу нового года. Многие отправляются в путешествия, у студентов начинаются каникулы, и проведение выборов в последний выходной день перед праздниками создало дополнительные сложности и обострило борьбу за голоса избирателей. Отметим, что выборы в меджлис были совмещены с дополнительными выборами в Совет экспертов.

Реформаторское крыло, окрыленное определенными успехами, достигнутыми на выборах в местные исламские советы

в декабре 2006 г., поставило перед собой задачу вновь завоевать доверие народа и сформировать сильную и дееспособную фракцию в новом меджлисе, а возможно, и получить пост спикера с тем, чтобы оказывать влияние на принятие законодательных актов, а в будущем привести к власти своего президента.

Лагерь реформаторов, подведя итоги предыдущих выборов, осознал необходимость укрепления и расширения коалиции всех реформаторских сил и углубления их взаимодействия с идеологически близкими к ним прагматиками из консервативного лагеря (в иранских СМИ их чаще называют фундаменталисты-реформаторы – осульгарайан-е эслахталаб) при сохранении независимости и самостоятельности отдельных партий и группировок. С начала 2007 г. реформаторы приступили к проведению подготовительных мероприятий и выработке общей стратегии действий, вновь сделав ставку на бывшего президента М. Хатами, хотя и отошедшего за последние два года от открытой политической деятельности, но сохранившего авторитет и влияние на определенные слои иранского общества.

Прагматически настроенные консерваторы, стремящиеся дистанцироваться от радикальных течений движения «осульгарайан», со своей стороны, также проявили готовность к выработке общей предвыборной стратегии с реформаторами. Весной-летом 2007 г. активизировался процесс объединения прореформаторских сил, результатом чего стало появление так называемого треугольника союза реформаторов во главе с А.А.Хашеми-Рафсанджани, М.Хатами и М.Кярруби. За каждым из лидеров стоит своя группировка сил. Хашеми-Раф-санджани поддерживает течение прагматиков, представленное партией «Созидатели» (Каргозаран-е сазандеги), Исламской партией труда (Хезб-е эслами-йе кар), Домом рабочих (Хане-йе каргар). За М.Хатами стоят движение Партнерство (Мошаракат), Ассамблея борющегося духовенства (Маджма-е руханийун-е мобарез), Организация моджахедов исламской революции (Моджахедин-е энгелаб-е ислами) и некоторые другие реформаторские силы. М. Кярруби в этом треугольнике представляет партию Народного доверия (Этемад-е мелли), Партию солидарности (Хамбастеги), Ассамблею сил линии имама (Маджма-е ниру-йе хат-эмам) и Партию демократии – т.е. наиболее умеренные течения реформаторов[5]. Эта коалиция, в отличие от «Движения 2 хордада» (фронт реформаторов, сформированный в поддержку М.Хатами на выборах президента в 1996 г.), в целом разделяет программные установки Хашеми

Рафсанджани и выступает за упрочение основ республиканского строя при сохранении в нем религиозного элемента, за дальнейшее развитие демократии и политических либеральных реформ. В экономической сфере эти силы поддерживают линию более активного развития частного сектора, расширение процесса приватизации, создание правительства из профессионалов-управленцев, развитие широких международных связей, в первую очередь с государствами Запада.

Для предстоящей кампании реформаторы избрали лозунг «Устойчивое развитие», который заменил прежний девиз «Свобода», ассоциировавшийся в традиционных слоях иранского общества с понятием безнравственности.

Для ведения предвыборной работы был образован совместный штаб коалиции реформаторов, объединяющий более 20 партий и групп. Однако не все группы реформаторской ориентации вошли в образованную Коалицию реформаторов (Этелаф-е эслахталабан). Основной ее костяк составили движение Мошаракат и партия Каргозаран. Несмотря на осознание необходимости объединиться и активно прилагавшиеся усилия, реформаторам не удалось перешагнуть порог недоверия друг к другу, проявившегося и укоренившегося еще в период их пребывания у власти и приведшего к тому, что они упустили из своих рук и законодательную, и исполнительную власть.

По утверждению некоторых политических деятелей, коалицию реформаторов раздирают сильные противоречия, связанные и с программными установками, и с амбициями руководителей партий, что, очевидно, недалеко от действительности, поскольку реформаторы так и не смогли сформировать единый список кандидатов и выступили на выборах с 3 основными списками, которые совпадали на 70–80%[6].

По мере приближения выборов от общего союза реформаторов все более отдалялась партия Народного доверия. Ее лидер – М. Кярруби открыто дистанцируется от сторонников М. Хатами и представляет наиболее умеренное крыло реформаторов. Возникновение разногласий между двумя политическими деятелями, активно сотрудничавшими в прошлом, произошло в период подготовки президентских выборов 2005 г., на которых левое крыло реформаторов не поддержало М. Кярруби, выставившего свою кандидатуру. После неудачи на выборах он сформировал новую партию. Сохраняя связи с лагерем реформаторов, Кярруби подчеркивает наличие значительных

идеологических разногласий со сторонниками Хатами, что прежде всего касается самого понятия «реформы».

Отдельно от этого союза выступает Народная коалиция за реформы (Этелаф-е мардоми-йе эслахат). В это объединение входят такие партии «Движения 2-го хордада», как Исламская ассоциация женщин Ирана, Партия демократии (Хезб-е мардом-салари), созданный в январе 2008 г. Фронт за свободу и равенство (Джабхе-йе азади ва барабари, лидер – Ибрагим Асгарзаде) и частично Партия солидарности (Хамбастеги). Появление этого образования было вызвано разногласиями, возникшими между сторонниками М. Хатами и М. Кярруби в ходе подготовки к выборам. Эта коалиция занимает промежуточное положение: с одной стороны, они разделяют линию Кярруби, но, с другой, стремятся сохранить свою связь с «Движением 2-го хордада» и называют себя умеренными реформаторами[7].

Руководители основных направлений этого лагеря в целях привлечения электората осенью 2007 г. активизировали поездки по стране и встречи с представителями молодежных движений, женских организаций, на которые делался большой упор в ходе предвыборной агитации. Пропагандистские возможности этого лагеря в значительной степени ограничены существующей в стране цензурой. Одна из основных трудностей, которая стояла перед реформаторами, – одобрение представленных кандидатур Наблюдательным советом. Это препятствие не удалось преодолеть на прошлых выборах в меджлис, когда были сняты основные кандидаты блока. На этот раз реформаторы более тщательно подошли к выборам претендентов на места в меджлисе. Ими возлагались надежды на то, что имена их лидеров, имеющих богатое революционное прошлое, пользующихся большим авторитетом в стране, в целом придерживающиеся принципа «умеренности», сыграют положительную роль в деле привлечения избирателей и помогут реформаторам пройти процесс согласования в Наблюдательном совете, руководитель которого аятолла А.Джанати предупредил о жестком подходе ко всем кандидатам.

Со своей стороны, консерваторы, отдавая себе отчет в том, что в условиях все возрастающего недовольства политикой нынешнего правительства сохранить большинство в меджлисе им будет непросто, поставили своей целью отстоять и укрепить влияние на властные структуры.

Лагерь консерваторов с весны 2007 г. также сконцентрировал свои усилия на процессе объединения. Основным инициатором

объединения консервативных сил страны выступил «Фронт последователей линии имама и духовного лидера» (Джабхе-йе пейраван-е хат-е эмам ва рахбари), объединяющий 15 партий и групп, во главе с его лидером Х. Асгарулади. В июне прошлого года по его инициативе была сформирована группа из 6 человек, которая представляла три основных течения консерваторов:

– последователи линии президента (Райехе-йе хош хедмат и Хамийан-е доулат) – являются наиболее радикально настроенными консерваторами, в Иране их чаще называют неоконсерваторами;

– консерваторы-традиционалисты (их опора – «Фронт последователей линии имама и духовного лидера» – Джабхе-йе пейраван-е хат-е эмам ва рахбари);

– консерваторы-сторонники реформ (осульгарайан-е тарагихах) и партия «Последователи исламской революции» (Исаргаран-е энгелаб-е эслами).

В целях создания объединенного фронта консерваторов был создан Центральный совет, в который вошли по 2 представителя от трех вышеназванных течений и еще 5 человек от «Фронта последователей линии имама и духовного лидера», поэтому эту коалицию в Иране чаще называют «5+6».

Основные программные цели консерваторов – упрочение исламского режима и принципа «велайат-е факих», совершенствование иранской экономической модели в рамках плана 20-летнего развития экономики ИРИ, укрепление исламских принципов в культурной и общественной жизни общества.

По оценкам политологов, «Объединенный фронт консерваторов» к осени 2007 г. поддерживали 85% групп и партий консервативной ориентации. Его опорой является одна из наиболее известных партий духовенства, объединяющая консерваторов-традиционалистов – «Общество борющегося духовенства» (Джамее-йе руханийат-е мобарез), представители этой партии имели большинство в меджлисах 4-го и 5-го созыва. Ее генеральным секретарем в декабре 2007 г. был вновь переизбран аятолла Мохаммад-Реза Махдави Кяни. Членами общества являются такие известные политические деятели страны, как А.Хашеми Рафсанджани, Х.Роухани, М.Эммами-Кашани, М.Язди, А.А.Натег-Нури.

Несмотря на то, что представители «Объединенного фронта» постоянно заявляли о том, что всем консервативным силам удалось прийти к согласию, тем не менее по мере приближения выборов разногласия внутри лагеря консерваторов усиливались. У некоторых представителей консервативного течения вызывают опасения радикальные взгляды группировки сторонников президента, которым удалось взять руководство штабом по подготовке к выборам в свои руки.

Такие известные фигуры консервативного лагеря, как М.Резаи (бывший командующий Корпусом стражей исламской революции, а в настоящее время секретарь Совета по целесообразности), мэр Тегерана М.Б.Галибаф (его рассматривают как наиболее вероятного соперника нынешнего президента на выборах 2009 г.) и бывший секретарь ВСНБ, представитель рахбара в этом совете А.Лариджани (еще одна возможная кандидатура на будущих президентских выборах), из-за противодействия сторонников президента не попавшие в руководящие органы «Объединенного фронта консерваторов», осенью 2007 г. встали на путь формирования новой коалиции консерваторов (Этелаф-е фарагир-е осульгарайан). Ее основой стала созданная в середине декабря Партия развития и справедливости исламского Ирана (Хезб-е тоусее ва эдалат-е Иран-е эслами), генеральным секретарем которой был избран Реза Талаи Ник. Среди руководителей партии несколько депутатов меджлиса, известных своей критикой правительства. Пока неясны программные установки этого объединения, объявившего лишь о защите идеалов и ценностей революции и режима и стремлении активизировать участие широких народных масс в политической жизни страны, помочь правительству решить проблемы безработицы, инфляции, сделать акцент на социально-культурных аспектах. Новая партия заявила о стремлении к коалиции с промежуточными силами, представленными независимыми консерваторами и даже о готовности создания единого фронта Национального союза.

За месяц до проведения выборов появились сообщения о том, что бывший министр информации, а ныне член Совета экспертов А. Фалахиян также официально заявил о своем разрыве с Объединенным фронтом и создает движение «Прогрессивные фундаменталисты» (Осульгарайан-е мотараги), которое будет принимать участие в выборах[8]. Никакой более полной информации относительно целей и программ этого движения и о его взаимодействии с другими объединениями фундаменталистов опубликовано не было, однако обозреватели связали отделение Фалахияна с тем, что его кандидатура не вошла в списки кандидатов Объединенного фронта от Мешхеда.

Отдельно от «Объединенного фронта» пошло на выборы движение «Независимые консерваторы» (Осульгарайан-е мостагел, лидер – М. Хошчехре).

Осознавая, что появление новых движений означает окончательный раскол консервативных сил, следствием чего может стать их поражение на выборах, Объединенный фронт консерваторов, предпринимал многочисленные попытки договориться с их руководителями и в первую очередь – с Всеобщей коалицией консерваторов о совместных действиях на выборах и, возможно, о выставлении списка общих кандидатов.

Некоторые политические обозреватели, оценивая происходящее, проводят аналогию с событиями накануне выборов в меджлис 5-го созыва. В середине 90-х годов, за несколько месяцев до выборов группа лиц, включавшая министров, заместителей министров, советников правительства Хашеми-Рафсанджани, выразив недовольство положением внутри лагеря консерваторов, объявила о формировании нового политического объединения – «Созидатели» (Каргозаран-е сазандеги), превратившегося в дальнейшем во влиятельную партию. Известно, что часть консерваторов с первых дней прихода к власти Ахмадинежада выражала недовольство его заявлениями и действиями, считая их излишне радикальными и не отвечающими интересам страны. За прошедшие два с половиной года его президентства критика в его адрес со стороны некоторых течений консервативного лагеря значительно усилилась. В то же время сторонники президента стремились установить полный контроль над всеми течениями консервативного лагеря, само движение стали называть фундаменталистским, хотя основным принципом его деятельности должна была стать верность правительству и президенту. Старая гвардия консерваторов, оттесненная с руководящих постов новым поколением приверженцев крайне радикальных взглядов, решила вернуть утраченные позиции и выдавить команду президента М. Ахмадинежада из властных структур.

Эти процессы свидетельствуют о кризисе, переживаемом консервативным флангом, и о проходящей в нем перегруппировке сил. От лагеря консерваторов отделились наиболее прагматично настроенные группы. Часть левого фланга консерваторов примкнула к коалиции реформаторских сил. Другие, называющие себя умеренными, выступают как независимое течение, позиционирующее себя отдельно от реформаторов и консерваторов. В недрах консервативного фланга выделились несколько течений, представители которых известны своей традиционной консервативной направленностью, но выступающие против радикальной линии сторонников президента и открыто критикующие правительство. Они накануне выборов стали основой для формирования второй коалиции консерваторов «Этелаф-е фарагир-е осульгарайан». Некоторые из отколовшихся групп предпочли на выборах выступать отдельно как от первой, так и от второй коалиции. В то же время по-прежнему сохраняется влиятельное ядро, представленное объединенным фронтом консерваторов, активно отстаивающее позиции радикального фундаментализма.

В преддверии выборов реформаторский лагерь также оказался разобщенным. Им не удалось выступить единой силой, и среди партий реформаторской ориентации достаточно прослеживался раздел на три основных течения: крайне левые, центр и умеренные. Основная коалиция реформаторов представляла собой лишь тактический союз сил, стремящихся вернуть себе места в парламенте.

* * *

Объявленные Наблюдательным советом в начале 2008 г. результаты проводимой специальными комитетами проверки благонадежности кандидатов и их соответствия требованиям, предъявляемым к депутатам меджлиса, смешали все карты в раскладе политических сил Ирана. 25 января 2008 г. министр внутренних дел ИРИ М. Пурмохаммади сообщил, что 1/3, или более 2000 из 7240 кандидатов, подавших заявки, не допущены к участию в выборах[9].

Практика отстранения кандидатов, преимущественно из лагеря реформаторов, активно применялась и перед выборами в меджлис 7-го созыва, когда не было зарегистрировано 5,3% кандидатов. Однако на этот раз число отказов оказалось беспрецедентным. Можно говорить о том, что еще до начала агитационной кампании практически все основные кандидаты от лагеря реформаторов были сняты с дистанции, и под сомнение была поставлена сама идея конкурентной борьбы на выборах.

Окончательные результаты оказались еще более пессимистичными для лагеря оппозиции. Партия «Народного доверия» – более 70% недопущенных, «Мошаракат» и «Моджахедин-е энгелаб-е ислами» – 100%. Не получило мандата доверия большинство членов Ассамблеи борющегося духовенства. Были заблокированы 75% кандидатов Народной коалиции за реформы.

Во втором городе страны – Исфагане – и шахрестанах одноименного остана были сняты все кандидаты от лагеря реформаторов.

Не получили одобрения Наблюдательного совета почти 20 депутатов нынешнего меджлиса, зарегистрированных в качестве кандидатов на предстоящих выборах, среди которых был и вице-спикер Бехзад Набави. 10 из них представляют реформаторов и являются членами фракции «Линия имама». Предполагается, что основным аргументом для отвода депутатов стала их резкая критика действий правительства.

Среди недопущенных на основании 28-й статьи Закона о выборах оказались богословы-правоведы, бывшие члены Наблюдательного совета и Совета экспертов, несколько известных религиозных деятелей, четыре министра правительства М. Хатами, 15 бывших губернаторов, 70 депутатов меджлиса разных созывов, бывший мэр Тегерана, член городского совета Тегерана и даже внук аятоллы Хомейни. Изучение досье этих кандидатов показало, что их убеждения недостаточно соответствуют понятиям и нормам ислама, они не вполне лояльны к исламскому режиму, не уважают Конституцию или не пользуются известностью в своих избирательных округах. Применение таких формулировок для отвода известных общественных и политических деятелей страны вызвало не просто изумление, а поставило на обсуждение вопрос о том, что повальное отстранение реформаторов – это заранее спланированная акция.

Лагерь реформаторов пребывал в смятении. Некоторые партии рассматривали вопрос о неучастии в выборах, а некоторые прошедшие все проверки кандидаты отказались от участия в выборах в знак протеста. Серьезно обсуждалась возможность бойкота выборной кампании со стороны реформаторских группировок. Появлялись сообщения о том, что готовится роспуск коалиции.

Учитывая, что в Иране еще не сложилась система партий в современном ее понимании и отсутствует опыт многолетней партийной борьбы, общество оценивает в основном не выдвигаемые партиями программы и лозунги, а лиц, которые их представляют. Именно на авторитет, популярность, способности и возможности своего представителя и делает ставку большинство организаций. Отсутствие достойных и широко известных кандидатур, которые могли бы привлечь голоса избирателей, в значительной степени затруднило для реформаторов составление списков.

В отличие от оппозиционного лагеря, абсолютное большинство представителей лагеря консерваторов получило мандат на участие в выборах.

Руководители лагеря реформаторов М. Хатами, А.А. Хашеми-Рафсанджани и М. Кярруби провели встречу, на которой обсудили итоги процесса утверждения кандидатур и заявили, что реформаторы в любом случае должны принять участие в выборах, и призвали к укреплению единства их рядов[10]. Так, А.А. Хашеми-Рафсанджани подчеркнул необходимость участия в кампании представителей всех политических спектров, поясняя, что «взаимодействие реформаторов и консерваторов на основе принципа умеренности будет отвечать интересам государства»[11]. Лидер партии «Народное доверие» также высказался за необходимость участия в выборах, пусть в ограниченном масштабе, чтобы сохранить возможность для защиты своих интересов и выражения своих мнений[12]. Активисты реформаторского лагеря решили призвать своих сторонников не отказываться от участия в выборах, так как бойкот заведет в тупик движение реформаторов, а проведя перегруппировку сил, сделать ставку на решение избирателей. Так, первый мэр Тегерана после революции 1979 г., а ныне руководитель политбюро Движения за свободу Ирана (Джомбеш-е азади-йе Иран) заявил, что «выборы в меджлис 8-го созыва имеют большее значение, чем какие-либо другие выборы за последние 30 лет. Реформаторы стоят перед историческим выбором, и от их решения будет зависеть судьба демократии в стране»[13].

Ряд известных религиозных деятелей страны выступил с критикой политики Наблюдательного совета, в которой усматривалось открытое стремление оттеснить прореформаторские силы с политической сцены. В СМИ страны обсуждался вопрос о том, что такая практика отстранения кандидатов идет вразрез с демократическими принципами, закрепленными в Конституции ИРИ, поскольку лишь сами избиратели могут принимать решение о соответствии кандидатов в парламент страны[14].

Активные усилия лидеров реформаторов, связанные с пересмотром решений о недопущении к выборам целого ряда кандидатур, не пропали даром. Наблюдательный совет отменил первоначальные заключения комиссий на местах по более чем 300 кандидатам, что дало возможность этому флангу выставить своих кандидатов в 1/3 избирательных округов страны и представить по 30 кандидатур в Тегеране. В итоге не были

допущены к выборам более 2 тыс. из 7,5 тыс. человек, подавших заявки на участие, или 27%. 310 человек сами приняли решение об отказе от участия в выборной кампании.

Тем не менее в ряде таких больших городов, как Мешхед, Исфаган, Шираз, Сенендедж, Решт, реформаторы не смогли выставить своих кандидатов. Казалось бы, что препятствия, вставшие на пути реформаторов, должны были подтолкнуть их к объединению, а координация усилий их лидеров на первоначальном этапе отвода кандидатур могла бы стать благоприятной почвой для формирования единого списка. Однако вопреки разуму, противоречия внутри этого лагеря обострились, что некоторые аналитики связывают с активной деятельностью М. Кярруби в защиту своих кандидатов, его многочисленными встречами с представителями власти и лично с руководителем Наблюдательного совета аятоллой Джанати[15]. В результате реформаторы представили на выборы 3 основных списка. Хотя в своем большинстве имена кандидатов повторялись, несомненно, что такие действия ослабили шансы этого движения на завоевание мест в будущем меджлисе, так как их следствием стало распыление сил, включение в списки представителей других политических течений, а в ходе выборов привело к конкуренции кандидатов различных течений этого спектра в одном избирательном округе.

Отдельно от коалиций реформаторов и консерваторов на выборах выступали умеренные (Джабхе-йе этедальгарайан), представленные партией Умеренность и развитие (Этедал ва Тоусее) и партией Труда (Хезб-е кар). Это течение выставило кандидатов в 23 округах страны, причем некоторые из них были общими с реформаторским лагерем или независимыми консерваторами.

Принимали участие в выборах и независимые кандидаты.

Консерваторам, несмотря на многочисленные попытки, также не удалось прийти к согласию относительно единого списка, и это течение представляли на выборах кандидаты нескольких объединений: Объединенный фронт консерваторов, Всеобщая коалиция консерваторов, Народный фронт независимых консерваторов (Джабхе-йе мардоми-йе осульгарайан-е мостагель). Отдельно от основных объединений консерваторов выставила своих кандидатов коалиция Хезболла (Этелаф-е бозорг-е хезболла).

Особенностью этой предвыборной кампании, помимо большого количества выдвинутых списков от коалиций, названия которых практически совпадают, а кандидатуры неоднократно по-

вторяются, что вводит в заблуждение голосующих (в результате чего и произошло большое количество ошибок на выборах), можно назвать и новые правила голосования и агитационной кампании. Широкая агитация за кандидатов, по правилам, в Иране развертывается лишь в последнюю неделю перед выборами. В этом году меджлис принял решение о запрещении расклеивания постеров и фотографий, оформления стендов. Таким образом, агитация перешла с площадей и улиц в закрытые залы, на страницы изданий и экраны телевизоров. Если принять во внимание тот факт, что телевидение пропагандировало только кандидатов от проправительственного лагеря и «обличало» оппозиционный лагерь в связях с Западом и полном бездействии в период 6-го меджлиса, а многие прореформаторские сайты и издания в последний год были закрыты, то абсолютно ясно, что возможности реформаторов были значительно ограничены.

Представители государственных структур не только пытались дискредитировать реформаторов, но и открыто призывали голосовать за консерваторов. Так, руководитель Корпуса стражей исламской революции генерал М.А.Джафари, выступая перед представителями движения Басидж в начале февраля 2008 г., заявил о том, что Корпус и члены этого движения должны на выборах поддержать фундаменталистов. Такое заявление вызвало бурю негодования в иранской прессе и повлекло за собой протест некоторых известных богословов и общественных деятелей, отмечавших, что лидер революции выступал резко против вмешательства военных в партийно-политическую сферу[16].

Накануне выборов большие опасения у представителей основных политических течений, выставлявших своих кандидатов, вызывала ожидаемая низкая активность населения. По данным аналитического сайта «Табнак», основанным на социологических опросах, в городах можно было твердо рассчитывать только на 30–35% голосов. Так, определенная часть избирателей не собиралась принимать участия в выборах по причине общей разочарованности в политическом курсе как правых, так и левых движений. Другие заявили о своем неучастии в выборах из-за недовольства большим количеством недопущенных кандидатов. Кто-то вообще принципиально никогда не участвует в избирательных кампаниях.

Согласно официальным данным, 14 марта в парламентских выборах приняло участие свыше 25 млн. человек, или

около 60% имеющих право голоса, что в СМИ страны было расценено как «большая победа режима» и еще одно «подтверждение существования демократии»[17]. С благодарностью к народу, участвовавшему в выборах, обратились религиозный лидер А. Хаменеи и президент страны М. Ахмадинежад. Особо подчеркивалось широкое участие молодежи.

В среднем по стране явка избирателей оказалась выше, чем на предыдущих парламентских выборах, в которых приняло участие лишь 51,2% избирателей, однако этот показатель оказался значительно ниже для столицы. В Тегеране проголосовало лишь около 40%, хотя выборы были продлены на 3 часа сверх установленного срока, в ряде других городов на выборы пришло менее 30% избирателей[18].

По сообщениям официального органа газеты «Иран», из 30 кандидатов в меджлис от столицы в первом туре выборов были избраны 19 человек, – все они являлись представителями Объединенного фронта фундаменталистов[19]. Среди прошедших во второй тур только был один представитель от реформаторов. Согласно этим данным, доля консерваторов в будущем меджлисе возрастает до 74%. Результаты выборов по Тегерану стали поводом для протестов со стороны реформаторов и представителей других течений. Ссылаясь на многочисленные нарушения, имевшие место на избирательных участках (в том числе недопущение наблюдателей, подмена кодов кандидатов в отпечатанных списках, открытая пропаганда в день выборов в пользу Объединенного фронта и др.), они потребовали предоставить в их распоряжение протоколы подсчета голосов и пересчета бюллетеней на отдельных участках. Ввиду наступивших праздников и 15-дневных каникул эти протесты были оставлены без внимания. Тем не менее сразу же по окончании выборов пресс-секретарь Наблюдательного совета А. Кедходаи заявил, что «в ходе нынешних выборов не было зафиксировано практически никаких нарушений»[20].

Отдельно в выборах принимали участие религиозные меньшинства страны, которые избирали 10 депутатов: по 3 – зороастрийцы и армяне (христиане), 2 – иудеи, по 1 – ассирийцы и халдеи.

Очевидно, что детальный анализ результатов выборов и расстановки сил в новом меджлисе можно будет провести лишь по получении окончательных данных по итогам второго тура голосования 15 апреля 2008 г. Опубликованные списки избранных

по стране как по количеству, так и по партийной принадлежности имеют значительные расхождения в зависимости от позиции, занимаемой СМИ. Так, оценивая поименные данные 175 депутатов, приведенные в газете «Иран» за 16 марта, можно констатировать, что от лагеря реформаторов прошли только 23 кандидата и 23 – от независимых движений. Все остальные позиционируются как представители консерваторов, независимо от объединений, их выдвинувших. Согласно информации, приведенной в газете «Этемад-е мелли» за это же число, из 210 кресел в меджлисе реформаторы заняли 40 мест. При этом партия Народного доверия называет цифру 40, считая их всех своими депутатами, Коалиция реформаторов оценивает свои места цифрой 35, независимые – более 40, консерваторы – 120. Такие несоответствия могут объясняться, во-первых, большим количеством общих кандидатур в списках движений. Во-вторых, лагерь реформаторов склонен рассматривать большую часть независимых в качестве своих возможных сторонников, так как «многие кандидаты предпочитают в период регистрации скрывать свои политические убеждения, чтобы легче пройти процедуру одобрения в комиссиях наблюдательного совета»[21]. Пока нет полной ясности с количеством избранных и от других политических объединений. Так, по словам, руководителя избирательного штаба этой коалиции, ее представители получили 113 мест в меджлисе, по другим источникам, – 75, а по расчетам, проведенным на основе таблицы, опубликованной в газете «Каргозаран», всего 41[22].

Судьба еще 50 мест по стране и 11 по Тегерану будет решаться во втором туре, на 15 из этих мест претендуют реформаторы.

Нет точных данных и о количестве избирательных участков, на которых борьба проходила на конкурентной основе, так как именно сравнение количества избранных с количеством округов, где соперничали представители разных политических объединений, поможет оценить реальные позиции партий и их влияние. Тем не менее нужно обратить внимание на некоторые моменты, которые помогут оценить внутриполитическую ситуацию в стране и вынести суждения относительно расклада сил в новом парламенте.

1. Завоевание большинства кресел в меджлисе консервативным лагерем было абсолютно предсказуемо, и, хотя ожидается второй этап выборов, уже ясно, что консерваторы станут наиболее многочисленной фракцией в новом медж-

лисе. Однако эта победа не означает полной победы сил, поддерживающих правительство и президента (хотя Объединенный фронт и заявляет, что они уже сейчас представляют 65% депутатов[23]), так как помимо кандидатов Объединенного фронта значительное количество мест получили представители других коалиций, и фракция большинства может разделиться на несколько подгрупп. Всеобщая коалиция не смогла стать действительно всеобщей и объединить всех консерваторов, а после перехода А. Лариджани в Кумский избирательный округ* и заявления М.Б. Галибафа о том, что дела городской власти для него важнее политических разногласий, она утратила роль центра, аккумулирующего недовольных правительством. Противостояние двух объединений консерваторов несколько ослабло, но весьма вероятно, что эта группа депутатов будет стремиться к проведению своей линии в меджлисе и дистанцироваться от представителей Объединенного фронта. Всеобщая коалиция консерваторов, опираясь на своих представителей в парламенте, противопоставляющих себя сторонникам президента, может превратиться в значительную политическую силу при подготовке президентских выборов.

2. Фактом, свидетельствующим о сокращении поддержки проправительственных сил со стороны электората, могут служить данные о том, что без учета данных по Тегерану 60% тех депутатов меджлиса 7-го созыва, которые выставили вновь свои кандидатуры, не получили поддержки. Сократилось и количество голосов, отданных некоторым известным кандидатам от Объединенного фронта. Например, нынешний спикер меджлиса Г.А. Ходад Адель, кандидат № 1, во время прошлой избирательной кампании набрал на 40 тыс. голосов больше, чем в ходе нынешней, хотя явка на выборы 2004 г. была ниже[24]. Аналогичный анализ может быть проведен и по другим кандидатам.

3. Несомненно, что состав нового меджлиса будет в значительной степени отличаться от состава ныне действующего не только с точки зрения доли участия основных политических сил, но и в силу его политической структуры. Консерваторы будут разделены на несколько подтечений, реформаторы, возможно, также не смогут полностью интегрироваться, а группа депутатов от партии Народного доверия в каких-то вопросах может поддерживать умеренных консерваторов. Независимые, ранее не выступавшие в парламенте отдельной силой (предварительно их численность оценивается в 60 чел.), тоже могут заявить о себе. Таким образом, помимо двух традиционных течений, противостоявших друг другу в последние годы, весьма вероятно появление объединения центристов.

4. До начала работы нового меджлиса (27 мая) невозможно говорить о проценте мест, который реально получат реформаторы, однако уже ясно, что при любом исходе второго тура они смогут сформировать более сильную фракцию, чем в нынешнем меджлисе.

5. Сравнение даже предварительных данных итогов выборов по шахрестанам и столице вызывает удивление. Если в целом по стране поддержка реформаторов и независимых, даже согласно официальным данным, составляет почти 30% (по словам главы предвыборного штаба коалиции реформаторов, она доходит до 55%)[25], то в Тегеране, где реформаторы рассчитывали получить абсолютную поддержку и сконцентрировали свои главные силы, оставив некоторые провинциальные округа, они не провели ни одного кандидата. Их первое лицо – М. Ансари – прошел во второй тур выборов под № 29. По данным присутствующих на выборах наблюдателей, представители этого течения получили поддержку на 5 избирательных участках юга Тегерана и на большинстве участков севера и запада столицы, которые традиционно рассматриваются как их основная опора. На следующий после выборов день прореформаторские издания даже называли имена победивших кандидатов, однако эта информация не подтвердилась. Не провели ни одного своего кандидата в Тегеране ни Всеобщая коалиция, ни независимые. Относительно такой ситуации в СМИ были высказаны интересные суждения. Делаются предположения, что в правительственных кругах был заранее разработан план полного вытеснения реформаторов с политической арены страны. На первом этапе инструментом его осуществления стал Наблюдательный совет, который снял с дистанции большинство самых активных представителей течения.

* По некоторым данным, А. Лариджани настоятельно рекомендовали перейти из кандидатов по Тегерану в Кумский округ представители высшего духовенства с тем, чтобы снизить накал борьбы между представителями двух основных списков от консерваторов и не сталкивать напрямую Г. А. Ходад Аделя с А. Лариджани.

Второй этап заранее предусматривал значительное занижение процента голосов реформаторов с тем, чтобы продемонстрировать полное отсутствие поддержки этого лагеря электоратом страны.

6. Реформаторы, даже если допустить использование административного ресурса на выборах, должны констатировать отсутствие прочной социальной опоры в обществе. Не пришедшие на выборы не могут рассматриваться как надежный электорат, и на будущих выборах вряд ли стоит рассчитывать на их поддержку[26]. Сегодня народ, разочаровавшийся в реформаторах за годы их пребывания у власти, продолжает испытывать к ним недоверие, что необходимо учитывать в свете предстоящих в 2009 г. президентских выборов.

7. В своем большинстве провинция и особенно население небольших городов голосует не за политические лозунги, а оказывает поддержку наиболее известным представителям своего клана. При подготовке нынешних выборов все усилия реформаторов были сконцентрированы на формировании полного (даже трех) списка в Тегеране, и все яркие представители были собраны в столице, что ограничило их конкурентные возможности на местах.

8. Обращает на себя внимание факт практически полного отсутствия среди избранных в первом туре депутатов-женщин. В составе предыдущих меджлисов женская группа насчитывала 12–14 человек. При подготовке этих выборов женские организации активизировали свою деятельность и поставили вопрос о необходимости добиваться не представительского процента участия женщин в законодательном органе страны, а доли, соразмерной их культурному и общественному потенциалу. Однако избрание только двух представительниц женских движений от Объединенного фронта в Тегеране отодвигает осуществление этой цели в будущее. Очевидно, что традиционное в своей массе иранское общество еще не готово принимать женщин как равноправных партнеров на политической сцене.

9. Несмотря на то, что новый меджлис еще не сформирован, представители различных политических сил рассматривают возможные кандидатуры на пост спикера. Традиционно это место занимает кандидат от фракции большинства, набравший большее количество голосов по Тегерану. На сегодня им может остаться Г.А.Ходад Адель. Однако поскольку в последние месяцы он неоднократно выступал с критикой правительства и президента, а также дал согласие на участие в списке Всеобщей коалиции, некоторые аналитики рассматривают возможность выдвижения на этот пост другой кандидатуры от этого течения – М. Ага Техрани – представителя сторонников правительства и президента, духовного ученика Месбаха Язди, занимающего 2-е место в списке по Тегерану. Сохраняет все шансы быть избранным на этот пост и А. Лариджани, которого могут поддержать не только депутаты от второй коалиции, но и независимые.

[1] Этемад-е мелли, 13.12.2007.
[2] Iran Daily, 07.06.2007.
[3] Ш. Нишапури. Тазальзоль дар незам-е модирияти // Гозареш, 1386, № 195–196. с. 15.
[4] Этемад-е мелли, 17.12.2007.
[5] Каргозаран, 18.04.2007.
[6] Этемад-е мелли, 06.03.2008.
[7] Этемад-е мелли, 15.01.2008, 03.02.2008.
[8] Каргозаран, 17.02.2008 г.
[9] Tehran Times, 26.01.2008
[10] Каргозаран, 05.02.2008.
[11] Этемад-е мелли, 05.02.2008.
[12] Этемад-е мелли, 06.02.2008.
[13] Каргозаран, 03.03.2008.
[14] Каргозаран, 05.02.2008.
[15] Иран, 12.03.2008.
[16] Каргозаран, 13.02.2008.
[17] Иран, 18.03.2008; Tehran Times, 16.03.2008.
[18] Tehran Times, 16.03.2008. По данным www.tabnak.ir, – в Тегеране явка на выборы составила чуть более 30%.
[19] Иран, 18.03.2008.
[20] Каргозаран, 17.03.2008.
[21] Этемад-е мели, 16.03.2008.
[22] www.mehrnews.ir. 18.03.2008; Каргозаран, 16.03.2008.
[23] Иран, 18.03.2008.
[24] По данным www.tabnak.ir.
[25] Каргозаран, 17.03.2008.
[26] В своих прогнозах относительно результатов выборов реформаторы заявляли о том, что если явка будет выше 60%, то они смогут рассчитывать на успех.

О.И.Жигалина

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ КУРДИСТАНЕ

К середине 2008 г. напряженность в зоне турецко-иракской границы несколько ослабла в связи с тем, что при посредничестве США турецкому руководству удалось договориться с военными о прекращении военной демонстрации в Турецком Курдистане. В качестве альтернативы была выдвинута концепция экономического развития этого региона.

Между тем некоторые течения курдского национального движения в настоящее время рассматривают путь решения курдского вопроса, в основе которого находится идея о «демократическом экологическом обществе». Метод достижения цели изложен лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) А. Оджаланом, в частности, в его книге «В защиту народа».

А.Оджалан считает, что семейно-клановая структура курдского общества не позволяет курдам занять свою нишу в мировой цивилизации из-за беспринципного соглашательства «как с местными деспотическими государственными режимами, так и с новыми империалистическими хозяевами»[1]. В связи с этим автор призывает к установлению в этническом Курдистане демократии без государства, которую называет «народной демократией». Он полагает, что демократия – это такая политическая система, которая не имеет зависимости от государства и способна предоставить народу широкие свободы и подлинное равенство на базе собственной культуры. «Демократии, – по его мнению, – не являются отрицанием государственности, но они не могут быть ее ширмой. Ошибочно было бы требовать демократии, разрушив само государство, – пишет Оджалан. – Правильнее всего продолжить принципиальное единство демократии и государства, но именно такого государства, которое само по себе со временем уйдет в историю»[2]. Он уточняет, «что касается народной демократии, то она не преследует це-

ли создания государства как средоточия власти, ибо демократия, преследующая цель перерастания в государство, собственными руками прекращает свое существование»[3].

На самом деле, как представляется, Оджалан призывает к борьбе с деспотическими государственными режимами, угнетающими курдов, например, в Турции или Иране, и к созданию т.н. «созидательных образований» «демократическими мирными методами».

А.Оджалан предлагает следующую структуру управления демократическим обществом: «На самом высоком уровне – это конгресс, в основе общества – местные коммуны, кооперативы, органы гражданского общества, институт прав человека и муниципальные организации»[4].

Далее он связывает народную демократию с экономической эффективностью и развитием с целью формирования оптимального баланса в обществе. А.Оджалан полагает, что «важнейшим фактором равновесия между возможностями и потребностями является соответствие уровня производства реальным потребностям народа»[5]. Это, по его мнению, сможет сократить разрыв между бедными и богатыми.

Оджалан критикует и осуждает капиталистический путь развития и призывает ориентироваться на «вселенскую демократическую цивилизацию народов», в противовес «мировой империи хаоса капитализма»[6].

Для реализации принципов народной демократии А.Оджалан предлагает модель конгрессов, объединяющих конгломерат политических партий и организаций. Его руководство управляет ими в рамках демократических принципов[7].

Концепция А.Оджалана нечетка, противоречива и утопична. Она не содержит какой-либо новой экономической или социальной модели развития курдского общества. Это всего лишь размышления автора о развитии Курдистана как страны народной демократии, свободной от социальных и нравственных пороков. Ее приверженцы считают, что этот подход не является заимствованием, а основан на тщательном изучении многовековой освободительной борьбы курдского народа. Они не связывают решение курдского вопроса на данном этапе с созданием курдского государства, но считают, что поначалу курды в рамках существующих государств должны стать хозяевами своего этнического ареала. При этом они стремятся обосновать стремление к созданию свободного, демократиче-

ского, светского, неисламского и некапиталистического общества этнического Курдистана.

Как представляется, отдельные положения концепции А.Оджалана уже начинают реализовываться на практике разделяющими его позицию курдами в диаспоре и этническом Курдистане. Так, например, в 1999 г. в Амстердаме был создан Национальный конгресс Курдистана (НКК), объединивший 24 курдские партии и 40 организаций из всех частей Курдистана, который пытается взять на себя управление процессом объединения курдов на основе общей стратегии борьбы за решение курдского вопроса. НКК считается «главной политической организацией в Курдистане». Ее штаб расположен в Брюсселе, но она имеет свои отделения в Лондоне, Берлине, Париже и Эрбиле (Иракский Курдистан). С целью выработки общей позиции НКК приступил к подготовке национальной конференции.

Попутно отметим, что НКК позитивно оценивает политику РФ на Ближнем и Среднем Востоке и полагает, что Россия – одно из государств, способных взять на себя ответственность за глобальный мир и внести большой вклад в решение курдского вопроса, что, по мнению руководства НКК, укрепит мир на Ближнем и Среднем Востоке. Отмечается важность того, что РФ географически расположена недалеко от Курдистана и является членом СБ ООН. РФ осудила использование Турцией военной силы против курдов, когда был предпринят военный марш в сторону турецко-иракской границы[8].

Вместе с тем в состав НКК входят сравнительно недавно созданные вооруженные группировки, деятельность которых направлена против государственных устоев стран проживания курдов. К их числу, например, относится Партия свободной жизни Курдистана (Пейджак), созданная в 2005 г. Она состоит из курдов, проживающих в различных частях Курдистана. Эта организация не входит в состав Рабочей партии Курдистана, но разделяет ее идеологию и принципы политической практики.

Руководство Пейджак считает, что неоконсервативный кабинет президента М.Ахмадинежада повинен в ухудшении ситуации в Иранском Курдистане. Там властями грубо нарушаются права человека, продолжаются жестокие пытки и расправы над политическими заключенными. Диктаторский исламский режим, по мнению членов Пейджак, должен быть заменен на Демократический Иран, в котором все национальности получат

права и будут жить в мире. Этой задачей было продиктовано появление Партии свободной жизни Курдистана, что является стратегическим шагом угнетенных курдов Ирана. Пейджак нацелена на борьбу за свободу, демократию и освобождение народа Ирана. Партия намерена возглавить борьбу всех национальных меньшинств страны, составляющих, по ее мнению, 65% всего населения. Это курды, азербайджанцы, белуджи, ахвазские арабы и туркмены, а также гиляки, мазердеранцы, кашкайцы и др. В связи с этим Пейджак стремится к объединению курдского движения с движениями национальных меньшинств и иранской оппозицией в единое оппозиционное движение с целью свержения исламского режима и провозглашения Демократической федеративной республики Иран[9].

Пейджак претендует на роль авангарда иранской оппозиции, объединяющей все оппозиционные исламскому режиму организации. Ее руководство утверждает, что это не повстанческая организация, а политическое массовое национально-демократическое движение курдов Ирана. Для достижения поставленных целей предусматривается использование всех форм борьбы – политических, социальных, экономических, мирного гражданского неповиновения, отстаивания прав человека, использования оружия с целью самообороны и пр.

Реально Пейджак не имеет большого авторитета в Иранском Курдистане, поскольку она создана не на иранской почве, а извне. Она возникла в 2005 г., когда в Иране был избран М.Ахмадинежад, возглавивший иранских неоконсерваторов. Пейджак придерживается идеологии, конструируемой НКК. Ее лидер Ахмади разделяет взгляды РПК.

Популярностью пользуются ДПИК (Демократическая партия Иранского Курдистана) и Комала, которые, однако, солидаризируются с Пейджак в оценке ситуации в Иранском Курдистане.

В текущем году иранские силы безопасности имели стычки с оппозиционными силами в Иранском Белуджистане, Хузестане и Курдистане. Официальный Тегеран обвинил Великобританию и США в поощрении беспорядков в Иране. Однако возможно, что это дело рук функционеров Пейджак.

По сообщениям иранской газеты «Джомхурие ислами»[10], в конце мая 2008 г. столкновение Пейджак с иранскими силами безопасности было в деревне Гонбад близ Урмии. 9 боевиков были убиты, а 10 ушли на турецкую территорию. Преимущественно это были женщины. За связь с этой организацией власти

объявляют иранских курдов безбожниками и приговаривают к смертной казни. Эта мера была применена, например, к Фарзаду Камангару из г. Камьярана, арестованному в июле 2006 г. за организацию взрывов.

Несмотря на провоцирование вооруженных стычек внутри Ирана, Пейджак так же, как и НКК, декларирует, что важно найти мирное решение курдской проблемы для будущей демократии и стабильности на Ближнем и Среднем Востоке. Силовые акции в отношении курдов и курдского национального движения будут вести к нестабильности и насилию в регионе.

Однако, по мнению руководства Пейджак, поиск мирного решения возможен лишь после того, как находящиеся сегодня в Иране и Турции политические силы уйдут из структур власти. Не случайно, видная общественно-политическая деятельница турецких курдов Лейла Зана заявила, что курды будут бороться с устоями Партии справедливости и развития, находящейся у власти в Турции.

В начале июня 2008 г. в зарубежных СМИ была распространена информация о том, что Пейджак – это Оборонительные силы народа Курдистана, уничтожившие с 25 мая по 2 июня 2008 г. 92 иранских военных с целью превращения Восточного (Иранского) Курдистана в зону войны. Эти акции рассматриваются функционерами Пейджак как возмездие якобы с целью самообороны и ответ на атаки иранской армии и сил безопасности против курдского и иранского народа, на продолжающиеся бомбардировки Кандильского региона, расправу над курдскими партизанами и убийство после пыток партизанки Асмер Демир (Хани Синан).

23 мая 7 партизан были обстреляны иранскими силами безопасности. Когда их машина была подбита, то иранцы захватили Асмер Демир живой, связали ее и в танке возили по деревне, а затем замучили до смерти. Борьбу партизан Пейджак определяет как акции самообороны. Поэтому партия квалифицирует действия властей как противоречащие всем международным и гуманитарным законам. Пейджак в связи с этим заявила, что выступает за демократию, свободу и мир. Она против терроризма и уничтожения граждан, признает Декларацию ООН по правам человека и международное право[11].

Следует также отметить, что Асмер Демир была езидкой. В связи с этим координационный совет Пейджак распространил заявление, в котором выразил соболезнование езидской

общине, заверив ее, что «по мере усиления освободительного движения курдского народа первым делом под защиту была взята древнейшая езидская культура и вероисповедание, оказавшиеся на грани уничтожения вследствие политики, проводимой странами-оккупантами»[12].

Поддержка Пейджак езидской общиной свидетельствует об антиисламской направленности этой организации. Антиисламизм базируется в езидском ареале, на стыке границ Ирана, Ирака и Турции и, может быть, отчасти финансируется езидской общиной, которая весьма обширна.

Деятельность Партии свободной жизни Курдистана становится более понятной, если рассматривать ее сквозь призму теории А.Оджалана, считающего, что «целью народных восстаний и войн нового времени является не государство, а использование демократии во всей ее широте и сути»[13]. По его мнению, важен «принцип действий в рамках вынужденной самообороны». «Проблема самообороны, – пишет Оджалан, – выходит за политический уровень только в условиях агрессии. Агрессия становится актуальной в случае формирования угрозы аннексии, колонизации или иной формы давления на тот или иной народ»[14].

С этой точки зрения оправдывается вооруженная борьба Пейджак против иранской армии. Боевики партии как бы обороняют курдский ареал от интеграции в Иран и утверждения в Иранском Курдистане идеологии и политики шиитского государства. Они готовят тем самым почву для построения в Иранском Курдистане общества народной демократии и формирования созидательного национального образования пока что в рамках Иранского государства. Расширение ареалов народной демократии за счет созидательных образований других нацменьшинств должно привести к отмиранию существующего (теократического) государства как такового.

На практике действия Пейджак провоцируют нестабильность в Западном Иране. Иранское руководство причисляет эту партию к числу террористических организаций. Поэтому в феврале 2008 г. представитель иранского МИД заявил, что Ираном были приняты необходимые меры по укреплению турецко-иранской границы. «Наилучшим способом решения проблемы Рабочей партии Курдистана и других террористических групп в регионе является региональное взаимодействие всех стран в сфере безопасности», – отметил он[15].

Против Пейджак, организующей свои акции с приграничных к Ирану территорий Ирака и Турции, было организовано турецко-иранское военное взаимодействие. Турция и ИРИ одновременно каждая со своей стороны проводили обстрелы районов возможного пребывания боевиков Пейджак. Так, 1 мая 2008 г. турецкие тяжелые бомбардировщики атаковали базы в Кандильских горах в Северном Ираке. Эти операции, прикрываемые американской разведкой, были результатом сотрудничества Турции и Ирана. Турция оказывает помощь Ирану в борьбе с Пейджак в ответ на поддержку Ираном турецких действий против курдского движения в Северном Ираке и против Курдского Автономного района (КАР) в Южном Курдистане. Пейджак квалифицирует эти действия как начало нового этапа усиления нестабильности в регионе, осуждая турецко-иранское сотрудничество при участии американской разведки.

Кажется, что задачи Пейджак совпадают с интересами США в отношении Ирана. На самом деле, по заявлениям руководителей партии, она не пользуется материальной и военной поддержкой США. Об этом, в частности, заявила корреспонденту Агентства Франс Пресс член исполнительного комитета Пейджак Ронаи Амед. Она опровергла утверждения о том, что США оказывают финансовую и военную помощь Пейджак в борьбе с иранским режимом. «Угрозы иранского исламского режима для нас неприемлемы, – сказала она, – Мы в состоянии достигнуть любой точки Ирана и нанести существенные удары по его стратегическим позициям»[16]. Вместе с тем эта организация призывает США, Ирак, ЕС и другие европейские страны осознать, что путь к безопасности и демократии на Ближнем и Среднем Востоке лежит через ликвидацию иранского теократического режима. В связи с этим возникает вопрос о глобальной безопасности.

На самом деле в деятельности Пейджак американцы усматривают угрозу своим интересам в регионе Западной Азии. Поэтому они оказывают услугу даже враждебному им Ирану, сообщая ему сведения о позициях Пейджак с целью их уничтожения. Свою заинтересованность американцы как бы реализуют чужими руками.

Приверженцы «демократического экологического общества» ведут пропаганду и в Иракском Курдистане. Среди иракских курдов уже имеются приверженцы и Пейджак, входящей в состав НКК. Они настаивают, в частности, на объединении

вооруженных сил ДПК и ПСК, тренируемых американскими инструкторами. Их численность составляет до 140 тыс. человек, что значительно превосходит необходимую силу для поддержания порядка в самой автономии. По данным некоторых аналитиков, американцы поддерживают пешмерга и тяжелой военной техникой. Но вооружают ли курдов новой американской техникой, – пока неизвестно[17]. Было также принято решение, что две дивизии иракской армии формируются из пешмерга, а остальные региональные гвардейцы будут финансироваться из федерального бюджета. Для решения проблемы в Курдистан будет направлена специальная комиссия из числа чиновников министерства обороны Ирака.

«В своем стремлении к независимости курдские лидеры не ограничиваются лишь современными территориями автономии Курдистана», – многозначительно замечает аналитик С. Мартиросян[18]. Поэтому в нужный момент эти силы смогут поддержать борьбу за создание независимого курдского государства.

Отметим, что руководство КАР не препятствует базированию ни отрядов РПК в Кандильских горах, ни Пейджак на своей территории. Кроме того, НКК поддерживает позицию КАР по проблеме Киркука. Так, его руководство считает, что проблему Киркука следует решать через референдум.

Таким образом, в этническом Курдистане развивается общекурдское направление национально-демократического движения на принципах народной демократии, отличной от западной формы демократического либерализма.

Вместе с тем руководство КАР позиционирует себя как приверженцев либеральной демократии по западной модели. В то же время оно отказалось вступать в вооруженные действия против турецких курдов на стороне Турции. В связи с этим турецкие власти отказывались войти в контакт с иракскими курдами и начать с ними переговоры по вопросу урегулирования ситуации в зоне турецко-иракской границы. Однако после консультаций турецких высших политических лидеров и военного командования об отношениях с соседним Ираком было принято решение все же начать переговорный процесс с иракскими курдами. Определенную роль, очевидно, сыграла и позиция США, контролирующих ситуацию в КАР.

1 мая 2008 г. Н.Барзани, премьер-министр Регионального правительства Курдистана, встретился в Багдаде с турецкой делегацией, в составе которой находились А.Давутоглу, глав-

ный советник премьер-министра Турции, Мурат Езгелик, спецпредставитель Турции в Ираке, и др. Во главу угла переговорного процесса был поставлен вопрос о создании общего механизма, возглавляемого премьер-министрами двух стран и рядом министров, для стратегического диалога. Основным требованием турецкой стороны было то, чтобы КАР дистанцировался от РПК. С этой целью стороны согласились на необходимости выработки четких позиций и конкретных шагов, что должно послужить развитию дальнейшего конструктивного диалога с региональным правительством Курдистана. В этом же ключе проходил и диалог в Анкаре между президентом Турции Гюлем и вице-президентом Ирака Тариком аль-Хашими. Главное внимание было сосредоточено на борьбе с РПК[19]. Это означает, что турецкое руководство требует от иракских курдов гарантий, чтобы они отказались от поддержки РПК в ее стремлении отстранить от власти правящую партию. Однако, как известно, руководство КАР по этому вопросу придерживается двойственной политики. Оно соглашается с Турцией о необходимости начала борьбы с РПК, но в то же время отказывается участвовать в военных операциях против ее боевиков совместно с турецкой армией.

Опора на США не оправдала надежд иракских курдов на создание широкой автономии или достижение независимости. Поддержав американский план Расширенного Ближнего Востока и принципы западной либеральной демократии, иракские курды смогли закрепить в постоянной конституции Ирака специальный статус Курдистана, но как федеративного региона в составе Ирака. Это, очевидно, не является конечной целью курдских автономистов. Осмыслив сложившуюся ситуацию, они все более склоняются к тому, что Курдистану и его обществу требуется особый путь развития, соответствующий его социальной организации и духовности. Курды этнического Курдистана рассматривают КАР как первое «созидательное образование» на его территории, которое будут защищать совместными усилиями, а также бороться за создание аналогичных структур по крайней мере в Турецком и Иранском Курдистане. Борьба не за государство, а за создание «созидательных образований» в Турецком и Иранском Курдистане уже ведется Народными силами сопротивления в Турецком Курдистане и партией Пейджак в Иранском Курдистане методом «вооруженной самообороны». В этой связи попытки турецкого и иранского руководства решить курдскую проблему экономическими методами вряд ли будут эффективными.

Очевидно, что реформы вытеснят курдов с их исконных территорий, поскольку в экономических проектах развития Восточной Анатолии Турции участвует турецкий и иностранный капитал. Распределение водных ресурсов этого региона останется в ведении турецких государственных структур – так же, как и доходы от охраны нефтепроводов и транзита и т.д. Это в корне противоречит позиции курдской оппозиции, стремящейся не допустить передачи Турецкого Курдистана под полный контроль турецких властей. Этим отчасти объясняются вооруженные акции Народных сил сопротивления против турецких сил безопасности.

В целом деятельность последователей А.Оджалана в этническом Курдистане способствует дестабилизации ситуации в регионе, что противоречит интересам иракских курдов. В то же время их привлекает путь государственного развития по модели европейского социализма. Поэтому не случайно ПСК недавно стала членом Социнтерна, а ее лидер является заместителем председателя этой организации. Эти идеи разделяют турецкие и иранские курды. Не случайно в июне 2008 г. было объявлено о возникновении в Иранском Курдистане Курдской социал-демократической партии.

В связи с этим изучение новых тенденций курдского национального движения и деятельности подобных организаций, а также анализ развития курдского национального движения и ситуации в этническом Курдистане существенно актуализируется.

---

[1] Оджалан А. В защиту народа. М., 2007, с. 8–9.
[2] Там же, с. 185.
[3] Там же, с. 191.
[4] Там же, с. 190.
[5] Там же, с. 188.
[6] Там же, с. 212.
[7] Там же, с. 192.
[8] Kurdistan National Congress, Information File, 2008, с. 7–8.
[9] PJAK 's representative message at the 20th Annual Conference of KNC-NA. – http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=14799
[10] Джомхурие ислами. 24.05.2008.

[11] PJAK:92 Iranian soldiers, officers and counter guerillas have been killed. – http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=14825
[12] Там же.
[13] Оджалан А. В защиту народа… с. 193.
[14] Там же, с. 194.
[15] Иран усилил меры безопасности из-за операций Турции на севере Ирака. – iran.ru, 26.02.2008.
[16] ПСЖК пригрозила Ирану ударить по стратегическим точкам. – http://www.Kurdishcenter.ru, 20.04.2008.
[17] Мартиросян С. Курды строят огромную армию. – http://www.Kurdistan.ru/content/view/4104/153
[18] Там же.
[19] First Contact with Barzani. – kurdishmedia.com, 05.05.2008.

С.Н.Каменев

ЭКОНОМИКА ПАКИСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Представляется, что в сжатом виде корректный анализ экономики страны реально можно провести практически лишь на макроуровне, что дает возможность понять, что в целом происходит в национальном хозяйстве страны сейчас и что ждет Пакистан в этой сфере в ближайшем будущем.

Но сначала было бы целесообразно остановиться на ситуации в политической жизни страны, которая сложилась в настоящее время в Пакистане и активно обсуждается как в средствах массовой информации, так и на различных форумах в стране, поскольку политический фактор относится к наиболее существенным обстоятельствам, влияющим на состояние национального хозяйства Пакистана и перспективы его развития. Но в первую очередь отметим сделанное в самом конце ноября 2007 г. четкое заявление тогдашнего федерального министра финансов Пакистана Салман Шаха: «В Пакистане продолжится высокий экономический рост, несмотря на существующую сложную политическую ситуацию в стране»[1].

Однако к такого рода высказываниям, сделанным пусть и лицом не просто официальным, но занимающим высокий государственный пост, следует относиться с немалой долей осторожности. Для взвешенной оценки ситуации в стране и перспектив ее развития необходимо учитывать максимальное число факторов, включая, естественно, и политические, особенно сейчас, после прошедших президентских и парламентских выборов. Едва ли кто-либо будет сомневаться в том, что убийство в конце прошлого года одного из самых видных политиков Пакистана, бывшего премьер-министра Беназир Бхутто не отразилось негативно на экономическом росте пакистанского государства. Серьезные беспорядки по всей стране и особенно в Синде, провинции, где всегда были наиболее сильны пози-

ции ПНП, привели к снижению общей инвестиционной активности иностранных бизнесменов[2]. А именно иностранные капиталовложения были одним из главных инструментов развития в минувшем 2006/07 финансовом году. Как отмечалось в официальном экономическом документе пакистанского правительства – «Экономическом обзоре Пакистана 2006–2007», «почти 53% экономического роста страны было достигнуто за счет инвестиций»[3] (имеются в виду иностранные капиталовложения).

Но уже в середине января 2008 г. на конференции по вопросам экономического развития (которую провел президент страны Первез Мушарраф и где выступили министр финансов Салман Шах, президент Госбанка Пакистана Шамшад Ахтар, председатель Федеральной палаты по доходам Абдулла Юсуф, видные пакистанские экономисты) отмечалось, что «будет крайне трудно достигнуть запланированного роста ВВП в 2007–08 году в размере 7,2% в связи с сокращениями доходов в госбюджет, экспорта, национальных и иностранных инвестиций. Подобная общеэкономическая ситуация крайне усугубляется беспорядками после убийства лидера ПНП Беназир Бхутто»[4].

По мнению пакистанских экспертов, эти беспорядки привели к убыткам в основных промышленных городах и зонах страны в размере 1 трлн. рупий[5]. (Мы умышленно привели здесь своеобразную цифру из пакистанской прессы, чтобы подчеркнуть необходимость взвешенной оценки приводимых статистических данных. Очевидно, что реально речь никак не может идти о триллионах (такого рода «триллионная» статистика приведена в ведущих периодических изданиях «The News», «Dawn», «The Pakistan Times», «Business Recorder» и др.), а убытки в лучшем случае исчисляются в миллиардах рупий. Кстати, позже та же пакистанская газета «Dawn», со ссылкой на британский журнал «The Economist» привела данные об убытках после событий 27 декабря, указав их в размере 200 млн. долл. или 12,2 млрд. рупий.)[6].

Трагедия страны отразилась на многих сторонах экономической жизни Пакистана. Пакистанские эксперты считают, в частности, что это напрямую повлияло на сокращение валютных запасов – с 16,39 млрд. до 15,37 млрд. долл.[7] Это негативно сказалось на курсе рупии: доллар пошел на некоторое повышение. До убийства Беназир Бхутто 1 доллар составлял 61,50 рупии, а после этого печального события – 62,24 рупии (незначительное, но все же падение)[8].

В ноябре 2007 г. и в начале 2008 года Госбанк Пакистана опубликовал отчеты об экономике страны за 2006/07 финансовый год[9], а также привел предварительные данные о положении в национальном хозяйстве в июле-декабре 2007 г. Полагаем целесообразным с учетом этих и ряда других официальных данных, а также иных материалов, включая экспертные оценки пакистанских и зарубежных экономистов, проанализировать в сжатом виде макроэкономическую ситуацию в Пакистане в начале нынешнего столетия с акцентом на 2006–2008 гг.

Остановимся сначала на темпах экономического роста как одном из важнейших показателей состояния национального хозяйства страны. В 2006/07 финансовом году они составили свыше 7%. Более того, за последние 5 лет (период нахождения у власти президента Первеза Мушаррафа) этот параметр также колебался на уровне 5–7% в среднем в год[10]. Для сравнения отметим, что, например, в 2000 г. темпы роста валового национального дохода (ВНД) (этот обобщающий термин все чаще применяется как Мировым банком, так и многими развитыми странами для оценки состояния экономики той или иной страны вместо ВВП и ВНП) составили лишь 2%[11]. А возвращаясь в прошлое, в 90-е годы, когда Наваз Шариф и Беназир Бхутто дважды сменяли друг друга, не стесняясь максимально пнуть своего соперника, темпы экономического роста составляли в среднем около 4%, причем их амплитуда колебалась в пределах едва ли не от 0 до 6%. Приведем здесь общую таблицу основных макроэкономических параметров Пакистана за весь период его независимого развития, что наглядно показывает ситуацию в экономике страны в динамике. В данной таблице в качестве последнего указан период 2000–2005 гг., поскольку информация за 2005/06 и 2006/07 финансовые годы дается ниже в тексте настоящей статьи.

Говоря же о некоторых перспективах роста, отметим, что согласно 10-му плану экономического развития Пакистана (июль 2005 г. – июнь 2011 г.), среднегодовые темпы роста ВНД должны составить не менее 10% в год во второй половине этого периода[12]. Естественно, здесь надо учитывать, что экономическая ситуация в любой стране, равно как и в Пакистане, зависит и будет зависеть от множества внешних и внутренних факторов, таких, например, как погодные условия (влияние на ситуацию в сельском хозяйстве и по цепочке – в ряде отраслей промышленности, в первую очередь текстильной), дальнейшее развитие ситуации

на мировом рынке, в первую очередь на рынке нефти (учитывая постоянный рост затрат Пакистана на импорт этого энергоносителя)[13], положение на мировом рынке текстиля – главного экспортного продукта страны. Естественно, существует и множество других факторов, о которых речь будет идти ниже.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста основных макроэкономических параметров,*

%

Годы	1950–1960	1960–1970	1970–1980	1980–1990	1990–2000	2000–2005
ВНП	3,1	6,8	5,1	6,1	4,0	6,9
Сельское хозяйство	1,6	4,1	2,3	5,4	4,0	3,4
Обрабатывающая промышленность, в том числе:	7,7	9,9	4,2	8,2	4,8	8,7
крупная	15,4	13,3	3,1	8,2	3,6	12,0
мелкая	2,3	2,9	7,3	8,4	3,8	2,2
Транспорт, связь	4,4	7,8	5,6	6,2	5,1	3,5
Сфера услуг	3,4	6,5	6,0	6,1	4,3	6,9
Население	2,4	2,9	3,0	3,0	2,5	2,2
Доход на душу населения	0,6	3,8	2,1	3,0	1,7	4,7

* Рассчитано по: «Pakistan Economic Survey 1976–1977». Islamabad, 1977. Statistics, с. 9–10; «Pakistan Economic Survey 1984–1985». Islamabad, 1985. Statistics, с. 17; «Pakistan Statistical Yearbook 1984». Karachi, 1984, с. 369; «Pakistan Statistical Yearbook 1995». Karachi, 1995, с. 461; «Economic Survey 2001–2002». Islamabad, 2002, Statistical Appendix, с. 9; Pakistan Economic Survey 2006–2007; «Growth & Investment», Islamabad, 2007, с. 5.

Любопытно сравнить экономический рост в Пакистане с соседними государствами. Так, в последние 3 года темпы экономического роста в Индии (а именно с этой страной сравнивают, как правило, Пакистан по многим параметрам) колебались на уровне 7–9%, неплохая ситуация складывалась и на Шри Ланке – 6–7,5%. Но, конечно, лидером в этой сфере выступает Китай, демонстрирующий самые высокие темпы роста в мире за последние 5 лет – стабильно на уровне 10% в среднем в год. На Ближнем Востоке отличается Кувейт – также около 10% в среднем в год. (Отметим параллельно, что рост

мирового ВНД составлял за последние 5 лет в среднем 4–5% в среднем в год)[14].

Что касается географически близлежащих к Пакистану стран Среднего и Ближнего Востока, то Иран, например, демонстрировал в целом неплохой рост экономики: в 2003–2007 гг. он был по вполне понятным причинам (добыча и продажа нефти) на уровне 5,5%. Примерно такие же показатели были и у Турции[15]. Понятно, что об Афганистане на макроуровне сказать ничего невозможно, так как основные исследования как российских, так и зарубежных исследователей по Афганистану сводятся к анализу производства наркотиков и наркотрафику[16].

Но вернемся к Пакистану. Другой, не менее важный макроэкономический параметр – доход на душу населения. Сейчас он составляет, по официальным данным (подчеркиваем – официальным), – 925 долл. В прошлом году был равен 830 долл., а в 2000 г., например, доход на душу населения составлял 520 долл.

Следует отметить, что в последние годы эти и другие показатели (хорошая конъюнктура на внутреннем рынке, быстрое развитие пакистанской промышленности, активное внедрение высоких технологий, неплохая ситуация в агросфере и др.) привели к повышению внимания к Пакистану со стороны внешних инвесторов.

Явно позитивное развитие экономики страны несколько нивелировало политические неудачи Первеза Мушаррафа (в первую очередь противостояние в марте 2007 г. с Верховным судьей страны Ифтихаром Мухаммадом Чаудхри и его временное отстранение от исполнения своих обязанностей; неудачный штурм мечети Лал Масджид в июле 2007 г., когда погибло, по информации Министерства внутренних дел Пакистана, 102 чел. и ранено 248 человек[17], вооруженное противостояние федеральных войск и боевиков на пакистано-афганской границе и др.)[18] и возможно в какой-то степени укрепило его политическое положение. Хотя накануне президентских выборов 54% городского населения Пакистана было вообще против пребывания у власти военных. Это показал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Dawn» и отделением CNN в Пакистане в 10 основных городах страны[19].

Рассмотрим далее вклад отдельных отраслей в создание валового национального дохода. Здесь следует выделить три сферы экономики – сельское хозяйство, промышленность (включая энергетику и строительство) и сферу производства

услуг. Сейчас в сельском хозяйстве создается 20% всего ВНД (в аграрном секторе занято 43% экономически активного населения, и от него зависит существование примерно 2/3 населения страны), свыше 25% создается в промышленности, а остальное, т.е. свыше 50% – в сфере услуг[20].

Таблица 2

Отраслевая структура ВВП Пакистана*

	1950 г.		1970 г.		1990 г.**		2000 г.**		2005 г.***	
	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%
ВВП, в том числе:	12 398	100	32 336	100	422 484	100	649 656	100	4 577 061	100
Сельское хозяйство	6 595	53	12 574	39	109 127	26	168 459	26	1 029 845	22
Горнодобывающая промышленность	27	-	157	1	2 269	1	3 006	1	126 813	3
Обрабатывающая промышленность	961	8	5 186	16	74 324	18	108 405	17	818 809	18
крупная	(277)	(2)	(4 042)	(12)	(53 667)	(13)	(75 699)	(12)	(569 325)	(12)
мелкая	(684)	(6)	(1 144)	(4)	(20 657)	(5)	(32 706)	(5)	(249 484)	(6)
Строительство	179	1	1357	4	17 466	4	22 456	3	98 190	2
Коммунальное хозяйство	27	-	639	2	13 896	3	28 590	4	160 487	4
Транспорт, связь	617	5	2 026	6	40 184	10	66 364	10	477 701	10
Торговля	1 477	12	4 457	14	69 655	16	96 713	15	851 744	19
Кредитная система	55	1	579	2	9 793	2	14 771	2	183 900	4
Домовладение	632	5	1 112	3	23 086	5	38 618	6	131 214	3
Управление, оборона	873	7	2 080	6	30 667	7	42 003	7	268 826	6
Прочие услуги	955	8	2 169	7	32 017	8	60 271	9	429 532	9

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 1984–1985. Islamabad, 1985, Statistics, c. 8; Economic Survey 1995–96. Islamabad, 1996, Statistical Appendix, c. 29; Economic Survey 2001–2002. Islamabad, 2002, Statistical Appendix, c. 9; Economic Survey 2005–2006. Islamabad, 2006, c. 11.

** Показатели за 1990, 2000 гг. исчислены пакистанскими статистическими органами на базе постоянных факторных цен за 1980/81 г., в то время как данные за 1950, 1960, 1970 и 1980 гг. исчислены на базе постоянных факторных цен за 1959/60 г.

*** Показатели за 2005 г. исчислены на базе постоянных факторных цен 1999/2000 г.

В этой связи для проведения сравнений в характере изменений в отраслевой структуре экономики Пакистана целесообразно сравнивать не абсолютные величины в рупиях, а процентные доли соответствующих отраслей в создании ВВП страны.

Тенденция перераспределения ролей этих сфер в создании ВНД по времени вполне логична и характерна практически для всех стран, в том числе и для Пакистана – постепенное падение удельного веса аграрной отрасли, рост промышленности и особенно увеличение доли сферы услуг (см. Табл. 2.). Для сравнения отметим: в 1970 г. вклад сельского хозяйства составлял около 40%, а промышленности (с учетом горнодобывающей и строительства) – чуть более 20%, сферы услуг – около 40%. В 2000 г. ситуация стала иной – сельское хозяйство давало 26%, промышленность – 23%, а сфера услуг – около 50%.

Следует отметить, что хорошая экономическая ситуация в стране в последние годы была основана на довольно стабильном росте основной отрасли экономики – **сельского хозяйства**: достаточно сказать, что в минувшем финансовом году – 2006/07 г. – рост этой сферы экономики составил 5%, а урожай одной из главных сельскохозяйственных культур – пшеницы был прямо-таки рекордным – почти 24 млн. тонн (прирост на 10,5% по сравнению с предыдущим годом); урожай другой важной агрокультуры – сахарного тростника составил 54,8 млн. тонн (прирост на 22,6%)[21]. В то же время урожаи риса и кукурузы несколько сократились, что не позволило достигнуть прогнозируемых ранее темпов роста агросферы более 6%.

Правда, по предварительным данным в 2007/08 финансовом году из-за менее благоприятных погодных условий весной 2008 г. темпы роста аграрной отрасли сократятся. Однако если ощутимых негативных перемен здесь не произойдет, то едва ли следует в перспективе ожидать заметного снижения роста сельскохозяйственного производства. Тем не менее скорее всего урожай зерновых, в первую очередь пшеницы, будет меньше запланированного. Об этом говорит и такой факт, как принятие в мае 2008 г. решения о закупке 1 млн. тонн пшеницы в дополнение к ранее уже импортированным 1,5 млн. тонн пшеницы. Намерение ввезти в общей сложности 2,5 млн. тонн этого вида зерновых мотивировалось «необходимостью создания стратегических запасов продовольствия для удовлетворения растущих потребностей населения»[22].

Говоря об изменениях в сельском хозяйстве в лучшую сторону, нельзя не сказать о существенном влиянии на этот процесс расширения использования новых технологий, роста механизации агросферы, причем не только в крупных или средних, но и мелких хозяйствах, а также применения улучшенных

сортов семян, непрекращающейся последовательной борьбы с засолением и заболачиванием почв (это обеспечивается функционированием не только весьма разветвленной сети каналов, но и ее постоянным расширением) и др.[23]

Аналогичная позитивная ситуация сложилась в целом и в **промышленности**, хотя определенные сложности здесь были, и связаны они с застоем в производстве хлопка и даже небольшим падением его производства, правда, лишь на 0,1%. Тем не менее имела место недозагрузка мощностей текстильной промышленности. Кроме того, ощущалась нехватка металла, и, конечно, немалое влияние оказывала негативная для Пакистана ситуация на мировом рынке с нефтью – значительный рост цен на этот вид энергоносителей. Рост промышленности составил в истекшие несколько лет в среднем 9% в год. Но здесь следует сделать оговорку: во-первых, это – усредненный показатель, включающий помимо крупной промышленности и мелкую, а также энергетику и строительство; крупная промышленность показывала темпы роста в среднем в размере 12% (в 2004/05 г., например, этот параметр превысил 15%), а ее доля в общем объеме промышленного производства составляла в среднем 70%[24].

Наметки на текущий финансовый год, который завершится 30 июня 2009 г., зафиксированы на уровне 12,5%. Однако, как и в ситуации с сельским хозяйством, есть основания полагать, что они будут меньше в связи с резким обострением внутриполитической ситуации в стране после убийства Беназир Бхутто, а также явно недостаточными мерами по стабилизации экономической ситуации в стране, принимаемыми нынешним правительством Пакистана.

Ведущей отраслью промышленности в Пакистане всегда являлась текстильная, которая по уровню развития и технической оснащенности современным оборудованием едва ли уступает аналогичным отраслям во многих странах мира. Эта отрасль обеспечивает свыше 60% всего объема пакистанского экспорта, ее доля в общем объеме промышленного производства (как крупного, так и мелкого) достигает 46% и обеспечивает занятость 38% населения страны, работающего в промышленности[25].

Пришедшее к управлению экономикой Пакистана правительство после парламентских выборов 18 февраля 2008 г. принимает определенные меры к стимулированию роста промышленного производства. В частности, были отменены им-

портные пошлины на подавляющее большинство ввозимого сырья (до этого решения они составляли 25%)[26]. Однако едва ли можно сомневаться, что единичные и разрозненные меры не способны заметно ускорить рост промышленного производства. Тем не менее, по мнению одного из специалистов Плановой комиссии Пакистана д-ра Шаукат Хамид Хана, курирующего в этом органе вопросы, связанные с развитием промышленности, рост этой отрасли в 2008/09 финансовом году не будет меньше 5–6%[27].

Среди факторов, обеспечивших экономический рост Пакистана, следует отметить относительно невысокие темпы роста **инфляции** – 8% в последние годы в среднем в год (до 2007/08 финансового года). С нашей точки зрения, скорее всего, этим данным можно доверять. Тем не менее следует учитывать, что это – опять-таки усредненный уровень. Рост цен на продовольственные товары составил, по официальным данным, 10%, на непродовольственную продукцию – 6%[28]. Правда, правительство намеревалось снизить инфляцию в 2006/07 г. в целом до 6,5%, но это не удалось в силу различных причин экономического характера. Для сравнения отметим, что в 90-е годы размеры инфляции колебались в среднем от 10 до 13%.

Однако есть основания полагать, что и на инфляционные процессы оказала негативное воздействие политическая борьба в конце 2007 – начале 2008 гг. Об этом свидетельствует значительный рост цен, например, в январе 2008 г. на продовольствие и основные непродовольственные товары, формирующие потребительскую корзину подавляющей части населения Пакистана, в том числе живущего ниже прожиточного минимума. По предварительным данным, этот рост составил 18,25%, что наблюдалось впервые за всю историю существования Пакистана[29]. Но в апреле 2008 года «продовольственная инфляция» выросла уже до 25,5% по сравнению с апрелем 2007 г.[30] Аналогично впервые значительно вырос и индекс оптовых цен, рассчитываемый по 425 позициям и составивший 15,5%[31]. По мнению известного пакистанского экономиста А.Р.Кемаля, свой вклад в эти процессы (помимо кризисной политической ситуации) внесла и избыточная бумажно-денежная эмиссия, что, естественно, привело к увеличению массы денег в обращении – на 19,5% за последние полгода 2007/08 финансового года, что не было подкреплено соответствующим экономическим ростом[32].

Но более показательным в этой связи является изменение курса рупии по отношению к доллару США, что связано не только с обычным осложнением политической ситуации в Пакистане во второй половине 2007 г. и первой половине 2008 г., но и с открытым противостоянием президента, с одной стороны, и ведущими политическими партиями и правительством, – с другой. Причем реальный перевес в этой борьбе оказался на стороне президента. Достаточно привести конкретные цифры. Нынешнее правительство, возглавляемое Юсуфом Раза Гилани, никак не комментирует, например, тот факт, что курс рупии стремительно падает по отношению к доллару, чего не наблюдалось в период функционирования правительства Шауката Азиза. За время, прошедшее после парламентских выборов – с 18 февраля до 14 мая 2008 г., т.е. практически за 3 месяца, курс национальной валюты упал с 62,7 рупии за 1 долл. до 68,4 рупии[33]. Для сравнения отметим, что по состоянию, например, на 18 февраля 2002 г. курс составлял 60,4 рупии за 1 доллар, т.е. в течение 6 лет он (курс) оставался довольно стабильным и упал лишь на 2,3 рупии.

А далее рассмотрим, за счет чего (в условиях существования целого ряда трудностей в экономике страны) был обеспечен в первую очередь экономический рост Пакистана в последние годы?

Ответ весьма прост: преимущественно за счет **внешней помощи и иностранных инвестиций,** но, к сожалению, не за счет внутренних накоплений и последующих капиталовложений. Хотелось бы сослаться на мнение пакистанских экспертов, поскольку в данном случае есть все основания доверять их мнению. В «Экономическом обзоре Пакистана за 2006–2007 г.» записано, цитируем: «53% экономического роста страны было обеспечено за счет иностранных инвестиций»[34]. Причем нужно подчеркнуть, что пока еще речь не идет об иностранной помощи (а она также весьма велика), а только об инвестициях.

Учитывая то обстоятельство, что иностранные инвестиции в 2006/07 финансовом году сыграли, по мнению руководства Министерства финансов Пакистана, ведущую роль в росте национального хозяйства страны, мы приведем здесь краткую таблицу, наглядно показывающую приток капиталовложений.

Таблица 3

Иностранные инвестиции, поступившие в Пакистан в 2005/06 и 2006/07 гг.,* млн. долл.

	2005/06	2005/06 (июль-апр.)	2006/07 (июль-апр.)	Рост, %	2006/07**
Иностранные инвестиции, всего в том числе:	3 873	4 949	5 979	47,7	8 200
Иностранные частные инвестиции в том числе:	3 873	3 394	5 308	56,4	7 969
прямые	3 521	3 038	4 160	36,9	6 246
портфельные	352	356	1 148	222,5	1 724
Иностранные государственные инвестиции (портфельные)	...	655	671	2,5	1 008

* Составлено на основе: Pakistan Economic Survey 2006–2007. «Growth and Investment», Islamabad, 2007, c. 12.

** The News, 14.02.2008.

В минувшем финансовом году, как свидетельствуют данные приведенной таблицы 3, общая сумма иностранных частных инвестиций составила 5,3 млрд. долл., причем подавляющая их часть – это прямые инвестиции (4,2 млрд.), а не портфельные. На первом месте по капиталовложениям в пакистанскую экономику находятся США – почти 1,5 млрд. долл., на втором – Англия (чуть более 1 млрд. долл.), третье место занимает Голландия (760 млн.), далее следуют Китай, Эмираты и т.д.

Здесь нельзя не сказать, что как росту капиталовложений, так и всему процессу экономического развития способствовало происходившее до ноября 2007 г. в целом некоторое ослабление напряженности во внутриполитической ситуации в Пакистане, что было обусловлено, в частности, утверждением, в конечном итоге, Верховным судом выбранного президентом страны Первеза Мушаррафа, его уходом с поста начальника генштаба сухопутных войск (как и было им обещано) и официальное объявление 15 декабря об отмене чрезвычайного положения в стране.

Но убийство 27 декабря 2007 г. Беназир Бхутто и последовавшие за этой трагедией беспорядки в стране привели (в том числе) к застою в объеме поступавших в Пакистан иностранных инвестиций. С настороженностью относясь к заверениям, которые сделал министр финансов Салман Шах в конце ноября 2007 г., о стабильности экономической ситуации, несмотря на сложную политическую обстановку, зарубежные инвесторы, тем не ме-

нее, предпочли придерживаться тактики выжидания. Например, китайские инвесторы, осуществляющие значительные капиталовложения в текстильную отрасль, решили приостановить на неопределенное время вложение в нее своих инвестиций[35].

По мнению известного пакистанского экономиста Шахида Джаведа Бурки, «проведенное недавно исследование ситуации в стране представителями зарубежных СМИ и его опубликование серьезно подорвали доверие иностранных инвесторов в светлое будущее страны. Существующие политические риски приведут к сокращению притока иностранного капитала, а резкое падение активности на фондовом рынке страны реально вызвано оттоком капитала за рубеж»[36].

Но отойдем от анализа негативного влияния политических факторов и посмотрим, куда непосредственно шли и идут иностранные инвестиции? А ситуация здесь складывается следующим образом: 80% зарубежных капиталовложений направляются в 4 основные сферы – телекоммуникации, кредитно-денежную систему, энергетику, а также производство некоторых продовольственных товаров, различных напитков, сигарет.

Несколько в меньшей степени, но все же остаются привлекательными для зарубежных инвесторов и такие отрасли, как нефтепереработка, нефтехимическая промышленность, текстильная отрасль, производство цемента и некоторые другие.

И, конечно, как рост национальной экономики в целом, так, особенно, и благосостояние значительной части населения страны обеспечили поступления от пакистанцев, работающих за границей. Так, за 10 месяцев, с июля 2006 г. по апрель 2007 г. в Пакистан поступило почти 4,5 млрд. долл. (для сравнения отметим, что в 1999/2000 г. эти поступления были на уровне 1 млрд. долл.)[37] Если экстраполировать данные 10 месяцев на потенциальные годовые поступления, то получится 5,4 млрд. долл. Для сравнения отметим, что в 2005/06 г. эта сумма составила 3,6 млрд. долл. По данным за 10 месяцев 2007/08 финансового года (июль 2007 г. – апрель 2008 г.), их объем составил 5,31 млрд. долл. (что с учетом экстраполяции означает годовой доход по указанной статье в размере 6,37 млрд. долл.)[38].

Здесь интересно рассмотреть, откуда, из каких конкретно государств поступают такого рода средства в Пакистан. Из упомянутой выше суммы в 5,31 млрд. долл. за указанные выше 10 месяцев 2007/08 финансового года основную часть составили переводы от пакистанцев, работающих в США –

1,46 млрд. долл., в Саудовской Аравии – 1 млрд., ОАЭ – 907 млн., совместно из Бахрейна, Кувейта, Катара, Омана – 795 млн., Великобритании – 379 млн. и Европейского Союза – 148 млн. долл. Подобное распределение поступлений от работающих за рубежом пакистанцев существовало и в предыдущие годы. Есть все основания полагать что оно сохранится в указанном формате и в среднесрочной перспективе.

Внешняя торговля. Пакистанский экспорт составил в истекшем, 2006/07 финансовом году немногим более 17 млрд. долл. (хотя планировалось 18,7 млрд.).

Таблица 4

Структура экспорта Пакистана в 2006/07 г.*

	млн. долларов	%
Экспорт, всего	17 128	100
в том числе:		
Текстиль и текстильные изделия	10 910	63,7
Продовольственные товары	1 987	11,6
Нефтепродукты	822	4,8
Кожа и кожаные изделия	805	4,7
Медикаменты	394	2,3

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 2006–2007. «Trade and Payments», Islamabad, 2007, c. 132.

Структура экспорта, как свидетельствует приведенная таблица, традиционна: на первом месте находились товары хлопковой группы – хлопок-сырец, хлопчатобумажная пряжа, ткани, готовые изделия (65% всего объема экспорта); далее идут продовольственные товары, преимущественно рис, рыба и рыбопродукты, затем некоторые продукты переработки нефти, спорттовары, кожа и кожаные изделия, хирургические инструменты. В географии вывоза также ничего не изменилось и не предвидится перемен в ближайшей перспективе. Основной импортер пакистанских товаров – США, затем следуют Великобритания, Германия, Япония, ряд арабских стран – Дубай, Саудовская Аравия и некоторые другие.

Что касается импорта, то он составил почти 31 млрд. долл. Это означает дальнейший рост торгового дефицита почти до 14 млрд. долл., что даже превышает валютные запасы страны, которые находились на уровне 13,7 млрд. долл.

Правительство планировало сократить размеры ввоза хотя бы до 28 млрд. долл., но этого сделать не удалось, хотя и про-

водилась соответствующая импортная политика по сокращению импорта целого ряда товаров – удобрений, автомобилей, металла и металлоизделий (с учетом того, что Пакистанский металлургический завод вышел на полную мощность в 1,1 млн. тонн стали в год после всех баталий с его приватизацией), некоторых других товаров.

Но рост цен на нефть свел все усилия на нет, к тому же вырос ввоз продовольствия (порошковое молоко и молокопродукты, растительное масло, а из-за плохого урожая в стране бобовых пришлось увеличить их импорт), а также машин и машино-технического оборудования и др. Если рассматривать структуру импорта, то здесь на первом месте стоит сырая нефть и некоторые виды нефтепродуктов – свыше 30% всего объема ввоза, далее машины и оборудование – 22%, затем, как ни странно, – оборудование для телекоммуникационной связи – только ввоз сотовых телефонов по стоимостному объему составил около 25% всего импорта. Телекоммуникационный сектор в настоящее время – одна из наиболее быстро развивающихся сфер экономики, и этот фактор существенно влияет на рост импорта.

Следует отметить, что Пакистан уделяет этой сфере все больше и больше внимания, туда идут весьма значительные национальные и зарубежные инвестиции – за последние 5 лет вложено в общей сложности 9 млрд. долл., а в предстоящие 2 года планируется вложить еще 5 млрд. долл. Любопытный факт: в стране насчитывается свыше 50 млн. владельцев сотовых телефонов. Причем стоимость звонков примерно в 2 раза дешевле, чем, например, у МТС в России.

Рост импорта был обусловлен также увеличением ввоза других (помимо нефти) сырьевых товаров – 11% от всего объема импорта, химикалии – 6,5%, сотовые телефоны – 27,6%. В целом экспорт вырос в 2006/07 г. лишь на 3,5%, в то время как импорт на 8,1% по сравнению с 2005/06 г.

Представляется, что слабый рост экспорта связан в немалой степени с общей низкой конкурентоспособностью большинства пакистанских товаров на мировом рынке. И в этом плане сказывается отсутствие, как особо отмечают пакистанские экономисты, долгосрочной внешнеторговой политики как правительства, так и частного сектора, их неспособность выработать долгосрочную, целенаправленную политику повышения конкурентоспособности пакистанского экспорта.

Надо сказать, что практически каждый год правительство декларирует те или иные изменения во внешнеторговой политике. Все они направлены на рост экспорта и сокращение импорта. Здесь и меры по повышению конкурентоспособности пакистанских товаров, предоставление льготных кредитов экспортерам, их субсидирование, снижение экспортных пошлин, создание специальных экспортных зон в Карачи, Лахоре и Фейсалабаде, 50-процентное покрытие расходов фармацевтических компаний при международной регистрации их продукции, повышение импортных пошлин на некоторые товары, производимые также и в Пакистане и т.д. Однако ощутимых результатов от этих шагов практически не было. В июле 2007 г. министр торговли страны, выступая на общенациональном семинаре по внешней торговле, сказал следующее: «Если в прошлом году (имеется в виду 2005/06 г. – С.К.) экспорт вырос более, чем на 14%, то в этом году (2006/07 г. – С.К.) лишь на 3,6%».

Что касается географического распределения импорта, то здесь тоже нет ничего нового; поэтому лишь констатируем факты. На первом месте находится Саудовская Аравия, причем с большим отрывом, далее следуют США, Япония, Кувейт, Германия, Малайзия и лишь потом Великобритания.

Несколько слов **о демографической ситуации в стране**. На 1 января 2007 г. население страны составляло, по официальным данным, 159 млн. чел. Среднегодовые темпы прироста были чуть меньше 2%. Структура сельского и городского населения не претерпела каких-либо изменений – 2/3 составляют сельские жители и 1/3 – городские. Население весьма молодое: около 40% – дети до 14 лет. Если дальше посмотреть на возрастную структуру населения страны, то окажется, что 57% – это лица от 15 до 60 лет и 6% – свыше 60 лет.

Надо сказать, что правительство регулярно принимало и принимает различные программы, направленные в первую очередь на сокращение темпов прироста населения. Еще в 1953 г. Пакистанская Ассоциация планирования семьи открыла несколько клиник с целью сократить различными методами рост населения. Но они практически не действовали.

Во втором пятилетнем плане (1960–65 гг.) была принята общенациональная Программа планирования семьи. Она полностью провалилась. Темпы роста населения были почти на уровне 3% в среднем в год.

Сейчас работает очередная Программа планирования семьи, одной из целей которой является снижение прироста населения в ближайшие 5 лет до 1,3%. Однако и здесь существуют немалые сомнения в успехе ее реализации.

Трудоспособное население составляет примерно 100 млн. чел. (это лица старше 10 лет). А экономически активное – 50 млн. чел. Безработных насчитывается, по официальным данным, 3,1 млн. чел.[39]

Однако приводимые официальной статистикой цифры по безработице в стране вызывают немалые сомнения, поскольку, как подчеркивают сами пакистанские эксперты в подготовленном ими специальном докладе «Неоплачиваемые семейные работники: нераскрытая тайна сокращения безработицы», в 2002–2007 гг. безработица якобы снизилась едва ли не на 60%, но секрет прост: он в элементарном зачислении в «занятые» примерно 4,4 млн. человек, которые реально работали в рамках семьи, не получая за это какого-либо финансового вознаграждения, т.е. бесплатно[40].

Далее проанализируем кратко **основные параметры бюджета** страны за 2006/07 г. Пакистанские официальные экономические органы оперируют в основном не абсолютными, а относительными показателями, т.е. процентным отношением тех или иных статей расходов и доходов к ВВП или к общим суммам расходов и доходов бюджета. Однако мы приведем и основные цифровые данные.

Общая сумма доходов в 2006/07 г. (федеральный + провинциальные бюджеты) составила, по предварительным данным, 1 трлн. 162 млрд. рупий. Расходы – 1 трлн. 536 млрд. рупий. Соответственно бюджетный дефицит – 374 млрд. рупий[41]. По расчетам пакистанских экономистов отношение дефицита госбюджета к ВВП превышает 6%, что является своего рода сигналом для правительства страны о необходимости принятия мер по снижению этого параметра как минимум до 5% (это – критический верхний предел)[42].

Справедливости ради следует отметить, что правительство наметило ряд мер по уменьшению этого соотношения ниже 5% (среди них сокращение расходов госсектора на 70 млрд. рупий, т.е. на 1,08 млрд. долл., повышение внутренних цен на нефтепродукты, принятие стимулирующих мер по росту производства зерновых внутри страны с целью снижения их импорта, а также мер, направленных на увеличение валютных запасов Пакистана и др.). Однако реальное воплощение этих наметок в жизнь пока затягивается[43].

По структуре доходов (только федеральный бюджет) почти 80% – это налоговые поступления. Доминируют косвенные налоги, но тенденция, характерная практически для всех стран, – сокращение косвенных и рост прямых налогов – вполне очевидна. В настоящее время свыше 50% – косвенные налоги и немногим более 25% – прямые. Остальное – самые различные неналоговые доходы.

Что касается расходов, то основная статья – это расходы на развитие – 28% (хотя с учетом расходов провинций на эти цели они в совокупности возрастают почти до 40% или 435 млрд. рупий).

На втором месте т.н. «расходы на оборону» – 23% (федеральный бюджет только) или в пересчете на доллары – 4 млрд. 156 млн. долл. Ясно, что здесь отражены далеко не все военные расходы. Достаточно сказать, что 1 октября 2007 г. в США был опубликован Доклад исследовательской службы Конгресса о мировых продажах и закупках оружия. В нем отмечается, что Пакистан в 2006 г. (календарный год) закупил вооружение на сумму в 5,1 млрд. долл., являясь самым крупным в указанном году покупателем оружия в мире. Выделены также 7 основных стран-покупателей вооружения – Пакистан, затем идут Индия, Саудовская Аравия, Венесуелла, Алжир, Израиль, Бразилия. И еще о Пакистане в этой связи. У США были куплены 36 F-16 на сумму в 1,4 млрд. долл., 890 млн. долл. было потрачено на модернизацию уже имеющихся у Пакистана таких же истребителей, 640 млн. долл. израсходовано на закупку различных ракет и бомб.

На третьем месте по расходам бюджета – затраты по обслуживанию госдолга – 240 млрд. рупий или 22% всех федеральных расходов. Внешний долг составляет сейчас 37 млрд. долл., внутренний – 2 трлн. 512 млрд. рупий (при пересчете в доллары – 42 млрд. долл.), т.е. внутренняя задолженность превышает внешний долг. Естественно, существует целый ряд и других статей расходов, но хотелось бы выделить только одну позицию – затраты на здравоохранение и образование – 23,5 млрд. рупий или 2% от всего объема федеральных расходов, что, конечно, крайне мало.

И в заключение несколько слов **об отношениях с Россией**. Двусторонний товарооборот сохраняется просто ничтожным, – по словам бывшего премьер-министра М. Фрадкова, сказанным им журналистам в аэропорту Исламабада по прибытии туда в ап-

реле 2007 г., объем составляет примерно 400 млн. долл. в год. ¾ российского экспорта – это минеральные удобрения, металл, ферросплавы, древесина, целлюлозно-бумажная продукция, некоторые другие товары. Из Пакистана к нам поступают текстиль и текстильные изделия, кожа и кожаные изделия, рис, фрукты, медикаменты.

Визит М. Фрадкова (после длительного перерыва в поездках в Пакистан высшего советского и российского руководства) был практически малоэффективным – продлили на 10 лет Соглашение о незаконном обороте наркотиков, согласовали новую Программу культобменов на 2007–2009 гг. (по существу продлили прежнюю, подписанную во время визита Первеза Мушаррафа в феврале 2003 г. в Москву). И еще подписали три Меморандума о сотрудничестве – с «Камазом», «Российскими железными дорогами» и «Агрохимической корпорацией Азот».

Естественно, в приветствиях официальных лиц и Пакистана, и России, опубликованных в средствах массовой информации Пакистана 1 мая 2008 г. по случаю 60-летия установления дипломатических отношений между двумя странами, всячески превозносились достижения в развитии двусторонних отношений. Однако, когда начинаешь анализировать высказывавшиеся оценки в подобных посланиях, то оказывается, что сделано было крайне мало, и то лишь в экономической сфере (например, рост двусторонней торговли с 92 млн. долл. в 2003 г. до 500 млн. долл. в 2007 г.), в политической же – практически ничего[44].

Конечно, предыдущие двусторонние встречи В.В.Путина и П.Мушаррафа на различных международных форумах тоже способствовали какому-то продвижению вперед, но это были, естественно, крайне малозаметные шаги. Равно, как и небольшое значение имела поддержка Пакистаном вступления России в качестве наблюдателя в Организацию Исламская Конференция и аналогичная поддержка Россией вступления Пакистана в таком же качестве в Шанхайскую Организацию Сотрудничества.

Отчасти определенная сложность в развитии торгово-экономических взаимоотношений заключается, с нашей точки зрения, в том, что Москва упорно не хочет продавать какое-либо оружие Пакистану, несмотря на многочисленные просьбы со стороны Исламабада. А это могло бы принести нам миллиардные доходы, да и двусторонний товарооборот

вырос бы на десяток позиций. Стоит подумать о том, чтобы расширить объемы продаж хотя бы номенклатуры товаров двойного назначения.

Но Москва здесь постоянно оглядывается на Индию. Мы не можем не привести здесь высказывание опытного российского дипломата, бывшего посла СССР и России в Пакистане В.П. Якунина, который еще в 1997 г. отметил следующее: «Что касается просьб Исламабада о продаже ему некоторых видов вооружений, то со стороны Москвы к этой проблеме в нынешней обстановке мог бы быть более сбалансированный подход, нежели полностью отрицательный, как это имеет место в настоящее время. При рассмотрении вопросов о возможном военно-техническом сотрудничестве с Пакистаном РФ не без пользы для себя как материальной, так и, само собой разумеется, политико-дипломатической, могла бы проявлять больший прагматизм». И далее: «Примечательно, что военно-техническое сотрудничество с Пакистаном США и других западных стран не мешает Индии продолжать аналогичное и иное сотрудничество с ними. В этой связи неубедительно звучат ссылки на то, что Индия-де откажется от закупок вооружений у России, если мы будем развивать военно-техническое сотрудничество с Пакистаном. Кроме того, даже если Россия удовлетворила бы все просьбы Пакистана о поставках вооружений, их масштабы и качественный характер ни в коей мере не шли бы в сравнение с уже ставшим традиционным военно-техническим сотрудничеством РФ с Индией, которая, думается, заинтересована в закупках российских вооружений не в меньшей степени, чем Россия в их продаже»[45].

Ко всему прочему, Индия не оглядывается на Россию и благополучно закупает то, что ей нужно, например, у Израиля, США, ряда других стран. (Индийцы, например, закупили у нас гражданский ИЛ-76 и «делают» из него АВАКС с закупленной у Израиля электронной начинкой). Во время визита в 2004 г. Кондолизы Райс в 5 стран Азии, включая Индию и Пакистан, в Дели ей были высказаны претензии по поводу продажи Исламабаду истребителей F-16. Реакция госсекретаря США была мгновенной – мы готовы поставлять вам (Индии) и F-16, и F-18. Индийская сторона призадумалась.

И еще несколько слов о перспективах развития экономики в 2008 г. и последующие годы.

Темпы экономического роста вновь запланированы в размере 7,2%, но уже сейчас ожидается, что они будут, как уже от-

мечено выше, меньше – на уровне 6–6,5%. Немалую роль в экономическом росте будет играть внешняя помощь, где, в свою очередь, ведущее место будут вновь занимать США. Достаточно сказать, что по утверждению официальных пакистанских органов, за период с 2001 г. по 2007 г. Вашингтон предоставил Исламабаду в общей сложности в качестве помощи 9,3 млрд. долл.[46] При этом примерно половину этой суммы составила чисто экономическая помощь, а другую половину – военная помощь. После прошедших в Пакистане в октябре 2007 г. президентских выборов, а в феврале 2008 г. – парламентских выборов, в марте-апреле этого же года – выборов в Законодательные Ассамблеи провинций и выборов в марте нового премьер-министра (что, по мнению зарубежных наблюдателей, в целом ознаменовало собой новый шаг по пути расширения демократии в стране) США сняли введенный ранее запрет на предоставление в 2008 г. 300 млн. долл. в качестве экономической помощи[47].

Немалую помощь оказывает и готов оказывать в перспективе Азиатский банк развития (АзБР). Так, в середине августа 2007 г. в Пакистане с официальным визитом побывал Генеральный директор западноазиатского Департамента Азиатского банка развития Хуан Миранда, который в ходе длительной беседы с премьер-министром Шаукатом Азизом сообщил, что уже одобрено выделение Пакистану в течение предстоящих 3 лет (начиная с 2008 г.) низкопроцентных кредитов на сумму в 6 млрд. долл. (каждый год по 2 млрд.) на реализацию проектов, которые одобрены банком (81 проект). Среди них – энергетический сектор, развитие городского хозяйства, рациональное использование природных ресурсов, транспорт, коммуникации и, конечно, борьба с бедностью[48].

А в мае 2008 г. Х.Миранда объявил о готовности банка предоставить в этом году дополнительно низкопроцентный займ на сумму в 1 млрд. долл. При этом он подчеркнул, что «Пакистан является крупнейшим заемщиком финансовых средств у Азиатского банка развития. Полученные им в 2007 г. 2 млрд. долл. составляют 20% всех средств, выделенных банком в указанном году всем его членам». И далее: «Пакистан является страной, которая имеет для всех нас важное стратегическое значение. Он нацеливается на осуществление множества проектов, и мы намерены помочь ему в этом»[49].

Кроме того, АзРБ был готов до 2008 г. предоставить деньги на строительство трансиранского газопровода (Иран-Пакистан-Индия), который сейчас «стоит» 7,4 млрд. долл., имеет протяженность 2600 км и был намечен к завершению в 2012 г.[50] Но уже в апреле 2008 г. этот банк кардинально изменил свою позицию; в частности, во время своего визита в Исламабад в то время тот же Хуан Миранда заявил, что в связи с тем, что Иран не является членом АзБР, банк не намерен более придерживаться принятого ранее решения о финансировании трансиранского газопровода, а будет лишь «помогать Пакистану в получении газа из Центральной Азии», т.е. из Туркменистана[51]. Такое заявление свидетельствует о том, что постепенно побеждает точка зрения США о необходимости акцентировать внимание на реализации глобальных газопроводных проектов из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее – в Индию (Трансафганский газопровод стоимостью 7,6 млрд. долл. и протяженностью 1680 км). Россия же в лице «Газпрома» полагает необходимым строить «Трансиранский» газопровод, реальность чего в настоящее время вызывает все бо̀льшие сомнения[52].

Кстати сказать, «Газпром» предложил на переговорах с представителями пакистанского правительства во время апрельского визита М.Фрадкова в 2007 г. разработать генеральную схему развития газовой промышленности страны, а также обсудить свое участие в сооружении трансиранского газопровода. А в начале 2008 г. Иран начал вновь вести интенсивные переговоры с «Газпромом» на предмет его участия в проекте добычи газа в указанной стране. В этой связи в марте 2008 г. в Тегеране с официальным визитом побывал руководитель «Газпрома» А.Миллер, который выразил готовность подписать в процессе ответного визита иранской делегации в Москву соответствующие документы по совместному освоению месторождения «Южный парс».

С нашей точки зрения, пришедшее в 2008 г. к руководству страной правительство пока что слишком мало уделяет внимание росту национального хозяйства страны. Заняв пост главы кабинета в марте 2008 г., Гилани среди первоочередных задач обозначил отнюдь не решение экономических проблем, а восстановление в должности уволенных президентом Пакистана Первезом Мушаррафом судей, освобождение из-под стражи арестованных ранее судей, тщательное расследование убийства Беназир Бхутто (желательно под эгидой ООН), некоторые другие вопросы политического характера, вовсе не связанные с экономическим развитием страны. Выступая 29 марта 2008 г. в Национальной Ассамблее Пакистана, Гилани подчеркнул, что

существуют серьезные проблемы в сфере энергоснабжения, процветает безработица, растут бедность и инфляция, не хватает муки и другого продовольствия. Однако при этом он довольно бесстыдно заметил, что «населению не стоит ожидать быстрого решения этих вопросов»[53]. И параллельно с этим среди ближайших задач наметил такие «важные» цели, как введение запрета на авиаперелеты министров не экономклассом, упразднение стоек VIP в аэропортах страны для парламентариев, запрет на излишнюю иллюминацию зданий государственных учреждений и т.п. А такой серьезный вопрос, как страхование урожая мелких фермеров, значился на одном из последних мест в списке предстоящих дел[54].

Более того, один из наиболее одиозных политических деятелей – лидер Пакистанской мусульманской лиги – ПМЛ (Н) Наваз Шариф (его партия заняла второе место после ПНП на парламентских выборах 18 февраля 2008 г.), не добившись восстановления в правах уволенных ранее судей к 12 мая 2008 г., заявил об уходе федеральных министров от этой партии из кабинета министров (9 министров), что, естественно, сказалось как на нормальной работе правительства, так и выполнении намеченных им задач по выходу экономики из кризиса[55].

Довольно недальновидной оказалась позиция лидеров победивших на этих выборах ведущих политических партий (ПМЛ/Н/ и ПНП, а также ряда исламистских партий), решивших держаться на большем, нежели ранее удалении от главного стратегического партнера Пакистана – США, являющегося основным донором Исламабада в предоставлении, как это было показано выше, внешней экономической и военной помощи, и снизить совместную с США антитеррористическую активность, направленную против «Аль-Каиды» и талибов[56].

Правда, пока Вашингтон довольно сдержан в ответе на типично «пиарное» высказывание нового пакистанского руководства. Более того, претенденты на президентский пост в США высказывали мнение о необходимости поддержать нынешнее руководство Пакистана как на политическом уровне, так и в отношении дальнейшего предоставления экономической помощи (не предлагая снижать ее размеры). Так, Барак Обама твердо заявил о своем намерении расширять в перспективе после его избрания на пост президента США) отношения с Пакистаном. А также «максимально помочь народу Пакистана улучшить его экономическое благосостояние»[57].

Хилари Клинтон в ряде своих интервью американским средствам массовой информации не раз отмечала, что заявления некоторых американских сенаторов сократить экономическую помощь США Пакистану, чтобы таким путем заставить Исламабад не снижать уровень антитеррористической деятельности, наносят непоправимый ущерб сотрудничеству с Пакистаном в этой сфере[58]. Очевидно, что Вашингтон весьма озабочен высказываниями ряда новых лидеров, в первую очередь Навваза Шарифа, предлагающего уделять больше внимания переговорам с талибами и террористами в целом, нежели вести с ними вооруженную борьбу[59].

Вполне очевидно и то, что обвинения во всех смертных грехах в адрес прежнего правительства Шауката Азиза, равно как и президента страны Первеза Мушаррафа в развале экономики не выдерживают критики, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные и объективные оценки ряда пакистанских экономистов.

Оппозиция говорила о чрезвычайно сложной ситуации в экономике в первую очередь в последний год (2007/08), что, по ее мнению, было обусловлено некорректной политикой прежнего правительства, о необходимости борьбы с высокой инфляцией, о замедлении темпов экономического роста, увеличении безработицы и неполной занятости, росте нищеты и т.п.[60] А получивший пост министра экономики и финансов Исхак Дар (ПНП) прямо обвинил прежнее правительство в откровенном разрушении экономики Пакистана[61].

По итогам последнего квартального отчета Госбанка Пакистана (октябрь-декабрь 2007 г.), опубликованного в апреле 2008 г., эксперты банка пришли к выводу, что «темпы экономического роста в этом году (2007/08 финансовый год – С.К.) составят 6–6,5%. К аналогичным выводам пришли и специалисты АзБР»[62]. А бывший финансовый советник премьер-министра Шауката Азиза Салман Шах подчеркнул, что такие темпы роста (6–6,5%) не так уж плохи, «несмотря на политические коллизии в последний год» (по плану предполагалось, как указывалось выше, что темпы роста ВВП вновь достигнут рекордного уровня минувшего, 2006/07 финансового года в размере 7,2%); он подчеркнул также, что «в первую очередь мы страдаем от действий террористов, которые убили Беназир Бхутто». Также весьма сдержан его подход к бюджетному дефициту, составляющему 5–6% к ВВП, равно как он не видит никакой трагедии

и в том, что доходы текущего бюджета составят не 1025 млрд. рупий в текущем финансовом году (2007/08), а 1 трлн.; наконец, по его мнению, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что валютные запасы составляют в настоящее время рекордную сумму в размере 14 млрд. долл.[63]

Нет сомнений в том, что приведенное выше высказывание нового министра экономики и финансов Исхака Дара[64] (ушедшего, кстати, в отставку после 12 мая 2008 г. по прямому указанию Навваза Шарифа), а также аналогичные выпады других членов кабинета не более, чем типичная пропаганда, стремление убедить в якобы преступной неспособности предыдущего кабинета министров во главе с Шаукатом Азизом «вывести экономику из кризиса»[65].

В настоящее время против Шауката Азиза выдвинуто стандартное обвинение в коррупции во время его пребывания на посту премьер-министра, в частности, ему инкриминируется закупка в неоправданно больших количествах бронированных автомобилей для министров, других важных и высших чиновников. При этом как-то забываются многочисленные теракты, унесшие в последние годы жизни сотен, если не тысяч пакистанцев самых разных социальных слоев.

Пока что ситуация в сфере экономики складывается отнюдь не в пользу ныне действующего правительства страны, и перекладывание ответственности за состояние национального хозяйства Пакистана с больной головы на здоровую едва ли может считаться конструктивной, особенно, если сосредоточивать внимание в первую очередь на политических проблемах, а решение экономических вопросов оставлять «на потом».

[1] Dawn, 28.11.2007.
[2] Business Recorder, 18.01.2008. Пакистанские аналитики отмечают, что после отмены чрезвычайного положения в середине декабря 2007 г. стал наблюдаться незначительный рост инвестиционной активности зарубежных предпринимателей, который почти сразу застопорился после убийства 27 декабря Беназир Бхутто.
[3] Pakistan Economic Survey 2006-2007. «Overview the Economy», Islamabad, 2007, с. 1.
[4] Dawn, 17.01.2008.
[5] Ibid.
[6] Dawn, 22.01.2008.

[7] Business Recorder, 18.01.2008.
[8] The News, 18.01.2008.
[9] Напомним, что финансовый год в Пакистане начинается 1 июля данного календарного года и завершается 30 июня следующего года.
[10] Pakistan Economic Survey 2006–2007. «Growth and Invetstment», Islamabad, 2007, с. 5.
[11] Pakistan Economic Survey 2001–2002. «Overview of the Economy», Islamabad, 2007, с. 1.
[12] Pakistan Economist, 19–25.07.2004.
[13] На уже упоминавшейся в тексте статьи конференции (середина января 2008 г.) министр финансов Пакистана Салман Шах подчеркнул, что в свете «осложнения экономической ситуации в стране будет крайне сложно выделять ежемесячно по 14 млрд. рупий в качестве субсидий на импорт нефти» (Dawn, 17.01.2008.).
[14] Pakistan Economic Survey 2006–2007. «Growth and Investment», Islamabad, 2007, с. 1.
[15] Ibid.
[16] См., например: Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Россия и Пакистан против афганского наркотрафика. – www.iimes.ru, 05.05.2007.
[17] Подробнее см.: Белокреницкий В.Я. Пакистан: мечеть взята, что дальше? – www.iimes.ru, 16.07.2007.
[18] Подробнее см.: Пахомов Е. (корреспондент РИА Новости в Исламабаде). Пакистан вспоминает Джинну, готовится к выборам и ждет терактов // Время новостей, 27.12.2007.
[19] Dawn, 14.08.2007.
[20] Pakistan Economic Survey 2006-2007. «Growth and Investment», Islamabad, 2007, с. 1–14.
[21] Там же, с. 5.
[22] Business Recorder, 13.05.2008.
[23] Business Recorder, 16.01.2008; 17.01.2008; 19.01.2008; Business & Finance Review, 03.09.2007.
[24] Pakistan Economic Survey 2006-2007. «Manufacturing and Mining», Islamabad, 2007, с. 35.
[25] Там же, с. 37.
[26] Dawn, 12.05.2008.
[27] Ibid.
[28] Хотелось бы привести некоторые данные относительно цен на некоторые продовольственные товары в Пакистане в январе 2008 г.: килограмм говядины стоит 140 рупий (в 2000 г. – 45 рупий), баранины – 250 рупий (8 лет назад – 80 рупий), топленое масло – 70 рупий

(было 35), мука – 16 рупий (в 2000 г. было 8 рупий), рис басмати – 50 рупий (было 22 рупии), бобовые – 29 рупий (было 15), помидоры – 100 рупий (было 80). (The News. 20.01.2008; Dawn. 15.01.2008.).
Этот список можно продолжить, но ситуация с ростом цен на продукты питания ясна. (Напомним – 1 долл. тогда был равен 62 рупиям). Хотя, с другой стороны, процесс роста цен, особенно на продовольствие, естественен, он происходит практически во всем мире. Достаточно посмотреть, например, что происходило в российских магазинах осенью 2007 г.: в октябре была одна цена на многие продовольственные товары, а в ноябре-декабре – на рубли, а скорее на десятки рублей выше. Не говоря уже о скачке цен в мае 2008 г.

[29] Dawn, 12.02.2008; The News, 13.05.2008.
[30] Business Recorder, 13.05.2008.
[31] Dawn, 12.02.2008.
[32] Ibid.
[33] The News, 18.02.2008; Dawn, 18.02.2002; Business Recorder, 14.05.2008.
[34] Pakistan Economic Survey 2006-2007. «Overview of the Economy», Islamabad, 2007, c. 1.
[35] Business Recorder, 13.02.2008.
[36] Dawn, 22.01.2008.
[37] Dawn, 26.11.2007.
[38] The News, 16.05.2008.
[39] Все данные о демографической ситуации в Пакистане почерпнуты из Pakistan Economic Survey 2006–2007. Islamabad, 2007, c. 189–207.
[40] Цит по: The News, 14.02.2008.
[41] Следует подчеркнуть, что как в бюджете, так и во многих других статистических позициях существуют 3 этапа подсчетов. Первый, оценочный – Budget Estimates (либо Provisional) – за 9 месяцев текущего финансового года с экстраполяцией на последующие 3 месяца. Затем «пересмотренный» – Revised Estimates (через 1–3 года) и последнее – Actual (в среднем через 3–5 лет). Статданные последнего этапа публикуются, как правило, только в специализированных изданиях для экспертов в какой-то конкретной области.
[42] Business & Finance Review, 05.05.2008.
[43] Ibid.
[44] Business Recorder, 01.05.2008.
[45] Якунин В. Понять партнера // Азия и Африка сегодня. 1997, № 8.
[46] Business Recorder, 12.02.2008.
[47] Dawn, 27.03.2008.

[48] The News, 17.08.2007.
[49] Dawn, 05.05.2008.
[50] Business & Finance Review, 05.05.2008. Отметим, что переговоры о сооружении газопровода Иран – Пакистан – Индия ведутся уже с 1994 г., то угасая, то активизируясь с новой силой.
[51] Business Recorder, 20.04.2008.
[52] Подробнее см.: Морозова М.Ю. Газопроводы для Южной Азии или где проляжет проект XXI века. www.iimes.ru. 10.05.2008.
[53] Dawn, 30.03.2008.
[54] Ibid.
[55] The News, 14.05.2008.
[56] Dawn, 09.05.2008.
[57] Dawn, 05.05.2008.
[58] Ibid.
[59] Dawn, 01.05.2008.
[60] Dawn, 21.02.2008; 10.03.2008; 05.05.2008.
[61] Dawn, 04.04.2008.
[62] Dawn, 03.04.2008.
[63] Ibid.
[64] Исхак Дар уже занимал ранее, в 90-е годы пост министра экономики и финансов в правительстве Беназир Бхутто, однако после прихода в 1999 г. к власти военных во главе с Первезом Мушаррафом надежды первого на дальнейшее успешное продвижение по службе были полностью разрушены. Как результат – явно прослеживается его личная неприязнь к нынешнему президенту.
[65] Dawn, 04.04.2008.

Э.О.Касаев

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЛИВИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Современная политическая система Ливии сформировалась после прихода к власти в 1969 г. М. Каддафи в результате антимонархического переворота.

Руководство страны поделено между «революционной» и «технократической» ветвями власти[1], хотя de-facto вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти сосредоточена в руках М. Каддафи и небольшой группы приближенных к нему людей из числа членов Революционного совета.

В последнее время в Ливии наблюдается усиление центробежных тенденций и идеологическое брожение в политической элите и в обществе. Негативно на ситуации в стране сказывается эффект обманутых ожиданий. Несмотря на увеличение поступлений от нефтяного экспорта, реального улучшения жизни не происходит. Продолжается рост безработицы, особенно среди молодежи – до 30%. Одним из проявлений глубины социально-экономических проблем в Ливии стали кровавые беспорядки в Бенгази в феврале 2006 г. В этих условиях обострилась борьба между «революционерами» и «технократами», приведшая к отставке в марте 2006 г. премьер-министра Ш.Ганема, считавшегося сторонником западной модели развития, и назначению на этот пост ставленника «революционеров» Аль-Багдади Аль-Махмуди.

Весной-летом 2006 г. Сейф аль-Ислам Каддафи, считающийся вероятным «наследником ливийского трона», выступил с рядом призывов к проведению радикальных реформ в политической и социально-экономической жизни Ливии. Он подверг резкой критике созданную его отцом политическую систему в стране. В ответ на это М. Каддафи заявил об отсутствии необходимости в проведении каких-либо реформ в стране и призвал своих сторонников «убивать врагов, если те потребуют политических изменений».

Кроме того, ливийский лидер предпринял ряд шагов по укреплению позиций «революционного» крыла ливийского руководства, создав ряд новых силовых и хозяйственных структур, в состав которых вошли наиболее преданные ему функционеры.

В ноябре 2006 г. Сейф аль-Ислам покинул Ливию и выехал на работу в одну из международных экономических структур на Западе. При этом сообщалось, что он не снял с себя возложенные на него политические функции и, в частности, продолжает руководить фондом М. Каддафи по развитию Ливии. Однако его неожиданный отъезд вызывает определенное беспокойство среди сторонников дальнейшей политической и экономической либерализации в связи с тем, что Сейф аль-Ислам считался одним из наиболее убежденных и влиятельных приверженцев дальнейших преобразований в Ливии.

Справедливости ради необходимо отметить, что внешнеполитический курс государства действительно претерпел некоторые изменения. Ливия начала постепенно возвращаться на международную авансцену после двадцатилетней блокады, вызванной введением против нее политических и экономических санкций в связи с так называемым «делом Локкерби»[2]. Даже привыкших ничему не удивляться специалистов, следящих за событиями вокруг Ливии, поразила быстрота смены приоритетов по некоторым направлениям ее внешней политики.

Крутой геополитический разворот[3], принятый «руководителем революции» Муамаром Каддафи, позволил Ливии приступить к оздоровлению социально-экономического положения в стране и к реинтеграции ливийского хозяйства в мировую экономику, используя для этого свой главный и наиболее ликвидный ресурс – нефть[4].

Можно только догадываться, какие аргументы привели США и Великобритания в 2003 г. своим ливийским собеседникам, чтобы «перетянуть» Ливию в свой стан[5]. Ливийцам было, скорее всего, обещано применение силового сценария в случае, если они не станут сговорчивыми. Так или иначе, в настоящее время Ливия практически полностью поддерживает геополитическую программу США в регионе и проводит соответствующую политику внутри страны и за рубежом. Кроме того, руководство страны не устает заявлять о готовности совместно работать с американцами с целью распространения демократии по всему миру.

В ответ США, помимо снятия экономических и политических санкций, включили Ливию в число основных региональных участников программы по противодействию терроризму в Центральной Африке, в рамках которой странам-участницам ежегодно выделяется до 500 млн. долларов. Что касается «дела Локкерби», то в принципиальном плане оно фактически закрыто, а возникающие время от времени нерешенные вопросы частично отражают ход закулисного торга, который ведется между ливийцами и англосаксами на предмет заключения новых экономических сделок.

В период с 2004 по 2006 г. США сняли почти все антиливийские санкции, в том числе разрешили своим компаниям совершать торговые сделки с этой страной, осуществлять финансовые трансферты и инвестиционные проекты. Стоит особо подчеркнуть, что за время изоляции нефтяная отрасль ливийской экономики существенно обветшала и требует значительных инвестиций. В этих условиях руководство страны приняло решение полностью открыть нефтегазовый сектор для иностранцев[6]. Нефтяные компании из Италии, Франции, Испании, Канады, Великобритании, Австрии, Румынии, Болгарии, Австралии, Бразилии, Индии уже являются «игроками» на ливийском рынке.

Кроме того, несколько крупных американских нефтяных компаний возобновили работы по нефтеразведке и нефтедобыче в Ливии[7]. Так, 28 февраля 2008 г. Ливия подписала окончательное соглашение с американской компанией «Exxon Mobil» о разведке и разработке нефтяных месторождений на шельфе средиземноморского побережья Ливии. Предусматривается, что американская компания инвестирует 97 млн. долл. в добычу нефти на одном из нефтеносных секторов на ливийском шельфе, а также выплатит правительству Ливии бонус в размере 72 млн. долл. При этом дополнительные 25 млн. долл. американская компания потратит на подготовку ливийских специалистов[8].

Примечательно, что в скорейшей разработке ливийских недр заинтересованы и российские компании. В последние годы отечественная компания «Татнефть» активно пытается внедриться в крупные ливийские проекты. В ноябре 2005 г. «Татнефть» выиграла аукцион на изыскание и разработку блока площадью 2,3 тыс. кв. км в провинции Гадамес, к юго-западу от Триполи. Соответствующий контракт на условиях раздела

продукции был подписан «Татнефтью» и Ливийской национальной нефтяной корпорацией (ЛННК) 8 декабря 2005 г. Стоит отметить, что «Татнефть» является единственной российской компанией, которой удалось добиться успеха на аукционах по исследованию и освоению ливийских недр, хотя в 2005 г. таким образом были реализованы права на разведку и разработку нескольких десятков нефтегазовых блоков в разных районах Ливии.

Если реформаторы в ЛННК сохранят в ближайшие годы свои позиции, они будут стремиться расширять присутствие иностранных компаний в ливийском нефтегазовом секторе. Основная задача реформаторов состоит в том, чтобы как можно скорее начать эксплуатацию новых месторождений и продемонстрировать «вождю революции» реальную отдачу от привлечения иностранных инвесторов.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день главная проблема ЛННК заключается в нехватке как материально-технических ресурсов, так и квалифицированных специалистов для оформления и начала реализации контрактов, подписанных в 2005 г. в ходе двух раундов аукционов. Учитывая тот факт, что по каждому контракту должен быть создан управляющий орган с участием ЛННК и утвержден план работ, представляется весьма маловероятным, что государственная компания сможет справиться со всеми контрактами. Следовательно, ЛННК придется выбирать, каким из уже подписанных договоров отдать предпочтение. Остальные же проекты останутся нереализованными. Соответственно, компания «Татнефть» будет вынуждена конкурировать с другими операторами, включая такую американскую компанию, как «Occidental», – безусловного лидера на ливийской нефтегазовой арене[9].

Не стоит оставлять без внимания тот факт, что в 2007 г. российская нефтяная компания и ЛННК объявили о заключении контрактов на право разведки и разработки углеводородов на трех участках в Ливии. Контракты заключены в соответствии с ранее выигранными российской компанией тендерами по трем участкам, включающим семь блоков общей площадью более 16 тыс. кв. км. Компания ведет работы в Ливии на блоке номер 82-4, контракт на разработку которого с ЛННК заключен в декабре 2005 г.

Став «хорошим» правителем в глазах Запада, М. Каддафи в то же время неоднократно подтверждал репутацию непред-

сказуемого политика по отношению к своим арабским и африканским «братьям». На протяжении последних лет отмечен ряд острых межгосударственных кризисов в отношениях между Ливией и Саудовской Аравией, Мавританией, Ираком, странами Магриба, которые формировали не совсем привлекательный облик Ливии как страны, открыто и грубо вмешивающейся во внутренние дела других государств.

Крупный скандал, в который оказалась втянутой Ливия, разразился в ноябре 2006 г. в связи с выводами экспертов ООН и США о поставках ливийского оружия в Сомали. Все подобные инциденты наглядно показывают, что авантюра остается одним из способов самовыражения М. Каддафи и ведения внешней политики Ливии на арабском и африканском направлениях.

Такова общеполитическая ситуация в Ливии. Однако для составления объективной целостной картины положения дел в государстве с точки зрения институционального инвестора необходимо комплексно проанализировать влияние не только внутри- и внешнеполитического, но и экономического факторов. В этой связи стоит особо отметить, что при анализе инвестиционного климата в Ливии и оценке состояния дел в ее экономике сквозь призму соответствующей политики властей страны, ощущается серьезный дефицит информации по важным хозяйственным индикаторам.

Причина так называемого «информационного вакуума» состоит в том, что Ливия на протяжении почти четверти века пребывала в международной экономической блокаде и объективно оказалась фактически вне интеграционных международных и региональных процессов, которые позволили бы значительно повысить уровень прозрачности ливийской экономики на всех уровнях. В этой связи можно с уверенностью предположить, что потенциальный инвестор наверняка столкнется с аналогичной проблемой при работе на месте, особенно на начальном ее этапе.

С 2004 по 2006 г. макроэкономическая ситуация в Ливии развивалась поступательно, ежегодный рост ВВП составил в среднем 4–4,5%.

Основной вклад в сохранение положительной динамики внесли нефтяная отрасль (4%-ный рост), строительный сектор, добывающая промышленность, торговля, а также туризм и сфера обслуживания (в среднем 5–5,5%-ный рост). При этом

по итогам 2005 г. зафиксировано, что роль ненефтяных отраслей хозяйства Ливии медленно, но верно растет, в том числе во многом благодаря портфелю заказов и расходам государства, а также реализации комплекса мер по стимулированию активности частного сектора.

Главным источником экономического благополучия в Ливии по праву является нефтяная отрасль. В 2005–2006 гг. нефтяные поступления составили почти 70% ВВП и 94% государственного бюджета страны. Положение в нефтяной отрасли является основным индикатором состояния дел в ливийском хозяйстве. Растущее производство нефти, которое увеличилось к концу 2006 г. до 1,72 млн. баррелей в сутки, обеспечивает приток в страну около 33 млрд. долл. в год.

В ближайшие инвестиционные планы Ливии, которые генерируются в Национальной нефтяной корпорации (ННК)[10], входит модернизация отрасли с затратами на нее до 30 млрд. долл., которые предполагается освоить до 2010 г., и наращивание производства нефти до 3 млн. баррелей в сутки.

К реализации этой программы ливийское правительство уже приступило, объявив тендер на разработку 55 концессий в 15 нефтяных блоках, в том числе 6 на шельфе. В 2006 г. был объявлен новый тендер на разведку углеводородов на 41 блоке.

Всего ради достижения заявленных целей Ливия в лице ННК рассчитывает привлечь до 2010 г. около 7 млрд. долл. от международных нефтяных компаний.

Стоит особо отметить, что своеобразным локомотивом экономического роста в Ливии выступает само государство, которое проводит в последние годы активную инвестиционную политику. Ожидается, что планы правительства по диверсификации экономики и модернизации инфраструктуры позволят сохранить на высоком уровне темпы экономического развития за счет активных государственных вливаний, в частности в газовую промышленность и смежные ей сектора, строительство, а также в сферу услуг и туристическую отрасль.

Не стоит оставлять без внимания тот факт, что сегодня в Ливии наметился определенный прогресс в отношении либерализации экономики и проведения важных структурных реформ. Причем преобразования в сфере экономических реформ, проводимых Ливией, тесно координируются с западными странами (прежде всего, с США).

Вот наиболее важные преобразования последних лет:

Первое. Основательно переработан таможенный тариф:

– в стране вводится две тарифные ставки: 10% на табачные изделия и 0% на все остальные продукты;

– все ввозимые товары подлежат обложению 4% служебным акцизам;

– весь спектр импортной продукции облагается 25–50%-ным налогом, в то время как на отечественные товары распространяется 2%-ная налоговая ставка.

Второе. В финансовой сфере переработан *Закон о банковской деятельности*, который укрепил независимость Центрального банка и зафиксировал его полномочия в сфере лицензирования деятельности иностранных банковских учреждений.

Кроме того, частным банкам предоставлено право определять уровень процентной ставки самостоятельно, правда, в оговоренных законом рамках. Разработан и принят *Закон о противодействии отмыванию незаконных финансовых средств*.

Третье. Расширена программа приватизации и существенно облегчены условия участия в ней иностранных инвесторов. В 2005 г. завершился первый этап приватизации, в результате чего были акционированы 66 из 216 выставленных на продажу предприятий. Пополнился также спектр отраслей, доступных иностранному капиталу: нефтяная, транспортная, страховая и сфера здравоохранения. Внесена поправка в *Закон об иностранных инвестициях №5* от 1997 года[11], согласно которой ливийским хозяйствующим субъектам разрешено создавать совместные предприятия с иностранцами.

Четвертое. В 2005 г. была упрощена процедура организации нового бизнеса. Для предпринимателей введена в действие система «одного окна»[12] и определен 30-дневный срок рассмотрения документов, необходимых для создания компании.

Пятое. Создан Ливийский инвестиционный фонд, который призван генерировать часть поступлений от экспорта нефти и оптимизировать работу по спонсируемым государством крупным инвестиционным проектам.

Вслед за запуском на государственном уровне далеко идущих планов по развитию экономики страны и особенно ее нефтегазовой отрасли крупные иностранные инвесторы стали активно подключаться к освоению ресурсного потенциала Ливии. В этом отношении 2006 г. стал рекордным за всю историю Ливии по объему привлеченных иностранных капиталовложений, которые превысили 20 млрд. долл., а всего накопленный объем иностранных капиталовложений за последние годы превысил 24 млрд. долл. С 2003 г. в стране успешно реализуются 34 инвестиционных проекта с иностранным участием. Причем 19 из них осуществляются в нефтяной отрасли. Остальные сферы предпочтений идут в следующем порядке по убыванию: обрабатывающая промышленность – 5 проектов, деловые услуги – 4 проекта, торговля – 4 проекта, строительство – 1 проект, транспорт и логистика – 1 проект.

Координационным органом по привлечению иностранных инвестиций является Ливийское управление по иностранным инвестициям, которое курирует все охваченные в Законе об иностранных инвестициях № 5 от 1997 г. проекты, за исключением туристической сферы, находящейся в ведении Министерства туризма.

Налоговая система Ливии является крайне специфической из-за низкого уровня прозрачности и отсутствия четких кодифицированных ориентиров. К примеру:

– ставка подоходного (прогрессивного) налога для иностранцев (физических лиц) зависит от происхождения дохода и варьируется от 5% (сельское хозяйство) до 20–35% (торговля) в зависимости от суммы дохода – максимальная ставка распространяется на доходы выше 22 тыс. долл.;

– ставка корпоративного подоходного налога не является устойчивой. Ее размер определяется «индивидуально» в соответствии с внутренними налоговыми стандартами на основе среднеотраслевых показателей, фиксируемых ливийскими органами. Ставка подоходного налога для иностранной компании определяется каждый год и указывается в специальном документе (технически ее размер можно опротестовать).

На практике определение подоходной ставки походит на переговорный процесс, в ходе которого ориентиром для властей будет масштаб деятельности компании и размер ее материальных активов. Практический опыт свидетельствует, что ставка корпоративного подоходного налога варьируется от 15% (на доход в размере 150–170 тыс. долл.) до 40% (на доходы свыше 1,5 млн. долл.).

Компании, работающие в Ливии, платят так называемый «налог на джихад», который составляет 4% для юридических лиц и 1–3% для физических лиц. Куда направляются поступления от этого налога? Остается только догадываться.

Далее следует проанализировать некоторые наиболее важные аспекты инвестиционной политики государства в нефтегазовой сфере.

Иностранные компании допускаются к разработке и эксплуатации нефтегазовых месторождений Ливии на основе контрактов, заключаемых с Национальной нефтяной корпорацией по результатам проведения открытых тендеров[13]. Организация и подведение итогов тендеров отнесены к компетенции тендерного комитета ННК[14]. Порядок проведения тендеров, а также права и обязанности ННК и ее иностранного партнера по инвестиционному проекту регулируются типовым Соглашением о разделе продукции (EPSA-IV – Exploration & Production Sharing Agreement). Четвертая редакция этого документа была принята в августе 2004 г. В основу Соглашения положен принцип, согласно которому на инвестора возлагается финансирование затрат на разведку месторождения, которые в последующем возмещаются за счет определенной доли в объеме добываемой нефти.

В отличие от EPSA-III, допускавшего возможность ведения переговоров ННК с иностранным инвестором на двусторонней основе, EPSA-IV предусматривает заключение контрактов только по итогам проведения открытых тендеров. Это, по мнению разработчиков соглашения, повышает состязательность иностранных претендентов и обеспечивает возможность заключения соглашений с ними на наиболее выгодных для ливийской стороны условиях, а также делает этот процесс более прозрачным и объективным, минимизирует возможности для бюрократического произвола и коррупции.

Стоит заметить, что итоги двух крупных международных тендеров 2005 г. показали, что EPSA-IV является эффективным форматом работы с иностранными инвесторами. К участию в торгах было привлечено значительное число иностранных компаний, которые в результате развернувшейся между ними острой конкуренции предложили ливийской стороне выгодные условия контрактов.

EPSA-IV предусматривает принципиально новый порядок проведения торгов. Ранее их победитель определялся в зависимости от предложенной им производственной программы и объема планируемых капиталовложений на разведку месторождения, а доля ННК и ее иностранного партнера в добываемой нефти устанавливалась заранее ливийской стороной.

Теперь же победитель торгов определяется на основе предложенного им процентного соотношения между долями нефти, остающейся в распоряжении ННК и ее иностранного партнера. В том случае, если предложения нескольких участников в данной части окажутся одинаковыми, победитель определяется по второму критерию: размеру предложенного им подписного бонуса.

Соглашение устанавливает раздельно сроки разведки и эксплуатации месторождения. Период разведки определяется в зависимости от характеристик нефтяного поля, заданной программы геологоразведки и пр., и может быть различен. Срок эксплуатации для всех одинаков и составляет 25 лет.

В соответствии с EPSA-IV иностранный инвестор имеет право привлечь к выполнению соглашения в качестве соинвестора третью сторону после того, как им полностью выполнен весь оговоренный объем геофизических исследований и пробурено не менее половины всех разведочных скважин.

EPSA-IV оговаривает и другие аспекты взаимоотношений партнеров по соглашению (вопросы налогообложения, развития инфраструктуры, проведения работ по консервации участка, одностороннего выхода из договора и пр.). По мнению международных экспертов, новая редакция соглашения EPSA-IV заметно повышает интерес иностранных инвесторов в торгах, хотя и не устраняет полностью все недостатки.

С сентября 2006 г. в Ливии существует новое централизованное агентство по работе с инвесторами в энергетической сфере – Совет по делам нефти и газа. Он наделен функцией контроля за работой ННК с иностранными партнерами. Специалисты оценивают создание этого органа сдержанно. По их мнению, решение сформировать Совет по делам нефти и газа свидетельствует о продолжении внутренней борьбы между «технократами» и «старой гвардией» при том понимании, что пока счет в этой «игре» складывается в пользу последних. В то же время это событие можно также рассматривать как восстановление баланса внутриполитических сил после ликвидации летом 2006 года Министерства нефти, которое считалось своеобразным оплотом «революционеров».

Таким образом, принимая во внимание всю сложность и значимость экономического фактора в Ливии, можно с уверенностью сказать, что потенциальные инвесторы там неминуемо столкнутся с различными рисками, которые будут су-

щественно препятствовать ведению более активной и действенной инвестиционной политики иностранных инвесторов в стране. Каковы же основные камни преткновения ливийской экономики?

Во-первых, относительно низкий уровень развития в Ливии хозяйственной инфраструктуры (дороги, связь, сфера услуг) является одной из наиболее чувствительных проблем в деятельности иностранных инвесторов. Следует учитывать, что большая часть транспортных, коммуникационных и других инфраструктурных средств Ливии находится в изношенном состоянии из-за продолжительного нахождения страны в режиме международной изоляции. В то же время имеются основания полагать, что эти проблемы имеют временный характер и по мере дальнейшей реинтеграции Ливии в мировое хозяйство они будут решаться.

Во-вторых, одним из основных барьеров на пути иностранных инвесторов в ливийскую экономику является бюрократизированность административно-хозяйственной системы на всех уровнях. Международные рейтинговые агентства единогласно относят эту страну к числу лидеров по уровню коррупции среди всех стран Северной Африки. Так, Transparency International в своем докладе за 2007 г. поместило Ливию на 131-е место по уровню коррупции[15].

В-третьих, как уже отмечалось выше, еще одной серьезной трудностью для деятельности иностранного инвестора в Ливии является «непрозрачность» политических и экономических процессов. Данный фактор препятствует, в частности, проведению более детального комплексного анализа о состоянии инвестиционного климата.

* * *

В результате проведенного комплексного анализа различных факторов, непосредственно влияющих на ливийскую инвестиционную политику, и рисков, с которыми могут столкнуться иностранные инвесторы в Ливии, можно прийти к следующим выводам.

Первое. Сотрудничество Ливии и США по вопросам безопасности и в энергетической сфере вносит некоторый элемент предсказуемости в отношении перспектив дальнейшего развития геополитической обстановки вокруг нее. С определенной долей уверенности можно предположить, что государство про-

должит курс на расширение связей с Западом. Главная причина этого – осознание «новыми» ливийцами (во главе с неофициальным «преемником» – сыном М. Каддафи Сейфом аль-Исламом) того, что у Ливии не может быть будущего без ее интеграции в мировое сообщество.

Второе. Очевидно, что успешное развитие ливийской экономики на протяжении последних пяти лет происходит во многом благодаря политическому «реверансу» Ливии в сторону Запада. Это позволило стране заметно повысить свою инвестиционную привлекательность и мобилизовать значительные капиталовложения из-за рубежа в национальную экономику.

Ливии также благоприятствуют высокие мировые цены на нефть, которые обеспечивают динамичный рост ВВП и положительное сальдо платежного баланса, а также позволяют спрогнозировать относительно высокие темпы прироста ВВП в период с 2006 до 2010 г. – в районе 5–5,5% в год.

Третье. К позитивным слагаемым инвестиционного климата Ливии можно отнести в целом стабильную макроэкономическую ситуацию в стране, которая динамично развивается под влиянием произошедшей смены геополитических приоритетов и благодаря выигрышной конъюнктуре мировых цен на нефть. Выстраивание своей внешнеполитической линии в русле американских приоритетов позволяет Ливии гарантировать собственные интересы как минимум до тех пор, пока в США будет сохраняться «боевой настрой» в борьбе против международного терроризма. Кроме того, нефтяные доходы позволяют Ливии подкреплять делами свой новый курс в международных делах и особенно на африканском континенте.

Четвертое. Возросшие нефтяные поступления от экспорта углеводородов дают возможность правительству Ливии запускать масштабные инвестиционные проекты и проводить структурные реформы, направленные на достижение большей открытости и либерализации страны для иностранных инвесторов. Кроме того, помимо высокой отдачи нефтяной отрасли, многообещающих перспектив дальнейшего освоения углеводородных ресурсов, а также сопутствующих им масштабных проектов по развитию инфраструктуры, особый интерес представляют хотя и несколько завышенные, но в целом продуманные планы по развитию туризма и рынка недвижимости в Ливии.

Пятое. В среднесрочной перспективе проблемными участками для иностранных инвесторов будут оставаться высокий

уровень коррупции, низкая прозрачность экономических и политических процессов, а также изношенность и слабая развитость инфраструктуры.

[1] Революционное отделение политсистемы включает в себя вождя революции М.Каддафи и 12 бессменных членов Революционного совета (практически все они – непосредственные участники переворота 1969 г.). Они определяют курс «общественно-массовой» (технократической) ветви власти, которая представляет собой многоуровневую систему так называемых народных комитетов, которые собираются раз в год на Всеобщий народный съезд. Избранные представители Съезда выполняют функции исполнительной власти. Они de-jure совместно проводят курс государства по вопросам национальной безопасности, внешней политики, принятию бюджета и развитию нефтяной отрасли.

[2] 21 декабря 1988 г. был совершен один из самых жестоких террористических актов 80-х годов и самое кровавое преступление в истории послевоенной Великобритании. В результате диверсии в небе над шотландским селением Локкерби взорвался самолет американской авиакомпании «Пан Американ». На борту самолета и на земле под его обломками погибло 270 человек. Среди пассажиров было 189 граждан Америки и 33 подданных Великобритании. Расследование по свежим следам преступления показало, что причиной взрыва были 4 килограмма взрывчатки, заложенной в чемодан, находившийся в багажном отсеке авиалайнера. К шотландской полиции, которая начала вести расследование, была подключена обширная агентурная сеть ЦРУ и МИ-6 во всем мире. Исследования остатков одежды из чемодана со взрывчаткой привели следователей к небольшому магазину одежды на Мальте, а затем в Ливию. Следователи пришли к выводу, что взрыв на борту самолета «ПанАм 103», следовавшего рейсом из Франкфурта через Лондон в Нью-Йорк, был организован двумя агентами ливийской службы безопасности Абдельбассетом Али эль Меграхи и Амином Халифа Фимахом. Оба они числились служащими ливийской государственной авиакомпании.
См.: http://euro.svoboda.org/archive/ll_world/0201/ll.020101-2.asp

[3] В октябре 2003 г. в рамках запущенной США Программы по борьбе против распространения ОМУ после прохождения через Суэцкий канал в Средиземное море было перехвачено германское судно, на борту которого находилось оборудование, необходимое для обогащения урана. Груз стоимостью свыше 10 млн. евро предназначался

для Ливии. Одно его существование формально давало право обвинить Ливию в стремлении получить ОМУ, за которым могли последовать силовые акции. К тому же появились обвинения Ливии в том, что она создала на своей территории международный «черный рынок» всего того, что может быть использовано при производстве ядерного оружия. Поэтому Триполи в итоге был обречен продемонстрировать невиданную для него оперативность, объявив 19 декабря 2003 г. об отказе от реализации программ создания ОМУ притом, что ранее Ливия неоднократно заявляла об отсутствии у нее подобного оружия.

[4] Основу ливийской экономики составляет нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность. В ливийских недрах, по разным оценкам, залегают более 4 млрд. тонн нефти высокого качества. В нефтяных полях пробурены 12772 скважины, из которых в период санкций действовали лишь около 2 тыс., остальные были законсервированы. См.: *Жданов С.В.* Арабские страны в мировой экономике. Изд. Дом «Панорама», М., 2006, с. 137.

[5] В 2003 г. в результате тайных переговоров между Триполи, с одной стороны, и Вашингтоном и Лондоном – с другой, Ливия внезапно объявила об отказе от реализации программ создания ОМУ, официально заявив о согласии принять соответствующие международные инспекции.

[6] В январе 2005 г. Ливия выдала 15 разрешений на нефтяную разведку иностранным компаниям, из которых 11 досталось американским. Европейцы не получили ни одного разрешения. В конце 2005 г. по результатам второго тендера разрешения на разведку в 44 блоках достались преимущественно японским и европейским компаниям.

[7] Американские компании «Occidental Petroleum», «Amerada Hess» и «Chevron Texaco» получили большую часть контрактов и готовы оказать содействие в стремлении ливийского руководства как можно скорее выйти на уровень добычи нефти более 3 млн. баррелей в сутки.

[8] *Куделев В.В.* Ситуация в Ливии: февраль 2008. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

[9] См. об этом подробнее: *Касаев Э.О.* Зарубежные компании в нефтяном секторе экономики Ливии. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/05-06-07a.htm

[10] Руководителем ННК является Шукри Ганем – бывший (до марта 2006 г.) премьер-министр Ливии, убежденный либерал и сторонник Запада.

[11] Закон преследует цель поощрения диверсификации ливийской экономики, стимулирует привлечение национальной рабочей силы для реализации инвестиционных проектов. Охваченные этим законом от-

расли – сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, сектор услуг и туризм (об инвестиционных проектах в нефтегазовой области см. ниже). Ввозимое под реализуемые в этих сферах проекты оборудование, а также запчасти к нему освобождаются от пошлин и налогов сроком на 5 лет. Сами компании, выполняющие инвестиционные проекты, освобождаются от уплаты подоходного налога сроком на 5 лет. Предусмотрен ряд льгот на экспорт производимой в Ливии продукции.

[12] Примерная схема работы системы «одного окна» может выглядеть следующим образом:

– для регистрации юридического лица и его последующей постановки на учет заявитель подает комплект документов (при необходимости в нескольких экземплярах) в орган «одно окно». Функции органа «одного окна» могут быть возложены на регистрирующий орган, либо поручены отдельному органу;

– функции регистрации и постановки на налоговый учет совмещаются (т.к. функции регистрирующего и налогового органов совмещены);

– после государственной регистрации юридического лица орган «одно окно» направляет сведения о регистрации (а при необходимости – и документы) в государственные внебюджетные фонды и органы статистики;

– на основании полученных сведений о государственной регистрации юридического лица осуществляется присвоение кодов статистики и постановка на учет в государственных внебюджетных фондах без дополнительного предъявления документов заявителем;

– орган «одно окно» на основе обратной связи осуществляет мониторинг исполнения всеми организациями, входящими в систему «одного окна», своих функций в отношении заявителя;

– вновь созданное юридическое лицо приступает к своей деятельности сразу после государственной регистрации (свидетельства о государственной регистрации и постановке на налоговый учет выдаются одновременно). После присвоения кодов статистики и постановки на учет во внебюджетных фондах соответствующие документы направляются юридическому лицу по указанному им при подаче документов адресу (либо по выбору заявителя могут быть получены им в органе «одно окно»);

– ответственность за несоблюдение процедуры постановки юридического лица на учет возлагается на орган «одно окно» и на все органы, входящие в систему «одного окна». Заявитель несет ответственность только за достоверность представленных им сведений.

См.: http://www.tpprf.ru/ru/main/committee/komreg/wind/

[13] Заключаемые в Ливии контракты регистрируются в Налоговом департаменте в течение 60 дней и облагаются 2%-ным налогом (от объема сделки).

[14] Тендерный комитет ННК объявляет о предстоящих торгах, принимает заявки на участие, отбирает из числа претендентов тех, которые отвечают предъявляемым квалификационным требованиям и могут быть допущены к участию в тендере, предоставляет участникам соответствующую тендерную документацию и проводит в случае необходимости дополнительные консультации по всем возникающим вопросам.

[15] Данные взяты с интернет-сайта:
http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2007

А.А.Кашина

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУНИСЕ: ПРОСЧИТАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

По оценкам экспертов ООН, на 1 июля 2005 г. численность населения мира составила 6,5 млрд. чел. По среднему варианту прогноза демографов, к 2050 г. на планете будут жить 9,1 млрд. чел. Характерно, что практически весь прирост населения (2,6 млрд.) придется на страны Африки и Азии, где помимо социально-политических проблем большую роль играет демографический фактор. В этом регионе находятся 50 государств, классифицируемых ООН как наименее развитые, с общей численностью населения 759 млн. чел. (12% населения земного шара). Среди них, например, Йемен, где средний уровень естественного прироста населения составляет 3,2%, Сомали (2,9%), Мавритания (2,7%), Афганистан (2,6%), Нигерия (2,5%). В июле 2007 г. ООН создала фонд в 20 млн. долл. для финансирования проектов, направленных на поддержку развития этих отсталых обществ. Среди стран Африки и Азии наблюдается определенная дифференциация. В регионе существуют государства с успешной демографической и социально-экономической политикой. Один из показательных примеров – Тунис. По среднегодовым темпам естественного прироста населения в 1,1% эта страна выделяется на фоне соседних Алжира (1,7%) и Марокко (1,5%), а также Египта (2,1%) и Сирии (2,5%)[1].

Уместно отметить, что в 1955–56 гг. в Сирии и Тунисе было примерно равное число жителей – 3,9 млн. чел. При этом естественный прирост за 1960–1963 гг. в Сирии был почти таким же, как в Тунисе: 2,22% против 2,26% соответственно[2]. Тем не менее в Тунисе проживают 10,2 млн. чел., а в Сирии – 19,9 млн. чел. (на 2007 г.). Это результат грамотной демографической политики, которую в Тунисской Республике начали претворять в жизнь с 60-х годов прошлого

столетия и которая в точном соответствии с расчетами воплотилась на практике.

* * *

После получения независимости в 1956 г. в Тунисе прошел ряд реформ в социально-правовой и культурной сферах. В 1956–58 гг. были упразднены шариатские суды и унифицирована система судопроизводства, пересмотрено регулирование семейно-брачных отношений в сторону эмансипации женщины, создана единая система светского образования. В 1958 г. в Тунисе был учрежден Национальный совет по планированию и принят ряд мер, укрепивших позиции госсектора в экономике. Наконец, в 1961 г. появился государственный секретариат планирования и финансов, который составил программу «Десятилетние перспективы развития на 1962–1971 гг.», предусматривавшую индустриализацию страны, модернизацию сельского хозяйства, повышение материального и культурного уровня населения. В ее рамках был разработан трехлетний план 1962–64 гг. и четырехлетний план 1965–68 гг. Второй четырехлетний план охватывал период 1969–1972 гг. Таким образом, реализация программы заняла 11 лет. Главная задача, которую выдвигали ее авторы, заключалась в обеспечении высоких темпов ВВП: его увеличение намечалось довести до 6% в год[3]. Безусловно, в расчетах составители плана опирались на демографические данные.

Дело в том, что население Туниса росло довольно быстрыми темпами. За полстолетия после установления французами протектората (1881–1931 гг.) местное население (без европейцев) увеличилось с 1,5 млн. до 2,1 млн. чел., т.е. на 40%. За последующие 25 лет оно возросло на 71% и составило к моменту получения независимости 3,6 млн. чел. Между 1966 и 1975 гг. общий прирост населения исчислялся в среднем 2,2% в год[4]. Рост населения и производства товаров увеличивался в период 1962–69 гг. одинаковыми темпами (2,2% в год), и жизненный уровень тунисцев оставался практически неизменным. Предполагалось, что в последующие годы вырастет уровень доходов на душу населения. Вместе с тем аналитики решили вычислить оптимальную численность населения Туниса, соотносимую с национальными природно-экономическими ресурсами страны, и, в конце концов, сошлись на цифре 10 млн. чел.[5] Без осуществления направленной демографической политики (при условии сохранения существовавшей тенденции) населе-

ние Туниса к 2000 г. достигло бы почти 15 млн. чел.[6]; ежегодно рождалось бы 250 тыс. детей, стремительно увеличивалось бы число школьников, многие оставались бы без образования, так как у государства не хватало бы учебных заведений, и ощущалась бы чрезвычайно острая нехватка рабочих мест.

Тунис стал пионером среди стран Африканского континента и всех арабских стран в регулировании динамики народонаселения, когда официально была принята программа планирования семьи (далее просто программа). Программа начала осуществляться уже в 1964 г. и включала экспериментальный период – два года (с июня 1964 г. по май 1966 г.) для проверки ее эффективности. Она явилась составной частью плана десятилетнего развития, хотя сама была рассчитана на 25 лет[7]. Подобное сочетание долгосрочного и среднесрочного планирования эффективно, т.к. демографические изменения происходят сравнительно медленно, а экономический план должен опираться на реальные и по максимуму точные прогнозы.

В соответствии с программой в разных регионах открылось 12 центров защиты детей и материнства, где рассказывали о пользе планирования семей и использования средств контрацепции. Позже таких центров стало 36, а в столице начали работать три высокоспециализированные клиники. После успешного эксперимента с 1966 г. программа под патронажем Министерства здравоохранения стала внедряться по всей стране. Финансировали программу такие крупные международные организации, как Ford Foundation, the Population Council, USAID, FAO, World Bank и UNESCO.

По расчетам демографов, в Тунисе должен был постепенно сокращаться темп рождаемости, и к 2001 г. естественный прирост должен был составить 1,2%[8], общая численность населения – 9783 тыс. чел.[9], распределение по возрастным группам: 0–4 года – 9,95%, 5–14 лет – 22,29%, 15–64 – 63,13%, 65 лет и выше – 4,63%. Последнее объясняется тем, что в 1966 г. ожидаемая продолжительность жизни не превышала 51 год.

Законодательную базу для программы планирования семьи начали готовить с 1956 г. Свою положительную роль сыграл Закон о личном статусе, принятый в августе того же года и приравнявший мужчину и женщину практически во всех правах. По этому акту был официально установлен минимальный брачный возраст: 15 лет для женщин и 18 лет для мужчин. В 1964 г. эту планку подняли до 17 лет для женщин и 20 лет для мужчин. Вследствие этого сократилось число ранних браков, что косвенно повлияло на уровень рождаемости. Таким образом, Закон о личном статусе преследовал цель смягчить эффект «демографического взрыва», осложнявшего экономическое положение Туниса с первых лет независимости[10].

В 1960 г. был принят законодательный акт, установивший гарантированное социальное пособие только на первых четверых детей. После 1988 г. социальная выплата полагалась уже лишь на первых троих детей. С 1961 г. в Тунисе была разрешена продажа контрацептивов. В 1965 г. было законодательно узаконено производство абортов на первых трех месяцах беременности после рождения пяти детей[11]. В 1973 г. был учрежден Национальный комитет по планированию семьи и демографическому контролю[12] (сокращенное название – ONPFP), который подчинялся министерству здравоохранения и существует до сих пор.

Что касается принятых международных обязательств в этой области, первый президент Туниса Хабиб Бургиба, как и лидеры 29 других государств, подписался в 1966 г. под резолюцией ООН «О демографическом контроле и социальном развитии»[13]. После этого в 1968 г. Тунис присоединился к резолюции ООН по правам человека[14]. И в первом, и во втором документе говорилось, что каждый человек имеет право «свободно и со всей полнотой ответственности решать вопрос о количестве детей в семье и их праве получать образование». В Декларации ООН 1969 г. «О прогрессе и социальном развитии»[15] утверждалось не только право на планирование семьи, но и необходимость обеспечить население соответствующими средствами. Тунис поддержал ряд последующих резолюций и деклараций относительно демографической политики.

Основным методом воздействия на людей, сохраняющих традиции и уверенных, что программа планирования семьи противоречит Корану, было убеждение и психологическая пропаганда. При этом ряд факторов облегчал задачу. Например, помогало то, что Тунис – страна небольшая по размерам, а значит, информация с легкостью достигает адресата в любом районе, и власти могли рассчитывать на то, что их призыв будет услышан и иметь отклик. В то же время удаленные сельские районы с преобладанием неграмотного населения воспринимали изменения с известной долей пассивности. Поэтому президент лично отправлялся в туры по городам, где выступал на публике. Известно, что Бургиба был блестящим оратором и, несмотря на светский характер проводившихся реформ, когда это-

го требовали обстоятельства, он с легкостью цитировал суры Корана. Поэтому нет ничего удивительного, что для жителей одного из центров мусульманского мира – древнего города Кайруана у президента по случаю был готов пример о племени бану Мусталак и велении пророка Мухаммеда. Когда сподвижники пророка в VII в. победили в битве племя бану Мусталак, – повествовал Бургиба, – и славные воины не хотели оставить женщин побежденного племени тяжелыми, пророк разрешил применить известные тогда средства контрацепции: «На это запрета нет»[16].

С 1 мая 1956 г. Хабиб Бургиба ввел за правило еженедельно выступать с речами, которые транслировались по радио и распространялись в виде брошюр по свей стране[17]. Опираясь на свой авторитет и аргументированные доказательства, он призывал массы идти в ногу с развитыми странами. «Реформа массового сознания должна была, по замыслу Бургибы, сопутствовать его светским нововведениям и всему процессу модернизации, которая осуществлялась «сверху», решениями правительства, а иначе и не могла происходить в стране, где государство, как заметил тунисский историк Мустафа Крайем, «опережало общество в своем развитии»[18].

Планомерную работу по переубеждению населения и пропаганде программы планирования семьи вел Национальный союз тунисских женщин, официально отстаивавший права женщин с 1956 г. и всячески боровшийся с дискриминацией. Эта организация, лояльная правящей партии, устраивала передвижные курсы обучения грамотности для сельских женщин, проводила конференции и беседы, издавала журнал «аль-Мар'а». В нем печатались комиксы о жизни и новых возможностях современной женщины Туниса. Одновременно подчеркивалась возложенная на женщин ответственность, вытекавшая из дарованных прав. Эти комиксы были настолько популярны, что перепечатывались и другими изданиями.

На образованную часть населения оказывали воздействие всевозможные плакаты, серии статей на злободневную тему в журналах и газетах. Общественное тунисское телевидение посвятило целую череду передач – от коротких зарисовок и интервью до серьезных фильмов на актуальную тему – о демографической ситуации, о методах ее контроля.

Безусловно, основным звеном в цепочке мер по модернизации мышления была система образования. Национальный комитет по планированию семьи в 1973 г. проводил ряд тре-

нингов и курсов с привлечением врачей, медсестер и социальных работников, специалистов в области демографии, экономики, педагогики. Университеты, готовившие кадры по медицинским, экономическим или социологическим специальностям, в обязательном порядке включали в свои учебные планы дисциплину «демография». Новый предмет начали преподавать и во многих средних школах.

Таким образом, к 1987 г., согласно опросам, уже 2/3 женщин полагали, что программа не противоречит религиозным догмам[19].

О степени вовлеченности населения в программу планирования семьи можно судить по статистическим показателям. Согласно последней демографической переписи, проводившейся в Тунисе в апреле 2004 г., общий ежегодный прирост населения в стране составил 1,21%[20]. По части приближения к европейским стандартам по этому параметру Тунис опередил соседние Марокко и Алжир. Там темпы общего прироста около 2% и 1,5% соответственно[21]. Более того, настолько малый общий прирост не случался в Тунисе со времен завоевания независимости[22]. Если рассматривать показатель естественного прироста в Тунисе (1,1)[23], то его можно считать не меньшим достижением. Наиболее важно то, что убыль происходит именно за счет падения уровня естественного прироста. В 1956–1966 гг. – первом постколониальном десятилетии – низкие темпы общего прироста (1,83%) объяснялись в основном не сокращением естественного прироста, но массовой эмиграцией иностранцев из Туниса[24]:

	Годы					
	1956–1966	1966–1975	1975–1984	1984–1994	1994–2004	2007
Общий прирост населения, %	1,83	2,35	2,48	2,35	1,21	1,08
Естественный прирост населения, %	2,86	2,67	2,69	2,15	1,27	1,1

Таблица составлена по: Аль-искатат ас-суккания 2004–2034. Тунис: визара ат-танмия в-ат-таавун ад-дувалий, аль-маахад аль-ваташий ли-ль-ихса', 2007. (Демографическая проекция: 2004–2034. Тунис: Министерство развития и международного сотрудничества, Национальный институт статистики, 2007.) А также по материалам базы данных Бюро демографических исследований – Population Reference Bureau, 2007 World Population. Database Sheet.

В 2004 г. коэффициент фертильности (среднее число рождений на одну женщину) достиг 2,02, а в 1965 г., до применения

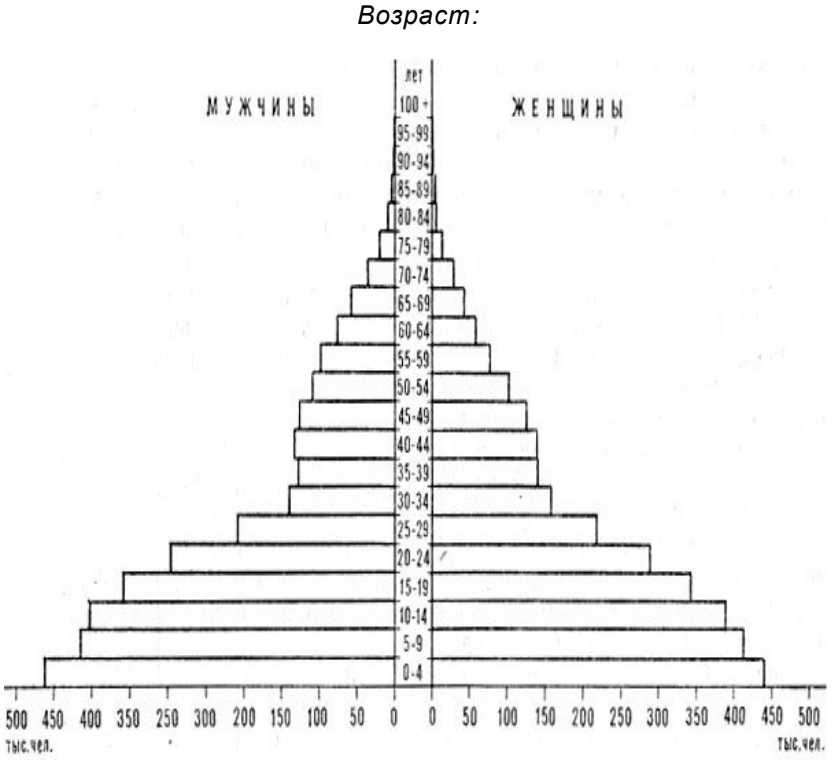
программы, он равнялся 7,2[25]. Даже в городе Кайруане (старинном религиозном центре) этот показатель упал до 2,3 с 4,5 в 1996 г.[26] В развитых странах на такое сокращение потребовалось более столетия, Тунис этого добился за 40 лет. Заметно снизился уровень смертности: с 19,5 промилле в 1956–1966 гг. до 5,7 промилле в 1994–2004 гг. Средняя ожидаемая продолжительность жизни повысилась за 1956–2004 гг. до 73,4 лет.

За полвека в стране под действием реформ сменилось три режима воспроизводства населения, что подтверждается графическими построениями, помещенными в приложении[27]. В 1966 г. в Тунисе наблюдался тип воспроизводства, характерный до начала демографического перехода: с высокими уровнями смертности и рождаемости. К 70–80-м годам прошлого века страна перешла в другой режим воспроизводства населения. С развитием индустрии и медицины, с улучшением условий жизни большинства населения началось снижение уровня смертности. Уровень рождаемости, однако, какое-то время оставался таким же, как до начала перехода, несмотря на пропаганду программы планирования семьи. А сегодня благодаря этой программе Тунис вступил в фазу, характерную для индустриальных стран.

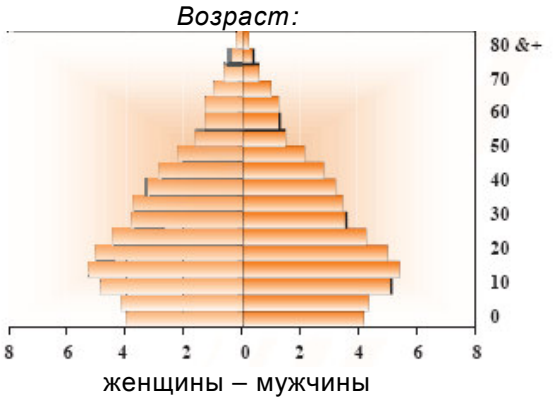
Прогнозы тунисской статистики на 2034–2104 гг. выявляют тенденцию перехода Туниса в следующую, четвертую фазу демографического перехода – «постпереходную». Она характеризуется стабилизацией рождаемости и смертности на низком уровне, близком или равном друг другу. То есть речь идет о нулевом или отрицательном естественном приросте (депопуляции). В 2034 г., как ожидается по средневероятному прогнозу, в Тунисе будет жить 12742 тыс. чел. Естественный прирост составит 0,41% (как в современной Франции)[28], при этом данный показатель очень резко пойдет на убыль с 2015 г. Что касается долевого распределения возрастной структуры, то мало изменится группа «15–59 лет» – с 63,8% до 62,3%, но резко возрастет группа «старше 60 лет»: с 9,5% в 2004 г. до 19,8% в 2034 г. Ожидаемая продолжительность жизни к 2034 г. поднимется до отметки 77,5–80 лет[29]. Следовательно, как и во всех развитых странах, в Тунисе социальные проблемы будут связаны с эффектом «старения нации». К 2049 г., по предварительным прогнозам, общий прирост населения станет отрицательным (- 0,02%). Это приведет к тому, что в 2104 г. в Тунисе будет жить 10296 тыс. чел., т.е. почти столько же, сколько сейчас, и, возможно, потребуются демографические меры по стимулированию рождаемости.

ПРИЛОЖЕНИЕ

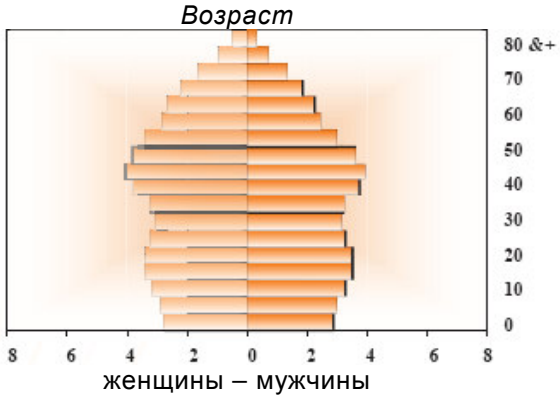
Половозрастная пирамида населения Туниса. 1978 г.[30]



Половозрастная пирамида населения Туниса. 2004 г.*



Половозрастная пирамида населения Туниса. Прогноз на 2034 г.**



* Составлено по: Аль-искатат ас-суккания 2004–2034. Тунис: визара ат-танмия в-ат-таавун ад-дувалий, аль-маахад аль-ватаний ли-ль-ихса', 2007. (Демографическая проекция: 2004–2034. Тунис: Министерство развития и международного сотрудничества, Национальный институт статистики, 2007.

** Составлено по: «Аль-искатат ас-суккания 2004–2034». Тунис: визара ат-танмия в-ат-таавун ад-дувалий, аль-маахад аль-ватаний ли-ль-ихса', 2007. (Демографическая проекция: 2004–2034. Тунис: Министерство развития и международного сотрудничества, Национальный институт статистики, 2007.

[1] Все данные на 2007 год. http://www.prb.org/pdf07/07WPDS_Eng.pdf и http://unstats.un.org/UNSD/Demographic/products/socind/population.htm

[2] Население земного шара. Справочник по странам. – М.: Наука, 1965, с. 185, 258.

[3] Подробнее: *Видясова М.Ф.* Экономика стран Магриба. – М.: Наука, 1982.

[4] Там же, с. 22.; Тунис. Справочник. – М.: Наука, 1978, с. 97.

[5] *Alice Ahearne*. Family Planning in Tunisia. An Educational program and its implementation. Dissertation (PhD), Michigan State University, 1997, с. 42–43.

[6] Femmes et hommes en Tunisie en chiffres (Tunis): Centre de Recherches, d' Etudes, de Documentation et Information sur la Femme (CREDIF), 2002, с. 23. (Цит. по: *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Т.2, кн.1. М: ИСАА при МГУ, 2007, с. 65). А также: Internationa Parliamentarians' conferenceon the implementation of the ICPD of action. Ottawa, Canada, 21–22 November 2002, с. 13–14 (материалы конференции). (http://www.unfpa.org/parliamentarians/ipci/ottawa/documents/ottawareport.pdf)

[7] Позже программу доработали, Национальный комитет по планированию семьи и демографическому контролю работает по сей день.

[8] *Alice Ahearne*. Op.cit., с. 47–53.

[9] Напомним, население в 10 млн. чел. экономисты считали оптимальным для баланса производимого и потребляемого продукта – см. изложенное ранее.

[10] *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Т. 2, кн.1. М.: ИСАА при МГУ, 2007, с. 64.

[11] http://www.un.org/esa/population/publications/abortion/doc/tunisia.doc – Population Policy Data Bank (UN). В 1973 году этот закон (214 Уголовного кодекса) смягчили и убрали оговорку о пяти детях. В клиниках позволялось делать аборт в течение первых трех месяцев беременности, а позже – лишь в случае угрозы здоровью матери или доказанных возможных серьезных физических и психических отклонений плода.

[12] Подробнее: *Benedicte Gastineau.* Evolution des modes de controle de la fecondite en Tunisie au cours de la transition demographique: Sante de la reproduction, fecondite et developpement, document de recherché 4. Laboratoire population environnement developpement, UMR 151, IRD – Universite de Provence – 2005. (http://www.ird.fr/madagascar/4d/documents/Gastineau_%20LPED_2005.pdf) – с. 9.

[13] 17 декабря 1966 г. принята резолюция 2211 о демографическом контроле и социальном развитии на пленарном заседании ООН. http://www.un.org/documents/ga/res/21/ares21.htm

[14] 22 апреля – 13 мая 1968 г. в Тегеране под эгидой ООН состоялась международная конференция по правам человека.
[15] Декларация социального прогресса и развития утверждена резолюцией 2542 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1969 г.
[16] *Alice Ahearne.* Op.cit., с. 64.
[17] *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Т.2, кн.1 М.: ИСАА при МГУ, 2007, с. 49.
[18] Там же, с. 412.
[19] *Mouldi Habchi.* The «planned» families of Tunisia // IDCR Reports, July 1987, с. 18.
[20] Аль-искатат ас-суккания 2004–2034. Тунис: визара ат-танмия в-аттаавун ад-дувалий, аль-маахад аль-ватаний ли-ль-ихса', 2007. (Демографическая проекция: 2004-2034. Тунис: Министерство развития и международного сотрудничества, Национальный институт статистики, 2007), с. 14.
[21] Данные за 2004 год. *Pierre Bruyas.* Das sozio-ökonomische Geschicht Maghrebs. Allgemeine und Regionalstatistique. Europäische Gemeinschaften, 2005. http:publications.eu. int.
[22] Тунис абра ат-таарих. Часть 4: Тунис ат-тахаввуль. (Тунис в зеркале истории. Часть 4: Тунис в эпоху перемен.) – Тунис, Аль-марказ ат-тунисий ли-ль-китаб, 2006, с. 81. В 1956–1966 гг. общий прирост населения был 1,83%.
[23] По данным на 2007 год, показатель *естественного* прироста в Тунисе достиг 1,1%. Такой же уровень естественного прироста наблюдался в 2004 г. в Албании, где сейчас уже 0,8%, а во Франции, для сравнения, 0,4%.– Population Reference Bureau, 2004, 2007 World Population. Database Sheet.
[24] Естественный прирост в 1956–1966 гг. равнялся 2,86%. См.: Аль-искатат ас-суккания 2004–2034. Указ. соч., с. 14.
[25] Там же, – с. 18. А также:
http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/1992/01/01/000009265_3961002075233/Rendered/PDF/multi0page.pdf
[26] *Gautam Naik.* Tunisia wins Population battle // Wall Street Journal. 08.08.2003.
[27] См. приложение.
[28] Population Reference Bureau, 2007. World Population. Database Sheet, с. 1.
[29] Аль-искатат ас-суккания 2004–2034. Указ соч., с. 18.
[30] http://geography.su/demogr/item/f00/s01/e0001291/index.shtml

Н.А.Кожанов

ИРАН: ЧЛЕНСТВО В ВТО И РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМПОРТА СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ

Одной из примерно 30 стран, ведущих в настоящее время переговоры о присоединении к ВТО, является Исламская Республика Иран. Заявка Тегерана на вступление в эту организацию была принята лишь с 22-го раза. Предыдущее 21 обращение иранцев было заблокировано США по причине имевшегося у Белого дома подозрения, что Иран занят тайной разработкой ядерного оружия.

На заседании Генерального совета ВТО 26 мая 2005 г. после долгих и трудных дискуссий было решено принять ИРИ в Организацию в качестве наблюдателя. Идя на уступки, Вашингтон, вероятно, исходил из того, что подвижки в вопросе присоединения Ирана к ВТО могут стать определенным стимулом для смягчения позиции ИРИ в ядерном вопросе. Однако в Тегеране это было расценено как очередной большой успех иранской дипломатии. Официальные представители ИРИ не только не пошли на уступки в вопросе так называемого ядерного досье, но и поначалу предполагали, что уже в ближайшем будущем их страна сможет стать полноправным членом ВТО.

О столь радужных перспективах было забыто после того, как в декабре 2005 г. министр торговли Ирана во главе представительной делегации, состоявшей из сотрудников министерств торговли, сельского хозяйства, Организации управления и планирования ИРИ, а также ряда депутатов меджлиса, впервые принял участие в очередной министерской встрече стран-членов ВТО. После нее он заявил, что Иран по-прежнему намерен вступить в ВТО, но присоединение к ней будет сопровождаться определенными трудностями[1]. По мнению министра, руководству страны в значительной мере придется изменить свой ориентированный исключительно на импортзамещение подход к производству и сделать приоритетом развитие экспортного потенциала ИРИ. С учетом этого обстоятельства

иранские аналитики говорят о том, что для получения полноправного членства в ВТО Ирану понадобится не менее 10 лет. Отмечается, что для этого потребуется провести значительную перестройку экономики и привести торговое законодательство в соответствие с требованиями Организации.

Сегодня в Иране не утихает дискуссия сторонников и противников вступления в ВТО[2]. Одни утверждают, что этот шаг поможет укрепить экономику ИРИ и откроет путь для широкого экспорта иранских товаров. Другие, напротив, считают, что он не отвечает национальным интересам, сделает страну сырьевым придатком и рынком сбыта товаров промышленно развитых стран. Основными аргументами противников присоединения ИРИ к ВТО, как правило, выступают два: возможные потрясения в финансовой сфере и снижение конкурентоспособности сельского хозяйства страны.

Аграрный сектор Ирана действительно может стать проблемным местом в процессе присоединения этой страны к ВТО. Причем основные трудности будут связаны с необходимостью коренного пересмотра подходов к его развитию для приведения их в соответствие с требованиями Организации. По ряду исторически сложившихся причин сегодня сельское хозяйство Ирана стало своеобразной «священной коровой», всячески оберегаемой и защищаемой государством. Аналитики, относя аграрный сектор экономики к находящимся под наиболее сильным правительственным контролем, считают, что при приведении внутренней политики в соответствие с требованиями ВТО на этом направлении могут возникнуть проблемы, связанные с чрезмерной закрытостью внутрииранского рынка, сильной поддержкой внутреннего потребителя и производителя, а также с субсидированием экспорта сельхозпродуктов[3].

Необходимо отметить, что на текущий момент трансформации в области государственных подходов в управлении внутренним рынком сельхозтоваров и развитием аграрного сектора идут весьма медленно. Единственным направлением, в котором были осуществлены значимые изменения, стали механизмы государственного регулирования импорта сельхозпродуктов. Этот процесс начался в 2000–2003 гг. На тот момент главным инструментом государственного вмешательства выступали нетарифные барьеры (квотирование, лицензирование, валютный контроль, субсидии и административные меры). Тарифные методы регулирования (таможенная пошлина, сборы и так называемый налог на коммерческую прибыль[4]) практически не использовались. Средняя ставка взимаемых таможенных пошлин в ИРИ на то время составляла около 2,7%[5].

В 2002–2003 гг. в рамках программы по подготовке страны к вступлению в ВТО и ее интеграции в систему международной торговли, зафиксированной в Третьем и Четвертом планах экономического развития Ирана (2000–2005 и 2005–2010 гг.), в ИРИ произошла частичная замена нетарифных методов регулирования внешней торговли сельхозпродуктами тарифными эквивалентами на основе адвалорной таможенной пошлины[6]. После этого средняя ставка взимаемых таможенных пошлин в Иране для всей импортной сельхозпродукции составила около 30%[7]. Средний показатель для сельхозпродуктов в 2002 г. находился на уровне 23,5–24,5%, что был значительно меньше, чем в среднем для развивающихся стран[8]. Это позволило иранскому руководству сделать заявление в рамках его будущих планов относительно вступления в ВТО о возможности еще большего сокращения тарифных барьеров на пути импорта аграрных продуктов, который должен был сопровождаться полным отказом от нетарифных методов его регулирования, а также значительным снижением уровня господдержки сельхозпроизводителей.

Однако возникшее внутри страны среди сельхозпроизводителей недовольство изначально заниженной таможенной пошлиной, не отвечавшей уровню отмененных административных барьеров, а также очень скоро давшая о себе знать неконкурентоспособность отечественных товаров привели к тому, что официальный Тегеран был вынужден отказаться от первоначальных замыслов. Примерно с 2004 г. наблюдается постепенный рост средней таможенной пошлины на сельхозтовары. На 2007 г. она составляла 34,4%, вполне согласуясь с общей тенденцией развивающихся стран, где традиционно средняя ставка на импортные сельхозпродукты выше, чем общая средняя[9].

Характерной особенностью системы таможенного регулирования импорта сельхозпродуктов в ИРИ после 2003 г. стало также условное деление товаров для взимания пошлины на четыре группы. К первой и самой многочисленной (47% всех наименований товаров АПК, разрешенных к ввозу в Иран) относятся имеющие стратегическое значение продукты, особенно те, спрос на которые Иран не всегда в состоянии удовлетворить за счет внутреннего производства. Таможенная пошлина

на них редко поднимается выше уровня в 15%. В частности, в эту категорию изначально были включены зерно (1–6%), живой скот (1%), мясо (1–15%), маслосодержащие семена (1–10%), молочные продукты (3–24%), рис[10]. Руководство ИРИ фактически застраховало себя от годичных колебаний в объемах производства сельхозпродукции. В случае неурожая стратегически важных культур их легко можно ввезти из-за рубежа. Сохраненные же нетарифные барьеры в случае необходимости в любой момент позволят ограничить объемы ввозимой продукции и тем самым защитить внутреннего производителя[11].

Вторую группу (16% всех наименований из разрешенных к ввозу в Иран товаров АПК) составляют товары, пошлина с которых взимается в размере 15–25%[12]. Как правило, это товары, в производстве которых ИРИ обладает сравнительными преимуществами.

Третью группу формируют продукты, чье производство в Иране нуждается в защите или поощрении, в том числе для последующего выхода на зарубежные рынки. В нее входят 37% сельхозтоваров, разрешенных к ввозу в страну. Размер взимаемой таможенной пошлины превышает 25%[13]. Наибольшая ставка с 2000 г. устанавливалась на напитки (120%), пищевые товары, прошедшие обработку (45–60%), а также растительные масла и сахар (40–60%)[14].

Четвертая группа отражает мусульманскую специфику страны. В нее попадает продовольствие, запрещенное к ввозу в ИРИ по этико-религиозным нормам. Прежде всего это свиное мясо и алкогольные напитки. Несмотря на то, что их ввоз в страну запрещен в законодательном порядке, таможенные правила Ирана предполагают взимание с них пошлины. Последняя, как правило, установлена на уровне нескольких сотен процентов.

Взимание достаточно высоких пошлин с 53% сельхозпродуктов может стать серьезной проблемой при проведении переговоров ИРИ о вступлении в ВТО. При этом необходимо учесть, что для регулирования импорта аграрных продуктов в современном Иране тарифные методы по-прежнему дополняются нетарифными инструментами. Наиболее активно используется лицензирование. В соответствии с официальной доктриной министерства торговли все возможные для импорта товары классифицированы на 5113 наименований, каждому из которых присвоен свой номер, состоящий из одной или не-

скольких цифр, обозначающих, разрешение какого министерства требуется для ввоза данного продукта на территорию страны. Характерно, что один из наиболее часто встречающихся номеров в этой системе принадлежит министерству сельского хозяйства. При выдаче лицензии на ввоз того или иного товара оно руководствуется показателями объемов его производства внутри страны, соответствием параметров данного продукта отечественным образцам, сроками поставки, его стоимостью и значимостью для иранской экономики.

Для облегчения процедуры получения разрешения на импорт дефицитных товаров и товаров первой необходимости (в том числе и продовольствия) иранское правительство создало «позитивный лист», в который, в частности, входят и так называемые стратегические сельхозпродукты (к ним в Иране традиционно относят рис, ячмень, растительное масло, сахар, сыр, молоко, мясо). Запрос на торговую лицензию для этих продуктов рассматривается вне очереди. Государственные органы также сняли для входящих в список стратегических продуктов ограничения на источники финансирования их ввоза[15]. Последнее немаловажно, так как остальные, не относящиеся к продовольствию товары из «позитивного» листа могут быть импортированы только в том случае, если оплачиваются валютой, заработанной на ненефтяном экспорте.

Кроме того, импорт целого ряда стратегических сельхозтоваров из «позитивного списка» (таких, как зерно) осуществляется преимущественно Государственной Торговой Компанией (ГТК)[16]. В частности, через нее традиционно проходит основной объем поставок муки и зерновых, а также других продовольственных продуктов, продаваемых в ИРИ по установленным государством ценам. Импорт этих товаров, как правило, на 80% оплачивается из бюджетных средств, в результате чего их стоимость на внутреннем рынке не превышает 20% закупочной[17]. На ГТК также возложена задача поддержания резервов стратегических товаров на необходимом уровне за счет их закупки за рубежом, если сил отечественной промышленности для этого не достаточно. Возможность других компаний заниматься импортом стратегических продовольственных товаров сильно ограничена.

Механизм государственного регулирования импорта продовольствия в ИРИ в его современном виде представляет достаточно сложную систему, в основе которой лежат тарифные

методы таможенного регулирования, дополняемые нетарифными эквивалентами. С точки зрения руководства Ирана, такая модель дает достаточно широкие возможности для государственного контроля над ввозом стратегических товаров, ослабления или, наоборот, усиления защиты отечественного АПК в соответствии с текущими потребностями. Однако с позиций ВТО данная система требует пересмотра.

К ощутимым барьерам на пути импорта сельхозтоваров необходимо добавить и значительную поддержку внутреннего производителя. Иранский крестьянин получает прямые государственные выплаты за каждую тонну выращенного стратегического продукта, гектар засеянной им земли или купленный им молодняк. Ему также предоставляется возможность приобретения по заниженным ценам необходимых кормов, удобрений, семенного материала, топлива и техники. В 2007 г. на эти нужды государством было выделено 946 млрд. долл.[18] Такая ситуация противоречит условиям Соглашения по сельскому хозяйству (Приложение № 2) стран-участниц ВТО. Однако отказаться от существующей системы на данный момент Иран также не в состоянии по целому ряду причин.

По идеологическим соображениям одним из главных принципов современной иранской экономической модели является ориентация на полную самодостаточность, в том числе и в области производства сельхозтоваров. Достичь его руководство ИРИ в силу крайней технологической неразвитости отечественного производителя может, лишь ограничив доступ импортных товаров на внутренний рынок. Более того, резкое снижение таможенной пошлины нанесло бы серьезный удар по социально-экономической ситуации в стране. В 2005 г. аграрный сектор создавал 11,1% ВНП ИРИ[19]. В последние годы на него приходилось около 25% ненефтяного экспорта и 25% рабочих мест страны[20]. Сельское хозяйство удовлетворяло от 75 до 80% потребности страны в пищевых продуктах, а также сельхозпродуктах для промышленности[21]. По результатам переписи 1996/97 гг. в деревне проживало около 23 млн. чел.[22] За период с 2000/1 по 2002/3 гг. при запланированных Третьим пятилетним планом 4,9% прирост добавочной стоимости в аграрном секторе экономики Ирана составил в среднем 5,7%[23]. В 2002/3 г. темпы прироста этого показателя вышли на уровень 10,1% (10289,1 млрд. риалов)[24]. Все это было достигнуто во многом благодаря государственной поддержке.

Основным производителем сельхозпродукции в ИРИ на текущий момент продолжают оставаться мелкие слабомеханизированные крестьянские хозяйства, объединенные в сбытовые или многоцелевые кооперативы. Сельскохозяйственная перепись 2003/04 г. показала, что наделами менее 5 га владело 73% иранских хозяйств[25]. В среднем на каждого крестьянина в ИРИ приходится 2 га земли[26]. Опытным путем было установлено, что в условиях Ирана минимальный участок, который обеспечил бы удовлетворение нужд средней семьи и начал поставлять продукцию на рынок, составляет 7 га.[27] В условиях, когда 73% хозяйств владеют менее 5 га, единственно возможным механизмом активизации их рыночной деятельности является господдержка. Ее мгновенная или быстрая отмена приведет к экономическому кризису и разорению основных производителей. Труд большинства хозяйств слабо механизирован. Себестоимость производства, например, риса и пшеницы значительно выше импортных эквивалентов. В такой ситуации можно прогнозировать достаточно долгий переговорный процесс между Тегераном и ВТО, направленный на выторговывание как можно более льготных условий по снижению таможенных и отмене нетарифных барьеров с целью дать своему внутреннему производителю как можно больше времени для приспособления к новым условиям. Впрочем, на сегодня процесс вступления Ирана в ВТО фактически приостановлен под влиянием непростой внешнеполитической ситуации, складывающейся вокруг ядерной программы ИРИ. В Тегеране считают данную заминку временной и используют ее как своеобразный перерыв для обсуждения и выработки наиболее подходящей стратегии поведения на будущих переговорах[28].

[1] Донйа-э эгтесад. 1384. 4 дея.

[2] Gilanpour O. Challenges of Iran's Agriculture Sector in Accession Process to the WTO. Vienna, 2006; Iran. Trade and Foreign Exchange Policies in Iran. Reform Agenda, Economic Implications and Impact on the Poor. / Ed. by D.Tarr. Washington, 2001; Islamic Republic of Iran. An Agricultural Policy Note. Washington, 2004; Могаддаси Р., Фаридрас В. Барраси-йэ незам-э та'рефе-йэ бахш-э кешаварзи-йэ иран тейэ даурэ-йэ 1361–1382. // Эгтесад-э кешаварзи ва тоусээ. 1383, № 48; Наджафи Б. Сийасат-э газаи. // Эгтесад-э иран. 1386, № 105.

[3] Gilanpour O. Op. cit. C. 3–7.

[4] По своей сути это та же таможенная пошлина, ставка которой определяется не парламентом, а правительством.
[5] Iran. Trade and Foreign Exchange Policies in Iran. Reform Agenda, Economic Implications and Impact on the Poor. / Ed. by D.Tarr. Washington, 2001. С. 10.
[6] Gilanpour O. Op. cit. C. 3–7.
[7] Islamic Republic of Iran. An Agricultural Policy Note. Washington, 2004. C. 14.
[8] Gilanpour O. Op. cit. C. 7.
[9] Op. cit. C. 7.
[10] Islamic Republic of Iran. An Agricultural Policy Note. Washington, 2004. C. 14.
[11] Джахан-э эгтесад. 1386. 14 дея.
[12] Islamic Republic of Iran. An Agricultural Policy Note. Washington, 2004. C. 14.
[13] Op. cit.
[14] Op. cit.
[15] Ст. 29 бюджета ИРИ на 2000/01 г.,
[16] Далее ГТК.
[17] Ханлу М. Пардахт-э 52,4 hезар милйард рийал йаране-йэ калаhа-йе асаси дар сал-э 1386. Техран, 1385. С. 15.
[18] Ганун-э будже-йе сал-е 1386 кулл-е кешвар. Техран, 1385. С. 76–77.
[19] Холасе-йе тахввулат-е эгтесади-йе кешвар. 1383. Техран, 1383. С. 24.
[20] Резвани М. Р. Мукаддаме-и бар барнамеризи-йе тоусе'-йе рустаи дар иран. Техран, 1383. С. 5.
[21] Там же. С. 5–6.
[22] Iran Statistical Year Book – 1382. Tehran, 1383. Table 2.4.
[23] Резвани М. Р. Указ. соч. С. 6.
[24] Там же. С. 6.
[25] Натаедж-е тафсили-йе саршумари-йе амуми-йе кешаварзи. 1382. Техран, 1383. С. 43.
[26] Резвани М. Р.. Указ. соч. С. 4.
[27] Schirazi A. The Problem of the Land Reform in the Islamic Republic of Iran. Complications and Consequences of an Islamic Reform Policy. Berlin, 1987. С. 8.
[28] Могаддаси Р., Фаридрас В. Указ. соч. С. 19–21.

А.И.Куприн

ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ

После провозглашения независимости Алжира в 1962 г. армия всегда играла ключевую роль в политической жизни страны. Оказавшаяся неэффективной правящая партия Фронт национального освобождения (ФНО) фактически до 1988 г. служила лишь средством мобилизации масс и контролирования общественных организаций. При президенте В.Бумедьене были значительно расширены функции военной контрразведки («секюрите милитэр»). Она стала проводить мониторинг всей общественно-политической жизни страны. Ее агенты работали в ФНО, государственных учреждениях, полиции[1]. Военная контрразведка без каких-либо формальных оснований производила аресты, причем многие задержанные подвергались пыткам; первые два ее руководителя полковник Касди Мербах (1962–1979) и генерал Лахаль Аййат (1979–1988) отчитывались только перед президентом[2].

В условиях жесткого режима Бумедьена существование правозащитных организаций было невозможно. Они появились лишь при президенте Шадли Бенджедиде (февраль 1979 г. – 11 января 1992 г.). Созданию правозащитных организаций в Алжире во второй половине 80-х годов в какой-то мере способствовало то, что к этому времени на африканском континенте и в некоторых арабских странах действовали правозащитные организации и были подписаны документы по правам человека. Правящие круги Алжира не могли не считаться с этими фактами. 27 июня 1981 г. была принята Африканская хартия прав человека, которую Алжир подписал 10 апреля 1984 г. Можно назвать также такие документы, как «Проект декларации прав и основных обязанностей человека в исламе», «Проект документа ОИК о правах человека» (1981 г.), «Исламская декларация прав человека» (1981 г.), «Проект Арабского пакта прав человека» (ЛАГ, 1982 г.), «Даккская декларация ОИК прав человека» (1983 г.).

Возникновение правозащитных групп в Алжире непосредственно связано с «берберской весной» 1980 г. После завоевания независимости берберы, сыгравшие важнейшую роль в национально-освободительной войне 1954–1962 гг., при распределении руководящих постов в ФНО и государственном аппарате подвергались дискриминации. На протяжении многих лет власти игнорировали их культурную самобытность, что болезненно воспринималось берберами. В программных документах ФНО ничего не говорилось о национальной идентичности берберов, и акцент делался на арабской сущности алжирской нации. В марте-апреле 1980 г. произошли массовые волнения берберов, поводом для которых послужила отмена семинара в Тизи-Узу, посвященного старой берберской поэзии. Их участники требовали признания берберского языка, или тамазигта, официальным*. При подавлении этих выступлений были жертвы, многие берберские активисты были арестованы. В октябре 1983 г. бывший министр при президенте Бен Белле (1962–1965 гг.) адвокат Али Яхья Абденнур, защищавший арестованных берберов, сам был задержан на несколько недель.

Идея создания лиги прав человека возникла осенью 1984 г. среди активистов Берберского культурного движения (БКД), образовавшегося в 1980 г. после «берберской весны», и у группы адвокатов в столице страны. Вначале предполагалось создать чисто берберское объединение правозащитников, но затем было решено придать ему общенациональный характер. Контакты осуществлялись через адвоката Хосина Захуана, возглавившего впоследствии (в 2005 г.) Алжирскую лигу защиты прав человека. Большинство представителей столицы, не принадлежавших к БКД, выбрали в марте 1985 г. Омара Менуара руководителем Алжирской лиги прав человека – АЛПЧ (объединившейся в 1989 г. с другой лигой, возглавляемой Милудом Брахими), отклонив кандидатуру Абденнура, близкого к БКД. Сторонники Абденнура учредили в июне 1985 г. собственную Алжирскую лигу прав человека. Власти заключили в тюрьму ее руководителей, в том числе Абденнура. пресса назвала их «оппозиционерами» и «манипулируемыми берберистами». В речи в декабре 1985 г. Бенджедид так охарактеризовал правозащитников: «Обман под прикрытием «прав человека» служит лишь предлогом для создания политической партии, которая защищала бы интересы врагов Алжира. С этим мы никоим образом не можем согласиться, каковы бы ни были обстоятельства. Мы против того, чтобы кто-нибудь давал нам урок в области прав человека, которые гарантируются законами нашей страны»[3].

* Сами берберы до сих пор называют себя амазигами («амазиг» в переводе с берберского языка означает «свободный человек», множественное число – «амазиген»).

Однако ряд факторов вынудил президента Алжира признать в 1987 г. одну из лиг прав человека, правда, ту, которая была лояльна по отношению к правительству и возглавлялась Брахими, а также использовать лишь дозировано репрессии против остального правозащитного движения. К этим факторам относились критика со стороны международной общественности, в том числе международных правозащитных организаций, поддержка правозащитников берберским движением, строгое соблюдение правозащитниками законодательства.

К осени 1988 г. в Алжире создалась взрывоопасная ситуация. С середины 80-х годов резко ухудшилось экономическое положение в стране: в 1986 г. на мировых рынках произошло падение цен на нефть почти в два раза, наступил пик выплаты внешних долгов, дефицит бюджета увеличился с 5 до 14 млрд. алжирских динаров. 4 и 5 октября 1988 г. в столице произошли массовые волнения. 10 октября Бенджедид был вынужден заявить о намерении составить программу реформ. В конце ноября 1988 г. состоялся чрезвычайный съезд ФНО, который одобрил проведение реформ, направленных на демократизацию общественно-политической жизни страны. В феврале 1989 г. была принята новая конституция, гарантировавшая право на организацию политических ассоциаций. В 1989 г. власти зарегистрировали правозащитную организацию Абденнура под названием Алжирская лига защиты прав человека (АЛЗПЧ). Вопросы гражданских и политических прав временно отошли на задний план, и социальная сфера деятельности стала приоритетной для правозащитного движения.

11 января 1992 г. президент Бенджедид под давлением армии, опасавшейся прихода Исламского фронта спасения (ИФС) к власти в результате второго тура парламентских выборов, был вынужден уйти в отставку. 12 января второй тур был отменен, и 14 января государство возглавил Высший государственный совет (ВГС). 9 февраля власти ввели в стране чрезвычайное положение, которое, правда, не запрещало общественно-полити-

ческую деятельность, а лишь ограничивало ее. За исключением отдельных статей, конституция продолжала функционировать. Политические партии, в том числе исламистские (кроме Исламского фронта спасения) не были запрещены. С одной стороны, власти принимали во внимание то, что запрет на деятельность партий сузил бы их политическую опору, с другой, надо было считаться с общественным мнением за рубежом. С августа по декабрь 1992 г. делегации международной правозащитной организации «Эмнисти интернэшнл» несколько раз посещали Алжир. АЛПЧ получила разрешение посещать тюрьмы и центры по содержанию задержанных под стражей.

Введение чрезвычайного положения, которое привело к гражданской войне 1992–1999 гг., было по-разному воспринято двумя алжирскими правозащитными организациями. АЛЗПЧ осудила эту правительственную меру, поскольку она ограничивала конституционные завоевания 1989 г. Вспоминая события 1992 г., ее председатель Абденнур в интервью электронной газете «Элджириа интерфейс» (Франция) в августе 2000 г. отметил, что до государственного переворота 11 января 1992 г. в движении за права человека участвовали как демократы, так и исламисты. Однако те же демократы полностью изменили свою позицию, когда армия захватила власть. «Они хранили молчание, когда практиковались пытки,…чтобы не затруднять проведение государством репрессий или не лить воду на мельницу исламистов»[4]. АЛПЧ же оправдывала их ввиду чрезвычайной ситуации в стране. Брахими, почетный председатель АЛПЧ, заявил по этому поводу: «При всей критике …прекращения избирательного процесса правда, несомненно, заключается в необходимости спасать республику»[5]. Государственный правозащитный институт «Национальный наблюдательный комитет по правам человека» (Observatoire National des Droits de l'Homme), поддерживая правительство, подчеркнул, что первое право граждан – это право на безопасность[6]. После введения чрезвычайного положения правозащитные организации были вынуждены ограничиваться заявлениями, почти не имея возможностей проводить конкретную работу по защите прав человека.

АЛПЧ стала занимать более самостоятельную позицию в отстаивании прав человека, чем в 1987-начале1992 гг., когда она считалась протеже правительства. В 1994 г. ее председатель Юсеф Фатхаллах, сменивший в декабре 1989 г. М.Брахими, оставшегося ее почетным председателем, поплатился за это

жизнью. Возможно, что виновником его гибели были не исламисты, а власти, поскольку за несколько дней до своей смерти Брахими заявил, что «политические убийства в стране совершают не только исламисты, но и агенты правительства»[7]. С улучшением политической ситуации в конце 90-х годов активизировались деятельность алжирских правозащитных организаций и контакты с международными правозащитными организациями. Обе алжирские правозащитные организации требовали запрета задержаний без решения суда, соблюдения Международной конвенции против пыток, следование минимальным стандартным правилам обращения с заключенными.

15 апреля 1999 г. на президентских выборах победил Абдельазиз Бутефлика. В первые годы своего правления он уделял основное внимание урегулированию вооруженного конфликта внутри страны с ИФС и Исламской армией спасения. Вооруженная исламская группа отказалась от переговоров. 16 сентября на референдуме был одобрен Закон о гражданском согласии, принятый Национальным народным собранием в июле 1999 г. АЛПЧ и АЛЗПЧ выступили против принятия этого закона, поскольку оставались невыясненными обстоятельства и виновники исчезновения людей в ходе гражданской войны, выразили сомнение в том, что все исламисты были достойны амнистии. По мнению АЛПЧ, Закон о гражданском согласии лишь утвердил соглашение, заключенное между ИАС и военной контрразведкой. Правозащитники полагали, что «гражданское согласие – это состояние умов, которое определяется обществом, а не секретными переговорами между вооруженными людьми. Оно должно включать план решения проблем бедности и коррупции… При этом необходимы справедливость и правда»[8]. В конце 1999 г. Бутефлика после четырехлетнего перерыва разрешил «Эмнисти интернэшнл» прислать делегацию в Алжир. Делегация посещала Алжир в мае и ноябре 2000 г. И в дальнейшем представители «Эмнисти интернэшнл» приезжали в Алжир. Другие международные правозащитные организации – Международная федерация прав человека, «Хьюмен райтс уотч» и «Репортеры без границ» – также получили возможность направить своих представителей в эту страну. «Эмнисти интернэшнл» подвергла критике принятый Закон о гражданском согласии, утверждая, что ни одна из спецслужб не понесла наказание за совершенные преступления, настаивала на проведении расследований и привлечении к ответственности виновных лиц.

Алжирская и западная общественность, правозащитные организации, члены пострадавших семей постоянно поднимали вопрос об «исчезнувших» в 90-х годах до и после принятия Закона о гражданском согласии. АЛЗПЧ впервые в Алжире публично заявила об остроте этой проблемы, в то время как алжирская пресса практически обходила ее молчанием. Она способствовала созданию общественных организаций, занятых решением проблемы «исчезнувших», например «СОС-исчезнувшие». АЛЗПЧ призвала президента Франции Жака Ширака убедить алжирское правительство в необходимости создать независимую комиссию для расследования обстоятельств исчезновения людей. Первая организация членов семей жертв терроризма Национальная ассоциация семей жертв терроризма (ANFVT) была создана в 1994 г. по инициативе министерства национальной солидарности и по делам семьи. Единственная цель ее, по мнению Джамиля бен Рабаха, председателя Национальной организации жертв терроризма и правопреемников (ONVTAD), состояла в мониторинге движения подобного вида и контроле над ним[9].

В конце сентября 2003 г. Бутефлика объявил об учреждении комиссии по связи с семьями «исчезнувших». По версии немецкого исследователя Ванессы Флёге, Бутефлика создал эту комиссию по рекомендации Мустафы Фарука Ксентини, председателя государственной правозащитной организации Национального консультативного комитета по правам человека[10]. Комиссия должна была завершить свою работу через 18 месяцев. Ксентини заявил журналистам, что в 10 тыс. случаев исчезновения людей виновны исламистские террористы, а в 7200 случаев – государственные органы, как следовало из заявлений родственников «исчезнувших». Впервые алжирское государство признало свою ответственность за исчезновение людей, и на обсуждении проблемы «исчезнувших» не было больше табу – раньше пресса часто изображала их семьи как «союзников террористов». АЛПЧ позитивно оценила учреждение этой комиссии 6 августа 2003 г. и ее сформирование 30 сентября того же года и назвала это «значительной эволюцией позиции властей»[11]. Однако АЛЗПЧ назвала комиссию «прикрытием» для тех, кто приказывал совершать преступления против человечности[12]. В начале апреля 2005 г. комиссия Ксентини представила доклад Бутефлике, согласно которому «службы безопасности» были ответственны за исчезновение

6146 чел., но она подчеркивала, что к исчезновению были причастны лишь отдельные лица и в период чрезвычайной ситуации происходили нарушения в цепочке передачи команд. Она рекомендовала выплату компенсаций пострадавшим семьям и включение государственных служащих, ответственных за исчезновения людей, в списки лиц, подлежавших амнистии[13]. Командование жандармерии, которой в 1995 г. было поручено координировать ведение досье на «исчезнувших», официально признало в 2003 г., что было подано всего 7046 жалоб по поводу исчезновения людей в 90-х годах. Оно заявило, что все жалобы были рассмотрены и что в 4740 случаях расследования оказались безрезультатными; в остальных случаях вина сил безопасности якобы не была доказана[14]. Власти оказывали давление как на родственников «исчезнувших», пытающихся добиться правды и справедливости, так и на организации, созданные для защиты их интересов.

«Урегулировав» проблему «исчезнувших», президент в августе 2005 г. объявил о намерении провести 9 сентября референдум по Хартии мира и национального примирения, за которую, по официальным данным, проголосовало подавляющее большинство алжирцев, пришедших на избирательные участки. Члены исламистских формирований, не участвовавшие в массовых убийствах, подлежали амнистии. Служащие сил безопасности были полностью освобождены от ответственности. В феврале президент издал декрет о мерах по реализации положений Хартии.

Правозащитные организации Алжира и семьи «исчезнувших» протестовали как против Хартии мира и национального примирения, так и декрета. Они требовали до амнистии выяснить правду и наказать виновных, в частности служащих сил безопасности и членов групп самообороны. АЛПЧ направила правительству меморандум по этому вопросу от 5 декабря 2004 г.[15]. Коалиция ассоциаций гражданских жертв вооруженного конфликта в Алжире (Джазаируна, Национальная ассоциация семей исчезнувших –ANFD, «Сумуд», Комитет по делам семей исчезнувших в Алжире – CFDA, «СОС-исчезнувшие») в декларации от 14 апреля 2007 г. призвала политические партии и ассоциации выступить против амнистии, которая оставляет безнаказанными террористов[16]. Ст. 45 и 46 декрета № 06-01 от 27 февраля 2006 г. препятствуют родственникам жертв и «исчезнувших» в выяснении обстоятельств и установлении виновников

исчезновения людей и даже могут быть использованы для их привлечения к ответственности за такие попытки. Согласно ст. 8 декрета № 06-93 от 28 февраля 2006 г., семьи «жертв национальной трагедии» могут претендовать на компенсацию только в том случае, если «право на компенсацию подтверждено решением, принятым на основании свидетельства о расследовании, составленного судебной полицией, и справки о регистрации смерти»[17]. Митинги или встречи семей «исчезнувших» часто запрещаются или отменяются.

Наиболее беззащитными в гражданской войне были дети. По данным на май 1998 г., с 1994 г. около 1240 детей погибли от рук террористов, из них около 190 младенцев[18]. Дети часто получали глубокие психологические травмы, когда на их глазах убивали их родителей. Правительство принимало меры по психологической реабилитации травмированных детей, получая поддержку от ЮНИСЕФ. Комитет по правам ребенка (ООН) приветствовал прогресс в последние годы в области защиты прав детей в Алжире, отмечая, что целых 36,5% населения Алжира моложе 18 лет[19]. Алжир в 2006 г. ратифицировал два факультативных протокола к Конвенции по правам человека. В 2005 г. было создано министерство по делам семьи и женщин, сформировавшее в 2006 г. Национальный комитет по делам детей. Значительно активизировалась деятельность неправительственных организаций по защите прав детей. В 2005 г. была учреждена Алжирская сеть защиты прав ребенка для координации деятельности более 100 профессиональных организаций и неправительственных организаций, которые обмениваются информацией, реагируют на нарушения прав детей и выступают с совместными инициативами. В 2006 г. алжирская неправительственная организация ФОРЕМ (FOREM) учредила Наблюдательный комитет по правам человека для проведения исследовательской работы и содействия прогрессу в области прав детей. Однако согласно оценке Комитета по правам человека (ООН), Алжиру еще предстоит большая работа по реализации положений Конвенции по правам человека. Отсутствуют общий координационный механизм этой реализации, независимый институт мониторинга и существуют пробелы в юридической регламентации прав детей. Требуются дополнительные усилия по физической и психологической реабилитации детей, пострадавших в 90-е годы[20]. Остается нерешенной проблема внебрачных детей, в том числе тех, которые родились в результате насилия террористов над женщинами. Со-

гласно данным министерства занятости и солидарности, в 2005 г. были зарегистрированы 3020 внебрачных детей[21]. Комитет по правам ребенка (ООН) рекомендовал покончить с практикой классифицирования таких детей как «незаконных»[22]. Алжирское правительство обещало принять закон, по которому признание отцовства будет обязательным и ребенок должен получить имя и идентичность после теста на ДНК.

Алжирское правительство в государственном бюджете отдает приоритет развитию образования: в 1994–2004 гг. на образование приходилось 24% бюджетных расходов[23]. Однако правозащитные и другие общественные организации критикуют правительство за неэффективное расходование этих средств и очень большой отсев учащихся. Кроме того, отсеву школьников способствует их частичная или полная занятость в небольших мастерских, на земельном участке семьи, в области торговли. Низкие доходы семьи и безработица родителей – главные факторы, побуждающие детей работать.

2,5% алжирских детей моложе 15 лет в 2005 г. имели инвалидность[24]. Правительство обеспечивает их бесплатным протезированием, способствует интеграции детей с легкими формами инвалидности в обычные школы. Существуют центры для глухих, слепых, страдающих умственной отсталостью. Организации гражданского общества руководят работой 110 учреждений для детей-инвалидов, защищают их интересы[25]. Однако сеть центров для детей-инвалидов еще недостаточно развита, в них не хватает квалифицированных кадров.

Закон обеспечивает социальную защиту инвалидов, особенно детей, гарантирует им бесплатную медицинскую помощь, но, как отмечают правозащитные организации, инвалиды часто подвергаются дискриминации в обществе. Хотя государственные предприятия должны предоставлять инвалидам не менее 1% рабочих мест, работодатели в большинстве случаев игнорируют это требование. Министерство занятости и национальной солидарности предоставляет финансовую помощь неправительственным организациям, оказывающим разнообразную поддержку инвалидам. Правда, государственная помощь в бюджете НПО составляет всего около 2%. Согласно официальной статистике, в Алжире насчитывается 1,5 млн. инвалидов. Однако, как утверждает Алжирская федерация ассоциаций инвалидов, неспособных самостоятельно передвигаться на самом деле насчитывается 3 млн.[26]

Наряду с детьми женщины также были весьма уязвимыми в гражданской войне. Они десятками тысяч страдали и гибли, их часто убивали только за то, что они работали или жили без мужа. Смертельная угроза нависала и над теми, кто не носил хиджаба. Изнасилованные женщины не осмеливались возвращаться в родные деревни и небольшие города, где их обычно не принимали ни семьи, ни жители. Они скрывались в специальных центрах, созданных властями. Еще до гражданской войны женщины стали мишенью исламистов. Так, знаменитая алжирская легкоатлетка Хасиба Бульмерка, выигравшая дистанцию в 1500 метров на чемпионате мира по легкой атлетике в 1991 г., была заклеймена в мечетях как бесстыдная вероотступница за то, что она выступила на соревнованиях в соответствующей спортивной одежде[27].

Борьба за прогрессивный Семейный кодекс способствовала возникновению в начале 80-х годов нескольких женских ассоциаций, например первой женской ассоциации – Комитет за правовое равенство мужчин и женщин (учрежденной в 1985 г. и признанной в 1989 г.). После 6-го съезда ФНО 27–28 ноября 1988 г. и принятия новой конституции в феврале 1989 г. появилось еще несколько женских организаций, которые поставили своей целью борьбу против всех форм дискриминации женщин и информирование женщин об их правах. Крупнейшей из них была «СОС-женщины в беде» (основана в 1991 г., официально зарегистрирована 3 февраля 1992 г.). В 1996 г. была создана РАШДА-RACHDA (Объединение против клеветы и за права алжирских женщин), а в 1997 г. – «Фатма Н'Суммер», названная в честь героини сопротивления кабилов французским войскам в середине XIX в. «Фатма Н'Суммер» оказывает материальную и психологическую помощь родственникам «исчезнувших» и жертвам терроризма, пытается вывести их из состояния изоляции. Эти ассоциации проводят исследовательскую работу по данной тематике. В 1999 г. «СОС – женщины в беде» провела семинар по теме насилия над женщинами. 8 марта 2004 г. ассоциация «Сеть Вассила» организовала «день исследования» на тему «Насилие над женщиной». Документы исследования под названием «Алжир, насилие террористов над женщинами: преступление против человечности» были опубликованы в 2005 г. и находятся в Центре информации и документации по правам ребенка и женщины (столица Алжира)[28].

Наибольшую озабоченность женщин после спада волны терроризма с 2000 г. вызывает Семейный кодекс. 22 февраля

2005 г. в него были внесены некоторые поправки. Они теперь позволяют женщине передавать гражданство своим детям. Установлен единый для мужчин и женщин брачный возраст. Разведенный мужчина должен обеспечить своей бывшей супруге жилье, если она будет воспитывать их детей. Жена больше не обязана подчиняться мужу, муж и жена имеют равные права и обязанности, жена может начать бракоразводный процесс из-за несовместимых взглядов и нарушения добрачного соглашения. Однако и после внесения поправок некоторые положения Семейного кодекса дискриминируют женщин, например, сохраняется многоженство, хотя и несколько ограничивается, существует неравенство женщин в правах наследования. Тем не менее женские ассоциации вначале восприняли реформирование Семейного кодекса как победу, и даже сегодня немало женщин, основываясь на слухах и не прочитав сам новый текст кодекса, оценивают его позитивно[29]. Однако многие женщины признаются в 2008 г., что их представления 2005 г. ныне кажутся иллюзорными. Фатима Бенбрахем, адвокат, известная активистка движения за права женщин, в интервью на вебсайте «Магаребия» (Magharebia.com) говорит, что «новый семейный кодекс вместо того, чтобы найти решение, породил проблемы». Адвокат Ахмед Хабаба приводит один из примеров: «Многие женщины, прожившие годы в конфликтах с мужем, поспешили потребовать развода, думая что они получат крышу над головой… Однако муж предоставляет судье сведения о своих низких доходах. В большинстве случаев судья присуждает расходы на квартирную плату в размере 6 000 динаров, зная, что средняя цена за однокомнатную квартиру в рабочем районе столицы приближается к 10 000 динарам. В лучшем случае женщина выбирает ветхое жилище, а в худшем возвращается в дом родителей или оказывается на улице»[30].

Правозащитное движение продолжает выражать озабоченность в связи с сохраняющейся дискриминацией женщин в области занятости. Число занятых женщин в Алжире небольшое – всего 15% экономически активного населения. В совместном докладе алжирского Национального экономического и социального совета и Программы развития ООН 2006 г. это объясняется «некоторыми ограничениями на рынке труда и социально-культурными факторами»[31]. Вместе с тем несомненны и некоторые достижения, прежде всего в городах. Согласно статистическим данным, опубликованным 2 мая 2006 г.,

женщины составляли 60% работников в области медицины, 55% – в СМИ, более 60% – в сфере образования, 30% специалистов высшего звена в области права[32].

В берберских регионах (Ореесе, Мзабе и Кабилии – основном берберском регионе) важнейшей составляющей борьбы за права человека является движение за признание прав в области берберской культуры и языка. После завоевания независимости Алжиром в 1962 г. власти, несмотря на большие заслуги берберов в национально-освободительной войне, игнорировали эти права. В Алжирской хартии 1964 г. и Национальной хартии АНДР 1976 г. подчеркивался арабо-исламский характер алжирской нации, провозглашался курс на арабизацию и ничего не говорилось о национальной идентичности берберов. Весной 1980 г. в Алжире состоялись массовые волнения берберов, вызванные запрещением конференции по древней берберской поэзии. Они, наконец, вынудили власти пойти на некоторые уступки берберам. С середины 1982 г. основные университеты страны стали уделять внимание культуре и языку берберов[33]. В 1983 г. алжирский президент впервые признал, что алжирская нация не является исключительно арабской, и впервые публично использовал термин «имазиген»[34].

После «берберской весны» заметно возросло влияние Берберского культурного движения (БКД), основанного в 1980 г. Оно потребовало признания берберского компонента алжирской нации, поддержки алжирской народной культуры, как арабской, так и берберской, официального признания берберского языка и разговорного арабского языка национальными и преподавания их на всех уровнях алжирской школы[35]. После 1988 г. БКД пыталось стать координатором движения берберов в защиту своей культуры и языка. К июлю 1989 г. в стране насчитывалось 154 берберские культурные ассоциации, а в 1998 г. их было уже несколько сот, почти в каждой деревне была своя ассоциация[36]. В 90-е годы по мере усиления активности исламистских боевиков, естественно, росла активность берберского движения. В 1996 г. власти сделали уступку берберскому движению, своему союзнику в борьбе против радикального исламизма, включив в преамбулу Конституции 1996 г. положение о том, что основными компонентами идентичности алжирского народа являются «ислам, арабизм и амазигизм». Берберское движение получило сильный импульс также после убийства певца и активиста за культурные и лингвистические права берберов Л.Матуба в июне 1998 г. и волнений в Кабилии в апреле 2001 г. Власти были вынуждены в обоих случаях пойти на новые уступки по вопросу о тамазигте. В 2001 г. берберский язык был официально признан вторым национальным языком Алжира.

Ситуация с правами человека в Алжире в последнее время несколько улучшилась. После принятия Закона о гражданском согласии в 1999 г., Хартии мира и национального примирения в 2006 г. и соответствующих декретов об амнистии волна террора снизилась. Заметно сократилось число произвольных задержаний. Однако АЛПЧ и АЛЗПЧ подчеркивают, что коренным образом положение с правами человека в Алжире можно изменить лишь путем проведения демократических реформ. В заявлении АЛПЧ 9 декабря 2006 г. по случаю принятия Всеобщей декларации прав человека критикуется политика правящего режима, подчеркиваются «слабость политических, социальных и экономических структур», процветание коррупции, контроль государства над обществом, репрессии против оппозиционных партий и правозащитных организаций, грубые нарушения экономических, социальных и культурных прав. Неграмотность составляет 36%, безработица достигла 35–40%. АЛПЧ выступает за принятие нового кодекса о труде[37]. АЛЗПЧ увязывает проблему прав человека с авторитарной системой правления и личностью самого президента страны. В речи, произнесенной в связи с открытием второго съезда АЛЗПЧ в сентябре 2005 г., ее председатель Абденнур, которого на этом съезде сменил Хосин Захуан, подверг жесткой критике правящий режим. Бутефлика, по его мнению, «обладает такой абсолютной властью, что ему могут позавидовать короли, использует стремление народа к миру, чтобы получить массовую поддержку на референдуме [по Хартии мира и национального примирения], которая позволит ему укрепить свою власть»[38].

Обе основные правозащитные организации в 2000-х годах выступали за отмену чрезвычайного положения. Они отмечали, что его сохранение угрожает правам человека и демократизации. В интервью газете «Эль-Ватан» председатель АЛПЧ Буджемаа Гешир указал, что даже некоторые представители сил безопасности признают, что в условиях относительной стабилизации нет необходимости в чрезвычайном положении. Само правительство заявляет о прекращении крупномасштабного терроризма в стране. Гешир не согласен с его утверждением, что общественно-политическая деятельность не прекращалась

в последние годы: ее могли осуществлять лишь проправительственные партии и ассоциации. Что касается правозащитных организаций и оппозиционных партий, то власти постоянно ограничивали их активность[39].

АЛПЧ и АЛЗПЧ проводят семинары, конференции и курсы по правам человека. АЛЗПЧ участвовала в создании Дома граждан в Тизи-Узу, в котором ведется просветительская работа в области прав человека. 31 января 2006 г. по инициативе АЛЗПЧ был создан Центр по правам человека в Алжире (ЦПЧА). Он был торжественно открыт нынешним председателем АЛЗПЧ Х.Захуаном и его почетным председателем Абденнуром в присутствии европейской делегации и представителей посольств. Захуан подчеркнул, что создание этого центра было бы невозможно без финансовой помощи Еврокомиссии. Абденнур, со своей стороны, отметил необходимость учреждения в Алжире института по правам человека, который стал бы примером для всего континента. Представитель делегации Еврокомиссии в Алжире обратила внимание на то, что алжирское министерство образования планирует ввести в школьные программы просветительский курс в области прав человека[40]. 30 марта 2006 г. АЛПЧ и АЛЗПЧ вместе с правозащитными организациями других стран Большого Магриба создали в Рабате Магрибинский координационный комитет организаций прав человека (*La Coordination maghrébine des organisations des droits humains*). Его цель – укрепление сотрудничества между магрибинскими ассоциациями гражданского общества.

Большое внимание правозащитные организации уделяют проблеме свободы алжирской прессы, которая является важным средством мониторинга и защиты прав человека. В рейтинге свободы прессы среди арабских стран она в 2007 г. находилась после Мавритании, Кувейта, ОАЭ, Катара, Ливана, Марокко, Бахрейна и Иордании и занимала 123-е место. До 2003 г. она занимала гораздо более высокое место: в 2002 г. – 95-е. С 2003 г. рейтинг свободы алжирской прессы заметно упал: 2003 г. – 108-е место, 2004 г. – 128-е, 2005 г. – 129-е[41]. Правительство оказывает давление на СМИ, ограничивает распространение информации, в которой критикуются власти за их политику в области прав человека, коррупцию, расхищение финансовых средств, раскрывается роль контрразведки в гражданской войне. Военная контрразведка осуществляет постоянный мониторинг СМИ. Значительное большинство журналистов вынуждено соблюдать самоцензуру. Правительство имеет рычаги экономического давления на частную прессу. Все газеты, за исключением «Эль-Ватан» и «Эль-Хабар», печатаются в государственных типографиях. Реклама, главный источник доходов частной прессы, заказывается исключительно Национальным издательским и рекламным агентством[42].

Параллельно с основными независимыми правозащитными организациями АЛПЧ и АЛЗПЧ в Алжире в 1990–2000-х годах действовал государственный правозащитный институт под разными названиями: в 1991–1992 гг. – Министерство по правам человека (МПЧ), в 1992–2001 гг. – Национальный наблюдательный комитет по правам человека (ННКПЧ, Observatoire National des Droits de l'Homme), с 2001 г. – Национальная консультативная комиссия по правам человека (НККПЧ, Commission Nationale Consultative de Promotion des Droits de l'Homme). И МПЧ, и ННКПЧ были созданы в критические моменты страны. Первый – в июне 1991 г. после введения чрезвычайного положения в связи ростом волны насилия, порожденной исламистами, их массовыми демонстрациями и угрозами в адрес правящего режима. Создание МПЧ и ННКПЧ должно было продемонстрировать заботу правительства об обеспечении законности и защиты прав человека, несмотря на введение чрезвычайного положения.

В марте 2001 г. Бутефлика учредил НККПЧ вместо ННКПЧ после многолетней критики работы ННКПЧ алжирской и международной общественностью, тем самым он стремился повысить престиж государственного правозащитного института. Его председателем был назначен адвокат Мустафа Фарук Ксентини. Комиссия состоит из 22 представителей правительственных учреждений и 23 представителей НПО, в том числе членов исламских организаций, Общества красного полумесяца и групп защиты прав женщин. Президент Алжира одобрил кандидатуры в члены НККПЧ, его бюджет и назначил секретариат из служащих президентской администрации. Комиссии поручено составлять доклады о правах человека, координировать свои действия с полицией и судебным ведомством, она должна служить посредником между правительством и населением и быть экспертом правительства по правам человека[43]. Однако по-прежнему государственный правозащитный институт не имеет права проводить самостоятельные расследования, пытается отвести критику от властей, преуменьшает нарушения

прав человека. Так, Ксентини в интервью третьему каналу Национального радио 4 ноября 2007 г. заявил, что в Алжире нет тайных центров содержания под стражей и практики пыток ни в отношении ни обычных граждан, исламистских экстремистов. Тем самым он опровергал обвинения Комитета по правам человека ООН. «Это посягательство на имидж Алжира», – возмущенно сказал Ксентини[44]. В отличие от АЛПЧ и АЛЗПЧ государственный правозащитный институт поддержал Хартию мира и национального примирения.

Решающую роль в становлении и укреплении правозащитного движения сыграл процесс демократизации с декабря 1988 г. по декабрь 1991 г. Именно в этот период наряду с политическими партиями появились новые и были официально зарегистрированы существовавшие раньше, но находившиеся на полулегальном положении или в подполье правозащитные организации, отстаивающие политические, гражданские, социальные и культурные права. Ситуация с правами человека в Алжире с конца 90-х годов улучшалась, однако очень медленно. Власти под давлением внутренних и внешних факторов были вынуждены сделать некоторые уступки, но основные правозащитные организации АЛПЧ и АЛЗПЧ связывали коренные перемены в области прав человека с проведением широких демократических реформ. Причем АЛЗПЧ, в которой имеется сильная берберская составляющая, более энергично и решительно отстаивала права человека по сравнению с АЛПЧ. АЛЗПЧ осудила введение в феврале 1992 г. чрезвычайного положения, в этом ее позиция совпала с позицией берберской партии Фронта социалистических сил и некоторых других политических партий. Что касается АЛПЧ, то она, как следует из высказывания ее почетного председателя Брахими, поддержала правительство. Вместе с тем надо подчеркнуть, что обе правозащитные организации уже в 1992 г. выступали за прекращение произвольных арестов, соблюдение Конвенции против пыток, минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Они проводят большую просветительскую работу в области прав человека. Деятельность правозащитных организаций способствует активизации гражданского общества, процессу политической либерализации, которая, со своей стороны, расширяет возможности для правозащитных организаций.

Власти пытались в некоторых случаях перехватить инициативу у независимых правозащитных организаций, создавая

лояльные себе ассоциации. Так, они легализовали в 1987 г. Лигу защиты прав человека Брахими и отказали в регистрации АЛЗПЧ. Первая организация родственников жертв терроризма была учреждена по инициативе правительства в 1994 г. Создавая эти ассоциации, власти надеялись внедрить «троянского коня» в правозащитное движение, вести мониторинг и контролировать его. Создание государственной комиссии по решению проблемы исчезнувших президент Бутефлика использовал в политических целях – как средство давления на армию и военную контрразведку, угрожая предать гласности их преступления, если бы военные помешали переизбранию Бутефлики на выборах 2004 г. С другой стороны, учреждая комиссию якобы по рекомендации председателя государственного правозащитного института НККПЧ Ксентини, который не мог заранее не согласовать свой шаг с властями, Бутефлика хотел поднять престиж этого института.

---

[1] Mohammed Harbi. Sur les processus de relégitimation du pouvoir en Algérie // Annuaire de l'Afrique du Nord 1989, tome 28. P., с. 134.

[2] Hamza Kaïdi. Pas de condoléances pour la SM // Jeune Afrique. P., 10–16 octobre 1990, № 1554, с. 29.

[3] Цитируется по: Extraits de «Chronologie du movement berbère, un combat et des hommes» de Ali Guenoun paru aux éditions Casbah Alger, 1999. // http://tafsutn80.free.fr/chrono1.htm

[4] Interview with Ali Yahia Abdennour. El Kadi Ihsan, Algeria Interface, 16.08.2000. //
http://www.algeria-watch.de/en/articles/1997_2000/itv_aya.htm

[5] News item, Agence France Presse wire service, 2 June 1992. – Цит. по: Susan E. Waltz. Human Rights and Reform: Changing the Face of North African Politics. Berkeley, 1995. //
http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft2t1nb1vf/

[6] Jocelyne Cesari. Algérie: contexte et acteurs du combat pour les droits de l'homme. // Monde arabe. Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1993, № 142, с. 30.

[7] Susan E. Waltz. Human Rights and Reform: Changing the Face of North African Politics. Berkeley, 1995.
http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft2t1nb1vf/

[8] Цит. по: 18-23 mai 2001. ALGERIE. Le rapport d'Nélène Flautre. //
http://www.algeria-watch.org/mrv/mrvrap/flautre_juin2001.htm

[9] Djamil Benrabah, president de l'association ONVTAD, à *Libre Algérie* // Le movement de defense des victims du terrorisme a été manipulé». Libre Algérie, 14 Février au 27 Février 2000 // http://www.algeria-watch.org/farticle/onvtad.htm
[10] Vanessa Flöge. Die Lage der Menschenrechte in Algerien. // http://www.weltpolitik.net/Regionen/Afrika/Teilregion%20Nordafrika/Grundlagen/Die%20Lage%20der%20Menschenrechte%20in%20Algerien.html
[11] Ligue Algérienne des Droit de l'Homme – LADH. Droits Humains et Gouvernance en Algérie. Boudjema Ghechir, president de la LADH. Alger le: 2-12-2003. // http://www.algeria-watch.de/fr/mrv/mrvrap/ladh_rapport_gouvernance.htm
[12] The Middle East and North Africa, 2007, c. 192.
[13] Там же, с. 193.
[14] Там же, с. 192.
[15] LADH-Ligue Algérienne des Droits de l'Homme. Memorandum. Pour une reconciliation nationale juste et durable. // http://aokas.forumactif.com/politique-f11/la-reconciliation-nationale-t5699.htm#56567
[16] Déclaration de la Coalition des associations des victims civiles du conflit armé en Algérie. «Vendémiaire», № 24. // http://www.geocities.com/actpol/V24AlgerieVictimes.html
[17] Journal Officiel de la République Algérienne, № 11. 28 février 2006. Ordonnance № 06-01 du 28 Moharram 1427 correspondant au 27 février 2006 portant mise en oeuvre de la Charte pour la paix et la reconciliation nationale. Décret présidential № 06-93 du 29 Moharram 1427 correspondant au 28 février 2006 relatif à l'indemnisation des victims de la tragédie nationale. // http://www.elmoudjahid.com/pdf/files/Document-Charte.pdf
[18] 1241 children victim of terrorism since 1994. Algeria, Politics, 5/22/1998. http://www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/980522/1998052217.html
[19] International Bureau for Children's Rights. Montréal, 2007. Making Children's Rights Work in North Africa: Country Profiles on Algeria, Egypt, Libya, Morocco and Tunisia. http://www.ibcr.org/Publications/CRC/CP_North_Africa_Rev13August2007_En.pdf
[20] United Nations. Committee on the Rights of the Child. Fortieth Session. Consideration of Reports Submitted by States Parties. Concluding observations: Algeria. // http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CRC.C.15.Add.269.En?OpenDocument
[21] International Bureau for Children's Rights. Montréal, 2007. Making Children's Rights Work in North Africa: Country Profiles on Algeria, Egypt, Libya, Morocco and Tunisia. http://www.ibcr.org/Publications/CRC/CP_North_Africa_Rev13August2007_En.pdf

[22] Concluding Observations: Algeria, 12/10/2005, CRC/C/15?Add. 269. // http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CRC.C.15.Add.269.En?OpenDocument
[23] «State of the World's Children 2007», UNICEF, table 7, pg 126,128. // http://www.unicef.org/sowc07/docs/sowc07.pdf
[24] Абд аль-Малик Хаддад. Атфаль аль-джаза'ир йу'анун! – Аш-Шихаб, 2005. // http://www.chihab.net/modules.php?name=News&file=article&sid=1073
[25] International Bureau for Children's Rights. Montréal, 2007. Making Children's Rights Work in North Africa: Country Profiles on Algeria, Egypt, Libya, Morocco and Tunisia. http://www.ibcr.org/Publications/CRC/CP_North_Africa_Rev13August2007_En.pdf
[26] Algeria. Country Reports on Human Rights Practices-2007, released by the State Department Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, March 11, 2008. // www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2007/index.htm
[27] Zahia Smail Salhi. Algerian women, citizenship, and the «Family Code». – Gender and Development. Oxford, November 2003, vol. 11, № 3. // http://www.learningpartnership.org/citizenship/wp-content/uploads/algerian-women-family-code.pdf
[28] Chlotilde Lebas. Université Paris-X Nanterre. Département d' Ethnologie et de Sociologie comparative. Relations familiales, norms genres, et militantisme feminine en Algérie: Jalons pour une anthropologie de la violence. Projet de these. Année 2005/2006. // http://terra.rezo.net/IMG/pdf/LEBAS_Chlotilde.pdf
[29] Achira Mammeri, Algiers. Algeria: Women cite problems with implementation of new family code. Date Written: 15 February 2008. Document Origin: Magharebia.com. // http://www.africafiles.org/article.asp?ID=17529
[30] Там же.
[31] L'emploi des femmes en Algérie. 17 février 2007. // http://www.algerie-dz.com/article8304.html
[32] Algeria. Country Reports on Human Rights Practices-2006, released by the State Department Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, March 2007. // http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2006/78849.htm
[33] Ланда Р.Г. История Алжира: XX век. М., 1999, с. 196.
[34] Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее. М., 2003, с. 62.
[35] The Berber Tamazight Movement in Morocco and Algeria, by Amin Kazak. http://www.amazighworld.org/history/modernhistory/berber_movement_morocco_algeria.php

[36] *[Race, Gender & Class [Southern University at New Orleans], 8/3, 2001, p. 135-156.]* Berber challenge in Algeria: The state of the question [1998]. *By Salem Chaker Professor of Berber, INALCO, Paris. Salem.Chaker@Inalco.fr. Translated from French by Hsen Larbi (with the collaboration of Laurie & Amar Chaker) //*
http://www.inalco.fr/crb/pages_html/webdoc/berber%20challenge.pdf
[37] Déclaration de la Ligue Algérienne des Droits de l'Homme – LADH. A l'occasion de la 58eme anniversaire de la declaration universelle des droits de l'homme. 1-12-1948 – 10.12.2006. //
http://www.algeria-watch.de/fr/mrv/mrvrap/ladh_combat.htm
[38] Clôture du deuxième congrès de la LADDH. Hocine Zahouane succède à Ali Yahia Abdennour. El Watan, 24 septembre 2005. //
http://www.algeria-watch.de/fr/mrv/mrvrap/zahouane_succede.htm
[39] Maître Boudjemaâ Ghechir. Président de la LADH. «Epée de Damoclès sur la démocratie. El Watan, 22 avril 2004. //
http://www.algeria-watch.de/fr/article/pol/etat_urgence/ghechir_etat_urgence.htm
[40] Un centre pour les droits de l'homme en Algérie. Mardi 31 janvier 2006. Synthèse de Mourad. D'aprés le Quotidien d'Oran. //
http://www.algerie-dz.com/article4119.html
[41] См. в Интернете ежегодные рейтинги свободы прессы (Организация «Репортеры без границ») за соответствующие годы: Annual Worldwide Press Freedom Index.
[42] Vanessa Flöge. Die Lage der Menschenrechte in Algerien. //
http://www.weltpolitik.net/Regionen/Afrika/Teilregion%20Nordafrika/Grundlagen/Die%20Lage%20der%20Menschenrechte%20in%20Algerien.html
[43] Algeria. Country Reports on Human Rights Practices-2007, released by the State Department Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, March 11, 2008. // www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2007/index.htm
[44] «L'Expression». Monamed Touati.Ksentini à propos des «centres détention secrets». «C'est la bouffonnerie». 04 Novembre 2007-Page: 24. //
http://www.lexpressiondz.com/article/2/2007-11-04/46874.html

Н.М.Мамедова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСЛАМСКИХ СТРАН И ИРАНА

В последние годы постоянно говорится о возросшей политической роли ислама. Она проявляется в активизации деятельности политических партий исламского толка и в усилении роли исламских принципов в государственном строительстве разных стран, что наиболее полно и отчетливо воплотилось в Исламской Республике Иран.

Безусловно, что политический потенциал исламских стран, их способность влиять на мировые или региональные процессы в значительной мере зависят от уровня их социально-экономического развития. В этой связи заслуживает внимания предпринятая в статье попытка определить экономический потенциал исламских стран, их место в мире и, конечно, место Ирана в группе исламских стран. При этом рамки статьи ограничены только анализом того положения, которое сложилось на начало 2007 г., а заявленная тема будет рассмотрена через такие параметры, как макроэкономические показатели и ситуация в нефтегазовой сфере.

Ниже приводятся данные о характере макроэкономических показателей по группе стран по состоянию на вторую половину текущего десятилетия.

К исламским странам отнесены те государства, в которых более 50% населения исповедуют ислам (см. таблицу). Поэтому статистические данные относятся к этим странам, а не к исламскому миру в целом, и не к странам-членам ОИК. Это не значит, что потенциал исламского мира меньше, он может быть и больше, так как в ряде стран, отнесенных к исламским, достаточно высок процент немусульманского населения и, соответственно, доли ВВП, созданного им. Основными статистическими источниками стали Отчет Всемирного банка за 2007 г., данные национальной статистики по отдельным странам, издания Центрального банка ИРИ за 2007 г. и 2008 г.

Таблица

Макроэкономические показатели

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Азербайджан	8	21	15,6	1850	5960	38	1,9	18	1,7	5,9	5,0
Афганистан	25	8		350	800		8,0	100	6,0	0,4	3,8
Киргизия	5	2,7	3,8	490	1990	17	2,0	54	0,04	0,8	1,7
Туркмения	5,1	10,5		3250	8900	23	1,1	16	0,06	5,3	3,1
Казахстан	15	77,2	10,1	3790	7780	25	43,4	106	2,0	38,0	23,2
Таджикистан	7	2,8	9,1	390	1410	15	1,0	41	0,05	1,4	1,7
Узбекистан	27	17,2	5,7	610	2250	26	4,2	34	0,05	5,4	3,9
Иран	70,5	222,9	5,7	3000	8490	33	21,3	13	0,03	75,2	51,1
Турция	73	402,7	5,6	5400	9060	27	171,1	59	9,8	85,1	137,0
Бангладеш	144	62	5,6	480	2340	25	18,9	22	0,8	12,0	16,1
Пакистан	159	128,8	5,4	770	2500	20	33,7	30	2,2	16,9	29,8
Бахрейн	0,7	11	5,3	14370	18770	…	…	…	…	2,5	2,0
Оман	3	24,3	3,0	9070	14570	18	3,5	14	0,7	22,3	10,3
ОАЭ	4,6	103	3,4	23950	23990	…	…	…	…	50,0	40,0
Ирак	24	59		2400	4000	…	…	…	…	15,0	10,0
Кувейт	3	80,8	7,3	30630	29200	20	-	-	0,25	54,5	16,3
Катар	0,8	17		21000	21000	…	…	…	…		
Сирия	19	34,9	4,0	1570	3930	21	6,5	27	0,4	8,8	9,7
Египет	75	107,5	4,0	1350	4690	19	34,1	36	5,4	13,7	20,6
Иордания	6	14,2	6,3	2660	6210	26	7,7	65	1,5	5,1	11,5
Ливан	4	22,7	3,7	5490	5460	21	22,4	114	2,6	2,8	9,6
Алжир	33	114,7	5,0	3030	6900	30	16,9	21	1,1	52,8	21,0
Тунис	10	30,3	4,6	2970	8490	24	17,8	69	0,7	11,5	14,9
Сауд.Ар.	24	309,8	4,2	12510	16620	16	…	…	…	208,7	65,0
Марокко	30	57,3	4,4	1900	5000	26	16,8	34	1,6	12,6	23,3
Судан	37	37,6	6,9	810	2160	25	18,5	88	2,3	5,3	7,4
Ливия	6	44	3,6	7380		…	…	…	…	11,8	6,5
Йемен	22	19,1	3,9	760	920	…	5,4	32	-0,3	8,1	5,8
Индонезия	223	364,5	4,9	1420	3950	24	138,3	55	5,3	104	78,4
Малайзия	26	148,9	5,1	5490	11300	19	51	46	4,0	160,6	131,0
Гвинея	9	3,3	2,9	410	2410	13	3,2	35	0,1	0,9	0,9
Нигер	14	3,5	3,7	260	830	19	2,0	25	0,01	0,5	0,8
Нигерия	145	114,7	5,9	640	1050	21	22,2	34	2,0	52,0	23,0
Мавритания	3	2,7	5,0	740	2600	23	2,3	117	0,1	1,3	0,7
Эритрея	5	1,1	2,7	200	1090	19	0,7	57	0,01	0,01	0,4
Мали	14	5,9	5,7	440	1130	24	3,0	30	0,2	1,4	1,6
Сенегал	12	8,9	4,5	750	1840	24	3,8	34	0,05	1,5	3,5
Буркина-Фасо	14	6,2	5,7	460	1330	…	2,0	22	0,02	0,4	1,5
Сьерра-Леоне	6	1,4	12,3	240	850	15	1,7	41	0,06	0,2	0,4
Бруней	0,4	5	…	12000	…	…	…	…	…	…	…
Сомали	8,5	4	…		600	…	…	…	…	0,1	0,3
Гамбия	1,5	0,5	…	310	1970	…	...	…	…	9,0	10,0
Мальдивы	0,3	0,9	…	2680	2680	…	…	…	…	…	…
Албания	3	9,1	5,3	2960	5840	26	1,8	19	0,3	0,8	3,0
Итого, мир	6518	48244,9	3,0	7439	10218	21	2742**		974,3	12063	12278

…окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Исл.страны	1325,4	2723,6	5,5	2060	5500		688,2	25,3	51,7	1065	806
Уд.вес	20,3	5,6- 8,3*					25,1		5,3	8,8	6,6
Уд.вес Ирана	1,1/ 5,3	0,5/ 8,2					0,8/ 3,1	13	-/-	0,6/ 7,1	0,4/ 6,3

Показатели: 1 – страна; 2 – население, млн. чел.; 3 – ВВП, млрд. долл.; 4 – % прироста ВВП в 2000–2006 гг.; 5 – ВНД на душу населения в долларовом эквиваленте по официальному курсу; 6 – ВНД на душу населения по ППС; 7 – норма капиталовложений; 8 – внешний долг (2005 г.), млрд. долл.; 9 – внешний долг (% к ВВП); 10 – иностранные инвестиции, млрд. долл.; 11 – экспорт, млрд. долл.; 12 – импорт, млрд. долл.

Источник: 2007.World Bank, по отд. странам-CIA,2007, или прогнозные оценки.

* – по ППС. ВНД по ППС по странам в порядке, определенном в таблице (млрд. долл.): 51,12,10,20,119,9, 60, 587, 661, 338, 398, 12, 37, 103, 64, 74, 17, 77, 354, 35, 22, 230, 86, 384, 152, 80, 45, 20, 881, 291, 6, 12, 152, 8, 5, 15, 22, 18, 5, 5, 4, 2, 0,9, 18.

** – внешний долг группы стран с низким и средним уровнем дохода.

Проведенные подсчеты показали, что доля исламских стран в населении мира составила к началу 2007 г. 20,3%, Ирана – 1,1%, доля Ирана в группе исламских стран весьма невелика – 2,6%. Можно ли ожидать, что доля исламских стран в населении мира увеличится? Среднемировой годовой прирост населения в 2000–2006 гг. составил 1,2%, в большинстве исламских стран он был выше – от 1,4 до 2,0%. В самой крупной по исламскому населению Индонезии – 1,3%. Эта тенденция делает вероятность повышения доли мусульманских стран высокой, но только в том случае, если не будет изменена демографическая политика в Китае, где прирост составил 0,6%, т.е. почти как в группе стран с высоким уровнем дохода (0,7%, а в Европе и Центральной Азии-0%). Но если демографические ограничители в Китае будут смягчены, то видимо, увеличения доли мусульманских стран не произойдет, а будет изменяться только структура населения христианских и мусульманских стран в сторону увеличения доли мусульманских.

Место в мировом ВВП

В 2006 г. доля исламских стран в мировом ВВП составила 5,6%, т.е. была в 3,5 раза меньше, чем в населении мира. Однако в пересчете по паритетам покупательной способности (ППС) на-

циональных валют, что более реально отражает истинное положение национальных экономик, она гораздо выше, а именно – 8,3%. Но даже и в этом случае их доля в мировой экономике оказывается неизмеримо меньшей по сравнению с долей в населении – почти в 2,5 раза.

Иран в мировом ВВП занимает всего 0,5%, по ППС – 0,9%, (в 2005 г. – 1%). Разница с удельным весом в населении при сопоставлении с ВВП по официальному курсу довольно велика – в 2,2 раза, но этот разрыв гораздо ниже, чем у мусульманских стран в целом. При подсчете же ВВП Ирана по ППС, доли в мировом ВВП и мировом населении практически одинаковы. Особенно заметен более высокий уровень экономического потенциала Ирана в сопоставлении со всей группой исламских стран. Доля Ирана в ВВП исламских стран составила 8,2% (в долларовом эквиваленте), а по ППС – 10,7%, т.е. больше, чем в 3 и 4 раза его доли в населении исламских стран, которая составляет 2,6%. Таким образом, в настоящее время экономика Ирана вносит значительный вклад в экономический потенциал исламских стран не столько за счет демографического потенциала, сколько за счет создаваемого этим населением дохода.

Разрыв в уровнях демографического и экономического положения обостряет проблему занятости. С одной стороны, рост населения обеспечивает исламским странам прирост трудовых ресурсов, но с другой, решение проблемы занятости этой рабочей силы невозможно только за счет ее миграции и требует ускорения роста ВВП. Иран не является исключением. Согласно переписи населения 2006 г., трудоспособное население Ирана (от 10 лет и старше) составило 59,5 млн. чел. из общей численности в 70,5 млн. Активное население, т.е. занятые и безработные, оценивалось в 23,5 млн., или 39,4% трудоспособного населения, занятость 20,7 млн. Официальный уровень безработицы (2006) – 12,8%, в 2007 г. прогнозируется до 15%, т.е. почти 3 млн. чел. В структуре трудоспособного населения второе место после активного населения (30%) занимают домохозяйки. Не исключена вероятность того, что часть их занимается ведением хозяйства по причине того, что они не нашли спроса на рынке труда, а это представляет собой разновидность скрытой безработицы. Особенно напряженной представляется ситуация в Тегеране с его населением в 13,4 млн. (так называемом большом Тегеране), и это без учета нелегальных мигрантов, численность которых оценивается в 5–6 млн. чел.

Динамика ВВП Ирана, хотя и отличалась значительными колебаниями, в целом была положительной, и среднегодовой темп прироста за 1992–02 гг. составил 3,6%,[1] а в 2000–06 гг. – 5,7%. При этом темпы роста ВВП (без нефти) опережали темпы роста общего ВВП. Из-за осложнений отношений Ирана с мировым сообществом, которые связаны с реализацией Ираном его ядерной программы и уменьшением притока иностранного капитала в страну, Мировой банк прогнозирует снижение темпов прироста ВВП в 2005–2009 гг. до 5,4%, в 2006–2010 гг. – до 4,7%. При этом необходимо отметить, что мировыми статистическими центрами в 2006 г. прогнозировалось снижение ВВП по результатам 2006 г. до 193 млрд. долл. Однако действие этих указанных выше факторов, безусловно, влияющих на снижение экономического роста, было в значительной степени перекрыто другими, работающими на повышение. Главным фактором стало повышение цен на нефть на мировом рынке. В результате прирост ВВП (в постоянных ценах) составил за 2006 г. 5,8%[2]. Это безусловно позитивный результат. К числу негативных последствий нужно отнести то, что не удалось остановить рост инфляции. Правда, за 2006 г. удалось снизить официальный уровень инфляции до 13,6% вместо 15,9% в 2005 г. Однако для населения более значимым стало то, что индекс потребительских цен достиг 15,8%, т.е. оказался выше общего индекса цен, и данные за первое полугодие 2007 г. говорят о начавшемся витке инфляции, вызванном ростом цен на топливо. При этом все расчеты по Четвертому плану, а следовательно, и бюджетные показатели исходили из среднегодового уровня в 9,9%. Поскольку Четвертый план предусматривал полную отмену дотаций на топливо к марту 2009 г., можно прогнозировать и дальнейший рост инфляции.

Иран имеет приближенную к оптимальной структуру ВВП. В целом в странах со средним уровнем дохода она в 2006 г. определялась следующим соотношением: сельское хозяйство – 9%, промышленность – 36%, услуги – 55%. В целом в мире соответственно – 3%, 28%, 69%, в странах с наиболее высоким уровнем – 2%, 26%, 72%. В Иране доля сельского хозяйства составила 10%, промышленности, включая нефтяную и энергетику, – 45%, доля услуг – 45%. Конечно, доля промышленности более чем вдвое в 2006 г. формировалась за счет нефтяной

отрасли (27%). За счет экспорта нефти обеспечивается более 80% всех валютных поступлений и почти половина всех бюджетных доходов. Нефтяные поступления продолжают оставаться главным фактором, влияющим на колебания трендов ВВП, поэтому, несмотря на положительную динамику ВВП, степень ее нестабильности остается весьма высокой и зависимой от мировых цен на энергоносители.

Экономический потенциал любой страны и любого региона зависит от уровня социально-экономического развития, который чаще всего измеряется расчетом ВНД (валового национального дохода) на душу населения. В 2006 г. этот показатель составил по миру в целом – 7439 долл., по ППС – 10218 долл. К группе стран с низким и средним доходом отнесены страны с размером ВНД на душу населения в 2000 долл. или 5664 долл. по ППС. По нашему расчету средний доход в исламских странах составил в 2006 г. – 2060 долл., по ППС – 4153 долл. Таким образом, в целом исламские страны попадают в группу с низким и средним доходом.

ВНД Ирана в 2006 г. в расчете на душу населения составил 3 тыс. долл., а по ППС – 8490 долл., т.е. он вполне обоснованно может быть отнесен к более высокой группе – странам со средним уровнем дохода.

В последние годы часто оперируют таким показателем, как индекс человеческого развития, который вбирает в себя индексы ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования и ВВП. Хотя этот показатель относится к системе показателей, используемых неолиберальной концепцией, его в какой-то мере можно отнести и к показателям, которые могут быть использованы также и в концепции устойчивого развития с точки зрения такого ее аспекта, как устойчивость внутренней системы. ИЧР Ирана главным образом в результате мер, принимаемых правительством по улучшению образования и здравоохранения, превышает 0,7 (как и в группе постсоветских стран), в то время как в ряде мусульманских африканских стран он не превышает 0,3.

Для макроэкономической характеристики стран чрезвычайно важным является такой показатель, как норма валовых капиталовложений, дающая представление о том, насколько эффективно расходуется создаваемый в стране валовой продукт.

Норма капиталовложений в 2006 г. в целом по всем странам мира составила 21%, по группе стран с низким и средним

доходом – 26%. Нужно сказать, что в последние пять лет особенностью использования ВВП стало то, что наиболее высокие темпы роста капиталовложений показывали страны с низким уровнем дохода, страны Южной Азии и мусульманские страны Среднего Востока и Северной Африки. Норма валовых накоплений в этой группе стран за 1995–2005 гг. поднялась с 12,4% до 34,9% в 2005 г., при этом вклад частного сектора в общенациональные инвестиции увеличился с 53,9% до 74,8%. Иран оказался в русле этой тенденции. Среднегодовой прирост валовых капвложений (в постоянных ценах) составил в 2000–2005 гг. 9,5%, т.е. почти вдвое опережал темпы прироста ВВП. Рост инвестиционного коэффициента в последние годы обеспечивался за счет роста вложений в оборудование, что ускорило процесс модернизации и ввод в строй готовых предприятий. Положительным, безусловно, являлось то, что 85% вложений в оборудование обеспечивал частный сектор. Это в значительной степени компенсировало падение ВВП в предыдущие годы и стало вторым по значимости фактором в 2005–07 гг., обеспечив рост ВВП. Но уже в 2005 г. темпы прироста валовых капиталовложений снизились на 4,4% по сравнению с 2004 г. (прирост в 2004 г. составлял 7,1%). Темп прироста капиталовложений в 2006 г. снизился до 5,8%. – из-за снижения деловой активности частного сектора в результате санкций, наложенных на Иран США и Советом Безопасности ООН, норма капиталовложений также снизилась до 33%. Но этот показатель продолжает оставаться одним из самых высоких не только среди исламских стран, но и в мире, поэтому вероятность сохранения экономической стабильности на ближайшие годы сохранится вне зависимости от колебания мировых цен на нефть.

С проблемой капиталовложений довольно тесно связан уровень использования иностранных капиталовложений. Привлечение иностранных инвестиций, ставшее одним из основных механизмов реализации практики неолиберализма, Иран также пытается использовать. И нужно сказать, что в начале 2000-х годов рейтинги Ирана, с точки зрения безопасности и привлекательности для иностранных капвложений, неуклонно шли вверх.

По данным платежного баланса, при правительстве Хатами приток капитала неуклонно повышался (2003 г. – 2533 млн. долл., 2004 г. – 4476 млн. долл., 2005 г. – 7388 млн. долл.). Однако ухудшение отношений Ирана с США и другими страна-

ми после смены правительства в 2005 г. привели к оттоку капитала (411 млн. долл. за 2005 г., 5,6 млрд. долл. за 2006 г.). В результате накопленные прямые иностранные инвестиции уменьшились до 30 млн. долл. Другими словами, доля Ирана в использовании иностранных инвестиций не только в мире, но и по группе исламских стран ничтожна мала. Одним из главных препятствий для притока иностранного капитала в Иран, стимулирующим рост внешнеторгового оборота, является не столько отсутствие более льготного для иностранного капитала законодательства, чем ныне действующее, сколько позиция США в отношении Ирана и снижение общей предпринимательской активности в стране, особенно в производственной сфере. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций в 2003/4 гг. составил всего 2,4 млрд. долл., в 2006 г. – 1,5 млрд. долл., в т.ч. на условиях «бай-бэк» – 1,3 млрд. долл. Относительно привлекательный режим для капиталовложений и внешней торговли действует в свободных экономических зонах, где допускается 100% участие иностранного капитала, освобождение на 15 лет от налогов, создание частных банков, страховых компаний, отделений иностранных банков. Несмотря на заключение в 2007 г. ряда соглашений с иностранными компаниями, сальдо чистого притока иностранного капитала с большой долей вероятности будет за 2007 г. отрицательным. Хотя общий объем накопленных инвестиций может и снизиться, тем не менее, по иранским данным, в т.ч. по сообщению директора отдела внешних инвестиций министерства экономики и финансов, объем зарубежных инвестиций в конце 2007 г. составил 11 млрд. долл., которые пошли на реализацию 70 проектов (в области связи, металлургии, нефтехимии и др.). Главными инвесторами в настоящее время являются Турция, ОАЭ, Китай, Индия, Германия, Франция, Италия. На 2008 г. планируются инвестиции в строительство двух нефтехимических объектов и одного металлургического комбината.[3]

Однако реализация этих проектов под вопросом, не говоря уже о проектах освоения нефтегазовых месторождений, которые могли бы дать быстрый экономический эффект для национальной экономики, а также для соседей по региону. Запланированный к 2014 г. рост добычи нефти до 5,3 млн. бар/д. потребует новых инвестиций в 150–160 млрд. долл., а выполнение двадцатилетней программы развития нефтяной отрасли – 499 млрд. долл.[4]

В целом же на группу стран с низким и средним доходом в 2006 г. пришлось 28,8% новых мировых иностранных инвестиций, а на долю исламских стран – всего 5,3%. Это ниже, чем доля исламских стран в мировом ВВП. Давать этому факту однозначную – положительную или отрицательную – оценку мы не можем. Хотя, как показал опыт мирового развития, в современный период использование иностранных инвестиций приносит больше плюсов в процессе экономического развития.

Безусловным минусом широкого использования иностранных инвестиций может стать рост внешнего долга. Наиболее корректно можно попытаться определить удельный вес исламских стран в сумме внешнего долга по группе стран низшего и среднего уровня доходов, так как именно на эту группу стран приходится наибольший объем внешних заимствований. Доля исламских стран в этой сумме долга составила 25,1%, а доля внешнего долга всех исламских стран к их совместному ВВП – 25,3%. Таким образом, каждая четвертая часть ВВП – это внешний долг. Особенно сложное положение в Ливане, Мавритании, Казахстане (100%), достаточно напряженная ситуация в Турции, Иордании, Судане, Индонезии. На Иран приходится всего 3,1% долга исламских стран, а доля внешнего долга Ирана к ВВП составляет 13%, что не считается обременительным для экономики. Рост внешнего долга произошел за 2004 г. с 13,6 млрд. долл. до 21,3 млрд. долл. из-за роста краткосрочных коммерческих заимствований. Но к концу 2006 г. он сократился до 14,8 млрд. долл., или до 7,6% от ВВП.

Несмотря на сокращение притока капитала, необходимость выплат по внешнему долгу из-за роста цен на нефть и положительное сальдо торгового баланса (в 2006 г. составило 19 млрд. долл. и только за 1-е полугодие 2007 г. – 14,6 млрд. долл.), уменьшения валютных резервов Ирана фактически не произошло. Прирост валютных резервов по состоянию на конец 2006 г. составил 13,5 млрд. долл., а сами они уменьшились, но незначительно (на начало 2006 г. до 47,8 млрд., на конец года до 47,1 млрд. долл.).

Участие исламских стран в мировой торговле (15,4%) вдвое превышает их долю в мировом ВВП. Тем не менее их позиции можно рассматривать как сильные только с точки зрения наполнения нефтяного рынка. Ни суммарный экспорт исламских стран, ни их импорт не превышает экспорт и импорт Китая и Индии.

Доля Ирана в мировом экспорте – 0,6%, в импорте – 0,4%, но в группе исламских стран на долю Ирана приходится 7,1% всего экспорта исламских стран и 6,3% импорта. Внешнеторговый баланс в целом для мусульманских стран положительный, главной причиной этого является экспорт нефти. Доля промышленного экспорта, характеризующего уровень индустриального развития страны, высока только в тех странах, которые не вывозят сырой нефти и газа. Это прежде всего Бангладеш – 90%, Турция – 82%, Пакистан – 82%, Малазийя – 75%. Доля промышленного экспорта в большинстве нефтяных стран ниже 10–15%. Иран также не является исключением. Доля промышленного экспорта Ирана – 9% (как и в Саудовской Аравии).

Все правительства Ирана – и до, и после революции – ставили своей приоритетной задачей увеличение ненефтяного экспорта. Ненефтяной экспорт стал заметно расти после 90-х годов. В 1990 г. ненефтяной экспорт составлял 1,2 млрд. долл., а в 2006 г. – уже 12 млрд. долл. т.е. вырос в 10 раз, не считая 7,7 млрд. экспорта услуг. Почти 80% ненефтяного экспорта – это продукция обрабатывающей промышленности и ковры. Экспортными стали черная металлургия, нефтехимия, автомобилестроение. Однако экспортные отрасли находятся в зависимости от импортных поставок полуфабрикатов и оборудования, поэтому колебания в поставках комплектующих, неизбежные при расширении санкций, могут негативно отразиться на функционировании технологически новых производств, являющихся экспортными.

Величина импорта в Иране продолжает зависеть от экспорта нефти. Основные покупатели иранской нефти – Япония, Китай, Франция, Италия. Торговый баланс – преимущественно активный. Более половины импорта составляют полуфабрикаты для промышленности, более 20% – оборудование, до 2 млрд. долл. тратится на закупки продовольствия (зерна, мяса). Если иранский экспорт в последние годы отчетливо стал переориентироваться на азиатский рынок, то иранский импорт ориентирован главным образом на европейские страны. Наибольший удельный вес в иранском импорте занимают Германия, Франция, Италия, в последние годы стал расти импорт из Китая, Кореи, Индии, а также малых европейских стран – Швейцарии, Швеции, Австрии, Бельгии. Почти до 20% возросла доля импортных поставок из ОАЭ, через которые в Иран по-

ступает главным образом продукция европейских и американских компаний. Таким образом, принимаемые СБ ООН санкции по ограничению импорта в Иран в большей степени затрагивают интересы европейских стран. Интересы же азиатских стран связаны в основном с поставками из Ирана энергоресурсов.

Если говорить в целом об экономическом потенциале исламских стран, то они демонстрируют в 2000-х годах достаточно высокую динамику экономического роста, позволяющего им не только не терять своего удельного веса в мировой экономике, но и наращивать его.

Ирану, если исходить из макроэкономических показателей, удалось достичь еще больших сдвигов, воспользоваться ростом цен на нефть и нарастить основной капитал как базовую основу для дальнейшего роста. Однако чрезвычайная зависимость его экономики от нефти продолжает ставить его экономическое развитие в зависимость от состояния внешнеполитических, международных отношений, влияющих и на внешнеэкономические связи.

Место исламских стран и Ирана в мировом нефтегазовом балансе

В мире достоверные запасы оцениваются в 155 млрд. т, 75% – в Азии, в том числе 65% – в зоне Персидского залива. По данным «BP Statistical Review of World Energy 2005», доля Саудовской Аравии в мировых запасах составляет 22,1%, Ирана – 11,1%, Ирака – 9,7%, Кувейта – 8,3%, ОАЭ – 8,2%.

В добыче нефти исламские страны, а это все страны Персидского залива, также занимают лидирующие позиции. На долю стран БСВ приходится треть всей добычи нефти (в т.ч. Саудовская Аравия – 13,2%, Иран – 5,1%, Кувейт – 3%, ОАЭ – 3,3%, Ирак – 2,5%, Казахстан – 1,6%, Азербайджан и страны Центральной Азии – 1,0%.) В области газа доля исламских стран главным образом определяется запасами газа в Персидском заливе, в основном это запасы Ирана (15,3% мировых запасов) и Катара. Кроме того, крупными запасами обладают Туркмения и Казахстан.

В Иране добыча нефти составляет в среднем 3,5–3,7 млн. барр/д. (175–185 млн. т в год), экспорт 2,5–2,6 млн. барр/д. (125–130 млн. т) в зависимости от квоты ОПЕК. В 2006 г. и начале 2007 г. иран-

ская квота была увеличена до 4,1 млн.барр/д. Но структура производства не сбалансирована с потребностями внутреннего рынка. Постоянно растущий спрос на бензин не удовлетворяется за счет собственного производства (40 млн. л/д), а керосин, мазут, дизельное топливо в 2000–05 гг. экспортировались, но в 2006 г. стало импортироваться и дизельное топливо. Нужно сказать, что нехватка бензина на внутреннем рынке определяется не только недостаточными объемами производства, но и нелегальным вывозом дешевого иранского топлива в соседние страны. Зависимость от импорта ощутима, особенно в условиях эмбарго на импорт бензина. В 2007 г. меджлис принял закон о введении квот на продажу бензина. Для разрешения «бензинового кризиса» также разрешено участие частного капитала в нефтеперерабатывающей промышленности, строящиеся и введенные новые мощности нацелены главным образом на производство бензина.

Конечно, для внутренней ситуации в Иране колебания в ценах на топливо имеют значение, но, на мой взгляд, они вполне решаемы. В целом позиции Ирана на мировом нефтяном рынке в условиях постоянно растущего спроса мировой экономики на нефть достаточно крепкие. Иранская нефть по качеству – одна из лучших, легко добываема, каналы сбыта отработаны. В связи с возможными санкциями по ограничению вывоза нефти Иран последние три-четыре года заметно переориентирует свои нефтяные потоки с европейского рынка на азиатский.

Более сложной является ситуация для Ирана на мировом рынке газа. Добыча газа в Иране составляет 65–70 млрд. куб. м, добываемый газ потребляется практически внутри страны. Прогнозные оценки потребления на 2010 г. – 136 млрд. куб. м, на 2020 г. – 244 млрд. При этом Иран поставил целью стать ведущим мировым экспортером к 2025 г. Половина запасов иранского газа находится на материковых и половина – на шельфовых месторождениях

Производство газа ведется сейчас в основном за счет попутного газа нефтяных месторождений. Месторождения природного газа богаты конденсатом. Высоко содержание этана, из которого легко получить этилен (основной продукт для нефтехимии). Несмотря на огромные запасы доступного к добыче газа, Иран пока не стал его нетто-экспортером. По 200-километровому газопроводу Карпаче (Туркмения) – Кордкуи (Иран)

газ поставляется в северные районы Ирана, и практически то же количество Иран поставляет в Турцию. Почти треть добываемого в Иране газа закачивается в скважины, часть сжигается. Газ используется главным образом для внутреннего потребления, так как после распада СССР прекратились его поставки по газопроводу Канган – Астара, через который значительная часть добываемого и ранее сжигаемого газа поставлялась в СССР. Электростанции и промышленные предприятия активно переводятся с мазута на газ, развита сеть внутренних газовых сетей и бытовых потребителей газа. Из-за отсутствия системы подземных газовых хранилищ нередки перебои в эксплуатации магистральных газопроводов. В 2002 г. был пущен в эксплуатацию экспортный газопровод в Турцию. Заканчиваются работы по строительству газопровода в Армению. Из Астары проложена нитка газопровода для поставок газа в Нахичевань, по которой Грузия получала иранский газ после несогласия с ценами на российский газ (иранский обошелся ей не дешевле). В стадии проектирования находится газопровод в Пакистан и Индию. Хотя соглашения по этому проекту подписаны на самом высоком уровне, особенно сразу же после принятия Ирана, Индии и Пакистана в ШОС на правах стран-наблюдателей, разногласия между Индией и Пакистаном, вмешательство США пока не привели к практической реализации этого проекта. Вероятно, будут параллельно осуществляться два проекта: одна нитка в Пакистан, другая в Индию, но по морю.

На энергетическую ситуацию сильное влияние оказывает политика США в регионе, который они объявили зоной своих интересов. По признанию известного аналитика Ариэля Коэна, «США должны максимально сохранить свою деятельность в регионе», поскольку «нужно продолжить оказание помощи правительствам в Индии, Китае и Пакистане в планах строительства альтернативных маршрутов энергоэкспорта, которые могли бы бросить вызов российской транспортной монополии»[5]. Помимо цели минимизации влияния России в регионе, очевидной является задача изоляции Ирана, а также вытеснение Ирана и России из Каспийского региона. Так, Турция под давлением США периодически под разными предлогами перестает отбирать иранский газ, как и российский, требуя то снижения цены, то сокращения объема поставок. Только рост цен на нефть в 2007 г. и выросшая в результате потребность в газе отрегулировали ситуацию.

Наиболее перспективно производство сжиженного газа. В конце 2004 г. подписано соглашение с Китаем о поставках (на 25 лет) сжиженного газа из месторождения «Южный Парс».

Отношение США к Ирану осложняет его положение на рынке газа, главным образом в формировании маршрутов газопроводов. К этому необходимо добавить и растущую конкуренцию со стороны России, Казахстана и Туркмении на восточном направлении. Так, например, Казахстан активно прорабатывает проекты, связанные с прокладкой газопровода в КНР.

Одним из проектов поставок газа не только из Азербайджана, но и из стран Центральной Азии является система БТЭ (Баку-Тбилиси-Эрзерум), пущенная в 2007 г. Казахстан предлагает проект газопровода через Каспий в Баку и далее присоединение к БТЭ. Строительство БТЭ подняло интерес стран Центральной Азии к сооружению Транскаспийского газопровода, что даст им возможность через Турцию выходить на европейские рынки, минуя Россию и Иран. Но для этого нужно решить проблему с демаркацией вод Каспия, проблему правового статуса моря, проблему спорных месторождений Кяпаз-Сердар. В долгосрочной перспективе вовлечение Ирана в международные нефтяные и газовые проекты очевидно, особенно с ростом спроса на нефть и газ. Так, несмотря на сопротивление США, весьма вероятным представляется подключение Ирана к проекту строительства газопровода «Набукко» для снабжения газом ряда европейских стран.

Но, конечно для сегодняшнего Ирана эта экономическая проблема, связанная со становлением газовой промышленности как экспортной, зависит от состояния его внешнеполитических отношений. Для создания современных транспортных сетей по выводу энергоресурсов на мировые рынки Ирану необходимы иностранные инвестиции, заинтересованность иностранных партнеров в стабильности поставок, в устойчивости внутриполитической ситуации. Даже цены на нефть не смогут обеспечить реальный прирост необходимых стране производственных мощностей, что наиболее безболезненно могло бы дать приток прямых иностранных инвестиций, активизацию деятельности частного кредитного рынка. Поэтому до сих пор не решены такие проблемы, как безработица, инфляция, растущее расслоение общества и отставание жизненного уровня не только от нефтяных стран Залива, но и других стран, например, от Турции, не имеющей такого важного источника по-

полнения валютных резервов, как нефть и газ. Разработанные в Иране долгосрочные программы экономического и социального развития учитывают эти факторы, и руководство страны пытается найти оптимальное соотношение национальных интересов и потребностей мирового рынка.

---

[1] В 1980-е годы – 0,75%.

[2] По данным о ВВП, рассчитанным Мировым банком за 2005 г. (196,3 млрд. долл.). и 2006 г. (222,9 млрд. долл.), прирост составил 13,5%. World Development Report 2007, с. 294. World Development Report 2008, с. 340.

[3] www.Iran.ru, 20.01.2008.

[4] Донья-е эктесад, 06.12.2007.

[5] www.Eurasianet, 07.12.2006.

К.В.Марков

ЯДЕРНЫЙ И РАКЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

У иранской ядерной программы почти полувековая история, столь же давняя как аналогичные программы Индии и Пакистана. Еще в 1957 г. между монархией Пехлеви и США было подписано соглашение о мирном использовании ядерной энергии в рамках программы «Атом для мира». К 1967 г. с помощью США был построен исследовательский реактор мощностью 5 МВт для ядерного научно-исследовательского центра, созданного при физическом факультете Тегеранского университета.

В последнее десятилетие своего правления Мохаммад Реза-шах стал придавать особое внимание развитию в своей державе ядерной энергетики. Сотни иранских специалистов прошли обучение в лучших западных вузах, прежде всего американских, поскольку Иран в это время был главным союзником США в Персидском заливе. В реализации ядерной программы Ирана активное участие принимали и другие западные государства, в первую очередь ФРГ и Франция. В частности, немецкий концерн «Крафтверк Юнион» получил подряд на сооружение АЭС в Бушере, а французские фирмы развернули работы по созданию АЭС в Ахвазе [1].

По плану развития атомной энергетики 1974 г. Иран с иностранной помощью должен был завершить сооружение 23 ядерных энергоблоков. В этот же период была создана Организация по атомной энергии (ОАЭИ), глава которой напрямую подчинялся шаху[2].

Трудно сказать, в какой степени монарх желал обладать атомной бомбой. С одной стороны, никаких признаков стремления к этому не наблюдалось. Иран без колебания подписал в 1968 г. ДНЯО, а спустя год ратифицировал его[3]. С другой стороны, учитывая великодержавные амбиции шаха, можно допустить, что он задумывался о возможной военной направленности своей ядерной программы. Анализируя события тех

лет, вряд ли стоит доверять выкладкам американских экспертов эпохи «холодной войны», утверждавших о чистоте ядерных намерений монарха. Поскольку шах проводил угодную США внешнюю политику, американцы были готовы закрывать глаза на увлечение иранцев атомной энергетикой точно так же, как они закрывали глаза на ядерную программу пакистанского режима Зия уль-Хакка.

После революции 1979 г. шиитские клерикалы разорвали все связи с зарубежными партнерами. В условиях самоизоляции Ирана, сплетавшейся с блокадой, объявленной Исламской Республике (ИРИ) многими странами, ядерная программа была свернута. Правящее духовенство признало работу по ее осуществлению «сатанинским» занятием. Более того, аятолла Хомейни официально объявил ядерное оружие антиисламским средством.

Однако ирано-иракская война убедительно показала ИРИ преимущества оружия массового поражения, эффективно примененного армией С. Хусейна в ходе боевых действий. Кроме того, ядерная программа баасистского режима Ирака стала вызывать особое беспокойство у иранских клерикалов. Соответственно, правительство А. Хашеми Рафсанджани с начала 90-х годов взяло курс на восстановление собственного ядерного потенциала. В частности, была реанимирована ОАЭИ.

Существует множество факторов, на основе которых можно считать, что ядерная программа Исламской Республики Иран не исключает военной составляющей. Прежде всего следует принять во внимание идеологию Хомейни, провозглашавшую превращение Ирана в ведущую державу мусульманского мира и призывающую к сокрушению мощи «высокомерного» Запада. Согласно имеющимся данным, президент Рафсанджани утвердил секретную директиву, по которой ядерный статус ИРИ служит стратегической гарантией сохранения теократического режима. В этой директиве следует особо выделить три пункта:

– использование всех возможностей для приобретения необходимой технологии производства ядерного оружия;

– отправка в различные государства иранских специалистов для сбора необходимой информации;

– создание секретных ядерных центров и предприятий, которые могли бы не только дополнять друг друга, но и проводить работы в автономном режиме.

С учетом сказанного в глазах многих экспертов особую важность приобретает потенциал ИРИ по созданию ядерного оружия, который можно оценить на основе анализа имеющейся в стране инфраструктуры. Научно-техническая база Ирана в ядерной области на сегодняшний день является самой мощной в регионе, исключая Израиль. В стране создано семь крупных научных институтов, подчиненных ОАЭИ (Тегеранский, Исфаханский, Казвинский, Караджский, Йездский, Бенабский центры ядерных исследований; центр атомных электростанций «Иратом»). Ныне ударными темпами осуществляется программа по созданию еще десяти научных организаций подобного профиля.

Среди названных институтов ведущее место занимает Тегеранский исследовательский центр. Он оснащен, как указывалось, реактором мощностью 5 МВт американского производства. Также он располагает китайской лабораторной установкой по производству U 3 O 8 из урановой руды и лазерным оборудованием, поставленным из США в 1978 г.

Другим значимым институтом является Исфаханский ядерный центр, обладающий тяжеловодным исследовательским реактором нулевой мощности, импортированным из Китая в 1995 г. Там также имеется миниатюрный источник нейтронов мощностью 27 кВт, произведенный в КНР и использующий для работы 900 г. высокообогащенного урана.

Третьим важным очагом выступает исследовательский центр в Карадже. Он располагает калютроном – электромагнитным сепаратором для разделения изотопов, импортированным из Китая в начале 90-х годов. Кроме того, центр оснащен циклотроном бельгийского производства.

Наконец, исследования в ядерной сфере осуществляются ИРИ и на АЭС в Бушере с легководородным реактором ВВЭР-1000 мощностью 1000 МВт[4].

Поскольку на большинство упомянутого оборудования распространялись гарантии МАГАТЭ, Ирану до введения санкций ООН в 2007 г. удалось привлечь к сотрудничеству множество стран. Помимо КНР и Бельгии к ним относились Аргентина, Великобритания, Германия, Индия, КНДР, Пакистан, Россия и другие. ИРИ, в частности, использовала связи с этими государствами для сбора научной информации и подготовки собственных кадров. Иранские физики обучались в Аргентине, Китае, Пакистане, КНДР и России. Например, по некоторым данным, в конце 80-х годов 39 сотрудников ОАЭИ выезжали

на стажировку в Пакистан, а 15 специалистов из Исфаханского центра совершенствовали свою квалификацию в Китае[5]

Взяв курс на укрепление интеллектуального потенциала, Тегеран провел большую работу по добровольному возвращению на родину эмигрантов, работавших в научно-исследовательских организациях за границей. Другим путем использования квалификации зарубежных иранцев было их приобщение к сотрудничеству с ИРИ, так сказать, на местах.

Изложенные сведения сами по себе носят лишь информативный характер. Научные исследования в области ядерной физики, как и развитие атомной энергетики, никоим образом не противоречат ДНЯО. Иран вправе осуществлять национальную мирную ядерную программу под контролем МАГАТЭ. Вместе с тем есть приметы, позволяющие усомниться в подлинных намерениях Тегерана, даже если о стратегических планах иранского руководства не было бы известно ничего.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что Исламская Республика стремится к нелегальному приобретению ядерных технологий на черном рынке, организованном «отцом пакистанской атомной бомбы» А. К. Ханом. Согласно компетентным источникам, этот деятель, ныне содержащийся под домашним арестом в Исламабаде, совершил как минимум одну тайную поездку в ИРИ на рубеже 80–90-х годов. В ходе одного из последних допросов Хан предоставил информацию, касавшуюся военной программы Ирана и намеченного срока создания иранского атомного оружия. Один из высокопоставленных представителей ЦРУ на основании показаний ученого заключил, что изыскания Тегерана в ядерной физике представляют собой несомненную опасность[6].

Можно, конечно, допустить, что показания Хана не заслуживают доверия. Мол, ядерщик говорил то, что от него хотели услышать неоконсерваторы в администрации Дж. Буша или их союзник, пакистанский президент П. Мушарраф. Однако алармистские настроения Вашингтона подогреваются, мягко говоря, подозрительным поведением самой Исламской Республики.

Так, подписав Дополнительный протокол с МАГАТЭ о предоставлении возможности инспекторам Агентства контролировать иранские ядерные объекты, Тегеран не ратифицировал его (хотя и разрешил инспекторам совершать контрольные поездки). Несмотря на то, что в Иран очень часто прибывают инспекционные делегации МАГАТЭ, полной открытости со сторо-

ны ИРИ не отмечается. Как показал известный международный скандал 2002 г., Исламская Республика пыталась скрыть от Агентства свои усилия по созданию подземного уранообогатительного завода в городе Натанз и тайную закупку центрифуг у пакистанцев. Заметим, что формально эта активность не противоречит ДНЯО, и все же иранское руководство предпочло держать МАГАТЭ в неведении.

Создается впечатление, что ИРИ откровенно играет в кошки-мышки с Агентством. Например, сначала Тегеран отказал инспекторам в просьбе о посещении завода Kalaye Electric, на котором предположительно ведутся работы по обогащению урана. Потом, в марте 2003 г., он разрешил посещение, но показал делегации лишь некоторые здания и не разрешил взять пробы пыли для анализа на присутствие ядерных материалов. Вскоре на спутниковых фотографиях были зафиксированы грузовики, увозившие материалы с объекта. В августе этого же года, когда МАГАТЭ добилась согласия на полную инспекцию завода, выяснилось, что одно из производственных помещений полностью реконструировано: здесь недавно были заменены покрытия на полах, перекрашены стены, уложена новая плитка. Однако в пробах, взятых инспекторами, все равно обнаружились следы обогащенного урана.

Упорное стремление Ирана к проведению работ по созданию полного ядерного цикла (ЯТЦ) добавляет двусмысленности в сложившуюся ситуацию. Согласно многочисленным данным, в стране в последние годы заложены прочные основы не только для исследовательских работ, но и для формирования инфраструктуры ЯТЦ, без которой немыслимо создание атомной бомбы. Эта инфраструктура включает в себя урановые шахты и заводы по производству «желтого порошка» (yellowcake-U308) в городе Эрдекан, заводы по конверсии урана, фабрикации топлива и изготовлению оболочек для тепловыделяющих элементов в Исфахане, упомянутый завод по обогащению урана в Натанзе.

Несомненно, что процесс обогащения урана идет полным ходом. В апреле 2006 г. президент М. Ахмадинежад заявил, что иранским физикам удалось добиться обогащения руды до уровня 3,5% содержания изотопа урана-235. На основании этого достижения президент официально провозгласил ИРИ новым членом «клуба ядерных держав»[7]. Клерикалы утверждали, что этот успех стал возможен в результате испытания в Натанзе каскада-164, то есть установки, представляющей собой соединенные в единую систему 164 газовые центрифуги. Согласно докладу гендиректора МАГАТЭ М. эль-Барадеи, в октябре 2006 г. Иран осуществил запуск второго каскада-164. По разным данным, в настоящее время действуют уже от восьми до двенадцати аналогичных каскадов, то есть приблизительно от 1500 до 20000 центрифуг.

Если обратить внимание на высказывания иранских лидеров, то можно прийти к выводу, что ИРИ не ограничится сделанным. Глава ОАЭИ М. Саиди, например, подчеркнул, что в будущем планируется увеличение числа центрифуг до 60000 (точнее, до 54000, поскольку производственные площади завода в Натанзе позволяют разместить именно такое количество единиц оборудования).

Как полагают эксперты, для производства высокообогащенного урана на 164 центрифугах для нескольких атомных бомб потребуется более десятка лет. При введении в эксплуатацию 54000 центрифуг можно уложиться в несколько недель, а то и быстрее.

Естественно, возникает вопрос: зачем нужен весь этот грандиозный и дорогостоящий обогатительный комплекс Ирану? Специалисты подсчитали, что экономически он оправдает себя только тогда, когда используется для производства ядерного топлива более чем для десяти энергоблоков. В ином случае стоимость произведенного топлива будет в 3–5 раз выше среднемирового уровня. Именно поэтому подавляющее большинство стран, имеющих АЭС, покупает для них топливо на мировом рынке, не утруждая себя неэкономичным производством. При этом отработанное ядерное топливо сдается государству-поставщику.

В ответ на эти доводы иранцы официально утверждают, что планируют строительство 20 энергоблоков и поэтому нуждаются в независимом от иностранных держав собственном комплексе по производству топлива. В связи с этим высокопоставленный представитель МИДа ИРИ А. Солтанеи заявил о том, что поскольку политика США не дает гарантии беспрепятственного получения урана на мировом рынке, Иран вынужден производить топливо самостоятельно. Однако следует учесть, что у ИРИ нет удовлетворительной сырьевой базы. Имеющихся запасов урановой руды (1,4 тыс. тонн в районе Йезда) достаточно лишь для обеспечения Бушерской АЭС и то

только в течение семи лет. После этого уран все равно придется импортировать. Кроме того, добыча иранской урановой руды высока по себестоимости. Вице-президент российской компании «ТВЭЛ», занимающейся производством топлива для АЭС, С. Головинский оценил разработку урановых месторождений Йезда как исключительно нерентабельную. Он пояснил, что себестоимость добычи урановой руды в мире исчисляется в трех измерениях – менее 40$, 40–80$ и 80–120$ за кг. Иранская руда относится к третьей категории, что обусловлено ее добычей в горах. Наконец, эта руда обладает низким качеством, так как содержит урана менее 0,1%[8]. В то же время она вполне пригодна для создания бомбы и притом не одной.

Совершенно очевидно, что руководство ИРИ не может не принимать к сведению эти доводы, использующиеся противниками ее ядерной программы. Процесс создания ЯТЦ закрепила юридическая база, призванная оградить Иран от нападок. В мае 2005 г. меджлис принял закон, обязывающий правительство обеспечить развитие полного ядерного топливного цикла в рамках ДНЯО.

Между тем это не рассеяло подозрений международного сообщества, которые возрастают день ото дня. Оно сильно обеспокоено другой немаловажной проблемой, порожденной иранскими ядерными амбициями – плутониевой программой. Летом 2006 г. ИРИ объявила о введении в строй завода по производству тяжелой воды в городе Арак. Как упоминалось выше, в стране имеется единственный тяжеловодородный реактор, расположенный в Исфаханском ядерном центре и не требующий большого количества тяжелой воды. Однако сейчас в Араке ведется строительство нового реактора на тяжелой воде мощностью до 40 МВт, который можно использовать для выработки оружейного плутония. По подсчетам экспертов, с помощью такого реактора в год можно производить плутониевую «начинку» для двух бомб. Руководствуясь подобными доводами, Совет управляющих МАГАТЭ в ноябре 2006 г. наложил запрет на предоставление Ирану технической помощи в реализации данного проекта.

В рамках «иранского досье» следует рассмотреть и другой вопрос – производство полония-210, которое обнаружили инспектора МАГАТЭ. Специалистам не совсем ясно, зачем иранцам экспериментировать с полонием. В мирных целях он может использоваться для космических программ, что в случае

с ИРИ маловероятно. С другой стороны, в сочетании с бериллием полоний-210 применяется в военных ядерных программах, в частности, для создания нейтронных составляющих атомного оружия. Показательно и то, что ранее Иран никогда не сообщал в МАГАТЭ, что работает с полонием.

Целесообразно заметить, что в декабре 2002 г. германские власти предотвратили попытку вывоза двумя иранцами 44 специальных детонаторов, которые также могли использоваться при создании ядерного взрывного устройства[9]. Таким образом, ИРИ если и не стремится напрямую к созданию атомной бомбы, то наверняка хочет достичь латентного ядерного статуса путем приобретения полного набора научно-технических разработок ее изготовления.

Следует также подчеркнуть, что состояние иранской экономики, на которое любят ссылаться клерикалы в оправдание своей ядерной программы, требует отнюдь не развития сомнительных технологий. Самой актуальной проблемой для руководства ИРИ сейчас является модернизация нефтеперерабатывающей промышленности. Бензиновый кризис, разразившийся в стране в июле 2007 г., наглядно показал неспособность Ирана обеспечить себя этим видом топлива, несмотря на то, что по объемам добычи нефти он занимает четвертое место в мире. Директор государственной компании «Pars Oil and Gas Company» А. Торкан констатировал, что игнорирование данной проблемы приведет к снижению добычи нефти на 5% в год со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Убежденность в наличии в Исламской Республике военной ядерной программы подкрепляется и тем фактом, что страна активно и достаточно долго занимается разработкой ракетного оружия. Уже в середине 90-х годов, когда Иран только оправился от потрясений, вызванных восьмилетней войной с Ираком, он по числу установок оперативно-тактических ракет значительно превосходил остальные государства Ближнего Востока[10]. Используя китайские и советские компоненты, Иран сумел разработать несколько видов таких ракет дальностью от 40 до 300 км: Oghab, Fajer-5, WS-1, Nazerat, Zelzal-2, Shahab-1, Shahab-2. С появлением Shahab-3 радиусом действия 1300–1500 км ИРИ стала ракетной державой в буквальном смысле этого слова.

Компоненты Иран получал как путем легальных закупок, так и с помощью мирового черного рынка. Кроме того, большое

значение имели его военно-технические связи с КНДР. Наблюдатели неоднократно обращали внимание на сотрудничество двух стран в ракетостроении. Северная Корея далеко продвинулась в данной сфере, а ИРИ благодаря нефтедолларам обладает значительными финансовыми возможностями для использования северокорейского опыта. Заметим, что и Пхеньян и Тегеран имеют определенные сложности во взаимоотношениях с международным сообществом, вследствие чего крайне заинтересованы друг в друге.

В частности, Shahab-3 разрабатывался в 1994–99 гг. на базе северокорейской модели No-Dong, в свою очередь являющейся вариантом советской ракеты «Скад». Иран купил в КНДР десять ракет данного типа и организовал их промышленное производство. Хотя число испытаний Shahab-3 было незначительным для такого вида оружия (израильские источники утверждают, что только половина запусков оказалась успешной), это не означает, что данный ракетный комплекс не может стоять на боевом дежурстве. В отличие от западной практики, иранцы принимают на вооружение образцы без длительных проверок.

Заметим, что ракеты типа Shahab-3 эффективны только при использовании в них ядерной или химической боеголовки. Именно поэтому иностранные специалисты предполагают, что ИРИ поставила своей целью обзавестись оружием массового уничтожения. Например, известный эксперт Д. Ашкелонский напрямую связывал колоссальные траты Ирана на совершенствование ракетостроительных возможностей со стремлением создать неконвенционное оружие[11].

На крупномасштабных военных учениях «Великий пророк – 2» (ноябрь 2006 г.) ИРИ испытала новый тип ракеты – Shahab-3ER. Согласно иранским СМИ, радиус ее действия составляет 2000 км, то есть она в состоянии достичь территории одного из главных врагов Исламской Республики – Израиля. Источники особо подчеркивали, что ракета может быть оснащена разделяющейся боеголовкой, способной нести сотни бомб.

В настоящее время в Иране ведутся разработки межконтинентальных баллистических ракет Shahab-5 и Shahab-6 (на основе северокорейских Taepo-Dong-2 и Taepo-Dong-3). Их проектируемая дальность составляет 6400 км, и предполагается, что на вооружение эти ракеты поступят через 5–10 лет.

Все сказанное выше, однако, не позволяет предаваться тревоге, присущей администрации Дж. Буша и американским

политологам неоконсервативного толка, которые призывают немедленно раздавить «иранскую гидру». Беспристрастный анализ ситуации показывает, что на данный момент нет фактов, позволяющих со стопроцентной точностью судить об уровне достижений Тегерана в деле создания ядерного оружия.

Все научно-технические проекты, связанные с этой сферой, «пороговые» страны тщательно скрывают. Кроме того, в политических интересах такие страны могут прибегать к откровенному блефу. Заметим, что инспектора МАГАТЭ до сих пор не подтвердили успехов иранских физиков, на основании которых Ахмадинежад провозгласил свою страну членом клуба ядерных держав. С учетом ирано-американской конфронтации, обострившейся весной 2006 г., можно допустить, что лидер ИРИ выдавал желаемое за действительное. Иными словами, клерикальное руководство развернуло большую PR-кампанию, состоящую, кстати, не только из громких заявлений президента, но и крупномасштабных учений иранских ВМС в акватории Персидского залива[12].

Подобные выводы, естественно, вызывают вопрос: а как же следы высокообогащенного урана, обнаруженные представителями Агентства на заводе «Kalaye Electric Company» в 2003 г.? Иранцы объясняют это тем, что оборудование, с которого брались пробы, было загрязнено ураном еще до его поступления в ИРИ. Конечно, такой ответ выглядит сомнительным. Однако, с другой стороны, у международного сообщества нет убедительных доказательств, чтобы уличить Иран во лжи. До сих пор эта проблема находится в центре внимания МАГАТЭ и ЕС.

Как бы то ни было, со значительной долей уверенности можно сказать лишь одно: в ближайшем будущем ИРИ вряд ли обзаведется атомной бомбой. По мнению ряда специалистов, ее достижения гораздо скромнее, чем у многих других «пороговых» стран. Иранский ученый-эмигрант А. Тарзи, работающий в Соединенных Штатах, например, полагал, что ядерная программа Исламской Республики находится в состоянии стагнации, несмотря на бравурную риторику клерикалов. Действительно, тревожащие оценки начала 90-х годов относительно того, что Иран сможет создать бомбу в течение нескольких лет, оказались необоснованными.

Следует учесть, что ИРИ продолжает испытывать значительные трудности в области исследовательских работ. Эти

трудности, в частности, обусловливаются дефицитом квалифицированных кадров. Исламская революция привела к такому оттоку научной интеллигенции за рубеж, что никакие меры по ее восполнению не принесут в кратчайшие сроки позитивных результатов. После 1979 г. готовить специалистов по опасным ядерным технологиям в США и Западной Европе стало практически невозможным. Как было отмечено выше, большая часть иранских физиков проходит обучение именно в странах третьего мира[13].

Необходимо также помнить, что для создания даже одной атомной бомбы требуется достаточно большое количество урана, обогащенного более чем на 90%. Формирование комплекса, объединяющего 54000 центрифуг, отнюдь не является задачей механического сложения элементов. Наоборот, это представляет собой выход на принципиально новый технологический уровень. Наконец, пуск каждой центрифуги также является непростым делом, в корне отличающимся от штамповки кастрюль.

Хотя существует принципиальная возможность использовать лазерное обогащение урана, в настоящее время ИРИ не располагает соответствующей промышленной технологией. Те установки, которые США поставили Ирану накануне революции, для этого непригодны[14].

Если ИРИ отдаст приоритет созданию заряда на основе плутония, она также столкнется с серьезными проблемами. У страны нет промышленной технологии и производственных мощностей по регенерации отработанного ядерного топлива и выделению плутония. Имеющиеся в Тегеранском центре «горячие камеры», также импортированные из Америки, способны выделять ежегодно не более 600 г плутония, но и эти мощности представляются весьма завышенными. Что касается строящегося в Араке тяжеловодного реактора, то его создание представляется крайне трудной задачей, быстрое решение которой собственными силами Ирана едва ли возможно[15].

Итак, иранским атомщикам предстоит много работы, и она невероятно сложна со всех точек зрения. Некоторые эксперты полагают, что ИРИ потребуется порядка 5–7 лет только для того, чтобы сформировать производственную инфраструктуру для изготовления боевых зарядов, готовых к применению.

Аналогичным образом можно охарактеризовать успехи Исламской Республики в области ракетостроения. Ведущий науч-

ный сотрудник Высшей школы социологических исследований (Франция) Ф. Хосрохавар считал, что никакого реального развития военно-промышленного комплекса в Иране не наблюдается. Его функционирование заключается в воспроизводстве северокорейской и российской продукции. В ИРИ не имеется ни национальной научной школы, ни многолетнего опыта, которые необходимы для создания новейшего вооружения, сопоставимого с оружием США. Тегерану просто ничего не остается иного кроме клонирования чужих образцов. Недаром специалисты практически в каждом новом образце иранского вооружения, щедро демонстрируемом на военных учениях, находят иностранные прототипы.

Выводы Ф. Хосрохавара в определенной степени подтвердил в свое время тогдашний начальник Генерального штаба вооруженных сил России Ю. Балуевский. Согласно ему, Иран пока не в состоянии создать межконтинентальную баллистическую ракету. Российские специалисты скептически восприняли заявление иранских СМИ о том, что ракета Shahab-3ER способна нести разделяющуюся боеголовку. Отечественные эксперты подчеркивали, что такая боеголовка представляет собой сложнейшую систему, где каждая из разделяющихся частей носит автономный характер, то есть обладает самостоятельной аппаратурой поиска цели и самонаведения на нее. Технологиями производства таких боеголовок обладают лишь единицы стран, прежде всего РФ и США.

Российские специалисты также указывали, что если говорить о ядерной боеголовке к Shahab-3ER, то это вообще из области фантастики. Даже в случае, если иранские ученые и смогут создать атомную бомбу, превратить ее в боеголовку для ракеты – дело чрезвычайно сложное. Как правило, под конкретную боеголовку конструируется ракета, а не наоборот. Поэтому ждать в ближайшем будущем появления в Иране ракетных носителей ядерного оружия проблематично.

Учитывая подобные доводы, нельзя, однако, впадать в другую крайность и рассматривать «иранскую проблему» как что-то надуманное американскими стратегами, которые просто занимаются маскировкой своих имперских амбиций. Следует помнить, что ИРИ прикладывает колоссальные усилия для обладания ядерным оружием или же потенциалом для его производства. Без сомнения, если Исламскую Республику вовремя не остановить, эти усилия когда-нибудь увенчаются успехом.

[1] См. Разоружение и безопасность. 2004-2005. Новые подходы к международной безопасности. Коллективная моногр. под ред. Арбатова А. – М.: Наука, 2007, с. 170; Щенников В. Политические игры вокруг атомной бомбы // Азия и Африка сегодня. 1996, № 1, с. 5.
[2] Разоружение и безопасность, с. 171.
[3] Доводы в пользу мирной направленности ядерной программы монархии Пехлеви подробно изложены в книге: Cordesman A. Weapons of Mass Destruction in Iran / Center for Strategic and International Studies, 1998, с. 23.
[4] Подробную информацию об исследовательской структуре Ирана в ядерной области см.: Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. Арбатова А. и Наумкина В. – М.: Московский центр Карнеги, 2005, с. 18–19.
[5] Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. Арбатова А. и Дворкина В. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006, с. 470.
[6] Hersh S. The Iran Plan. Would President Bush Go to War to Stop Tehran from Getting the Bomb? 2006.
http://www.newyorker.com/printables/fact/060417fa_fact
[7] Российское информационное агентство «Новости». 11.04.2006.
[8] Gerardi G., Aharinejad M. Assessment of Iran's Nuclear Facilities / Nonproliferation Review. Spring-Summer 1995, с. 211.
http://www.cns.miis.edu/pubs/npr/iranuc23.html
[9] Ядерное оружие после «холодной войны», с. 467
[10] Багдасаров С. Б., Чавушьян А. Н. Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего Востока. – М.: ИВ РАН, 1998, с. 50–57.
[11] http://www.online.org/mideast/iran_wmd.htm
[12] Российское информационное агентство «Новости». 11.04.2006.
[13] Российский вклад в обучение иранских ядерщиков относительно мал и составляет 10–12 аспирантов и докторов в год. В значительном масштабе осуществляется только подготовка кадров, необходимых для обслуживания АЭС в Бушере. При этом основной упор делается на подготовку специалистов в области ЭВМ, общей физики, а также инженеров-механиков. См.: Cordesman A. Iran and Nuclear Weapons, с. 13.
[14] Угроза режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке, с. 18
[15] Ядерное оружие после «холодной войны», с. 469.

Д.А.Нечитайло

О РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Изучением мотивации молодых людей, вступающих в радикальные исламистские группировки, занимаются специалисты различных стран. Причинами чаще всего являются нереализованность, проблемы идентичности, неудовлетворенности положением, отводящимся им обществом, сложности в семьях или иммигрантских общинах, которые по тем или иным причинам перестают быть регулятором отношений между принимающим обществом и молодым человеком.

Второе и третье поколение мигрантов-мусульман Европы уязвимы перед радикальной исламистской идеологией. Во многом это объясняется отсутствием других средств идентификации. Они более не могут идентифицировать себя со страной происхождения своих предков. Им необходимо приспособиться к новому окружению, найти иную форму отождествления. Обладая, как правило, более высоким уровнем образования, молодые люди острее воспринимают свою второсортность. В «иммигрантских гетто» у них формируется своя субкультура. Они выбирают ислам в качестве новой идентичности, при этом «их ислам» более жесткий, консервативный.

Известный социолог Эрик Хоффер считает, что последователи практически всех «массовых движений» обладают общими характеристиками. Они не удовлетворены той ролью, которая им отводится обществом и критически настроены к настоящему. «Здесь речь идет о финансовом, социальном и политическом статусе. Революционные движения, и «Аль-Каида» в том числе, ориентированы на массовость. Ее задача – утвердить среди своих сторонников уверенность в том, что именно они способны изменить настоящее во имя лучшего будущего. Отрицание настоящего является важным, но не единственным условием вовлечения в массовые движения. Неотъемлемым элементом этого процесса, по мнению Э.Хоффера, является

отрицание себя как индивидуума в этом обществе. Человек, удовлетворенный своим положением в социуме, нормально воспринимает свое окружение. Однако чувствующий отчужденность, восприимчив к идеям о единстве и необходимости перемен. Таким образом, массовые движения прежде всего ориентированы на тех, кому необходима некая общность, где личность будет чувствовать себя комфортно. Э.Хоффер отвергает объяснение, что экономические проблемы являются единственной причиной вступления молодежи в разного рода революционные движения. В качестве примера он называет многих исламистов, вышедших из богатых семей и получивших европейское образование. Западный социолог Роберт Гурр в книге «Почему человек становится повстанцем» пишет, что объяснением причин вступления молодых людей в радикальные группировки может служить дисбаланс «ожиданий (социальных, политических, экономических) и реальности». Автор книги вводит понятие «восприятия относительных лишений», которое является причиной «крушения надежд». Именно «крушение надежд» массовые движения политизируют.

Мусульман, которые встают на путь джихада в Европе, по словам известного исследователя радикального исламизма М.Сейджмана, можно считать вполне нормальными людьми. Они могут быть от рождения мусульманами или потом стать так называемыми «переобращенными». В своем большинстве они происходят из среднего класса. У некоторых есть семьи и дети, они образованы. Тем не менее есть одно общее, что их объединяет: их нельзя назвать людьми, жизнь которых проходит в гармонии. Они испытывают эмоциональный дискомфорт и неудовлетворенность. По мнению М.Сейджмана, несколько факторов мотивируют молодых людей из разных европейских и мусульманских стран на участие в джихаде в Афганистане и Ираке: различные фетвы, призывающие к борьбе с неверными, интернет сайты и веб-форумы. На молодой разум сильное впечатление оказывают кадры с изображением невинных жертв бомбардировок и ракетных обстрелов. Самым опасным периодом в жизни молодого человека является переходный возраст, когда начинается поиск новых жизненных ориентиров. Именно на этом этапе идеи джихада в той трактовке, в какой его преподносят радикалы, легче всего воспринимаются молодежью, они просты и упорядочены, здесь есть четкое разделение добра и зла.

Западные специалисты выделяют несколько способов вовлечения новых членов в ряды радикальных исламистских групп. «Сеть» – это массовая пропаганда, ориентированная на широкую общественность, когда аудитория воспринимается как гомогенная, не разбивается на отдельные сегменты. Предполагается, что такой информационной волны для слушателей будет достаточно для восприятия идеологии. Как правило, такой метод используется в районах, где радикальная идеология находит отклик у населения («пояс племен» Афганистана и Пакистана, иммигрантские «гетто» в Европе). Наиболее он опасен там, где накопились социальные проблемы, а идеи социальной справедливости, заложенные в радикальном исламизме, легко находят отклик у масс. Метод «воронки» успешно применяется в военно-тренировочных лагерях радикальных исламистов для вербовки особо талантливых муджахедов, способных проводить террористические операции высокого уровня с обеспечением дополнительных мер безопасности. Метод «инфицирования» внутри организации предполагает избирательный подход к аудитории. Наиболее эффективен в группировках, которые находятся в оппозиции к властям и преследуются правящим режимом. В таких общественно-политических движениях существуют отдельные члены, индифферентные к исламистской идеологии, но представляющие интерес для всемирного движения джихада. Также применим в силовых структурах, например, африканских стран, где военнослужащие слабо знакомы с радикальной исламистской идеологией, не удовлетворены своей службой, но могут быть полезны для проведения операций исламистов. Там, где исламистам не удается напрямую привлекать в свои ряды новых членов, используется метод, получивший в западной литературе название «кристаллических зерен», когда в одной из общин (либо в военно-тренировочном лагере) привлекается человек, который, проживая среди своих соплеменников, начинает вести себя строго, как предписывают нормы «чистого ислама». При этом он никому не навязывает свою точку зрения, чтобы не привлекать лишнего внимания. Однако он разъясняет всем интересующимся основные принципы идеологии салафизма. Одни слушатели при этом ограничиваются простым любопытством, другие же проявляют устойчивый интерес. Таким образом, в диаспоре, живущей обособленно, где активисты «Аль-Каиды» другого этнического происхождения не могут вес-

ти прозелитскую деятельность напрямую, появляется группа сторонников радикального исламизма. Внешне это выглядит как «радикализация без вмешательства извне». Например, Саад Хуссайни (псевдоним Мустафа), известный деятель «Аль-Каиды» в Испании и Северной Африке, получил ученую степень в области химических наук в университете Валенсии. На его мировоззрение повлиял основатель партии «Ан-Нахда» тунисский исламистский идеолог Р.Ганнуши. Скрываясь от испанских спецслужб, Хуссайни бежал в Афганистан, где прошел подготовку в военно-тренировочных лагерях «Аль-Каиды». Там он познакомился с «первыми лицами» всемирного движения джихада. Аз-Завахири даже был свидетелем на его свадьбе. Затем в 2002 г. Мустафа возвращается в Марокко и становится одним из основателей «Вооруженной исламской группы» – ныне составной части «Аль-Каиды». По его рекомендациям группы марокканских добровольцев пополняют отряды муджахедов в Ираке.

Ячейки радикальных исламистов Европы представлены несколькими типами участников. Как правило, они состоят из так называемых «толкователей религиозной доктрины», «искателей истины», неудачников и бродяг. Религиозные идеалисты призывают к социальной справедливости. Искатели истины – это главным образом те, кто переживают личностный кризис. Другие неосознанно становятся активистами радикальных исламистских группировок. Это «кочевники», индифферентные к тем или иным идеологиям. Наиболее важную роль здесь играют именно интеллектуалы, знакомые с исламской идеологией. Они активно вовлекают в свою деятельность друзей. Однако наибольшую опасность, по мнению экспертов, представляют хорошо образованные руководители. Они знают основные внешнеполитические тенденции. Их вдохновляют многочисленные видеоматериалы по практике и идеологии всемирного движения джихада. Известный исследователь ислама К.Викторович провел исследование процесса вовлечения новых членов радикальной группировки «Аль-Мухаджирун», которая может с некоторыми оговорками называться классической организацией с отделениями в различных странах, имеющей иерархическую структуру. «Аль-Мухаджирун» практикует формальное членство своих активистов, которые периодически обязаны участвовать в митингах и демонстрациях. Активисты этой организации ведут проповедническую работу среди евро-

пейцев. Наибольший интерес для них представляют так называемые «ищущие истины» – коренные европейцы и молодежь из иммигрантских семей. Именно эти категории людей активно вступают в философские диспуты о месте религии в современном обществе, они наиболее восприимчивы к любым идеологиям, и исламизм здесь не исключение[1]. У членов «Аль-Мухаджирун» отработаны методы пропаганды применимые к различным категориям. Активисты плавно подталкивают аудиторию к восприятию своих идей, они даже рекомендуют для сравнения посещать собрания других организаций, практикуют агитацию на улицах. «Аль-Мухаджирун» в Европе ориентирована на массы. Радикальные экстремистские ячейки формируются на основе дружеских и родственных связей, здесь чужаков нет.

* * *

Люди, чувствующие подлинную или воображаемую ущемленность, акцентируют свою этнокультурную специфику и нередко пополняют ряды движений протеста. Лучшим примером здесь может служить бунт, поднятый в ноябре 2005 г. частью «второго поколения» североафриканских арабов во Франции, которые не сумели интегрироваться во французское общество, они добивались не только признания за ними всех прав французского гражданина на жилье, работу, образование и равную оплату труда, но и уважения их групповых этноконфессиональных особенностей[2].

Политизация массового сознания – неизбежное следствие модернизации и глобализации – привела к тому, что объектом самоидентификации все чаще становятся движения протеста – социальные, национально-освободительные, которые нередко выступают под религиозными лозунгами.

Ислам в Европе, по мнению группы западноевропейских исследователей, определяется парадигмой секуляризации. Это означает ослабление религиозной составляющей в структурных компонентах общины. Иммигрант втянут в процесс социального обособления личности, свойственного евроатлантической цивилизации, что стимулирует его субъективную самооценку[3]. Это дает индивидууму возможность свободно выбирать, самоопределяться, в частности, и в вопросах веры, и тем самым вырваться из сферы влияния традиционного конформизма. Религиозные ценности и нормы перестают быть в фо-

кусе жизни человека, они уже существуют как нечто дополнительное, как бы сами по себе.

Появление нового мирового порядка сравнительно мало зависит от вероисповедания людей, процесс спонтанной глобализации может быть задержан, отчасти искажен политизацией религии, которая, как правило, предлагает человечеству свой путь спасения: религиозный глобализм составляет параллель глобализации. История последних десятилетий свидетельствует о противостоянии политизированного ислама стремлению западного мира и прежде всего США установить свое мировое господство. Политизация ислама с апелляцией к религиозно-общинной мусульманской идентичности оказалась очень кстати, имея в виду сплочение антиглобалистских сил в афро-азиатском мире. В отличие от других учений, претендующих на роль панацеи, политизированный ислам, исламский глобализм, т.е. современная разновидность панисламизма, является воинственной идеологией, по-видимому, способной противостоять глобализации и глобализму, которые мусульманский мир ассоциирует с западным, прежде всего американским господством. Исламисты руководствуются вполне прагматическими интересами, используя недовольство широких масс и выдвигая панисламистские лозунги. Это тем проще, что западный экспансионизм нередко ассоциируется мусульманами с крестовыми походами, расценивается как попытка установить в мире гегемонию христианства. Исламизм как наднациональное религиозно-политическое движение выдвигает планетарное государство ислама на основе шариата как альтернативу современному потребительскому обществу, стандартизации, разрушительному влиянию западной культурной экспансии на традиционный мир.

В 60-е годы прошлого столетия многие страны Западной Европы переживали период экономического подъема. Недостаток рабочей силы вынудил правительства европейских стран обратиться к странам Востока с их громадными людскими ресурсами и приступить к ввозу иностранных рабочих.

Однако экономический кризис начала 70-х годов привел к значительному сокращению производства. Власти приняли решение о приостановке привлечения иностранной рабочей силы. Сегодняшнее существование мусульманской общины в Европе является в значительной степени следствием изменений в общеевропейской иммиграционной политике первой

половины 70-х годов. После того, как власти прекратили ввоз рабочих-иностранцев, многие иммигранты решили не возвращаться на родину, а навсегда остаться в Европе. Это в свою очередь породило проблему воссоединения здесь иммигрантов со своими семьями. Отказ властей предоставить такую возможность вызвал протест как со стороны иммигрантов, так и некоторых влиятельных организаций, выступающих в их поддержку. В конечном итоге власти пошли на уступки, и порядок воссоединения семей был одобрен. Таким образом, попытка государств остановить поток мигрантов привела к обратному эффекту. Иммиграция приобрела качественно иной статус, она стала общинной. Мусульмане-мигранты стали селиться компактными анклавами, создавать производственные и торговые союзы. Начали формироваться институты, образующие структуру мусульманской общины. По мнению известного российского востоковеда З. Левина, «создалась некая «критическая масса» мигрантов, которая способствовала формированию общины из разрозненных групп, позволяла создавать собственные организации. Община стала обладать совокупностью земляческих, конфессиональных, клановых объединений, благотворительных организаций и иных учреждений, имеющих каждое свои задачи, но связанных общим интересом диаспоры»[4].

Однако по мере того, как мигранты-мусульмане соприкасались с коренным населением, проблема культурных и религиозных различий постепенно вышла на первый план. Именно тогда, когда рабочим-иностранцам разрешили соединиться со своими семьями, возникли религиозные потребности. Родители стали опасаться, что западные ценности и стандарты поведения войдут в обиход их детей, а «исламская религия подвергнется культурной эрозии секуляризма»[5]. Запад, по их представлению, недалек от коллапса, он утратил религиозные и моральные ценности. Церковь остается в стороне от проблем общества. «Мусульмане-мигранты считают, что пороки западного общества являются последствиями секуляризма»[6]. Ислам стал играть все большую роль в процессе размещения иммигрантов. Мусульманское население стало выдвигать требования о предоставлении временных мест для отправления молитв, о введении исламской религии как предмета в школьное расписание, о помощи в строительстве мечетей, которые бы выступали в качестве социальных центров.

Радикализация ислама имеет несколько причин.

Проблемы интеграции. Процесс интеграции оказался довольно сложным. Мусульмане не всегда разделяют те ценности, которые доминируют на Западе. Главными препятствиями на пути интеграции мусульман в европейское общество являются расизм, ксенофобия. Под интеграцией же многие коренные жители европейских стран понимают ситуацию, когда иностранное происхождение граждан невозможно определить и они не должны причислять себя к определенному этно-национальному сообществу, находясь за пределами страны проживания. Кроме этого, мусульмане в Европе встречаются с социально-экономическими проблемами, среди которых центральное место занимает безработица. Также можно выделить непонимание многими мусульманами необходимости развития исламских правовых институтов, способных дать исчерпывающие ответы на все поставленные жизнью вопросы. Иммигранты-мусульмане возглавляют все списки проблемных граждан: в этой социальной группе выше всего процент безработных, инвалидов, преступников, лиц, совершающих акты насилия в семье, и школьников, уклоняющихся от посещения учебных заведений. 65% мусульман Великобритании считают, что у правительства страны отсутствует программа интеграции последователей мусульманской религии в британское общество. Проблема отчуждения, по мнению социологов, является важным фактором, мотивирующим мусульманскую молодежь пополнять ряды экстремистских группировок[7]. Многие обеспокоены ростом экстремизма, который становится угрозой идеологии терпимости, являющейся политическим и идеологическим фундаментом страны. В ряде западных стран законы о натурализации делают чрезвычайно затруднительным получение гражданства мусульманами-мигрантами, даже если они родились и получили образование в этой стране. Общинная логика служит компенсацией за отказ в общественной интеграции, даваемой предоставлением гражданства. Не имея шансов стать «немцами», «французами», «шведами» и т.д., эти люди были вынуждены вести замкнутый образ жизни, говорить только на родном языке, покупать товары в «этнических» магазинах, заставлять своих женщин ходить в платках, множа проявления своей инаковости. Феномен ислама становится причиной серьезных дебатов о месте религии в жизни человека. Иммигранты-мусульмане обращаются к вопросу о взаимоотношениях ислама и современности. В европейских странах молодежь, потерявшая связь с исторической родиной и не получившая признания, не удовлетворенная тем положением, которое отводится ей обществом, является одной из основных причин ухода молодых мусульман в экстремистские группировки. И вместо того, чтобы решать проблемы, вызванные расизмом и дискриминацией, говорит Абу Джихад (Дайяб Абу Джахья) лидер Европейской Арабской Лиги, правительство «предлагает микстуру из ассимиляции и полицейских репрессий»[8]. Камал Абул Магд, известный египетский юрист и общественный деятель, говорит, что молодых людей, которых вынуждают молчать, очень трудно переделать в полноценных граждан, молодежь «должна не соглашаться, осуждать, критиковать, участвовать во всем, что только возможно, и нам не стоит огорчаться по этому поводу», я испытываю пессимизм, когда год проходит без студенческих демонстраций, это знак того, что их дух угасает. Если вы хотите, чтобы наша молодежь всегда говорила только «аминь», то это будет означать для нас начало политической гибели»[9]. В ситуации, когда отсутствует свобода выбора, фундаменталистские организации, выдвигающие популистские и в основном понятные для большинства населения лозунги социальной справедливости и гармонии, имеют серьезную опору в широких массах. Религия выступает в качестве единственного способа выражения чаяний и настроений народа, когда отсутствуют условия для легальной оппозиции. Известный исламовед Б.Тиби настаивает, что интеграция европейских мусульман зависит от избрания той формы ислама, которая примет западную систему ценностей: плюрализм, толерантность, принцип разделения церкви и государства, демократическое гражданское общество. Он пишет, что отсутствует некий третий путь между евроисламом и геттоизацией мусульманского меньшинства[10]. Несмотря на все сложности взаимосвязей ислама и европейских ценностей, Востока и Запада, как не согласиться с Умберто Эко, который пишет: «Третий мир стучится в двери Европы и входит в них, даже тогда, когда Европа не согласна пускать. В следующем тысячелетии Европа превратится в многорасовый или, если предпочитаете, в многоцветный континент»[11]. По мнению Фрэнсиса Фукуямы, профессора университета Джонса-Хопкинса, будущее западной цивилизации зависит от того, насколько Великобритания, Франция и Германия сумеют приручить и ассимилировать сво-

их мусульман: «Пожалуй, интеграция мусульман в общество в целом является одной из главных задач, которая стоит перед этими странами. От того, как они с ней справятся, зависит будущее демократии и западного мира. Речь идет о неудачной ассимиляции. Мы имеем дело не с иностранцами, не с пришельцами. Английские террористы были британскими гражданами во втором и третьем поколении. Они выросли в британском обществе, обществе абсолютно открытом и демократичном. Тем не менее, они чувствовали себя в этом обществе чужими»[12].

Иммигранты ощущают свою «инаковость» и второсортность. Чем больше трудностей на пути адаптации, тем сильнее у них чувство отчужденности и, соответственно, тем более влияние общинной психологии. Такое положение заставляет их чувствовать себя подлинно чужими. Это усиливает сплоченность этнической диаспоры и в известной степени ее самоизоляцию. Ощущение второсортности у молодежи – наиболее активной части диаспоры – в современных условиях быстро сменяется теперь уже осознанием своей второсортности. Либеральная демократия отстаивает принципы свободы, равенства и братства, а между тем иммигрантская молодежь на Западе чувствует себя здесь «чужой среди своих» и не желает мириться с этим. В атмосфере недоброжелательства у иммигрантов развивается комплекс неполноценности и чувство ущемленности. Это почва, в которой зреют зерна протеста. Положение мусульман специфично еще и потому, что на Западе существует сегодня особое предубеждение против мусульман. К ним относятся с подозрительностью и как к источнику потенциальной опасности. Все громче звучат голоса тех, кто усматривает в росте численности и активности мусульман угрозу позеленения – исламизации западного общества. Известная итальянская журналистка О.Фаллачи пишет, что «итальянская культурная идентичность не сможет выдержать волны иммиграции людей, которые хотят изменить наш стиль жизни…, в Италии нет места для муэдзинов, минаретов, притворных трезвенников из средних веков»[13]. Известный голландский социолог Ван Ри заявил, что за последние 200 лет страна достигла высокого уровня секуляризации и общественных свобод, и все это в скором будущем может быть утрачено[14]. Семьи мигрантов встают перед дилеммой: с одной стороны, запреты ведут к еще большей изоляции нового выросшего в Европе поколения, с другой стороны, разрешение приведет к разрушению

семейных устоев и кризису традиционной системы мусульманских ценностей. Арабский журналист М.Дарагма говорит, что «Германия – это страна реформ, страна Мартина Лютера, страна, ставшая свидетельницей религиозных войн между католиками и протестантами, длившихся 30 лет. Эти войны привели к отделению церкви от государства. Сегодня у нас более 3 млн. мусульман, и мы должны жить вместе и сделать религию частным делом каждого. Это следует воплотить в жизнь»[15]. Итальянский исследователь С.Аллиеви в книгах «Мусульманские сети и транснациональные общины внутри и по ту сторону Европы» и «Мусульмане в расширенной Европе»[16] пишет, что феномен мусульманской миграции в Европе создает эффект горизонтальной интеграции (транснациональной), что приведет в итоге к рождению «транснациональной исламской общины», т.к. в настоящее время отсутствуют исламские центры, которые задают тон в Европе, повсеместное использование английского языка приведет к тому, что в мире ислама будут задавать тон более технически оснащенные европейские и азиатские мусульмане[17].

Кризис идентичности. Демографическая ситуация в Европе такова, что с учетом низкого уровня рождаемости среди коренного европейского населения и стремления мусульман селиться в городах, можно говорить о том, что к 2020–2025 г. они станут «большинством» в ряде городов западных стран. Например, в Бредфорде, в котором иммигранты из Пакистана стали селиться после Второй мировой войны, к 1991 г. они насчитывали 64 тыс. чел. (13% населения), в 2001 г. – 94 тыс. (20%). К 2011 г. ожидается рост до 30%. Причем студенты-мусульмане будут составлять около 50% учащихся в университетах. Специалисты предупреждают, что рост численности мусульманского населения происходит на фоне отсутствия европейской идентичности как таковой. В результате молодой мусульманин из Роттердама идеологически намного ближе к своему сверстнику, проживающему на Ближнем Востоке, в Северной Африке или Юго-Восточной Азии, чем соседу-немусульманину европейцу. Сверстники-мусульмане солидарны в своем отношении к событиям, происходящим в мире. Во многом это формируется за счет доступа ко всемирной сети-интернету, спутниковым телевизионным каналам. Радикализация некоторых мусульман – не только религиозный процесс, но также и социальный. Рожденные в Европе, получившие гражданство, они

осознают, что общество не принимает их. Однако в то же самое время они понимают, что не могут соотносить себя с той далекой родиной, откуда приехали их родители. Они «ни восток и ни запад». Они испытывают настоящий кризис идентичности. Альтернативой чему для многих становится принадлежность к «наднациональной исламской умме», которая усиливается благодаря средствам массовой информации. Не случайно, что наиболее радикально настроенные молодые люди из мусульманской среды имеют хорошее западное образование, часто технической направленности[18]. Более того, замечает О.Руа, получившие европейское образование мусульмане также сталкиваются с проблемами расизма. Однако образование позволяет им найти во всемирном информационном пространстве единомышленников, разделяющих их радикальнее взгляды. Они активно используют интернет не только с целью поиска единомышленников. Всемирная информационная сеть в настоящее время становится для них основным источником «саморадикализации». Интеллектуальный уровень исполнителей терактов растет. Ужесточение мер и международное сотрудничество в борьбе с экстремизмом осложняют участникам радикальных структур проведение операций. Поэтому растет и уровень исполнителей. Неудивительно, что за последние несколько лет абсолютное большинство участников терактов в Европе имеют образование и считаются интегрированными в западное общество. Например, «Хизб ут-Тахрир» контролировала до недавнего времени около 55 студенческих исламских обществ колледжей и университетов Великобритании. «Организация еврейских студентов» устроила кампанию протеста против антисемитских лозунгов этой исламистской группировки. В результате чего деятельность «ХТ» была запрещена в большинстве учебных заведений страны[19].

Экстремизм и терроризм часто неоправданно воспринимаются на Западе как неотъемлемый атрибут ислама и мусульманской цивилизации. В ряде стран отмечаются обычно негативный по отношению к исламу тон в средствах массовой информации, не гаснут конфликты в школах из-за ношения девочками-мусульманками головного платка, не прекращаются постоянные утверждения, что приверженность исламским ценностям и символам является препятствием для плановой интеграции иммигрантов, и конечно выплескивается масса разновидностей бытового расизма. Все это заставляет иммигрантов

чувствовать себя не столько алжирцами, турками, афганцами, сколько прежде всего мусульманами. Вероисповедная общность сближает и сплачивает людей, особенно когда их преследуют невзгоды. В таких условиях социально значимыми становятся стереотипы общинного конформизма как средство самозащиты, у мусульман обостряется чувство принадлежности к умме – мусульманскому миру. В окружении единоверцев человек чувствует себя среди своих. Тунисец, имеющий высшее образование, на вопрос: помогает или мешает ему жить во Франции его приверженность исламу, – отвечает: «Когда тебя не считают человеком, а только наемным работником или служащим, что ощущается в самой атмосфере, тогда сознание принадлежности к мусульманской общине дает чувство большей внутренней защищенности, и это иногда делает нас лучше вооруженными против враждебности, исходящей извне». Иммигрант из Алжира пишет: «Когда мы вынуждены были оставить свою родину и нам приходится жить здесь на Западе, мы страдаем от одиночества и разлуки с родиной, мы живем в самых грязных районах городов, работая за гроши, отправляя эти крохи на родину… Бедность защищает нас от консюмеризма. Здесь на чужбине две вещи поддерживают нас – ощущение братской принадлежности с другими алжирцами, вторая – ислам. Без этого мы будем биться в агонии подобно тому, как рыба без воды. Чтобы сохранить это, мы пожертвуем всем»[20].

В последние годы отношение к мусульманам заметно ухудшилось. В конце 2003 г. в Германии был проведен социологический опрос среди различных групп населения, который показал, что 46% опрошенных назвали ислам «отсталой религией»; 34% сказали, что не доверяют лицам, исповедующим ислам; 27% – «иммиграция мусульман в Германию должна быть запрещена»[21], 61% опрошенных жителей Германии считает, что христианство и ислам не смогут мирно сосуществовать, у 91% респондентов ислам ассоциируется с притеснением женщин, 75% всех людей, исповедующих ислам, называют фанатиками[22]. Дж. Стивенсон, эксперт в области терроризма из Международного института стратегических исследований (Лондон) пишет, что из 15 млн. мусульман в Европе только половина принята западным обществом, маргинальное положение способствует радикализации[23]. Неприятие существующего положения мусульманами в условиях растущего на Западе недоброжелательства и даже прямой враждебности по отноше-

нию к ним невольно повышает у мусульман солидарность с антизападными силами в мусульманском мире. Это является отчасти естественным следствием особенности психологического свойства. Для ислама, как известно, характерна нераздельность мирского и священного начала. Это, с одной стороны, обусловливает его особую пластичность и способность мусульман к адаптации, а с другой, – всякий вызов мусульманским народам воспринимается ими как посягательство именно на ислам как религиозную веру, и наоборот. Западное вмешательство в дела мусульманского мира, особенно политическое, военное и, возможно, больше всего – культурная экспансия и господство в сфере средств массовой информации рассматриваются как попытка навязать мусульманам чуждый им образ жизни.

Радикальные имамы, ветераны «горячих точек». Миграция представителей исламистских групп Северной Африки, Ближнего Востока, муджахедов-ветеранов, прошедших Афганистан, Чечню, Боснию, прибывает в страны Западной Европы под видом беженцев. Многие из них скрываются от преследований властей у себя на родине. В конце 90-х – начале 2000 гг. эти радикальные исламистские идеологи, ветераны «горячих точек» стали создавать свои организации, активно вовлекая в них «второе» и «третье» поколения мигрантов-мусульман, выросших в Европе. На этом этапе радикалы от ислама в основном сосредоточили свою работу на базе так называемых «салафитских мечетей» (в Финсбери-парке в Великобритании, «Аль-Кудс» в Германии и т.д.). Однако затем в целях конспирации переместились на частные квартиры. Молодое пополнение отправляли в военно-тренировочные лагеря Афганистана, Пакистана. На этом втором этапе деятельность различных исламистских структур концентрировалась вокруг известных в исламистских кругах идеологов, которые одновременно нередко и сами являлись членами транснациональных салафитских структур (Абу Хамза аль-Масри, Омар Абу Омар, Омар Абд ар-Рахман и т.д.). Именно они сыграли главную роль в возникновении первых радикальных исламистских организаций Европы. Часть из них объединяло боевое прошлое, земляческие связи. «Арабские афганцы» поддерживали контакты с «Аль-Каидой» и связанными с ней группировками: «Салафитской группой проповеди и джихада», «Джамаа аль-Исламийя», «Вооруженной исламской группой» и т.д. Они быстро оценили

возможности, которые им открывались в Европе с ее либеральным отношением к различным идеологиям, защите свободы слова.

Молодые люди, рожденные и выросшие в потребительском европейском обществе, легко попадают под влияние радикальных исламистских имамов, своих экстремистски настроенных друзей. У второго, третьего поколения мусульман практически отсутствуют барьеры перед восприятием салафитской версии ислама. У них происходит процесс «перерождения». Как правило, знания об исламской религии у них поверхностные. Таким образом, им легко внушить, что такое «настоящий ислам». Этим и пользуются лидеры радикальных группировок, которые критикой политики США и европейских государств усиливают их негативное отношение к тому обществу, в котором они выросли.

На Западе не хватает подготовленных религиозных исламских кадров. Эта проблема решается за счет приглашения духовных служителей из мусульманских стран, которые часто не владеют языком принимающей страны, слабо разбираются в тех социально-политических процессах, которые происходят в Европе. Импортируемые традиционные имамы не понимают повседневных проблем мусульман, живущих в странах Запада, и не пользуются особой популярностью среди молодежи. Мусульмане второго и третьего поколения по сравнению со своими родителями лучше образованы. Действительность ставит перед ними вопросы, на которые традиционные имамы мечетей не могут ответить. В результате они посещают различные мечети, где задают тон интеллектуальные исламисты-радикалы, хорошо знакомые с европейской шкалой ценностей. Родители отправляют ребенка за «духовным прозрением» в мечеть, откуда он возвращается с радикальной исламистской и антисемитской индоктринацией. Речь идет о настоящей войне культур. Например, Швеция испытывает недостаток квалифицированных имамов. Молодые мусульмане, ориентированные на свою «новую родину», стремятся получить ответы на вопросы, которые перед ними возникают в скандинавском контексте. «Мы, мусульмане Швеции не желаем слышать советы по поводу решения проблем, которые имеют место в Саудовской Аравии или Каире. У нас свои сложности, с которыми мы сталкиваемся, если имам не знает шведского языка, не разбирается в политической и социальной конъюнктуре Шве-

ции, то он не поймет нас и наши проблемы. Такие имамы подходят старшему поколению, но для тех, кто родился здесь, нужны современные имамы»[24]. Известный исламский деятель Европы, внук основателя организации «Братья-мусульмане» Т.Рамадан считает, что второе поколение мусульман выросло в других реалиях, они продукт европейской системы образования, дети своего времени, они не согласны занимать место граждан «второго сорта», им нужен ислам, который поможет им достичь поставленных целей и занять достойное место в стране[25]. В Великобритании только 30 имамов получили образование в стране, в то время как иностранных около 1000. Многие из них слабо знают английский язык. Во Франции был создан институт по подготовке «национальных» исламских духовных кадров. В Германии подготовка преподавателей исламских религиозных заведений осуществляется на базе институтов и университетов. Несмотря на то, что в Бельгии ислам стал официальной религией в 1974 г., тем не менее имамы не получают никаких выплат со стороны государства. В целом ситуация по Евросоюзу с финансированием представителей исламских духовных деятелей сложная. Их доходы в месяц, по различным оценкам, составляют от 500 до 1000 евро.

Борьба с терроризмом в Испании осложняется тем, что здесь относительно небольшое число официальных мечетей при быстром росте так называемых молельных комнат. Поэтому религиозную риторику в таких заведениях очень сложно отслеживать, чем активно пользуются радикалы[26]. По данным французской полиции, в стране 150 из 1600 мечетей и молельных комнат находятся под контролем экстремистов, 23% французов, принявших ислам, заявляют о своей приверженности салафизму. В Нидерландах, по различным подсчетам, находится до 3000 ветеранов различных горячих точек, либо муджахедов, получивших военную подготовку в лагерях «Аль-Каиды». В Германии численность сторонников радикальных группировок достигает 30000, непосредственная численность радикальных исламистов – около 300. Имам одной из голландских мечетей говорит, что многие мусульмане в Европе не обладают достаточными знаниями ни в области исламской религии, ни арабского языка, чтобы критически воспринимать проповедь, настроенную часто на радикальный лад. Все сведения о мусульманской религии они, как правило, получают от имамов, которые пользуются этим и распространяют салафитскую идеологию.

Большинство активистов «Аль-Каиды» – это молодые люди. «Молодежь – это идеалисты, убежденные в том, что могут изменить мир. Это обычная стадия интеллектуального и психологического развития молодого человека, чем Бен Ладен и его сторонники так коварно манипулируют». Пользуясь их слабым знанием арабского языка и религиозных основ, имамы подбирают им отрывки из Священной книги таким образом, чтобы настроить молодых мусульман против родителей, семей и того общества, в котором они живут[27].

В последнее время радикалам от ислама пришлось в ответ на усиление антитеррористических мер уйти в тень, проповедь теперь ориентирована на более узкую аудиторию в мелких мечетях, молельных домах, студенческих кружках. Появился новый эшелон активистов, действующих с соблюдением повышенных мер безопасности. Одним из них является Усман Али по прозвищу «Узи». Он переправлял молодых людей для войны в Афганистане и Ираке. В настоящее время он занимается пропагандистской деятельностью в восточных районах британской столицы. Еще одним способом распространения радикальных идей без привлечения к себе внимания со стороны спецслужб является вовлечение в пропагандистскую деятельность имамов юношеского возраста. Например, в небольшом г.Лютоне (30 км к северу от Лондона) в одной из мечетей пакистанской общины салафитскую проповедь вел подросток. Известный идеолог радикального исламизма Аззам Тамими активно проповедует в университетских студенческих кружках, пользуясь тем, что высшие учебные заведения Великобритании до сих пор традиционно сохраняют высокую степень свободы слова[28].

В конце января 2008 г. испанская полиция арестовала 14 пакистанцев, намеревавшихся провести серию терактов в Барселоне и ряде других городов Европы. Взрывы предполагалось устроить в марте во время проведения парламентских выборов. Целью террористов было избрано метро Барселоны. По данным испанских спецслужб, ячейка поддерживала контакты с известным лидером «Техрик-е-Талибан-е-Пакистан» Бейтуллой Мехсудом. В ячейку входило несколько смертников. Среди арестованных были выявлены двое специалистов по психологической подготовке «живых бомб». Большинство членов ячейки имело разрешение на работу в Испании. Лидер группы Маруф Ахмед Мирза был связан с группой пакистанцев, плани-

ровавших теракты в Барселоне в 2004 г. По данным спецслужб страны, непосредственным заказчиком терактов являлся Б.Мехсуд, который выбрал Испанию в качестве мишени за участие ее воинского контингента в военной операции в Афганистане[29].

В Бельгии в конце 2007 г. были арестованы 14 чел., планировавших побег известного исламиста-радикала Низара Трабелси (в прошлом профессионального футболиста, приговоренного в 2004 г. к 10 годам за подготовку теракта на военной базе на севере Бельгии). Среди задержанных оказалась вдова одного из исполнителей убийства Ахмад Шаха Массуда.

Ведется активная деятельность различных радикальных исламистских группировок (как локальных, так и транснациональных). На территории западных стран одни ориентированы на долгосрочную пропаганду, другие используют Европу для сбора средств, вербовку новых членов, третьи рассматривают этот континент в качестве потенциальной мишени для проведения терактов и оказания давления на правительства европейских стран. Некоторые группировки, как, например, «Хизб ут-Тахрир», заявляют о своей умеренности. В Великобритании «Хизб ут-Тахрир», используя антизападную риторику, приобрела значительное число сторонников в университетах. С 90-х гг. группировка открыто не призывала к акциям террора, поэтому довольно длительное время ей удавалось открыто проповедовать свою идеологию. Внимание спецслужб «Хизб ут-Тахрир» привлекла, когда несколько бывших ее активистов основали в стране радикальные исламистские ячейки. Омар Бакри Мухаммад, в прошлом лидер этой организации в Великобритании, основал известную исламистскую группировку «Аль-Мухаджирун». Другим членом «ХТ» был Омар Шариф, приведший на себе в действие пояс смертника в Тель-Авиве в 2003 г. Билал Абдулла – один из тех, кто готовил 29 июня 2007 г. теракт в Лондоне, он также является членом ячейки «ХТ» в Кембридже. «Хизб ут-Тахрир» называется также конвейером для террористов. Группировки, подобные «ХТ», знакомят молодых людей с основными положениями салафизма, а затем вербуют в другие радикальные структуры. «Хизб ут-Тахрир» открыто функционировала в Великобритании до начала 2006 г., она сыграла значительную роль в процессе радикализации мусульманской молодежи европейских стран[30]. Шейх Омар Бакри Мухаммад, основатель лондонского отделения этой организации и группировки «Аль-Мухаджирун» вместе со своими единомышленниками занимался сбором средств, активной пропагандой в европейских странах и мобилизацией добровольцев для борьбы с неверными. Он отправил 160 муджахедов из Британии в Иорданию и Ливан на территорию лагерей палестинских беженцев, в частности «Эйн уль-Хильва», для прохождения военной подготовки[31]. Омар Бакри неоднократно направлял добровольцев в Кашмир, Чечню, Афганистан. По его словам, в Британии молодых людей можно подготовить только физически, для того, чтобы стать настоящим воином Аллаха, необходим военный опыт[32]. После трагедии на Дубровке пакистанский сайт «Аль-Мухаджирун» посвятил теме захвата заложников несколько статей, в которых их авторы выступают в роли адвокатов чеченских моджахедов и всего чеченского народа: «То, что произошло в московском театре, является легитимной акцией и даже выполнением обязанностей ислама. Мусульмане Чечни, земля которых оккупирована и подвергается насилию, имеют право защищать свои жизни, честь и имущество в соответствии с текстом святого Корана: «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас. Убивайте [неверующих], где бы вы их ни встретили, изгоняйте их из тех мест, откуда они вас изгнали, ибо для них заблуждение хуже, чем смерть от вашей руки»[33].

По информации представителей испанских спецслужб, Каталония является центром деятельности радикальных исламистских организаций. С конца 90-х гг. здесь было арестовано около 300 членов различных радикальных группировок. Директор Центра по исследованиям всемирного терроризма королевского института Фернандо Рейнарес заявляет, что этот район Испании стал перевалочным пунктом для радикалов от ислама. Большинство исламистов склонны рассматривать Каталонию как убежище, где они имеют возможность пополнять свои ряды, проходить лечение, аккумулировать финансовые средства, переправлять отсюда боевиков в различные горячие точки (Афганистан, Ирак, Кашмир). По мнению Х. Саура, советника министра внутренних дел Каталонии, города региона стали по существу воротами в Европу для террористов. По некоторым подсчетам, каждый месяц до трех исламистов отправляется из Каталонии на тот или иной театр военных действий. Одновременно Каталония является и транзитной точкой для исламистов со всей Европы. В конце марта этого года в г.Реус был задержан марокканец Мубарак аль-Джафари, ко-

торый подготовил 32 смертников. Для того, что бы сбить с толку спецслужбы, он настаивал на том, чтобы его ученики носили современную модную одежду, запретил им отращивать бороду, устраивал их на работу в провинциальные города. С 2001 г. из всего числа задержанных радикальных исламистов Испании 31% приходится на Каталонию. Этот район страны населяют около 300 тыс. мусульман, 100 тыс. из которых – выходцы из Марокко. После терактов в Мадриде в марте 2004 г. полиция страны задержала в Каталонии 20 человек, причастных к этому инциденту. В 2006 г. спецслужбы Испании выявили более 20 так называемых рекрутеров, которые набирали смертников для отправки в Ирак. Одним из них был алжирец Бельгасем Белил, который привел в действие на себе взрывное устройство около базы итальянских военнослужащих Насирийе. В результате погибло 28 человек. Из 15 радикальных исламистов, арестованных в этом году в Испании (13 марокканцев и 2 алжирца), 13 вели активную работу именно в Каталонии. По мнению представителей спецслужб Испании, «Аль-Каида в Магрибе» создает инфраструктуру, необходимую как для вербовки будущих воинов джихада, так и проведения терактов в ряде стран Европы. В настоящее время в этом районе Испании проявляют активность: «Аль-Каида в Магрибе» (основана на базе «Салафитской группы проповеди и джихада»), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами аль-Магриби», «Такфир ва-ль-Хиджра», «Вооруженная исламская группа», «Аль-Адль ва-ль-Ихсан», «Джамаа ад-Даава ва-т-Таблиг». Особую озабоченность властей Испании вызывают «Такфир ва-ль-Хиджра», «Аль-Адль ва-ль-Ихсан». Этим организациям принадлежит более 10 мечетей, в которых радикальные имамы проповедуют идеи вселенского джихада. Причем в Каталонии прослеживается специализация исламистских группировок. Например, «Аль-Каида в Магрибе» большей частью занимается сбором средств для финансирования операций в Алжире и Марокко.

Другие вербуют недавно прибывших мигрантов из стран Северной Африки, затем переправляют их в военно-тренировочные лагеря на территории стран Сахеля. Еще одной характерной чертой последних 2–3 лет стала предельная автономность создаваемых радикальных исламистских организаций, не связанных между собой ничем, кроме общих идеологических ориентиров вселенской борьбы против Запада. Эти группировки не имеют никакого отношения к «Аль-Каиде», но разделяют

ее идеологию. Сельские районы также находятся в зоне особого интереса исламистских структур. Значительное число членов экстремистских структур являются коренными испанцами. Спецслужбы страны отмечают, что «Аль-Каида в Магрибе» призывает молодежь не жертвовать своими жизнями в борьбе против неверия, а больше сосредоточить свою активность на прозелитской деятельности. Целью такой политики является укоренение «культуры джихада» среди как можно большего числа мусульман, чтобы затем «освободить» два испанских анклава Сеуту и Мелилью на территории Марокко. Параллельно магрибинский филиал «Аль-Каиды» стремится ослабить авторитет умеренных исламских ассоциаций, объединяющих мусульман, которые на протяжении многих лет живут в Каталонии. Чтобы снизить вероятность проникновения агентов спецслужб в ряды радикальных организаций, исламисты нередко формируют ячейки на основе родственных связей, выходцев из определенного района Магриба, говорящих на берберских диалектах, придерживающихся свойственных той или иной местности обычаев и норм поведения.

Радикальные исламисты, по сообщениям правоохранительных органов Италии, живут в спартанских условиях и первостепенное значение придают мерам безопасности. В некоторых кварталах у них есть конспиративные квартиры с сетью наблюдательных пунктов. А например, в районе Порта Венеция в Милане радикальные исламисты собираются в маленьком арабском ресторане под видом обычных посетителей. «При этом на перекрестке сидит тунисский бербер-наблюдатель, торговец-алжирец контролирует возможные пути отхода. У исламистов глаза повсюду, докладывают обо всех подозрительных лицах, появляющихся в районе, что затрудняет проникновение сюда сотрудников не только итальянских правоохранительных органов, но и спецслужб арабских государств. Еще одним обстоятельством, привлекающим в Италию радикалов от ислама, является легкодоступность и дешевизна взрывчатых веществ и оружия»[34].

Итальянскими спецслужбами были предприняты повышенные меры безопасности во время Олимпийских игр в Турине, т.к. в стране серьезно отнеслись к угрозам «Аль-Каиды» наказать Италию за ее участие в войне в Ираке. «Аль-Каида» неоднократно выступала с угрозами затопить Венецию, устроить теракты в миланском метро и посольстве США в Риме, исполь-

зовать химические вещества против Ватикана (цианид, рицин). В Италии существует вероятность проведения терактов по лондонскому сценарию. По некоторым данным, в Италии намечено около 13 тыс. потенциальных целей для проведения атак.

В Болонье церковь Сан Патронио считается одной из наиболее вероятных мишеней для атак. В ней на одной из фресок показан пророк Мухаммад в аду. В 2002 г. пять человек (один итальянец и четыре североафриканца) были арестованы по подозрению в подготовке теракта. Полиция возводит защитные заграждения вокруг вероятных объектов для терактов, чтобы невозможно было припарковать к ним автомобили. В конце июля этого года итальянская полиция во время проведения спецоперации под кодовым названием «Хамам» арестовала трех марокканцев, связанных с «Аль-Каидой» и «Вооруженной исламской группой» (Марокко), причастных к терактам в Мадриде в 2004 г, которые в итальянской провинции Перуджа в мечети «Ponte Felcino» складировали высокотоксичные, а также взрывчатые вещества. Более того, имам этой мечети обучал молодых людей обращению с оружием, использованию взрывчатых и отравляющих веществ. При обыске были обнаружены подробные карты каналов в Умбрии, аэропорта Рима. В ходе расследования спецслужбам Италии удалось выйти на другого имама одной из деревень провинции Перуджа, у которого также была обнаружена карта с указанием населенных пунктов, намеченных для проведения терактов. Одна из тенденций развития радикального исламизма в Италии заключается в том, что центры активности исламистов стали смещаться из северных районов страны в южные. Исламисты Италии в своем большинстве связаны с радикальными группировками из Северной Африки («Салафитская проповедь и джихад», «Вооруженная исламская группа»).

По подозрению представителей итальянских спецслужб, Турин является вероятной мишенью для проведения терактов. Этот город считается прежде всего промышленным центром Италии и обладает наиболее развитой транспортной инфраструктурой, которой пользуется подавляющее большинство рабочих, занятых на многочисленных предприятиях Турина. Поэтому проведение терактов по мадридскому или лондонскому сценарию может привести к серьезным социально-политическим последствиям. По данным правоохранительных органов страны, несмотря на серьезные меры по охране

транспортных узлов, станций, им практически невозможно гарантировать безопасность объектов в случае использования террористами нескольких смертников. Однако следует заметить, в Италии процесс массового притока мусульман начался на 30 лет позже, чем во Франции, Германии, Великобритании. Когда в привлекательных с точки зрения миграции странах были введены ограничительные меры против наплыва мигрантов, они стали искать другие возможности для проникновения в Европу. Таким образом, Испания, Греция, Италия столкнулись с прибытием[35] все возрастающего количества последователей исламской религии много позже. Первая значительная волна мигрантов нахлынула в 70-х годах. Это были главным образом филиппинцы и выходцы из стран Латинской Америки. Мусульмане-мигранты из стран Северной Африки, Албании, Ближнего и Среднего Востока стали прибывать в Италию в 80–90-х годах. В результате в настоящее время Италия в отличие от Великобритании и Франции еще не столкнулась в полном объеме с проблемой «второго», «третьего» поколения мусульман, испытывающих кризис идентичности, которое легче всего радикалам от ислама вербовать в смертники. Также нельзя забывать, что североафриканские радикальные исламистские группировки, проявляющие наибольшую активность в Италии, ориентированы на проведение терактов на родине и рассматривают эту европейскую страну как источник пополнения своих рядов новыми участниками, центр финансирования и т.д. Однако созданная ими здесь инфраструктура в случае необходимости может быть использована для открытия «европейского фронта всемирного движения джихада». После создания на базе «Салафитской группы проповеди и джихада» организации «Аль-Каида в Магрибе» (АКМ) (более подробно см.: Нечитайло Д.А. Структурные изменения в мировом фронте джихада. www.iimes.ru),ее лидер Абу Мусаб аль-Вадуд предпринял меры по усилению медиа аппарата. В результате размещения во всемирной сети материалов о проведении атак на военные объекты, филиалы западных компаний новая структура заявила о себе на международной арене. «Аль-Каида в Магрибе» открыла несколько сайтов. Ее акции стали предметом обсуждений на радикальных исламистских форумах. Тем самым «АКМ» создает себе платформу для вербовки в свои ряды новых членов, прежде всего в алжирской и марокканской среде.

Радикальные исламистские организации стараются «реисламизировать» мусульманские общины европейских стран. Одни при этом делают ставку на «даава» (призыв, пропаганду), другие на вооруженную борьбу, проповедуют нетерпимость к представителям других религий. Однако влияние ветеранов не является решающим фактором в формировании «культуры джихада» в молодежной среде. Огромную роль играют средства массовой информации.

Радикальный ислам в Европе распространялся традиционно в городах. Мусульмане-иммигранты исторически оседали в крупных и средних городах. Однако в последние несколько лет наметилась тенденция к перемещению радикальных исламистских структур в сельскую местность. Особенно это свойственно для южноевропейских стран (Испании, Италии, Франции), где на сезонных сельскохозяйственных работах заняты выходцы из Северной Африки. Здесь в сельских районах создаются молельные дома, в которых проповедь читают радикальные имамы. Пользуясь тем, что на периферии мало мечетей, минимален контроль со стороны малочисленных отрядов полиции, салафиты активизируют свою деятельность. Недавно французские власти раскрыли исламистскую сеть в Тулузе, занимающуюся переправкой добровольцев в Ирак, она была связана с сирийцем из селения Артигат. Его община жила изолированно, следовала строгим предписаниям шариата. Некоторые мусульмане Тулузы привозили сюда молодых людей, чтобы они провели часть времени в среде «чистого ислама».

В июле 2007 г. в Италии была проведена спецоперация под названием «Хамам», в ходе которой были арестованы Мустафа аль-Курчи – имам одной из небольших деревень около Перуджи и Мухаммад аль-Абси – имам мечети из деревни Пьер Антонио. Операция «Хамам» началась через два года после того, как около Багдада был обнаружен мобильный телефон гражданина Туниса А.Учтати. По данным бельгийской полиции, на А.Учтати был зарегистрирован другой номер, которым пользовался один из участников группировки, причастной к теракту в Мадриде 2004 г. Аль-Курчи обучал своих сторонников тактике ведения боевых действий в условиях городской местности. Все необходимые методологические материалы члены ячейки получали из Интернета. Потом на различных форумах всемирной сети участвовали в обсуждениях тех или иных приемов ведения боевых действий. Затем отрабатывали

их на тренировочной базе, расположенной около мечети. Один из высокопоставленных представителей итальянских спецслужб Антонио Манганелли заявил, что в отличие от «Коза Ностры» с ее четкой централизованной структурой, имеющей отделения в разных странах, «Аль-Каида» стала в настоящее время «торговой маркой» для многих структур движения всемирного джихада, вдохновляемых ею для совершения терактов. Ячейка строго руководствовалась идеологией ведения глобальной борьбы, согласно которой каждая группировка должна действовать, исходя из имеющихся возможностей. При обыске на квартире аль-Курчи было обнаружено около 60 различных химических компонентов для производства взрывчатых веществ. Их отличительной особенностью была легкодоступность.

Конфликты в Афганистане, Ираке, Чечне, Кашмире стали темой интенсивных обсуждений в глобальной сети – Интернете среди европейской мусульманской молодежи и дают дополнительный импульс для радикализации и усиливают мотивацию для вступления в экстремистские группировки[36]. Молодежь рассматривает борьбу с терроризмом как войну с исламом. Она также осуждает двойные стандарты ряда европейских стран, поддерживающих войну США в Ираке. В сентябре 2005 г. Абу Мусаб ас-Сури комментируя теракты в Лондоне, заявил, что они являются показательными для мусульман как арабского, так и неарабского происхождения, включая тех, кто родился и вырос в Великобритании, США, и других странах Запада. Он также призвал муджахедов атаковать те страны, которые направили свои войска в Ирак и Афганистан.

Радикалы от ислама развернули мощную кампанию по созданию интернет-чатов, на которых обсуждаются темы войны в Ираке, Афганистане, Кашмире[37]. Беспрецедентные информационные акции исламистов практически сводят на нет попытки европейских правительств остановить распространение «культуры джихада» среди мусульманской молодежи. В декабре 2004 г. немецким спецслужбам удалось арестовать трех иракцев, готовивших покушение на премьер-министра Ирака во время его визита в Берлин[38]. «Война в Ираке способствовала радикализации мусульман в Европе, создала благоприятную почву, в которую радикалам от ислама осталось привнести лишь финансы и вербовщиков», – говорит П. Ньюман, директор Центра оборонных исследований Великобритании. В августе 2006 г. ряд мусульманских организаций

Великобритании направил письмо премьер-министру страны Т.Блэру, в котором говорилось, что внешняя политика Королевства обеспечивает «боеприпасами экстремистов»[39].

Выступающие в качестве проповедников «афганские», «иракские» и «чеченские» ветераны, вернувшись в Европу, становятся очень популярными в мусульманской молодежной среде, ведут вербовку новых бойцов в радикальные исламистские группировки, они организуют нечто вроде «джихад-туров» для молодых людей, желающих испытать себя[40]. Причем молодежь не задумывается об уровне теологической подготовки «ветеранов». Авторитет прошедших «горячие точки» муджахедов не дает усомниться в «высоком уровне» их знаний об исламе. Особую ставку радикалы делают на тех молодых людей, кто родился и вырос в странах Запада, в силу чего их знания об исламе недостаточны. Именно для них создается новый имидж ислама, формируется культ «настоящего мусульманина». Исламская молодежь, отправляясь воевать в «горячие точки» – Кашмир, Ирак, Чечню, Афганистан, проходит нечто вроде инициации. Быть мусульманином – значит совершить «джихад-тур» в одно из тех мест, где неверные ведут войну против мусульман. В европейских странах нарушена связь поколений иммигрантов. Исламская традиция, носителями которой являются отцы и деды, играет незначительную роль в молодежной среде, так как зачастую давний жизненный опыт старших в Европе не работает. Недавно Верховный судья Испании Б.Гарсон заявил, что «иракские ветераны» возвращаются в европейские страны, формируя здесь инфраструктуру не только для вербовки новобранцев, но и для превращения региона в очередной «фронт джихада». По данным французских спецслужб, около 50 человек из их страны совершили теракты смертников в Ираке. Особую настороженность вызывает растущее число коренных европейцев, принимавших участие в боевых действиях в Ираке и Афганистане. Они свободно перемещаются по странам Евросоюза, создавая так называемые «спящие ячейки». Чтобы сбить со следа правоохранительные органы, исламисты используют фальшивые паспорта, отправляются в «горячие точки» через третьи страны, возвращаются на родину, используя нелегальные каналы миграции.

В сентябре 2007 г. радикальная группировка «Союз исламского джихада» (отделилась от «Исламского движения Узбекистана») заявила о намерении провести теракты против дипло-

матических объектов США и Узбекистана на территории Германии для оказания давления на немецкое и узбекское правительства с целью закрытия военной базы в Термезе, которая используется для обеспечения трехтысячного контингента Бундесвера в Афганистане. Германия стала потенциальной мишенью для террористов после введения немецких подразделений в Афганистан, подготовки на своей территории иракских военных. Тем не менее эта страна не столкнулась, как Британия, с ростом доморощенных исламистов во многом благодаря тому, что 2/3 ее мусульман являются турками, среди которых идеи вселенского джихада не получают должной поддержки. Организация «Милли Герюш» хотя и считается исламистской, тем не менее носит ярко выраженную националистическую окраску. По данным немецких спецслужб, в стране функционируют 28 радикальных исламистских организаций. Из них « ХАМАС» насчитывает примерно 300 чел., «Джамаат ат-Таблиг» – 500, «Хизб ут-Тахрир» – 300, «Ансар уль-Ислам» – около 100. Исламистские организации ориентированы на долгосрочную перспективу, стремятся вести активную работу среди детей из иммигрантских семей, формируя тем самым очаги для будущей радикализации.

Эволюция всемирного движения джихада. В настоящее время настал новый этап джихада, когда радикальные группировки исламистов возникают спонтанно, независимо от их транснациональных структур. Молодые мусульмане в силу социокультурных, психологических, религиозных причин принимают «культуру джихада». Анализируя деятельность радикальных исламистских организаций в Европе, можно выделить три типа структур: международные, локальные ячейки транснациональных организаций, автономные группировки.

Война с терроризмом, безусловно, ослабила «Аль-Каиду». Многие ее вожаки были уничтожены либо арестованы. Они являлись большей частью представителями среднего звена организации, связующего первых лиц «Аль-Каиды» с нижним эшелоном «воинов джихада». В результате верхушка «Аль-Каиды» в лице Бен Ладена и Аз-Завахири оказалась в изоляции. Во многом, возможно, благодаря этому возникла концепция «индивидуализации джихада», предложенная известным идеологом радикализма Абу Мусабом ас-Сури. Он по праву считается «архитектором» современного исламизма (его еще называют основателем «новой Аль-Каиды»). Свою стратегию

всемирной борьбы он начал распространять будучи инструктором в военно-тренировочном лагере «Аль-Гураба» в Афганистане в 90-е годы. Известно, что эта база финансировалась Бен Ладеном, но функционировала автономно[41]. Среди прошедших здесь подготовку было много европейцев. Как заявил ас-Сури в одном из интервью, «среди тех, кого я готовил, были арабы и британцы, выросшие в Европе, а также граждане других западных стран, включая нескольких американских мусульман». Ас-Сури выдвинул концепцию «индивидуального терроризма», призванного заменить привычную структуру группировок, созданную «Аль-Каидой». Он заявил: «Мы просим молодежь – будьте террористами! Почему мы выступаем за индивидуальный терроризм?» Он объясняет причины, по которым выступает за индивидуализацию акций террора. Ас-Сури прекрасно осознает, что новому поколению воинов джихада (которое он называет «самым ярким из всех») предстоит жить в мире, где важную роль играют информационные технологии, где членство в той или иной исламистской организации может быть виртуальным, а всю необходимую информацию можно получить из интернета. По его мнению, «попытки привычных группировок с их секретным иерархическим аппаратом привлечь молодых людей окончились неудачей, молодежь совершает много ошибок, попадая в руки спецслужб (имеется в виду раскрытие всей сети, провал остальных активистов). Во-вторых, на его взгляд, в настоящее время молодежи стоит дать шанс участвовать в движении джихада, не будучи членами организации, им следует быть более самостоятельными в принятии решений относительно способов ведения джихада. В-третьих, ас-Сури обуславливает «индивидуальный террор» усилением мер и международным сотрудничеством в борьбе с терроризмом. Он подверг критике иерархическую структуру «Аль-Каиды», нарисовал диаграмму, на которой показал, насколько легко уничтожить группировки, которые подчиняются одному руководителю. В связи с этим он призывает новое поколение муджахедов формировать бригады численностью не более 10 человек. На его взгляд, таких независимых ячеек, руководствующихся общими принципами ведения джихада против Запада, должно стать как можно больше, в них следует включать представителей различных национальностей. Он призывает к формированию «культуры джихада», где основополагающую роль должны сыграть СМИ, изобличающие пороки Запада, его «дегенеративную» систему ценностей. И это, на взгляд ас-Сури, лучший способ побудить мусульман на борьбу. Предлагается проводить теракты в любой европейской стране, где есть муджахеды. Главным критерием в выборе цели должно являться, во-первых, причинение максимального вреда врагам ислама, а во-вторых, эти акции должны возродить в мусульманах дух джихада. При этом ас-Сури признает, что такая тактика борьбы имеет свои недостатки. Тем не менее он заявляет, что издержки джихада не препятствуют уничтожению еще большего зла – современного мирового порядка.

Террористические акты в Касабланке, Бали, Стамбуле, Мадриде, Лондоне были проведены именно малочисленными группами муджахедов, которые в своем большинстве являлись выходцами из тех же стран, где проводились операции. Именно к созданию таких групп и призывал ас-Сури.

В отличие от других террористических организаций в современных радикальных исламистских группах отсутствует четкая иерархическая структура, они строятся на основе «гибкого членства» и формальной системы подчинения. Это оставляет их участникам больше возможностей для проявления инициативы. Взаимоотношения современных радикальных исламистских структур выстраиваются на общем идеологическом поле, взаимном доверии, зачастую обусловленном родственными и дружескими отношениями, скрепленными общим боевым прошлым (участие в джихаде либо опыт прохождения подготовки в военно-тренировочных лагерях). Исламисты очень мобильны в принятии решений. Например, после проведения операции ее участники размещают некоторые ее подробности в интернете, делятся своим опытом с потенциальными исполнителями, предупреждают их о возможных ошибках, а также информируют о методах, используемых правоохранительными органами против муджахедов. Это позволяет радикалам постоянно совершенствовать тактику и методы в борьбе против Запада. Во всемирной сети можно найти необходимые инструкции о том, как осуществлять захват заложников, создавать радикальные исламистские ячейки.

Например: «Тебе не нужно встречаться с Бен Ладеном, чтобы стать муджахедом. Тебе не нужно признание «Аль-Каиды», чтобы стать воином джихада. Во-первых, представь, что «Аль-Каиды» не существует: что тебе в этом случае необходимо делать. Рекомендуется тем, кто решил посвятить себя

джихаду, создавать ячейки, чтобы помочь делу борьбы ислама. При этом ячейка не должна быть более пяти человек. Каждой группе следует искать средства финансирования. Затем необходимо приобретать оружие, разработать план, найти цель для проведения теракта, следить за перемещениями врага». Авторы статьи задают вопрос: «…Разве трудно найти, например, американского дипломата, ведь вы уже находитесь в США. Какая разница между тобой и героем атаки 11 сентября Мухаммадом Атой, который спланировал эту акцию, потрясшую весь мир, упоминаемую ежедневно? Для убийства дипломата нужна лишь пуля…». Членам группы не рекомендуется собираться чаще одного раза в месяц, причем не следует встречаться в одном и том же месте дважды. «Ваш контакт должен быть в первую очередь духовным». Членам ячейки следует разделиться на секретных и открытых участников. Первые призваны собирать информацию об объектах будущих атак, вербовать новых членов, собирать финансовые средства. Тем же, кто действует открыто в нужный момент необходимо провести военную операцию. Таким образом, секретный аппарат ведет всю подготовительную работу, непосредственные же исполнители стараются не вызывать подозрений спецслужб о готовящейся акции[42].

В июне 2004 г. был убит лидер ячейки «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии Абд аль-Азиз аль-Мукрин. При нем было обнаружено подробно разработанное руководство по захвату заложников. Интересно, что этот документ и в настоящее время можно встретить на радикальных исламистских сайтах. С одной поправкой, что потенциальные исполнители теперь получили возможность усовершенствовать тактику проведения подобных акций с учетом бесланского опыта. В документе на арабском языке несколько разделов. Без опасения серьезно ошибиться можно сказать, что террористы в Беслане действовали по сценарию, предложенному лидером «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии. Более того, в пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что автор этого документа и непосредственный заказчик теракта знали друг друга и вели переписку. Например, в разделе «Как обращаться с заложниками» говорится, что необходимо «отделить молодых людей от пожилых, женщин от детей. У молодых больше силы, они способны оказать сопротивление. Они должны быть уничтожены немедленно». По свидетельствам очевидцев бесланской трагедии, террористы в первую очередь расстреляли мужчин, разделили людей. Далее в руководстве указывается на то, что «следует говорить на языке или диалекте отличном от своего родного, чтобы невозможно было определить происхождение». По словам заложников, террористы часто говорили шепотом или общались при помощи жестов. Далее в «Руководстве по захвату заложников» Аль-Мукрин советует террористам «по периметру сосредоточения заложников натянуть проволоку, чтобы лишить их возможности доступа к врагу». В бесланской школе (случайно или нет?) боевики в точности следовали этим инструкциям. Натянули проволоку, заминировали площадку, к баскетбольному кольцу привязали мощное взрывное устройство, установили «растяжки». В изъятом у лидера саудовской ячейки «Аль-Каиды» «Руководстве по захвату заложников» помимо указаний чисто тактического характера обозначались и политические цели, которых надлежит достичь: «Заставить правительство или врага пойти на уступки и выполнить требования; создать для властей трудную ситуацию, которая может привести к конфликту между правительством страны, где захватили заложников, и странами, чьи граждане находятся среди захваченных; получить от заложников важную информацию или выкуп; дать понять, что происходящее в Чечне, Алжире, на Филиппинах, захваты французских самолетов – это все один фронт». Документы подобного рода при наличии интернета равнодоступны каждому в любой точке земного шара.

Недавно на радикальном исламистском сайте были размещены указания о том, как следует атаковать военные базы. Например, «объект, расположенный на открытом участке намного труднее атаковать, чем тот, который в городе или гористой местности. Военная база в населенном пункте окружена домами, где муджахедам легче спрятаться. В пустыне же практически нет мест для безопасного отхода». Далее содержатся детальные инструкции о том, как следует атаковать военную базу, находящуюся в пустыне.

Многие эксперты заявляют, что молодые мусульмане Европы, представляющие второе и третье поколение, которые полностью не приняты европейским обществом, обращаются к исламу как символу, подчеркивающему их культурную идентичность, а затем многие попадают под влияние радикальных имамов[43]. С.Ротелла убежден, что традиционное либеральное законодательство, ратующие за свободу слова, привлекает

экстремистских клериков. Террористы, совершающие акции в Европе, все чаще являются, выражаясь языком западных исследователей, «доморощенными», хорошо интегрированными в европейское общество. Ж.Кепель в связи с этим пишет: «Не проходя посвящения, промывания мозгов в афганских военно-тренировочных лагерях, они вдруг при поддержке нескольких опытных радикалов, растворившихся в испанском обществе, внезапно стали активистами, стремящимися вести джихад»[44].

В настоящее время наибольшую угрозу представляют независимые группировки, создаваемые вторым, третьим поколением мусульман, выросших в странах Запада. Об этом свидетельствуют теракты в Лондоне, Мадриде, убийство Тео Ван Гога. Несмотря на то, что спецслужбы регулярно предотвращают теракты, арестовывают участников террористических группировок, тем не менее неструктурированный рост числа радикальных исламистских группировок не может не вызывать опасений. Растет угрожающий уровень подготовки исламистских группировок. Они стремятся получить доступ к ОМП. Радикалам из второго, третьего поколений мигрантов облегчает работу хорошее знание европейкой культуры и языков. Как правило, они являются гражданами западных стран, что облегчает им перемещение по региону. Действующие в едином идеологическом пространстве, не связанные между собой и международными исламистскими структурами, вооруженные всеми необходимыми инструкциями по проведению терактов спонтанно возникающие группы радикалов представляют серьезную угрозу. Спецслужбы Голландии отмечают, что растет интеллектуальный уровень исламистов. В радикальных группировках много представителей второго, третьего поколений мигрантов, владеющих языком страны и являющихся студентами университетов. Основная причина заключается в том, что общество в силу разного рода предрассудков их отталкивает, молодые мусульмане остаются невостребованными[45]. Молодежь не находит себя в новых социокультурных рамках, остается в «зоне отчуждения» от общества. Преподносимая им радикальная исламистская идеология, где центральное место занимает борьба ислама (а с ним всего правого, истинного) с неверием, олицетворяющим все ложное и несправедливое, помогает молодым людям обрести цель в жизни. Эта идеология дает молодежи простые ответы на сложные жизненные вопросы.

Спецслужбы скандинавских стран утверждают, что в регионе находится незначительное количество исламистов из радикальных организаций. Однако здесь начинают возникать группировки, руководствующиеся идеологическими установками «Аль-Каиды». В конце прошлого года в Дании были арестованы 9 молодых людей, которые пробрели комплектующие для создания взрывного устройства. Члены группировки проживали в бедном пригороде третьего по величине города Дании Оденсе, являлись «вторым» поколением мигрантов и представляли различные этнические группы, в их числе был один коренной датчанин, принявший ислам. Немногим ранее в пригороде Копенгагена были задержаны члены радикальной исламистской ячейки, возглавляемой М.Бекташевичем – 19-летним гражданином Дании боснийского происхождения. Операция проводилась в Боснии и Дании. Лидер группы вместе А.Чезуром (21 год, турок по происхождению) приобрел в Сараево 20 кг компонентов для изготовления взрывного устройства. Террористы записали на видео момент, когда они комплектовали «пояса смертников» и заявляли о своей готовности провести «акцию» в одной из стран Европы, чьи войска находятся на территории Ирака и Афганистана. По мнению спецслужб, предполагаемой целью для атаки должно было стать посольство Великобритании в Сараево. М.Бекташевич поддерживал связь по телефону с другими членами ячейки, находящимися в Копенгагене. Известно, что остальные участники группировки являлись выходцами из семей мигрантов из стран Ближнего Востока. По заявлениям близких, они не проявляли интереса не только к радикальной исламистской идеологии, но и к исламу вообще, вели обычный образ жизни, свойственный их сверстникам из датских семей. Однако общаясь в интернет-чатах, они познакомились с М.Бекташевичем, который повлиял на их мировоззрение. Бекташевич также являлся членом транснациональной группы киберджихадистов, состоявшей из молодых людей, проживавших в США, Великобритании, других странах Евросоюза, Канаде. Он под псевдонимом «Максимус» вел активную вербовочную работу для отправки молодых людей в Ирак и Афганистан. Другой пример также подтверждает важность интернета в радикализации мусульман. В мае прошлого года шведские власти арестовали трех молодых людей в пригородах Стокгольма. Среди них также был коренной европеец, принявший ислам. В ходе расследования выяснилось, что они

также не проявляли особого интереса к исламу. Они познакомились в интернет-чате. Они разместили клипы во всемирной сети с угрозами в адрес европейских государств. Причем участники ячейки подписались как «Аль-Каида в Швеции». Власти Норвегии также предотвратили теракт в синагоге г.Осло. Тревогу спецслужб скандинавских стран вызывает тот факт, что участники группировок не связаны с известными международными исламистскими структурами, а действуют автономно. Более того, некоторые из членов этих группировок ранее уже задерживались правоохранительными органами и периодически находились под наблюдением, в результате чего спецслужбам и удалось раскрыть планируемые теракты.

«Новообращенные» мусульмане. Настороженность вызывают так называемые «новообращенные» мусульмане. Известный французский исследователь Ж.Кепель пишет, что «даже если джихадисты составляют незначительное меньшинство этих групп энтузиастов (радикальных группировок), тем не менее новообращенные вызывают особую настороженность со стороны спецслужб, поскольку они, не проявляя религиозности, могут без труда ввести в заблуждение власти. Поэтому спецслужбы начали акцентировать внимание на этой группе мусульман»[46]. Французский исламовед О. Руа, считает, что новообращенные становятся фундаменталистами не только по причине войны в Ираке, а прежде всего потому, что они не востребованы западным обществом. Известный российский востоковед Р.Г.Ланда в этой связи пишет, что число новообращенных продолжает расти, причем как за счет коренных жителей Великобритании, так и в среде иммигрантов из Африки (особенно из Ганы) и Карибского бассейна, которые у себя на родине были не очень тверды в христианстве, считая его чуждой религией, навязанной миссионерами. «Рожденные заново» в исламе они как бы воплощают в жизнь потребность в причастности (то, что по теории мотивации американского социолога А.Маслоу означает чувство принадлежности к чему или кому-либо, восприятие личности другими, ощущение социального взаимодействия, привязанности и поддержки). Французский автор О.Руа сравнивает возникающие в настоящее время исламистские группировки с ультралевыми 70-х годов («Красными бригадами»), совершавшими свои акции во имя победы «всемирного пролетариата» и «революции», не задумываясь о конечном результате[47]. Недавно бельгийская подданная

М.Дегок, первая новообращенная европейка, стала «живой бомбой», что некоторыми аналитиками было расценено как начало новой тенденции в европейском радикальном исламизме[48].

Сращивание криминальных и исламистских структур. Высокопоставленный чиновник бельгийской полиции А.Григнард говорит: «Смешение представителей исламистских террористических организаций с теми, кто отбывает наказание за другие преступления, становится особенно актуальным. В тюрьмах происходит процесс вовлечения специалистов по подделке документов, транспортировке оружия и т.д. Сегодня в тюрьмах создаются будущие террористы». Ситуация осложняется тем, что далеко не всегда представители радикальных исламистских группировок попадают в тюрьму за террористическую деятельность: их осуждают как «нелегальных мигрантов», «наркодилеров», «специалистов по подделке документов». На самом деле многие являются членами радикальных исламистских группировок, и степень опасности, которая исходит от них для других заключенных, не всегда осознается. Руководитель департамента по борьбе с терроризмом Франции Пьер де Флорэн отмечает, что очень трудно юридически доказать связь между терроризмом и криминалом.

Интернет. Каждый теракт имеет прежде всего тяжелые психологические последствия, именно интернет позволяет исламистам создавать мощную информационную волну. Всемирная сеть дает возможность даже маленькой радикальной группе преувеличить свою значимость и угрозу интересам западных стран. С помощью интернета группы джихада формируют у западной аудитории ощущение всеобщей незащищенности и хаоса. На сайтах звучат призывы вести психологическую борьбу против США и их союзников. Основными адресатами здесь становятся широкие массы населения этих стран, которые должны оказать давление на свои правительства. В настоящее время у «Аль-Каиды» функционирует медиаотделение «Ас-Сахаб», которое создает видеоматериалы с текстами на восточных и западных языках. Различные группировки не только обмениваются идеями с помощью интернета, но и делятся практическими рекомендациями о том, как создавать взрывные устройства, создавать ячейки, проводить атаки. Всемирное движение джихада после утраты Афганистана – страны с целой сетью военно-тренировочных баз – стало распространять множество материалов экстремистского характера. Таким образом, ставка делается на массовость совершаемых терактов.

При этом размещаются списки потенциальных целей: атомных объектов, аэропортов, даже расписание движения поездов (часы пик), информация о контрразведывательных мерах спецслужб разных стран. На одном из арабоязычных радикальных форумов имеется указание, что обращаясь к джихад-сайтам можно получить до 80% информации о противнике. Недавно была помещена схема нескольких дамб, взрыв которых может привести к катастрофическим последствиям в некоторых странах.

* * *

Идеология ислама открывает большие возможности для использования его в политических целях самыми различными общественно-политическими силами. Корень религиозных противоречий кроется не столько в правильном или ложном толковании исламских положений, сколько в социально-экономических и политических интересах тех или иных сил. Именно их устремления в конечном итоге определяют, какое содержание вкладывается в те или иные предписания шариата. В свою очередь лидеры и идеологи, апеллируя к тем или иным ценностям, зачастую призывают верующих к «истинному» исламу, который в их трактовке выглядит по-разному. И здесь религия, имеющая сильное влияние на сознание людей, способна оказывать воздействие на политику. Радикальная интерпретация ислама бросает вызов европейской системе ценностей. Поколения мусульман Европы испытывают кризис идентичности, «поколения без корней».Как известно, социальная жизнь, мировоззрение, культура мусульманских народов до сих пор испытывают сильное влияние ислама, выступающего как высшее обобщение традиционности. Не менее известно, что ислам строится на идее строгого единобожия и, соответственно, на теоцентрическом принципе общественного устройства. Поведенческие нормы уммы зафиксированы в шариате – богооткровенном законе, конечном и всеохватном своде правил поведения. Неразрывность в исламской доктрине мирского и священного, общинных и личных интересов, а также разделение мира на домен ислама и домен войны придают особую жесткость исламистским вызовам Западу. Всякая угроза привычному образу жизни мусульманских народов, удар по этническому самосознанию, ущемление национальной гордости воспринимаются мусульманами как покушение на ислам, происходит перемещение акцентов в плоскость борьбы за веру. В свою

очередь различные политические силы стараются использовать в своих целях этот закономерный протест.

Мир, община, личная жизнь человека и воля Всевышнего нераздельны. В исламе, как нигде, мирское и сакральное находятся в неразрывном единстве. Именно поэтому качественные перемены в жизни мусульманской общины неизбежно отражаются на общественном сознании. Именно поэтому всякий вызов традиционным нормам жизни общества, ущемление национальной гордости воспринимаются как вызов, брошенный исламу, и таким образом политический и социальный протест переходит в плоскость борьбы за веру. Об этом свидетельствуют исламистские движения.

В настоящее время в Европе происходит укоренение субкультуры, представляющей собой синтез нигилизма, культа силы и экстремизма, ведущей к отчуждению от остального общества. Формируется идеология протеста, молодежь «кочует» в поисках себя от хип-хопа до исламского фундаментализма. Большинство молодых людей из мусульманских районов-гетто многих европейских городов заимствует образцы поведения, свойственные «уличной культуре», одеваясь как рэпперы, употребляя наркотики и алкоголь, просматривая джихад-видеофильмы, устанавливая изображение Бен Ладена в качестве заставки на мобильных телефонах, увлекаясь афроамериканскими клипами с гангстерскими сюжетами. Все большую популярность приобретают группы «Fun-da-mental» и «Blakstone» в Великобритании, «Medine» во Франции, «Zanka Flow» в Нидерландах, исполнители которых поют о джихаде в стиле рэпа (джихад-рэп). Восходящей звездой «джихад-рэпа» является сын имама мечети в Финсбэри-парке Абу Хамзы Аль-Масри – Мухаммад Камил Мустафа по прозвищу «аль-Ансари», который недавно создал группу «Львы пустыни». Его песни посвящены борьбе с неверными. Например: «…Я рожден, чтобы быть солдатом, «калашников» на моем плече, да будет мир с ХАМАС и Хизбаллой, это путь всевышнего…, мы на джихаде, я защищаю свою религию священным мечом…». Власти Лондона опасаются роста популярности молодежных движений под названием «Мусульманские ребята». Одна из таких группировок действует на юге британской столицы, состоит из нескольких сотен человек, занимающихся криминальной деятельностью от разбоя до торговли наркотиками. Члены группы – это уроженцы Великобритании чернокожие молодые люди аф-

риканского или карибского происхождения. Они не обладают даже базовыми знаниями по исламской религии. Для них ислам – это лозунги, призывающие к войне, подбитая американская техника в Ираке. Это всего лишь извращенное идеологическое оформление их протеста. Их стиль одежды, их сленг больше свойственны сверстникам из «черных американских» кварталов. В интервью корреспонденту одной из британских газет представители группировки рассказали, что молятся два раза в день, первый раз перед очередным преступлением, чтобы всевышний защитил их, когда они находятся за территорией своего квартала, а второй раз после совершения преступления, прося прощение у Аллаха за содеянное ими. При этом молодые люди силой оружия заставляют принимать ислам своих сверстников, два года назад они казнили 24-летнего жителя страны за то, что он отказался принять их «веру».

Сильнейшим фактором сплочения радикалов является их дискриминация по этническим, религиозным мотивам и этнорасовые предубеждения. Вольная или невольная самоизоляция от коренного населения, деятельность мусульманских организаций, жилищная сегрегация при незнании или недостаточном знании местного языка, другие притеснения создают для них психологическое гетто и сильно сдерживают усвоение ими новых жизненных правил и представлений.

В стремлении отомстить обществу, в котором для молодых людей не находится достойного места, они отвергают принятые в нем мораль и нормы поведения, отказываются считать себя гражданами принимающей страны, прибегают к противоправным действиям, пополняют ряды криминальных групп. Специалисты приходят к заключению, что к исламу как к последнему прибежищу обращается часть иммигрантской молодежи, не нашедшей места в жизни, а также «новые мусульмане» из представителей среднего класса, стремящиеся подчеркнуть свою самость часто лишь в знак протеста против их неприятия западным обществом, ради самоутверждения. Среди молодых людей отмечается возрождение интереса к религии, нередко в ее неоортодоксальных, фундаменталистских и экстремистских формах.

Довольно поверхностное представление об исламе в молодежной среде позволяет различным радикальным исламистским силам использовать такие группировки в своих интересах, внедрять в них авторитетных, прошедших «горячие точки» муджахедов.

[1] Integrating Islam: Political and Religious Challenges in Contemporary France. The Brookings Institution Panel. Washington D.C., September 13, 2006 (www.brook.edu/comm/events/ 20060913islam.pdf).
[2] World Population – Major Trends. Research Publication of International Institute for Applied Systems Analysis. 2006 (http://www.iiasa.ac.at/Research/ LUC/Papers/gkh1/chap1.htm).
[3] Silvestri. The Institutionalization of Islam in Europe: A Case Study of Italy. CES Research Publications, 2006 (www.europanet.org/pub/ Silvestri).
[4] Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001, с. 54.
[5] Ali Kose. Conversion to Islam. Vegan Paul, London, 1996, с. 8.
[6] Kerr D. The problem of Christianity in the Muslim perspective // International bulletin of Missionary Research, 1981, № 4, с. 158.
[7] See Petter Nesser. Post-millennium patterns of Jihadist terrorism in Western Europe – Part 1, Jane's Terrorism and Security Monitor, 15 June 2005, с. 3; Tamara Makarenko. Takfiri Presence Grows in Europe, Jane's Intelligence Review, 1 February 2005, с. 3–4.
[8] Дайяб Абу Джахья. Ассимиляция или депортация: Арабы в Европе борются за свои гражданские права. http://www.migdal.ru/posting.phpr.postid=1126.
[9] Kamal Abul Magd. A contemporary Islamic Vision. Cairo: Dar al-Shuruq, 1991, с. 31–32.
[10] Stefano Allievi. Multiculturalism in Europe, Muslims in Europe, post 9/11, Conference report. (St.Anthony's College and Princeton University, 25–26 April, 2003).
[11] Эко Умберто. Пять эссе на тему этики / Пер. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 137–138.
[12] Кухар И. Европа и терроризм. http://www.voanews.com/russian /search.cfm, 12.09.2005.
[13] Roberta Aluffi. The Situation of Muslims in Italy // International and European Forum on Migration Research, Turin, June 19–21, 2003, с. 8.
[14] Там же, с. 39.
[15] Daragmeh M. Germany's Muslims between assimilation and confrontation. www.dailystar.com, 18.09.04.
[16] Allievi, S., Dassetto, F., Maréchal, B. (eds.). Muslims in the Enlarged Europe. Leiden-Boston, 2003.
[17] Allievi, S., Nielsen, J. (eds.).Muslim Networks and Transnational Communities in and across Europe. Leiden-Boston, 2003, с. 42.
[18] Roy, Olivier (2003) EuroIslam: The Jihad Within? // The National Interest Spring. 2003, с. 64.

[19] Danish Television documentary on Hizb ut-Tahrir (broadcast on FST in Finland May 2003).
[20] Geertz, Clifford (2003) Which Way to Mecca? Part II // The New York Review of Books, 3 July 2003 (c. 37 footnote 3).
[21] Wilhelm Heitmeyer and Andres Zick. Anti-Semitism, Islamophobia and Group-Focused Enmity in Germany // Research Note, Institute for Interdisciplinary Research on Conflict and Violence at University of Bielefeld (May 2004).
[22] Bodrozic M. Muslims and Islam in Baden-Württemberg // German Studies Seminar «Muslim Minorities: Opportunities and Challenges in West European Societies. German and French Experiences» in the Ministry of State of the Provincial Government of Baden-Württemberg in Stuttgart on 17th May 2006.
[23] Stevenson, J. How Europe and America Defend Themselves // Foreign Affairs. Vol. 82, No. 3, March/April 2003 (c. 82).
[24] Sander, Åke, Larsson G. The mobilization, organization and institutionalization of Islam in Sweden 1990–2000. From green to blue and yellow Islam? 2000, in: Shadid, W. A. R.; Van Koningsveld, P. S. (Ed.) Religious Freedom and the Neutrality of the State: The Position of Islam in the European Union. Pharos/Kampen/ Nederländerna, c. 91–112.
[25] Ramadan T. Islam, the West and the challenges of modernity. Markfield, 2001.
[26] Congressional Research Service Report for Congress. Muslims in Europe: Integration Policies in Selected Countries. (18 November, 2005).
[27] Dr. Muhriz Al-Husseini, Director of the Center for Dialogue and Research, Editor of Al-Minassa Al-Arabiya in MEMRI Special Dispatch Series No. 1105, March 3, 2006.
[28] Power C. New Imams. European Governments are Trying to Create a Homegrown Muslim Establishment // Newsweek International. January 17, 2007. http://www.msnbc.msn.com/id/ 6804109/
[29] Don't Link Terrorism and Islam, EU Tells Government Spokesmen // CNSN News. April 12, 2007 (http://www.cnsnews.com/ViewForeign Bureaus.asp?Page=/ForeignBureaus/archive/ 200704/INT20070412f.html).
[30] Zeyno Baran. Fighting the War of Ideas // Foreign Affairs (November/December 2005).
[31] Middle East Intelligence Bulletin, November 2000.
[32] http:// artsweb.bham.ac.uk/bmms/sampleissuejan2001.asp
[33] http://www.almuhajiroun.com.pk/detail.asp?id=1135&id1=14

[34] Guido Olimpio. Italy and Islamic Militancy: From Logistics Base to Potential Target Volume 3, Issue 18, September 21, 2005.
[35] Roggero, Maria Adele. Muslims in Italy // Muslims in the West, From Sojourners to Citizens. ed.Yvonne Y. Haddad. New York, NY: Oxford University Press, Inc., 2002. C. 131–143.
[36] Patrick Tyler and Don Van Natta. Militants in Europe Openly Call for Jihad. NYT, April 26, 2004; c. 26.
[37] Rotella, Op. Cit.; Tyler and Van Natta, Op. Cit.; Abu Musab al Suri's Final Message to the British and Europeans // Global Terror Alert, August 2005; c. 4.
[38] Craig Whitlock, Germany Arrests 2 Al Qaeda Suspects, WP, January 24, 2005.
[39] BBC News Full Text: Muslim Groups Letter 12 August 2006. Available from http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/uk_news/4786159.stm
[40] Darling D. Chechnya VS the Israeli-Palestinian conflict. www.windsofchange.net/archives/006479/, 13.03.05.
[41] Katherine Shrader. Wanted Muslim extremist hop scotches the globe connecting terrorists // Associated Press, 03.08.2005.
[42] How to Join Al-Qaeda, Form a Jihad Cell, and Select a Western Target – '[Is] Assassinating the American Ambassador... Difficult For Someone Who Has Already Crushed America in Her Own Home?'
[43] Sebastian Rotella.Europe's Boys of Jihad // Los Angeles Times, 02.04.2005.
[44] Gilles Kepel. The War for Muslim Minds, Islam and the West. (Belknap Press of Harvard University, 2004).
[45] Background of jihad recruits in the Netherlands http://www.aivd.nl/actueel_publicaties /andere_publicaties/background_of_jihad, 10.03.2004.
[46] Gilles Kepel. The War for Muslim Minds, Islam and the West. (Belknap Press of Harvard University, 2004).
[47] Olivier Roy. The Ideology of Terror // International Herald Tribune, 23.07.2005.
[48] Farhana Ali. Muslim Female Fighters: An Emerging Trend // The Jamestown Foundation. http://www.jamestown.org/terrorism/news/article.php?articleid=2369824

А.В.Прокофьев

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Расположенные в сердце Азии т.н. Северные территории (СТ) граничат со штатом Джамму и Кашмир (Индия), Синьцзян-Уйгурским автономным районом (КНР), провинцией Бадахшан (Афганистан), Северо-Западной пограничной провинцией (Пакистан) и квазигосударственным образованием «Азад Кашмир». Площадь территорий составляет 72,5 тыс. кв. км (по размерам СТ сопоставимы с Ирландией, Шри-Ланкой, Латвией или Литвой), население – около 1,5 млн. человек, административный центр – г. Гилгит (примерно 100 тыс. жителей)[1]. В настоящее время в Северные территории (иногда их еще называют Гилгит-Балтистан) входят шесть дистриктов (округов): Гилгит, Балтистан, Диамар (Чилас), Ганчи, Гизар и Астор, которые, в свою очередь, делятся на районы (в прошлом княжества) Хунза, Нагар, Ясин, Ишкуман, Пуниал и др. На многих современных картах эти земли заштрихованы в один цвет с Республикой Индия, частью которой, на самом деле, они никогда не являлись.

Северные территории де-факто находятся под контролем Исламской Республики Пакистан. Исследователям довольно сложно ответить на вопрос, входит ли этот район в ИРП, или же, скорее, является спорным с неопределенным правовым положением. Кстати, в Индии эти земли считают оккупированной Исламабадом частью штата Джамму и Кашмир (ДиК), в нижней палате его парламента – Лок Сабхе за СТ закреплены четыре места, естественно, остающиеся незанятыми, в ассамблее ДиК 16 мест, зарезервированных за СТ, также вакантны[2]. Статус Гилгита-Балтистана весьма своеобразен: там не действует конституция Пакистана; жители не имеют своих представителей в его законодательных органах, т.к. лишены права принимать участие в парламентских и президентских выборах, не собираются там и налоги в казну «метрополии». В то же время в этом приграничном «чувствительном» крае

размещены крупные контингенты армии ИРП, спецслужбы и полиция, подчиняющиеся ее правительству, в качестве денег используются пакистанские рупии. После образования Пакистана в 1947 г. Северные территории стали как бы заложником кашмирской проблемы – все 60 лет с лишним считается[3], что их население когда-нибудь примет участие в ооновском плебисците по давнему спору между Исламабадом и Нью-Дели, и поэтому лучше, мол, оставить открытым вопрос о том, являются ли указанные земли частью Кашмира или нет.

Северные территории занимают исключительно выгодное стратегическое положение и имеют важнейшее значение для ИРП не только в связи с проблемой Кашмира: через них проходит единственный наземный маршрут, соединяющий Пакистан с его ближайшим союзником и партнером – Китаем. В будущем через Гилгит-Балтистан также предполагается проложить высокогорную дорогу в Таджикистан и другие государства Центральной Азии.

Интересна форма управления этим краем: в соответствии с принятым в Исламабаде уложением 1994 г., выполняющим роль урезанной конституции СТ, главой их администрации (Chief Executive) является находящийся большую часть времени в столице страны федеральный министр по делам Кашмира и Северных территорий. Законодательный совет в составе 36 членов имеет право избирать заместителя главы администрации (сейчас им является мир (правитель) Хунзы – Газанфар Али Хан), а также советников-министров Гилгита-Балтистана, подчиняющихся Chief Executive. Практическое же руководство исполнительной властью осуществляет главный секретарь – его офис расположен в Гилгите[4].

В Северных территориях проживает несколько этнических групп: шина, буруши, балти, яшкунцы, моны, а также кашмирцы, ваханцы и пуштуны. Они говорят на языках дардской, памирской и индоарийской групп. Более 150 тыс. жителей Гилгита-Балтистана (Хунза, Нагар, Ясин и частично Гилгит) используют язык бурушаски, который является генетически изолированным и не похож ни на один другой язык или наречие в мире. Большая часть жителей этих земель – мусульмане-шииты, которые составляют более 70% населения, в т.ч. исмаилиты – около 20%. Последние проживают в основном в дистриктах Гизар и Гилгит (прежде всего в Хунзе). Мусульман-суннитов здесь почти 30% (образуют подавляющее большинство в Диа-

маре), в Балтистане проживают немногочисленные буддисты[5]. Политика Исламабада по переселению вглубь СТ суннитов из СЗПП с целью, по-видимому, хоть как-то сбалансировать преобладающую шиитскую общину, приводит в последние годы к кровопролитным межконфессиональным столкновениям (в Гилгите и других местах)[6].

Хотя Северные территории почти по всему периметру окружены высокими, труднопроходимыми хребтами, которые, казалось бы, должны были служить естественной преградой для завоевателей, уникальное стратегическое положение на стыке крупнейших цивилизаций мира предопределило их судьбу. Как и другие земли в верхней части долины реки Инд и ее притоков, отдельные районы Гилгита-Балтистана, начиная с 6-го века до н.э., последовательно входили в состав империй Ахеменидов, Маурья, Кушанов, Сассанидов, государств белых гуннов (или эфталитов) и тибетских королей, позже туда осуществляли походы мусульманские правители из соседних стран (при этом многие отдаленные уголки территорий на протяжении веков оставались полностью изолированными). Очевидно, таким образом и возникло причудливое смешение в этих краях различных народов, языков, религий, культур и традиций. В средние века в СТ появились многочисленные самостоятельные государственные образования. К 40-м годам 19-го века там существовали королевства и княжества Ясин, Кох Гизар, Пуниал, Ишкуман, Нагар, Хунза, Чилас; Балтистан управлялся раджой Скарду, которому подчинялось восемь княжеств: собственно Скарду, Астор, Ронду, Шигар, Кирис, Хаплу, Харманг и Толти. Во главе общин некоторых труднодоступных районов (например, долины Дарел и Тангир) стояли племенные старейшины. В 40–60-е годы 19-го века[7] махараджа Кашмира, сам пользующийся известной автономией от англичан, установил контроль над большей частью Северных территорий, и они формально вошли в состав Британской Индии. Кстати, Хунза, Нагар, Чилас и некоторые другие районы так и не были покорены кашмирскими правителями. Начиная с 70-х годов 19-го века британцы стали испытывать растущую (и надо отметить, отнюдь не безосновательную) тревогу относительно того, что остающиеся полунезависимыми княжества СТ, где весьма непопулярная власть махараджи была слабой и фактически формальной, могут быть аннексированы Российской империей, которая к тому времени продвигалась все дальше на Памир,

а ее военные форпосты заметно приблизились к северным границам Гилгита-Балтистана.

В 1889 г. небольшая экспедиция, возглавляемая капитаном царской армии Брониславом Громбчевским (еще в нее входили всего шесть казаков), прошла через горные хребты и достигла княжества Хунза. С его правителем – миром Сафдаром Али начались переговоры о вхождении этих земель в Россию[8]. На тот момент англичан там еще не было, а власть кашмирского махараджи Хунза никогда не признавала. Фотография нашего соотечественника, подаренное им оружие и предметы казачьего быта того времени сейчас входят в число основных экспонатов музея, созданного во дворце мира – Балтитском форте в г.Каримабад. Экскурсоводы без нотки сомнения уверяют посетителей, что тогда Хунза «чуть было не стала частью России». Легенда гласит, что Сафдар Али в конце концов принял предложение капитана и даже подал соответствующее прошение императору Александру III, которое, правда, задержалось в пути. Все это всполошило Лондон, где, конечно же, были хорошо осведомлены о развитии событий в маленьком, но стратегически очень важном горном королевстве. Начались решительные действия: после разведки, произведенной английским капитаном Фрэнсисом Янгхазбендом (хорошо известен своим вкладом в присоединение к Британской Индии ряда территорий), в декабре 1891 г. из Гилгита в Хунзу был направлен отряд из тысячи гуркхов (выносливые наемники из Непала, служащие в британской армии с 19-го века) под командованием полковника Альгернона Дюранда[9]. В результате стремительного наступления, в ходе которого А.Дюранд получил ранение, княжество было за несколько дней захвачено, Сафдар Али бежал в Китай. Российского отряда в Балтитском форте к тому времени уже не было, и столкновения военных двух империй не произошло. Еще одно предание гласит, что два упомянутых выше капитана – российский и британский, по крайней мере, дважды встречались и проводили мирные беседы у костра «за чашкой чая» на одном из горных перевалов[10]. Так или иначе, Б.Громбчевский[11] со своим отрядом вынужден был покинуть Северные территории. В 1892 – 1895 гг. англичане захватили независимые княжества Нагар, Чилас, Кох Гизар, Ишкуман и Ясин, правда, почти все их правители, не оказавшие столь серьезного сопротивления, как в Хунзе, фактически сохранили ограниченную власть. Чуть ранее – в 1889 г. было

воссоздано британское агентство в Гилгите (до этого существовало в 1877–1881 гг.). Таким образом, все СТ перешли под английский контроль, знаменитая «Большая игра» в регионе между Санкт-Петербургом и Лондоном закончилась: великие империи разделила узкая полоска афганской земли – т.н. Ваханский коридор.

Новая яркая страница в истории Северных территорий была открыта в 1947 г.: при разделе главной британской колонии их жители активно выступили против решения махараджи о включении этого края в Индию в составе Кашмирского княжества. Т.н. гилгитские скауты и другие «отряды сопротивления» после продолжительных боев с военными формированиями правителя Кашмира, а затем и индийскими войсками в конце концов одержали победу, и с января 1949 г. граница между СТ и индийским штатом Джамму и Кашмир установлена по Линии контроля (образовалась после индийско-пакистанского конфликта 1947–1948 гг. по линии прекращения огня и де-факто разграничивает оба государства в Кашмире до сих пор). Таким образом, этот край оказался в своем нынешнем статусе, причем входившие в него княжества Хунза, Нагар, Пуниал, Ясин, Ишкуман, Гизар и Чилас оставались полунезависимыми до 1973–1974 гг., когда были ликвидированы в результате реформ тогдашнего премьер-министра З.А.Бхутто и преобразованы в дистрикты (многие из князей сохранили высокое положение и свое имущество; например, здание Балтитского форта мир Хунзы только в 90-е годы передал под музей)[12].

В настоящее время, согласно проводившимся в Северных территориях опросам, практически все их политически активное население не удовлетворено существующим неопределенным статусом. Значительная часть жителей желала бы видеть свои земли в качестве полноправной провинции Пакистана (с точки зрения ряда местных независимых экспертов, этого до сих пор не произошло только потому, что формальное присоединение СТ к ИРП вызвало бы нежелательную для Исламабада негативную реакцию значительной части международного сообщества[13]). Есть там также сторонники присоединения к «Азад Кашмиру» (в основном кашмирцы); а кроме того, и те, кто выступает за полную независимость Гилгита-Балтистана (последних немало, однако по известным причинам они вынуждены скрывать свои взгляды). В Северных территориях действует несколько небольших организаций и партий, довольно

напористо отстаивающих свои варианты изменения статуса территорий (прежде всего первый), в том числе, и через крупнейшие СМИ ИРП. Общепакистанские партии к этому району, не имеющему представительства в нижней палате парламента – Нацассамблее, особого интереса не испытывают. Правда, там функционируют отделения Народной партии Б.Бхутто и различных фракций Мусульманской лиги, а также религиозной Джамиат Улема-и-Ислам, имеющей влияние в основном среди переселенцев-пуштунов (суннитов) в Диамаре[14].

Важнейшим событием в истории Северных территорий стало официальное открытие в 1978 г. Каракорумского шоссе, которое, пройдя от г. Хавелиан (96 км к северу от Исламабада) через дистрикты Диамар и Гилгит, бывшие княжества Нагар и Хунзу, соединило ИРП и КНР через Хунджерабский перевал (точных данных о его высоте нет, наиболее часто встречается цифра 4733 м). Высокогорная автомагистраль, общая протяженность которой в Пакистане составляет 793 км, сооружалась почти 20 лет с привлечением тысяч китайских инженеров и рабочих (по официальным данным, во время строительства погибло около 400 граждан КНР). Каракорумское шоссе, прошедшее по одному из маршрутов древней караванной трассы – «Великому шелковому пути», по сути, открыло доступ в эти края, где раньше не было автомобильных дорог, и имело огромное значение для их развития. В настоящее время Пакистан и Китай ведут работы по модернизации и расширению автотрассы. Существуют также планы прокладки параллельных железнодорожных путей и газопровода в Синцзянь-Уйгурский автономный район КНР, возведения вдоль трассы каскада крупных ГЭС на реке Инд, а также соединения автомагистрали с Таджикистаном через Ваханский коридор Афганистана[15].

---

[1] *Prof. Manzoom Ali*. Karakoram Highway: geography, history, culture and trekking routes. Lahore (Pakistan), 2003, с. 2–3.

[2] A strong yearning for autonomy. Northern Areas of Pakistan. Rawalpindi (Pakistan), 2005.

[3] *Ivan Mannheim and Dave Winter*. Pakistan Handbook. England, 1996, с. 427.

[4] Энциклопедия Пакистана. Фундамент-Пресс. М., 1998, с. 242.

[5] *Prof. Manzoom Ali*. Northern Area of Pakistan. Lahore (Pakistan), 2004, с. 3.

[6] *Ivan Mannheim and Dave Winter*. Pakistan Handbook. England, 1996, с. 462.
[7] *Ivan Mannheim and Dave Winter*. Pakistan Handbook. England, 1996, с. 459; *Prof. Manzoom Ali*. Northern Area of Pakistan. Lahore (Pakistan), 2004, с. 3.
[8] *Aamir Rashid.* Hunza, Image Impact. Rawalpindi (Pakistan), 2005, с. 14.
[9] Не путать с его старшим братом, секретарем по иностранным делам колониального правительства Индии Г.М.Дюрандом, именем которого была названа существующая и ныне т.н. Линия Дюранда, разграничившая в 19-м веке Британскую Индию и Афганистан.
[10] *John Keay*. The Gilgit Game. Oxford University Press, Karachi (Pakistan), 1979, с. 191–193.
[11] Бронислав Громбчевский дослужился до звания генерал-лейтенанта царской армии, после Октябрьской революции был репрессирован и сослан в Сибирь, а затем депортирован в Варшаву, где и умер в нищете и забвении в 1926 г. В СССР оказался почти полностью забытым неоценимый вклад этого человека в исследование ряда районов Памира, Каракорума и Гиндукуша, сравнимый, по мнению зарубежных авторов, с вкладом выдающегося географа и путешественника Н.М.Пржевальского в изучение Центральной Азии. См.: *John Keay*. The Gilgit Game. Oxford University Press, Karachi (Pakistan), 1979, с. 193.
[12] *Ivan Mannheim and Dave Winter*. Pakistan Handbook. England, 1996, с. 508–510.
[13] *M.Ismail Khan*. The News, 08.08.2006.
[14] Dawn, 24.02.2007.
[15] *M.Ismail Khan*. The News, 11.07.2006.

М.А.Сапронова

ПАРЛАМЕНТЫ В АРАБСКИХ МОНАРХИЯХ: КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Особенности формирования представительных органов в Бахрейне, Иордании, Кувейте и Марокко

Во всех арабских монархиях, где конституции предусматривали наличие в системе органов государственной власти законодательных органов – парламентов (Бахрейн, Иордания, Кувейт и Марокко), на практике до последнего времени парламент реально выполнял свои полномочия только в Марокко. Даже в те годы, когда парламенты функционировали в Кувейте, Бахрейне и Иордании, их роль в этих странах существенно ослаблялась политическим режимом. Тем не менее процесс формирования представительных органов в этих странах начался задолго до момента достижения ими политической независимости.

Кувейтские историки утверждают, что идеи представительной власти в Кувейте зародились еще в начале 20-х годов XX в., когда при эмире был сформирован первый Консультативный совет (Маджлис аш-шура), состоявший из 12 весьма уважаемых в стране людей. Борьба за создание парламента продолжилась в 30-е годы, когда организация «Младокувейтцы», состоявшая главным образом из представителей интеллигенции, возглавила массовые выступления против господства в стране Великобритании и за введение парламентского правления. В 1938 г. было сформировано Законодательное собрание, которое, однако, просуществовало всего 6 месяцев. В 1939 г., опираясь на поддержку английских войск, правитель страны запретил движение «Младокувейтцы», однако общественное развитие неизбежно влекло за собой появление новых социальных сил, а вместе с ними – новых политических требо-

ваний. Их уже нельзя было игнорировать после достижения Кувейтом национальной независимости, и эмир Абдаллах ас-Салем ас-Сабах принял в 1962 г. Закон № 1 «Об основах системы правления в переходный период». Ст. 1 Закона предусматривала образование Учредительного собрания, на которое возлагалась задача подготовки проекта конституции и осуществления функций представительного учреждения в переходный период. Конституция Кувейта, принятая в 1962 г., установила выборный парламент – Национальное собрание.

За всю историю независимого развития Кувейта парламент распускался три раза. Впервые это произошло 29 августа 1976 г. в результате резких разногласий между Национальным собранием и правительством, после чего парламентская система была восстановлена только в 1981 г., когда был избран новый состав парламента. Второй раз эмир распустил парламент 3 июля 1986 г., объяснив свое решение противоречиями между парламентом и правительством, возникшими в условиях «иностранных заговоров, поставивших под угрозу жизнь населения и богатство страны». Выборы в Национальный совет, который должен был быть «лишен недостатков Национального собрания» и призван был «укрепить национальное единство», состоялись только 10 июня 1990 г., однако работа этого совета была прервана нападением Ирака в августе 1990 г. Новый состав парламента начал свою работу 20 октября 1996 г. Чтобы сблизить позиции законодательной и исполнительной ветвей власти, в состав правительства были введены 4 депутата парламента, однако напряжение между ветвями власти сохранилось, что привело к отставке правительства в марте 1998 г. Новый кабинет был сформирован 22 марта 1998 г., однако в результате скандала, связанного с некоторыми ошибками, допущенными при публикации Корана и ряда других религиозных изданий, а также в связи с запросами депутатов по этому поводу к правительству эмир принял решение распустить парламент и назначить дату новых выборов, которые и состоялись 3 июля 1999 г. Накануне этих выборов был издан указ о внесении в избирательное законодательство изменений, расширяющих контингент избирателей в парламент.

Выборы в Национальное собрание, а также муниципальные выборы проходят в Кувейте, как правило, в обстановке острой борьбы между различными блоками, которые создаются на племенной основе в различных избирательных округах

страны. Имеют место случаи «черного» пиара, когда распускаются слухи, порочащие отдельных кандидатов, в местных СМИ сообщается о подкупе избирателей и других нарушениях в ходе предвыборной кампании. Дело доходит до того, что сжигаются штаб-квартиры кандидатов, разрушаются их агитационные сооружения. Особенно часто это происходит вне столицы, где борьбу ведут представители различных племен[1]. Хотя политические партии в Кувейте запрещены, несколько политических групп (Исламское конституционное движение, Группа салафитов, Демократическая трибуна, Исламское шиитское движение и др.) действуют как партии де-факто, проявляя свою активность в основном в период выборов.

В Бахрейне борьба за создание представительного органа носила более острый, чем в Кувейте, характер. Первые требования о создании законодательного органа были выдвинуты здесь еще в 1938 г. В 50-е годы заметно усилилась политическая агитация, которая выросла из суннитско-шиитских противоречий и трудовых споров. В Бахрейне появилась первая политическая партия в Заливе. Первыми выборными органами в этой стране стали частично избираемые Советы по вопросам образования и здравоохранения. Правитель вынужден был санкционировать их учреждение под давлением всеобщей забастовки трудящихся в 1954 г. с требованием радикальных реформ. В 1956 г. эмир объявил о создании Консультативного (Государственного) совета[2]. В состав этого органа вошли 10 назначаемых монархом членов; все они принадлежали к правящему семейству и полностью подчинялись интересам монарха. Совет был совещательным органом и в качестве такового участвовал в разборе государственных дел, в подготовке законопроектов, декретов и указов, передаваемых затем на утверждение шейху. Кроме того, Совет выступал в качестве высшего исполнительного органа, руководя работой департаментов, управлений и комитетов, муниципалитетов, администрации по вопросам деревни и т.д. Однако подобные мероприятия не могли остановить демократических преобразований, что побудило правителя в 1956 г. объявить чрезвычайное положение, и только эта мера помогла сохранить абсолютную власть династии Аль Халифа в неприкосновенности до 1973 г. Декрет от 19 января 1970 г. наделял Государственный совет правом законодательной инициативы: Совет представлял правителю проекты законов, директив, правил, разрабатывал общий бюд-

жет государства, готовил планы экономического развития. Накануне получения независимости Бахрейном, 22 июля 1971 г., его правитель под давлением тех же социально-политических обстоятельств, какие имели место и в Кувейте, издал декрет о выборах Учредительного собрания. Согласно декрету, Собрание должно было состоять из 22 выборных депутатов, 10 назначаемых и всех членов Совета министров. К участию в голосовании, состоявшемся 1 декабря 1972 г., были допущены бахрейнцы, достигшие 20-летнего возраста. Не получили активного избирательного права женщины, лица, которые пробыли в бахрейнском подданстве менее 10 лет, а также служащие армии и полиции. Через шесть месяцев после выборов Учредительное собрание подготовило проект конституции, которая и была обнародована 2 июня 1973 г. Предусмотренное ею Национальное собрание с точки зрения способа формирования и характера взаимоотношений во многом было подобно Национальному собранию Кувейта. Основное отличие состояло в том, что депутатский мандат в Национальное собрание Бахрейна получили все министры. Кроме того, в течение первых четырех лет им было предоставлено право участвовать в голосовании в парламенте. Эти их полномочия могли быть при необходимости продлены[3].

Бахрейнский парламент, приступивший к работе в декабре 1973 г., состоял из 30 депутатов, избранных населением в результате прямого тайного голосования по восьми избирательным округам, и 14 депутатов, назначенных монархом. В парламенте были представлены основные политические силы того времени, в том числе Народный блок, возникший по инициативе Фронта национального освобождения Бахрейна. Левая фракция выступала в поддержку требований трудящихся, выдвигаемых на многочисленных митингах и забастовках в 1974–1975 гг. Однако эмир Иса Бен Сальман аль-Халифа и его окружение приняли все меры к тому, чтобы свести на нет возможности Национального собрания как высшего законодательного органа. Для этого, в частности, вводилась тщательно продуманная система выдвижения кандидатур и избрания депутатов, которая гарантировала наличие в Национальном собрании преданного режиму большинства. На случай непредвиденных обстоятельств статья конституции, предусматривающая автоматическое включение в состав Национального собрания всех членов Совета министров, была дополнена особым пунктом,

предоставляющим в течение первых 4 лет право участия в голосовании премьер-министру и министрам; при необходимости допускалась пролонгация указанного права на более длительный срок. В обстановке усиливающейся политической нестабильности в стране правительство внесло в парламент проект закона о национальной безопасности, существенно расширявший полномочия исполнительной власти и ущемлявший демократические свободы. Однако парламент отверг этот проект, и премьер-министр обратился к эмиру с просьбой принять отставку правительства на том основании, что Национальное собрание блокирует его работу. 26 августа 1975 г. эмир Иса Бен Сальман аль-Халифа отправил правительство в отставку и распустил парламент, наделив законодательными функциями вновь сформированное правительство, которое сразу же ввело в стране чрезвычайное положение. В 1992 г. эмир издал декрет № 9, которым вместо парламента учреждал Консультативный совет, им же назначаемый и наделенный сугубо консультативными полномочиями.

После смерти эмира шейха Исы Бен Сальмана аль-Халифы 6 марта 1999 г. главой государства стал его сын Хамад Бен Иса аль-Халифа, который сразу же отменил чрезвычайное законодательство, действовавшее с 1975 г., выпустил на свободу политических заключенных, разрешил возвратиться на родину высланным деятелям оппозиции и вступил с ними в диалог. В феврале 2001 г. на всенародном референдуме была одобрена «Хартия национального действия», которая провозглашала Бахрейн королевством и вносила поправки в Конституцию 1973 г. Как заявил наследный принц, председатель правительства шейх Сальман Бен Хамад аль-Халифа, «Бахрейн принял за образец американскую модель, которая предполагает диалог между народом и властью»[4]. Хартия предусматривала предоставление бахрейнцам основных гражданских прав и свобод, восстановление выборного парламента, учреждение независимых судебных инстанций и т.д. По итогам референдума шейх Хамад Бен Иса аль-Халифа провозгласил Бахрейн королевством и выразил надежду на «гармоничное сосуществование» демократии с королевским режимом. 14 февраля 2002 г. была опубликована новая Конституция, в которой, по сравнению с конституцией 1973 г. были существенно урезаны полномочия законодательной власти в вопросах контроля за действиями исполнительной власти.

В Иордании первый орган парламентского типа – Законодательный совет – возник в соответствии с конституцией, принятой в 1928 г. В его состав входили лишь 10 выборных депутатов, два члена Совета назначались главой государства; члены кабинета министров входили в состав Законодательного совета по должности. Председателем Совета являлся глава правительства, а король пользовался правом абсолютного вето. Первоначально в тексте конституции отсутствовали даже статьи об иммунитете депутатов. Они были добавлены по требованию членов Законодательного совета особым декретом в 1929 г. Следующим этапом на пути к развитию парламентаризма в Иордании стала конституция 1946 г. Правительство попрежнему не было ответственно перед парламентом, право абсолютного вето короля тоже сохранялось. В то же время права и компетенция законодательного органа, так же как и использование метода выборов при формировании его состава значительно расширились. Принцип парламентской ответственности правительства и отлагательное право вето получили закрепление в ныне действующей конституции 1952 г.

В Марокко парламент был учрежден в соответствии с первой в истории страны конституцией, одобренной на референдуме 1962 г. Однако еще до завоевания национальной независимости, в 50-е годы в стране действовал т.н. Правительственный совет – представительный орган с совещательными и рекомендательными функциями. Представленные в нем партийные фракции нередко выступали с резкой критикой действий французских властей в Марокко. Парламент, созданный после достижения независимости, состоял из двух палат, причем нижняя формировалась прямыми выборами. Первые в истории страны парламентские выборы, вопреки ожиданиям правящих кругов, не принесли твердого большинства феодально-монархической элите. Действия парламентской оппозиции вызвали рост демократического движения в Марокко, что вынудило короля пойти на крайние меры, в частности отменить конституцию. Новая конституция, вынесенная на референдум в 1970 г., характеризовалась переходом от бикамеральной к монокамеральной парламентской структуре – явлением прогрессивным для унитарного Марокко, но с одновременным конституционным ослаблением парламентских полномочий и резким усилением королевской власти. Политический кризис, возникший в Марокко в начале 70-х годов, обусловил включение

в новую, ныне действующую конституцию 1972 г. целого ряда более демократичных положений, еще более расширенных последующими поправками, регулирующими порядок формирования и деятельности парламента.

Конституционная регламентация парламентских полномочий

В системе государственных органов арабских монархий законодательные органы занимают второстепенное место, значительно уступая роли главы государства и правительства.

В целом вопрос о конституционном закреплении компетенции государственных органов является довольно сложным. Отечественные юристы отмечают, что конституционная практика зарубежных государств дает основания констатировать два способа конституционного закрепления прав государственных органов, входящих в их компетенцию. Первый из них состоит в том, что она закрепляется исчерпывающим образом в конституции, а второй – в том, что наряду с конституцией компетенция государственных органов закрепляется в отдельных законах об организации и деятельности либо отдельных органов, либо отдельных ветвей государственной власти. Правильность первого из рассматриваемых способов, отмечает Д.А.Ковачев, «не вызывает никакого сомнения». И это так, ибо если компетенция государственного органа будет регламентироваться посредством обыкновенных законов, то, с одной стороны, структура государственного механизма будет весьма нестабильной, а с другой, – конституция перестанет играть роль основного закона государства[5]. При всех обстоятельствах предметом конституционного регулирования должны обязательно быть стабильные, устоявшиеся отношения между парламентом и правительством, между парламентом и главой государства, главой государства и правительством, этими органами и судебной властью. Как считает отечественный специалист по конституционному праву зарубежных стран М.А.Могунова, компетенция высшего представительного органа государства, власть которого непосредственно исходит от народа или какой-либо одной социальной силы, должна определяться в конституции самым исчерпывающим образом, равно как и основные принципы процедуры его работы[6].

В конституциях арабских парламентарных монархий при определении компетенции государственных органов основное внимание уделяется регламентации парламентских полномочий. Но и они, как правило, закреплены недостаточно полно. В конституциях обычно устанавливается, что: парламенту принадлежит законодательная власть (единолично – Марокко) или совместно с главой государства – Бахрейн, Иордания, Кувейт); финансовые вопросы (в первую очередь налоги, являющиеся предметом исключительной компетенции парламента); ограниченное право ратификации и денонсации международных договоров; правительство должно пользоваться доверием парламента и является частично ответственным перед ним. Определяются также те или иные формы парламентского контроля за деятельностью правительства.

Что касается *законодательных полномочий парламента,* то, как правило, объем их конституцией не устанавливается. Многие ученые объясняют это тем, что закрепление перечня вопросов, по которым нормотворческая деятельность может осуществляться только парламентом, привело бы в действительности к ограничению его законодательных прав. Однако Б.С.Крылов в этой связи отмечает, что «отсутствие определенных границ между содержанием закона и содержанием актов исполнительных органов объясняется нежеланием во все времена наделять парламент исключительной компетенцией из страха перед народным представительством»[7]. В то же время в целом ряде современных зарубежных конституций закрепление перечня законодательных прав парламента направлено на их ограничение, поскольку в конституции дается исчерпывающий круг вопросов, по которым он может законодательствовать, в то время как остальные вопросы должны решаться в «административном порядке».

С точки зрения парламентских полномочий в юридической науке различают три вида парламентов: с неограниченными полномочиями, с ограниченными полномочиями и консультативные.

Считается, что согласно концепции верховенства парламента, парламенты с неограниченными полномочиями существуют в большинстве стран англосаксонского права: парламент может принять решение по любому вопросу (хотя и в таких странах есть королевская прерогатива). В тех странах этой группы, где принято жесткое разделение властей или есть органы конституционного контроля, обладающие правом объявлять законы неконституционными, концепция верховенства парламента подвергается определенным ограничениям.

В странах, где существуют парламенты с ограниченными полномочиями, конституции перечисляют вопросы, по которым парламент может издавать законы, – законы-рамки, устанавливающие основы правового регулирования (более детальное регулирование в соответствии с этими законами вправе осуществлять исполнительная власть), и «исчерпывающие законы», т.е. издаваемые по вопросам, которые могут регулироваться только парламентом. Все остальные вопросы составляют сферу т.н. регламентарной власти: по ним издаются нормативные акты главы государства, правительства, министров, парламент же в эту сферу не должен вмешиваться[8].

Конституция Марокко оговаривает сферу парламентских полномочий, по которым нижняя палата может законотворчествовать, это: индивидуальные и коллективные права; определение правонарушений и наказание за них, уголовная процедура, гражданская процедура и установление новых категорий судопроизводства; статут судебной власти; Генеральный статут гражданской службы; основные гарантии, предоставляемые гражданскому и военному персоналу; выборы в законодательные органы и местные советы; система гражданских и торговых обязательств; создание государственных учреждений; национализация предприятий и перевод предприятий из государственного сектора в частный. Палата представителей имеет полномочия одобрять законы, затрагивающие наиболее важные вопросы экономической, социальной и культурной деятельности государства. Все остальные вопросы, которые не входят в сферу законодательного регулирования парламента, относятся к сфере правительственного регулирования.

Конституции Бахрейна, Иордании и Кувейта не содержат каких-либо указаний на те вопросы, по которым парламенты этих стран могут законотворчествовать.

Основная функция национальных ассамблей в арабских странах, так же как и любом другом парламенте мира, – *законодательная.* Это означает, что они имеют полномочия принимать законы по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни, о реорганизации государственных органов, о правах и свободах граждан, статусе политических партий и т.д. Национальные ассамблеи принимают обычные или текущие законы, органические и конституционные.

Согласно ст. 51 Конституции Кувейта 1962 г., законодательная власть в этой стране принадлежит Эмиру и Национальной Ассамблее, а согласно ст. 79, «закон может быть издан только после того, как его одобрят Национальная Ассамблея и Эмир». Аналогичное положение содержит и конституция Бахрейна, ст. 70 которой подчеркивает, что «любой закон может быть промульгирован только после его одобрения Консультативным Советом и Палатой депутатов и ратификации Королем».

Конституция Марокко подчеркивает, что «право внесения законопроектов в равной степени предоставлено премьер-министру и членам парламента. Законопроекты могут быть внесены в одну или две палаты». При этом правительство может объявить неприемлемость любого предложения или дополнения, если оно выходит за рамки полномочий законодательной власти. В случае возникновения разногласий, Конституционный Совет разрешает вопрос в течение 8 дней по просьбе одной или двух палат или по просьбе правительства (статьи 52, 53).

Полномочия законодательного органа по арабским конституциям различаются. В одном случае они более конкретны и суммарны, в других сформулированы в более общей форме, за счет более конкретных полномочий главы государства – монарха. Среди полномочий парламента в законодательной сфере важнейшее значение имеют *полномочия по изменению основного закона* – конституции. Согласно конституции Кувейта, внесение в Основной закон страны каких-либо изменений возможно только по инициативе Эмира или не менее 1/3 депутатов Национальной Ассамблеи (ст. 174), после чего эти изменения должны быть одобрены большинством Национальной Ассамблеи. Решение вступает в силу после его утверждения Эмиром. Конституция Бахрейна предоставляет право 15 членам Консультативного Совета и Палаты депутатов вносить предложения о поправках к Конституции и любому члену каждой из палат право внесения законопроектов. Каждое такое предложение должно быть направлено в соответствующий комитет той палаты, в которой оно было внесено, для получения заключения. Если палата предлагает принять данное предложение, она передает его правительству для оформления в качестве конституционной поправки или законопроекта, и передачи его в Палату депутатов для дальнейшего утверждения (ст. 92).

Конституция Марокко предоставляет Королю, Палате представителей и Палате советников право инициировать пересмотр Конституции, при этом только Король имеет право вынести непосредственно на референдум предлагаемый им проект пересмотра Конституции. Согласно ст. 104, «проект пересмотра Конституции, представленный одним или более членами одной из палат парламента может быть принят, если за него проголосовало большинство в 2/3 членов соответствующей палаты. Это предложение должно быть передано в другую палату, которая должна его принять большинством в 2/3 своих членов».

Законодательные органы в арабских монархиях уполномочены принимать основополагающие законы, относящиеся к важнейшим сторонам экономической, социальной и культурной жизни государства.

Депутаты имеют право законодательной инициативы, т.е. право внесения законопроекта на рассмотрение соответствующей палаты или однопалатного парламента. Права Эмира Кувейта формально ограничены Национальной Ассамблеей, без одобрения которой, как отмечалось выше, не может быть обнародован ни один закон, на деле же глава государства пользуется широчайшими полномочиями в законодательной сфере. Он утверждает все законы, и если Эмир потребует пересмотра закона, уже одобренного Национальной Ассамблеей, то последняя обязана подчиниться. В этом случае закон вторично обсуждается в Национальной Ассамблее, а затем поступает к Эмиру, который обязан утвердить и опубликовать его в течение 30 дней. Отлагательное вето монарха преодолевается, если только законопроект повторно принимается абсолютным большинством голосов. Кроме того, Эмир обладает правом специальным декретом объявлять войну. В случае чрезвычайной ситуации Эмир обладает правом распустить Национальную Ассамблею, и тогда глава государства берет на себя всю полноту законодательной власти.

Согласно конституции Иордании, монарх на основе инициативы правительства объявляет в стране чрезвычайное положение, влекущее за собой вступление в действие Закона об обороне и приостановку действия обыкновенных законов. В случае введения королем военного положения, он автоматически получает право издавать любые акты вне зависимости от действующих законов (ст. 125).

Определенное значение для полноты законодательных прав парламентов имеет *институт референдума.* Как отмечают отечественные юристы[9], если проведение референдума зависит от главы государства или правительства, то он может использоваться (и практика арабских государств это подтверждает) в обход парламента для ограничения его законодательных полномочий.

Во всех арабских монархиях важнейшие вопросы государственной политики имеет право выносить на референдум только глава государства. Конституция Марокко предоставляет право монарху выносить на референдум законопроект в том случае, если при повторном чтении он не был принят или был отклонен 2/3 голосов членов Палаты представителей**.**

Важное значение для понимания законодательной деятельности парламентов имеет и наличие специальных *органов, осуществляющих проверку конституционности законов.* В Бахрейне ст. 106 конституции учреждает Конституционный суд «в составе Председателя и 6 членов, назначаемых королевским декретом на срок, установленный законом». В полномочия Конституционного суда входит контроль за конституционностью законов и статутов. При этом важно отметить, что конституция «гарантирует право правительства, Консультативного Совета, Палаты депутатов и физических лиц оспаривать в Конституционном суде конституционность законов и статутов». Решение суда о том, что текст закона или статута является неконституционным, имеет прямое действие, и суд определяет дату, с которой этот акт считается неконституционным. Если судебное решение о неконституционности относится к тексту, включенному в Уголовный кодекс, тогда все обвинения, предъявленные на основе такого текста, должны быть признаны недействительными и аннулированы. Решения суда являются обязательными для всех государственных ветвей власти и для каждого отдельного лица.

Кроме законодательной функции национальные ассамблеи обладают и *бюджетно-финансовыми функциями*. В настоящее время во многих странах мира проявилась тенденция к ограничению финансовых прав парламентов и предоставлению правительствам большей свободы в расходовании государственных средств, которая обосновывается невозможностью предвидеть потребности в средствах, а также необходимостью избегать непродуманных действий парламентов в целях обеспе-

чения стабильной системы финансов. В действительности же в ограничении финансовых полномочий парламентов заинтересован крупный капитал, который использует государственные средства как дополнительный источник обогащения, получая выгодные государственные заказы, субсидии, кредиты, но при этом стремится к тому, чтобы истинное назначение этих средств не становилось достоянием широкой общественности. Сужение финансовых полномочий парламентов в странах мира выразилось в утверждении бюджетов в самом общем виде с предоставлением правительству права распределять ассигнования по отдельным рубрикам, передаче в отдельных странах права принимать некоторые финансовые акты от парламента к его постоянной комиссии, ущемлении законодательной инициативы депутатов в отношении внесения поправок к бюджету и др.

В арабских странах парламенты с самого начала имели довольно незначительные финансовые права. В первую очередь это касается рассмотрения и принятия проекта ежегодного государственного бюджета. Сам проект бюджета обычно готовится правительством и его подразделениями.

Парламенты арабских монархий формально обладают правом осуществлять финансовый контроль за порядком расходования правительством финансовых средств, предусмотренных государственным бюджетом и дополнительных расходов. Специальное бюро аудиторов помогает парламенту и правительству в осуществлении контроля за применением на практике финансовых законов. Так, ст. 113 конституции Бахрейна гласит, что «окончательный отчет о финансовом положении государства за прошедший год должен быть представлен первоначально в Палату депутатов в течение 5 месяцев, следующих за окончанием финансового года. Этот отчет должен быть одобрен решением, принятым Консультативным Советом и Палатой депутатов и дополнен их замечаниями». В Марокко функционирует специальный Аудиторский Суд, который «несет ответственность за осуществление общего контроля за реализацией бюджета» и оказывает помощь парламенту и правительству в осуществлении их полномочий. Он обеспечивает проведение операций по сбору и расходованию финансовых средств и оценивает управление учреждениями, находящимися под его контролем (статьи 96, 97).

При всех этих, на первый взгляд, достаточно серьезных финансовых полномочиях парламента в арабских странах, он,

тем не менее, не является самостоятельным в осуществлении этой своей функции. Правительство в расходовании финансовых средств больше подчинено главе государства и выполняет прежде всего его прямые указания, в том числе и в финансово-экономической сфере, а контролировать действие главы государства в соответствии с конституцией депутаты не имеют права. Тем более, что монарх при определенных условиях может своим указом вводить в действие государственный бюджет без одобрения законодательного органа. Это может произойти только тогда, когда сессия парламента не смогла принять государственный бюджет до конца текущего финансового года. В этом случае может действовать бюджет текущего года до окончательного утверждения нового бюджета парламентом.

Конституции устанавливают также правомочия *парламентов в организации и деятельности других государственных органов.* Согласно конституции Иордании, после назначения королем премьер-министра и формирования правительства оно должно быть одобрено парламентом. Единственный раз за всю историю Иордании кабинет министров не смог получить вотума доверия Нижней палаты в апреле 1963 г., когда депутаты заблокировали правительство Самира Рифаи, вынудив короля назначить нового главу кабинета и распустить депутатский корпус.

Ряд прав предоставлен парламентам по отношению к главе государства. Национальное собрание Кувейта может по представлению правительства окончательно решить вопрос об отстранении от власти Эмира или наследника престола в случае утраты ими дееспособности или необходимых квалификаций, установленных в конституционном законодательстве. Если это касается Эмира, то власть передается наследнику престола; если отстраняется наследник престола, то по установленной процедуре назначается новый наследник (статьи 3, 4 и 8 Закона о престолонаследии).

В особую группу следует выделить полномочия парламентов в *области внешних сношений и обороны*[10]. Роль законодательного органа в осуществлении внешней политики арабских монархий минимальна. По конституции Кувейта Эмир ратифицирует международные соглашения и договоры, которые, однако, приобретают законную силу только после их одобрения Национальной Ассамблеей. Согласно конституции Бахрейна, король сам заключает международные договоры путем издания декретов, которые «передает в Консультативный совет и Палату депутатов, сопровождая их соответствующим заявлением». Договор вступает в силу, если он заключен, ратифицирован и опубликован в Официальной Газете. И только конституция Иордании оговаривает, что «договоры и соглашения о мире, союзе, торговле, мореплавании и другие договоры, которые влекут за собой территориальные изменения государства или касающиеся суверенитета, или влекущие расходы государственной казны, или затрагивающие публичные и личные права иорданцев, могут вступить в силу только после их одобрения Национальной Ассамблеей» (статья 33).

Таким образом, можно констатировать, что в арабских монархиях парламент фактически делегирует полномочия по одобрению международных договоров монарху**.** В этом случае данные полномочия осуществляются путем принятия монархом декрета, имеющего силу закона. Необязательно, чтобы этот декрет был немедленно одобрен парламентом, но он должен быть им рассмотрен на сессии.

Законодательные органы арабских стран заслушивают послания главы государства, в том числе и по внешней политике. Но воздействовать на послание главы государства или обсуждать его с последующим принятием какого-либо решения законодательный орган не может. Осуществление контроля Национальной Ассамблеей за проведением правительством и главой государства внешней политики практически неосуществимо, поскольку большинство оперативных документов внешнеполитического характера (соглашения, приказы, инструкции и т.д.) носят секретный характер и членам законодательного органа власти просто недоступны. Приглашения на пленарные заседания парламента или заседания постоянных комитетов (по внешней политике, по обороне и т.д.) носят эпизодический характер и строго дозированы.

Определенной формой осуществления законодательными органами арабских стран внешней политики является участие парламентских делегаций в международных и региональных межпарламентских организациях. Кроме этого, особенно в последние годы, все большее значение приобретает обмен парламентскими делегациями с зарубежными странами, в том числе и с Россией. Значение этих обменов заключается в том, что арабские парламентарии знакомятся с опытом работы парламентов (особенно европейских), имеющих большой исторический опыт развития парламентаризма. Поездки арабских парла-

ментариев в различные районы мира объективно делают работу арабских законодательных органов более прозрачной, открытой для мирового общественного мнения. Все это способствует дельнейшему развитию арабских парламентов, приобретению ими опыта работы современных парламентских учреждений.

В области обороны парламенты также имеют крайне ограниченные полномочия. Эти вопросы в наименьшей степени решаются парламентами во всех арабских странах, а не только в арабских монархиях. Король Бахрейна сам объявляет оборонительную войну своим декретом, «который должен быть представлен в Национальную Ассамблею сразу после объявления войны». Состояние национальной безопасности или чрезвычайное положение также объявляются декретом Короля, но продляются уже с «согласия большинства присутствующих членов Национальной Ассамблеи» (ст. 36). Объявление войны в Марокко осуществляется после оповещения об этом Палаты представителей и Палаты советников (ст. 74).

Еще одно основное направление деятельности законодательных ассамблей – *контроль за деятельностью правительства*, *а также полномочия по вынесению вотума недоверия правительству.* Этот контроль не носит всеобъемлющего характера, поскольку законодательный орган не формирует правительство на парламентской основе, а лишь одобряет кандидатуру премьер-министра, предложенную главой государства. Такой контроль не может носить широкого масштаба еще и по причине того, что ряд конституций разрешает совмещение депутатских и правительственных постов, что еще больше делает функцию контроля чисто условной. Тем не менее конституционные положения на этот счет довольно определенны. Помимо возможности осуществления финансового контроля, законодательный орган имеет право постановки вопроса о доверии правительству или отдельным министрам, право запроса правительству или отдельным его членам, а также право на периодические встречи с членами правительства с постановкой перед ними устных вопросов по проблемам деятельности правительства и для получения соответствующих ответов.

Согласно конституции Иордании, «в Палате депутатов может ставиться вопрос о доверии правительству или одному из министров» (ст. 53). Предложение о голосовании по выражению доверия Совету министров может рассматриваться по требованию не менее 10 депутатов. Если Палата депутатов

проголосует за недоверие Совету министров абсолютным большинством голосов всех ее членов, Совет министров должен выйти в отставку.

Кроме того, все конституции так или иначе предоставляют депутатам право *участвовать в дебатах по правительственной политике*. Статья 68 конституции Бахрейна предоставляет депутатам право «в письменной форме выразить свои пожелания правительству по вопросам, имеющим государственное значение. Если правительство неспособно удовлетворить эти пожелания, оно должно в письменном виде оповестить об этом Палату депутатов, изложив причины отказа». Ст. 93 предоставляет Палате депутатов право потребовать от соответствующего министра присутствовать на ее заседании, если обсуждаются вопросы, относящиеся к сфере полномочий его министерства.

Согласно конституции Кувейта, каждый министр обязан представить свою программу Национальной Ассамблее, которая вправе высказывать свои соображения по ее сущностным аспектам (ст. 98). Кроме того, депутаты могут направлять запросы не только министрам, но и председателю Совета министров, которые обязаны давать им ответ (ст. 99). Зависимость и подконтрольность членов правительства парламенту закрепляется тем, что каждый министр несет ответственность перед Национальной Ассамблеей, и если она отказывает ему в доверии, то министр обязан подать в отставку (ст. 101). Отставка члена кабинета министров производится также по его личной просьбе или по требованию не менее 10 депутатов Национальной Ассамблеи. Позиция Национальной Ассамблеи учитывается при определении состава правительства. Так, например, в правительстве, сформированном в 1999 г., министром финансов стал шейх Ахмад Абдаллах ас-Сабах вместо занимавшего этот пост шейха Али ас-Салима ас-Сабаха, деятельность которого подвергалась резкой критике в парламенте. Вместе с тем Конституция Кувейта вводила механизм, который позволял Эмиру в случае необходимости пресекать деятельность представительного органа, если она принимала невыгодный для него оборот. Так, ст. 102 предусматривала, что в случае, если Национальная Ассамблея не в состоянии взаимодействовать с председателем Совета министров, Эмир самостоятельно принимает решение освободить главу правительства и сформировать новый кабинет либо распустить парламент. Однако конституция предусматривает также, что если новый состав Национальной Ассамблеи

откажется решением большинства сотрудничать с прежним председателем Совета министров, то он считается отстраненным от исполнения обязанностей, и формируется новое правительство. Как показала политическая практика, право Эмира на роспуск парламента в случае его конфликта с исполнительной властью стало эффективным средством в руках монарха для того, чтобы держать депутатов под постоянным контролем и давлением, но, с другой стороны, это право позволяло Эмиру своевременно принимать меры для пресечения активизации деятельности исламистских депутатов. Так, в 1999 г., когда депутаты из исламистской фракции стали обвинять исполнительную власть в пренебрежении религией (распространение на книжной ярмарке антиисламской литературы и издание Корана с типографскими опечатками), эмир Джабер аль-Ахмед ас-Сабах был вынужден в третий раз в истории Кувейта досрочно распустить Национальную Ассамблею.

Согласно ст. 51 конституции Иордании, премьер-министр и министры несут коллективную ответственность перед Палатой депутатов за осуществление государственной политики страны. Кроме того, каждый министр ответственен перед Палатой за деятельность своего министерства. В соответствии со ст. 54 «каждый вновь сформированный Совет министров должен представить в Палату депутатов, если она в это время заседает, правительственную декларацию и просить о выражении ему доверия по этой декларации».

Согласно конституции Бахрейна, «каждый министр несет ответственность перед Палатой депутатов за работу своего министерства» (ст. 66). Согласно ст. 65, «по предложению, подписанному не менее 5 членами, Палата депутатов может задать любому министру вопрос по проблемам, входящим в сферу его компетенции»; этот вопрос может привести к вынесению вотума недоверия министру. Вопрос о доверии министру может быть поставлен по предложению, подписанному не менее чем 10 членами Палаты депутатов, выдвинутому после дебатов по вопросам, заданным министру. Если Палата депутатов большинством в 2/3 голосов своих членов решает вынести министру вотум недоверия, он считается отстраненным с поста министра со дня голосования по данному вопросу, и должен объявить о своей отставке. Что касается премьер-министра, то парламент Бахрейна не может рассматривать вопрос о доверии ему. Однако если 2/3 Палаты депутатов решат,

что Палата депутатов не может сотрудничать с премьер-министром, вопрос передается в Национальную Ассамблею для дальнейшего рассмотрения. Если Национальная Ассамблея большинством в 2/3 голосов своих членов примет решение о невозможности сотрудничать с премьер-министром, вопрос передается Королю для принятия окончательного решения. Король может отстранить премьер-министра и назначить новое правительство, или распустить Палату депутатов.

Что касается *законодательной процедуры*, то следует отметить, что конституции арабских стран *редко содержат положения, регулирующие законодательный процесс* и парламентские процедуры в целом, поскольку в основном эти положения содержатся в регламентах национальных ассамблей. Однако в тех случаях, когда такие отправные положения содержатся в самих конституционных текстах, из них можно сделать вывод о некоторых общих правилах законодательной процедуры. В частности, содержится конституционно закрепляемое положение о том, что Национальная Ассамблея должна стремиться к тому, чтобы все свои решения принимать путем консенсуса, а если консенсус по каким-либо причинам невозможен, решение принимается большинством присутствующих, если конституцией не предусмотрено иное большинство.

Если конституция предусматривает несколько чтений законопроекта, то законопроект представляется сначала на первое чтение. Первое чтение предусматривает, что представленный по установленной форме и подписанный авторами законопроект по распоряжению спикера передается в специализированный комитет, который должен подготовить доклад по данному законопроекту и представить этот доклад на второе чтение. Второе чтение законопроекта заключается в обсуждении общих целей и общей концепции законопроекта, иными словами, это одобрение законопроекта в принципе. Одобренный в принципе законопроект затем должен быть представлен на третье чтение, где предлагается его обсуждение в деталях и рассмотрение любых предложенных поправок. И, наконец, законопроект передается на окончательное чтение, и каждая статья будет голосоваться отдельно, а затем законопроект в целом.

Спикер Национальной Ассамблеи или любой из заинтересованных комитетов может представить внесенный депутатами законопроект в любой орган или организацию вне рамок Национальной Ассамблеи, включая заинтересованную партию для то-

го, чтобы получить заключение относительно законности и необходимости данного законопроекта. Такое экспертное заключение будет носить, разумеется, консультативный характер.

После окончательного принятия законопроекта он передается на подпись главе государства. Конституции предусматривают, что ни один закон не может войти в силу, если он не был одобрен Национальной Ассамблеей и не был подписан главой государства.

Для преодоления монаршего вето в Иордании законопроект должен набрать в каждой из палат не менее 2/3 голосов.

В целом законодательные органы в арабских монархиях имеют примерно такие же полномочия, как и в других странах, но сложившаяся политическая и государственно-правовая практика, сама структура государственных органов, форма их взаимоотношений между собой не позволяют законодательной власти выйти на первое место и определять основные направления государственной политики. На практике же роль высшего законодательного органа власти сводится зачастую к выражению точек зрения его депутатского корпуса в отношении того или иного предлагаемого на их рассмотрение проекта закона, а проекты рассматриваемых законодательных актов носят второстепенный или технический характер.

Порядок формирования парламентов и избирательный процесс

Для определения роли парламентов большое значение имеет не только конституционная компетенция парламентов, но и их структура и порядок деятельности, которые дают более полное представление о степени реальности парламентских полномочий и взаимоотношениях представительного органа и правительства.

Палаты арабских парламентов неодинаковы по своей численности: Национальная Ассамблея Кувейта (однопалатный орган) состоит из 75 депутатов. В странах, где существуют двухпалатные парламенты (Иордания, согласно конституции 1952 г., Марокко в соответствии с поправками в конституцию 1996 г.), нижняя палата в два раза многочисленней верхней (Палата депутатов в Иордании – 110 чел., Сенат – 40 чел.; Палата представителей в Марокко – 325 чел., Палата советников – 270). И только в Бахрейне (согласно конституции 2002 г.) и Палата депутатов и Консультативный Совет состоят из равного количества членов – 40 чел.

Западные ученые, определяющие парламентаризм как баланс властей – законодательной и исполнительной, стремились доказать, что важным средством обеспечения такого баланса является двухпалатная структура парламентов, позволяющая правительству опираться на одну из палат в случае конфликта с другой. Однако с такой позицией согласны далеко не все сторонники теории «баланса властей». Так, французский юрист Р.Фюзийе указывал, что «правила парламентского правления должны применяться к соотношению властей, а не их внутренней организации… Парламентаризм осуществляется при двухпалатной системе не лучше, чем при однопалатной». Однако в конечном счете и он признавал, что на решение данного вопроса влияют политические причины: «В унитарных государствах характер второй палаты в некоторых случаях отражает осознанное или неосознанное желание тех, кто создавал конституцию, умерить демократический наступательный дух первой палаты с помощью более консервативной части представительного органа»[11].

Большое влияние на функционирование законодательных ассамблей в арабских странах оказывает не только расширенная законодательная деятельность главы государства, но и довольно широко используемая им *практика досрочного роспуска законодательного органа по тем или иным основаниям.*

Право монарха распускать парламент закрепляют все конституции арабских монархий. Угроза возможного досрочного роспуска законодательного органа с автоматическим лишением бывших депутатов неприкосновенности и возможностью применения к ним репрессивных мер делает депутатов довольно послушными по отношению к главе государства и правительству, а также снижает общую эффективность и результативность работы этого государственного органа.

Законодательные органы власти арабских стран формально строятся на демократической основе, т.е. *на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.* Консультативный Совет в Бахрейне, состоящий из 40 членов, назначается королем, а Палата депутатов избирается на основе прямого, тайного и всеобщего голосования в соответствии с законом (ст. 56). Политические изменения в Бахрейне начались в 1999 г. с приходом к власти нового правителя шейха Хамада Бен Исы аль-Халифы, который вступил

на престол после смерти своего отца – шейха Исы Бен Сальмана аль-Халифы. 14 февраля 2002 г. в стране была принята новая конституция, провозгласившая Бахрейн конституционной монархией, а эмир получил титул короля. В октябре того же года прошли выборы в нижнюю палату парламента – Палату представителей, в которых приняли участие 53,2% зарегистрированных избирателей. Из 40 депутатских мест 21 получили независимые и умеренные суннитские кандидаты, 19 – радикальные исламисты. В верхнюю палату – Совет Шуры было назначено 40 депутатов, четверо из которых – женщины[12].

Однопалатная Национальная Ассамблея (парламент) Кувейта по конституции состоит из 75 депутатов (50 членов, избираемых прямым тайным голосованием сроком на 4 года, и 25 назначаемых Эмиром). Избирательная система регулируется конституцией и Законом № 35 1962 г. о выборах членов Национального собрания. Активным избирательным правом обладают все кувейтские мужчины, достигшие 21 года, кроме лиц, осужденных за уголовные преступления, а также служащих армии и полиции. Голосование проводится в 10 избирательных округах, от каждого из которых избирается по 5 депутатов. Если депутатов нельзя определить по системе относительного большинства, вопрос решается с помощью жребия (статьи 1, 39 и 51 Закона № 35). В 1999 г. Эмир принял решение предоставить женщинам – гражданкам Кувейта активное и пассивное избирательное право с 2003 г.; в этом же году был издан указ о внесении поправок в избирательное законодательство. Однако парламент Кувейта не принял внесенные эмиром предложения и не поддержал его инициативу о предоставлении избирательных прав женщинам. Пассивным избирательным правом пользуются мужчины не моложе 30 лет, умеющие хорошо читать и писать по-арабски и внесшие избирательный залог установленного размера. Министры могут быть избраны в состав парламента на общих основаниях. Конституция наделяет эмира рядом прерогатив, позволяющих ему влиять на организацию работы парламента. Так, эмир созывает очередные и внеочередные сессии Национального собрания, объявляет своим декретом перерывы в их работе (статьи 86, 88). В ст. 90 подчеркивается, что если «место и время работы сессии окажутся иными, чем те, которые предписаны для нее, ее деятельность считается недействительной, как и все решения этой сессии».

В соответствии с конституцией Кувейта выборы в Национальную Ассамблею в этой стране впервые были проведены в январе 1963 г. Эти выборы нельзя было считать всеобщими, т.к. из 330 тысяч жителей право голоса было предоставлено не более чем 40 тыс., а реально участвовало в выборах всего 11 тыс. избирателей[13]. (Это было связано с тем, что избирательным правом в Кувейте пользовались только мужчины и граждане Кувейта, имеющие такой статус в течение не менее 30 лет или въехавшие в страну до 1920 г., а также их дети мужского пола в возрасте 21 года и старше.) Но даже с этим составом парламента, избранным узкой коллегией с преобладанием сторонников династии, в правительстве на 2/3 образованном из родственников эмира, не прекращались конфликты по вопросам внутренней и внешней политики. Всякое выступление оппозиции в парламенте, грозившее недоверием правительству, вынуждало Эмира к маневру, реорганизации кабинета и прочим мерам ослабления критики, подрывавшей традиционный авторитет правящего семейства.

Избирательная кампания 1975 г. в Национальную Ассамблею четвертого созыва проводилась патриотическими силами Кувейта под лозунгом «Да – полной национализации нефти, да – ограничению добычи и установлению цен на нефть в соответствии с международной экономической конъюнктурой». В преддверии выборов было опубликовано совместное заявление прогрессивных общественно-политических организаций – Всеобщего союза трудящихся Кувейта, представителей клуба «Аль-Истикляль», Социально-культурного женского общества, ассоциации социологов, общества выпускников высших учебных заведений, в котором была подчеркнута насущная необходимость сделать все для того, чтобы дать «кандидатам патриотических сил возможность стать депутатами Национального собрания». Во время предвыборной кампании нашли проявление принципиально новые тенденции. Даже в среде сил, придерживавшихся традиционалистской ориентации, стали возникать группировки, стремившиеся к модернизации политической структуры. Молодежь выступала в ходе подготовки выборов с отдельным списком программных установок, отражающих стремление всех национально-патриотических сил к подлинной политической и экономической независимости и демократизации социально-политической жизни. В результате выборов 1975 г. состав Национальной Ассамблеи был обновлен напо-

ловину. Демократическая оппозиция пользовалась довольно большим влиянием. Парламент с февраля 1975 г. по август 1976 г. отклонил ряд законопроектов, одобренных правительством. Он стремился не допустить принятия решений, направленных против национально-патриотических сил в арабском мире и за его пределами. Деятельность правящих кругов, направленная на то, чтобы полностью подчинить парламент своему влиянию, потерпела крах. Это явилось одной из причин его роспуска в августе 1976 г. Декретом Эмира была распущена Национальная Ассамблея и отменено действие ряда статей конституции, в том числе и той, которая устанавливала двухмесячный срок для избрания нового парламента.

Кроме того, особую тревогу у правящей династии вызывал пестрый социально-этнический состав населения Кувейта в связи с общим усилением напряженности в арабских странах, в том числе обострением этноконфессиональных конфликтов, наиболее значительным из которых был конфликт в Ливане (хотя не следует сбрасывать со счетов этноконфессиональные противоречия в Египте, Ираке, Иране и других странах, дающих наиболее высокий процент иммигрантов в Кувейт). Заметный фактор внутренней нестабильности представляли собой шииты, преимущественно выходцы из Ирана, Ирака, Пакистана, которых в Кувейте в 70-е гг. было свыше 21%.

Масштабные социальные и политические проблемы порождало присутствие в Кувейте палестинцев, которых к середине 70-х годов насчитывалось не менее 200 тыс. (примерно 20% населения эмирата). В отличие от коренных кувейтцев палестинцы были хорошо организованы политически, поддерживали связи с Палестинским движением сопротивления (ПДС) и его различными ответвлениями, имели официальное представительство в виде бюро ООП (Организации освобождения Палестины). Выборы в парламент были проведены только в 1981 г. и в 1985 г. Это произошло, несмотря на продолжающееся действие факторов внутренней напряженности, на заметное по сравнению с 1976 г. обострение шиитской проблемы после иранских событий 1979 г. и на усиление угрозы безопасности Кувейта извне после начала осенью 1980 г. ирако-иранской войны. Поэтому перед выборами 1981 г. были тщательно перекроены избирательные округа, что позволило распылить оппозиционные силы внутри страны. Кроме того, на выборах в 1981 г. в списки избирателей было внесено лишь 3% населения Кувейта: только 45 тысяч человек получили право участвовать в избрании 50 депутатов Национальной Ассамблеи. Тем не менее, несмотря на это, Национальная Ассамблея Кувейта служила в 60–80-е годы одним из немногих каналов открытого обсуждения насущных для страны вопросов.

В июле 1986 г. декретом Эмира Национальная Ассамблея была вновь распущена, приостановлено действие ряда статей конституции, введена предварительная цензура печати. В обращении главы государства к кувейтскому народу после опубликования указанного документа подчеркивалось, что эта мера была необходима, так как «демократия в стране стала подвергаться опасности. Под угрозой находятся наши исконные социальные и нравственные ценности, нарушается традиционное единство кувейтского общества». На самом деле истинные причины второго роспуска парламента заключались в недовольстве правящей элиты укреплением влияния оппозиции в Национальной Ассамблее. Выборы, проходившие в феврале 1985 г., продемонстрировали возросшую политическую зрелость кувейтского общества, постепенный отход от ранее монолитных родо-племенных блоков. Значительная часть вновь избранных депутатов являлась представителями нового поколения кувейтцев, получивших университетское образование, стремившихся к тому, чтобы парламенту принадлежала активная роль в делах государства. Депутаты парламента заявляли о том, что они хотят «провести реформу государственных институтов, восстановить общественную мораль, искоренить коррупцию», стать «контролером» правительства.

Демократический блок и умеренные исламисты активно сотрудничали в рамках парламентской оппозиции. Воспользовавшись правом, предоставленным им конституцией, обращаться с запросами к членам правительства, они провели кампанию против министра юстиции и министра нефти (оба – представители семейства ас-Сабах). В результате министр юстиции вынужден был подать в отставку, так как вскрылась его неблаговидная роль в крахе компании «Сук аль-Манах», являвшейся по существу неофициальной фондовой биржей. Парламентская оппозиция выступила также против решения правительства повысить плату за электроэнергию, отменив субсидии.

Парламент был восстановлен только в 1992 г. В октябре 1992 г. состоялись выборы в Национальную Ассамблею. В голосовании могли принять участие около 82 тыс. граждан Кувейта

мужского пола в возрасте свыше 21 года, или седьмая часть от 600-тысячного населения страны. Обладатели права избирать должны были доказать, что их предки проживали на территории эмирата до 1920 г. Выборы принесли убедительную победу оппозиции, завоевавшей 32 из 50 парламентских мест[14].

Кувейтцы не захотели видеть в парламенте министров прежнего правительства, которых они считали ответственными за захват страны Ираком, обвиняли их в экономических неурядицах. Накануне выборов оппозиционные либеральные и исламистские группировки потребовали, чтобы вновь избранный парламент провел расследование по вопросу возможной ответственности министров прежнего правительства за захват Кувейта Ираком в августе 1990 г. Подобное требование имело под собой определенную юридическую базу, так как конституция Кувейта гарантирует депутатам право привлекать к ответственности членов правительства, за исключением Эмира. Еще одним требованием оппозиции накануне выборов было устранение традиционной для эмирата практики назначения наследного принца на пост премьер-министра, а также широко обсуждалась проблема расширения корпуса избирателей за счет женщин. Три исламских течения (суннитское исламское конституционное движение «Братья-мусульмане», выступающее за введение в Кувейте шариата; более радикальные Исламское народное движение и Исламское конституционное движение) провели в Национальное собрание по три кандидата. Группировки либерального толка получили 13 мест (Демократический форум, Конституционный блок и группа экс-парламентариев), независимые кандидаты, примыкающие в большинстве своем к исламистам, – 10. Кандидаты, выражающие позицию правительства, завоевали лишь 18 мест, обнаружив, что в эмирате прошли те времена, когда лишь принадлежность к древнему роду гарантировала кресло в парламенте.

Последствия кризиса в Персидском заливе продолжали оказывать заметное влияние на социально-политическую жизнь Кувейта после выборов 1992 г. Парламенту удавалось в определенной степени контролировать деятельность правительства, что, безусловно, способствовало стабилизации политической и экономической ситуации в стране. В то же время осуществление контроля оказалось делом непростым, поскольку портфели четырех основных министров – иностранных дел, обороны, внутренних дел и информации – по-прежнему

находились в руках членов семьи ас-Сабах, а главой правительства оставался шейх Саад аль-Абдалла ас-Сабах, являвшийся премьер-министром с 1978 г.

В октябре 1996 г. в Кувейте состоялись новые (восьмые по счету) парламентские выборы, однако они не повлекли за собой серьезных изменений в системе власти и в характере политических отношений в обществе, где ведущая роль отводится традиционным структурам. Тем не менее число сторонников оппозиции (в основном исламской) начало расти, поскольку теперь ей в парламенте принадлежала почти половина мест из пятидесяти, тогда как в 1992 г. она имела только десять. Весной 1999 г. отношения между парламентом и правительством стали критическими, когда депутаты из исламистской фракции стали обвинять исполнительную власть в пренебрежении религией, позволив распространение антиисламской литературы на книжной ярмарке, издание Корана с типографскими опечатками и т.д. В этой обстановке эмир Джабер Аль-Ахмед Аль-Сабах был вынужден досрочно распустить Национальную Ассамблею. На состоявшихся в июле того же года выборах кандидаты, ориентировавшиеся на правительство, получили 14 депутатских мандатов, либералы – 16 и исламисты – 20.

Таким образом, как показывает политическая практика, хотя официально политические партии в Кувейте запрещены, несколько политических групп действуют как партии де-факто (Исламское конституционное движение, Демократическая трибуна, Исламское шиитское движение и др.), проявляя свою активность в период избирательных кампаний. Выборы в Национальное собрание проходят, как правило, в обстановке острой борьбы, которая идет между различными блоками, созданными на племенной основе в различных избирательных округах страны. Имеют место случаи «черного» пиара, когда распускаются слухи, порочащие отдельных кандидатов, разрушаются их агитационные сооружения. Особенно часто это происходит вне столицы страны, где борьбу ведут представители различных племен[15].

Согласно ст. 67 конституции Иордании, «Палата депутатов состоит из членов, избираемых тайным голосованием на всеобщих прямых выборах в соответствии с положениями Закона о выборах, который предусматривает следующие принципы: честность избирательного процесса; право кандидатов осуществлять наблюдение за процессом голосования; наказание лиц, осуществляющих воздействие на волеизъявление избира-

телей». Согласно Закону о выборах, Палата депутатов состоит из 110 человек, из которых 104 избирается на 4-летний срок по одномандатным округам всеобщими прямыми выборами, а 6 женщин избираются специальной Избирательной коллегией (увеличение численности депутатского корпуса с 80 до 110 человек произошло в 2001 г.). При этом 104 депутатских места Нижней палаты парламента разделены между всеми основными этноконфессиональными группами страны: 92 закреплены за мусульманскими кланами, 9 – за христианами (по одному в 3-м амманском округе, 1-м ирбидском, провинциях Мадаба, Зарка и Аджлун и по два в провинциях Керак и Балка), 3 – за представителями черкесской (1-й и 5-й амманские округа) и чеченской (округ Зарка) общин. Представители бедуинских племен избираются в парламент от трех специально выделенных для них округов. При этом выдвижение кандидатов и регистрация избирателей происходят в них на основе списка племен и кланов, утвержденного королем и являющегося составной частью Закона о выборах. Король может продлить королевским декретом срок деятельности Палаты депутатов на период не менее одного года, но не превышающий двух лет (ст. 68). Выборы депутатов в Нижнюю палату парламента проводятся на основании действующего (пятого по счету)[16] избирательного Закона № 22 от 1986 г. (с последующими поправками), который был принят в условиях, когда в стране действовали чрезвычайные законы, а политические партии были запрещены[17]. В этом же законе впервые появилось указание на избирательное право женщин, дарованное им конституционной поправкой 1974 г.

Верхнюю палату в Иордании (Сенат), состоящую из 40 депутатов, назначает монарх. В этой стране такая структура парламента была создана в начале 50-х годов королем Абдаллой, который считал, что она наиболее полно отвечает интересам страны в условиях конституционного монархического режима: наличие «буфера» в виде назначаемых из числа знати сенаторов позволяло избегать юридических и политических коллизий между монархом и избираемыми депутатами Нижней палаты. Член Сената, согласно ст. 64 конституции, должен достичь возраста 40 лет и принадлежать к одной из следующих категорий: действующие или бывшие премьер-министры; бывшие послы и посланники; бывшие спикеры Палаты депутатов; бывшие президенты или судьи кассационного, гражданского или шариатского апелляционного судов; отставные высшие офицеры,

начиная со звания генерал-лейтенанта; бывшие депутаты, избиравшиеся в парламент более одного срока; лица, имеющие особые заслуги перед нацией и страной. В Сенате также обязательно должны присутствовать верховные шейхи или видные представители бедуинских и полукочевых племен, таких как Ховейтат, Бени Сахр, Бени Хамида, Бени Халед, Адван, Ахль аль-Джебель. Срок полномочий Сената – четыре года. Члены Сената могут снова назначаться в его следующий состав (ст. 65). В случае роспуска Палаты депутатов сессионная работа Сената также приостанавливается. На своем первом после назначения заседании Сенат избирает комитеты: по иностранным делам, административный, финансовый, юридический, по просвещению и высшему образованию, по социальному развитию и здравоохранению. Главой всех комитетов автоматически является спикер Сената.

Король Хусейн неоднократно распускал нижнюю палату в 50-х и 60-х годах. В период с 1947 по 1967 г. Палата депутатов, избранная девять раз, восемь раз распускалась досрочно. После ее роспуска в 1974 г. она собралась только спустя 10 лет, в 1984 г. (не считая ее краткосрочного созыва в феврале 1976 г.) с целью принятия поправки к конституции, позволяющей проводить выборы лишь на Восточном берегу, а представителей от оккупированного Западного берега назначать декретом. В 1988 г. парламент, в котором одинаково были представлены Западный и Восточный берега реки Иордан, был вновь распущен (до выборов 8 ноября 1989 г.) в связи с разрывом административных и юридических связей с Западным берегом.

В ноябре 1989 г. прошли всеобщие парламентские выборы (в 1984 г., когда король вернул к жизни распущенный в 1974 г. парламент, состоялись лишь довыборы на ряд мест, освободившихся в связи со смертью депутатов). Официальное объяснение долгому непроведению выборов заключалось в том, что лишь после разрыва административных и юридических связей с Западным берегом реки Иордан, оккупация которого препятствовала выборам депутатов в иорданский парламент, иорданское руководство смогло начать процесс демократизации общественно-политической жизни и провести выборы теперь только от так называемого Восточного берега.

Выборам предшествовало принятие Закона о выборах от 1986 г., преследовавшего цель, с одной стороны, ослабить оппозицию, но с другой, – сохранить продекларированные обще-

ственные свободы, включая право оппозиции выступать и проводить мероприятия против политики правительства. Согласно этому закону, лагеря палестинских беженцев приравнивались к округам Западного берега и могли иметь одного депутата независимо от размеров округа. Было ограничено количество депутатов от тех районов Восточного берега, где преобладает палестинское население (Зарка, Восточный Амман). Были сохранены щедрые привилегии меньшинств – кавказцев, христиан, бедуинов. Сельские районы, где плотность населения низка, получили возможность избирать столько же представителей, что и плотно населенные города. При таком распределении избирательных округов на выборах 1989 г. 40% населения – коренные иорданцы и меньшинства – получили 82,5% мест, в то же время крупные города Амман, Зарка, Ирбид, в которых проживает около 70% населения получили всего 45% мест. То есть в южной провинции Ма'ан одного депутата избирали 3,8 тыс. чел. (речь идет лишь об избирателях), в Кераке – чуть более 9 тыс. чел., в Зарке – 50 тыс., во втором амманском округе, в котором находится огромный палестинский лагерь аль-Вахдат, – 76 тысяч[18].

Впервые в выборах 1989 г. принимали участие лица, которым исполнилось 19 лет, и женщины, которым избирательное право было предоставлено в 1974 г., но они не смогли реализовать его на всеобщих парламентских выборах из-за длительного отсутствия таковых. По итогам выборов был образован новый (11-й по счету) парламент, который вскоре принял законы, закрепившие движение Иордании по пути демократии. Эти законы включают акты об отмене чрезвычайного положения (введенного более 20 лет назад в связи с нестабильностью, вызванной поражением Иордании в войне 1967 г.), закон о внесении поправок в Закон о государственной безопасности, который вернул судам их гражданский статус после того, как они осуществляли свою деятельность в соответствии с чрезвычайными требованиями.

В атмосфере демократизации король решился на эксперимент – формирование кабинета министров на парламентской основе и с последующим вынесением вотума доверия правительству. В сформированные премьер-министром Модаром Бадраном 6 декабря 1989 г. и 1 января 1991 г. правительства вошли 10 и 11 депутатов нижней палаты из 24 и 25 министров соответственно. По итогам принятия 9 июня 1991 г. Национальной Хартии, закрепившей курс на дальнейшую либерали-

зацию общественно-политической жизни, был разработан и введен в действие королевским указом от 5 июля 1992 г. Закон № 32 «О политических партиях», а 29 марта 1993 г. – новый Закон «О печати», поэтому выборы 8 ноября 1993 г. состоялись уже на многопартийной основе и при самом активном участии прессы, которая тоже приобрела многопартийный характер. Началась активизация движения исламистов, объединившихся в политическую партию Фронт исламского действия (ФИД) и становившихся серьезной оппозицией, для борьбы с которой правительство приняло в августе 1993 г. Закон о внесении поправок в основной Закон о выборах. Был введен принятый во всех западных демократических обществах избирательный принцип «один человек – один голос». Этот принцип был крайне негативно встречен иорданскими политическими партиями, особенно исламскими, т.к. в условиях трайбализма «один голос» избирателя обычно отдается клановым кандидатам, обрекая представителей партий на поражение, если они не выдвигают себя от родов или племен. Именно из-за этого ФИД и ряд поддержавших его политических сил обрушились на этот закон с резкой критикой. В ноябре 1993 г. ФИД получил всего 17 мест (в предыдущий состав парламента «братьев-мусульман» избрали 24 чел.). 15 мая 1997 г. был введен в действие еще один Временный избирательный закон № 24, вносивший изменения в карту избирательных округов, поскольку появились новые территориально-административные единицы. Итоги ноябрьских выборов 1997 г. показывают, что своей цели иорданское руководство все же добилось. Из 80 мест кланово-племенные кандидаты получили 62 места, 8 – независимые исламисты, 10 – представители панарабских и левых сил. Назначение нового Сената, куда не вошел ни один представитель оппозиции, подтвердило нежелание режима включать ее во властные структуры.

Таким образом, во внутриполитической жизни Иордании создалась любопытная ситуация: с одной стороны, – непрекращающееся провозглашение демократических ценностей в качестве приоритета официальной политики, с другой, – проведение всевозможных мер для недопущения развития демократических процессов на деле.

В сложившемся балансе сил, где дворец опирается на коренных иорданцев, организованных в многочисленные кланы, а массы палестинцев и активных сторонников «братьев-мусуль-

ман» могут получить только мелкие государственные посты и положение в частном секторе, нельзя рассчитывать на демонтаж этой системы сверху. Ждать, когда на это начнут претендовать низы, дворец тоже не желает. Поэтому продолжается искусная игра короля по консолидации вокруг своей легитимной власти всех жителей Иордании на основе обеспечения демократических прав и свобод граждан.

В 2001 г. парламент был вновь распущен новым королем Абдаллой II в связи с внесением изменений в Закон о выборах. Запланированные на осень того же года выборы в Нижнюю палату парламента неоднократно переносились из-за сложной военно-политической ситуации в регионе и в итоге состоялись только в июне 2003 г. Примечательно также, что из 31 официально зарегистрированной к этому времени партии в парламенте были представлены только 4, при этом крупную фракцию в парламенте (17 депутатов) составили представители исламской партии Фронт исламского действия (ФИД).

В Марокко (в соответствии с поправками в конституцию от 1996 г.) был учрежден двухпалатный парламент. Нижняя палата (Палата представителей) состоит из 325 депутатов и избирается на пятилетний срок на основе прямого всеобщего голосования по одномандатным округам. Из 325 депутатов 295 избираются по партийным спискам от 26 партий. Остальные 30 депутатов избираются по одному общенациональному списку и зарезервированы для женщин.

Верхняя палата (Палата советников, состоящая из 270 членов) избирается на 9 лет и каждые три года обновляется на 1/3 состава. Каждый регион страны через коллегию представителей местных органов власти избирает 3/5 состава верхней палаты (162 представителя), а 2/5 ее состава (108 членов) избирает специальная коллегия выборщиков, состоящая из представителей профсоюзов и трудящихся. (Первые выборы в Палату советников прошли в декабре 1997 г., тогда 16 партий выдвинули 2391 кандидата).

Таким образом, в арабских странах практикуется политика, когда правящие элиты посредством избирательных законов и законов о политических партиях и объединениях обеспечивают незыблемость своей политической монополии.

В связи с вопросом о составе парламента Иордании необходимо отметить некоторые особенности ее партийной системы. Наиболее развитой она была в 50-х годах. Парламентские выборы в октябре 1956 г., в которых участвовало несколько

партий, привели к созданию первого парламентского правительства в Иордании во главе с лидером Национально-социалистической партии ан-Наблуси. После «черного сентября» 1970 г. в Иордании были запрещены все политические партии, хотя некоторые из них продолжали свою деятельность в подполье. Единственной легальной общественно-политической организацией, созданной под председательством Хусейна в 1972 г., был Арабский национальный союз. Поэтому иорданский парламент был лишен партийного представительства – основного средства политического воздействия на деятельность исполнительных органов.

В соответствии с законом № 32 от 1992 г. «О политических партиях» в Иордании они должны опираться на демократические методы в своей работе; не иметь организационных или финансовых связей с неиорданскими структурами; получать финансовые средства только из законных, известных и легальных местных источников; не создавать своих структур в вооруженных силах, аппарате безопасности и не формировать собственные военные отряды; иметь известную и доступную штаб-квартиру и не использовать государственные структуры и органы, религиозные и благотворительные учреждения в своих интересах и не вовлекать эти структуры в политическую борьбу[19]. При этом, как отмечает иорданский исследователь Салех Джаварне, политические партии в Иордании не являются самостоятельной политической силой в обществе, кроме того, «…большое число партий может рассматриваться как результат стремления отдельных политиков выделиться на общем фоне и, воспользовавшись моментом, заявить о своем присутствии на политической арене, не обладая при этом достаточными возможностями, чтобы активно выступать и влиять на ситуацию». Поэтому «…распространение партий ограничивается некоторыми слоями интеллигенции, отличительным признаком которых является отсутствие стабильности в политических позициях, претензии на руководящую роль, большая конкуренция в попытках пробиться наверх, разногласия и противоречия в рядах этих партий… их ограниченные возможности в охвате населения своими концепциями». Согласно данным Центра стратегических исследований при Иорданском университете, в рядах различных партийных образований состоит около 1,4% населения страны[20]. Это объясняется еще и тем, что по закону партию можно зарегистрировать, если число ее

основателей составляет 50 чел., что позволяет создавать и легализовывать организации численностью менее 100 чел.

Политическая система в Марокко, получившая название «хасановской демократии», представлена широким спектром политических партий (среди которых в середине 90-х годов наметилась тенденция к блоковой консолидации). Партийная система[21] в Марокко находится под жестким контролем монарха, который, умело играя на национальных, этнических, родоплеменных и иных противоречиях, остается в то же время символом политического единства страны и препятствует консолидации оппозиционных сил. Напротив, многопартийность активно способствовала дроблению политических сил, активизации меж- и внутрипартийной борьбы на клановой и этнической основах и в итоге вызвала падение самостоятельной роли большинства партий (даже наиболее влиятельной партии Истикляль).

Вводя дозируемый плюрализм, король использовал и такой фактор, как особую роль лидеров в политических партиях, поддерживая по мере надобности авторитет того или иного руководителя. Чтобы удерживать партийных лидеров в рамках дозволенного, была создана и отработана система их личных встреч с королем или его представителями, участие в различных советах, раздача символических постов, отправка за рубеж с какой-либо почетной миссией и т.п. Таким образом, был создан баланс политических сил с управляемой оппозицией, когда большинство политических партий оказалось в руках марокканской элиты, связанной с дворцовыми кругами или зависимой от них. В итоге был создан сбалансированный парламент с парламентским центром, и произошла консолидация парламентского корпуса.

Согласно конституции Марокко, парламент состоит из двух палат: Палаты представителей и Палаты советников, члены которых получают свой мандат от народа. Члены палаты представителей избираются сроком на 6 лет путем прямого и всеобщего голосования. Официальный срок полномочий заканчивается с открытием сессии в октябре пятого года, следующего за проведением выборов Палаты представителей. Число представителей, избирательная система, требования, предъявляемые к депутатам, случаи несовместимости должностей, порядок разрешения споров, касающихся выборов, устанавливаются Органическим законом. Палата советников на 3/5 своего состава состоит из представителей, избираемых в каждом регионе избирательными коллегиями, состоящими из выборных членов торговых палат, членов, избираемых на национальном уровне избирательной коллегией, состоящей из представителей трудящихся. Члены Палаты советников избираются сроком на 9 лет. 1/3 Палаты советников должна обновляться каждые три года. При первом и втором обновлении места для обновления определяются жребием. Количество советников; избирательная система; количество членов, избираемых каждой избирательной коллегией; распределение мест в Палате советников по регионам; требования, предъявляемые к кандидатам; случаи несовместимости постов; процедура голосования; правовые споры, касающиеся выборов, – все это устанавливается Органическим законом (статьи 36–38).

14 ноября 1997 г. состоялись выборы в Палату представителей, где на 325 мест претендовали 3319 кандидатов от 16 политических партий. В этих выборах впервые в истории Марокко принимала участие исламская партия умеренного толка «Аль-Ислах ва-таухид». Эта группировка не имела официального разрешения на легальную деятельность, однако власти не препятствовали ее просветительской и издательской деятельности. На голосование эта партия шла под лозунгами партии Народное демократическое и конституционное движение (НДКД), призывающей к защите «священных ценностей ислама» (вместе они выставили 142 кандидата, среди которых было 50 исламистов, и им удалось завоевать 9 депутатских мандатов).

По итогам голосования основные блоки пришли примерно с одинаковыми результатами. Правые получили 100 мест, центристы – 97, Демократический блок – 102 места. Еще 26 мест получили партии, не входящие в какие-либо политические блоки[22]. Исследователи отмечают в этой связи, что монархия взяла курс на создание партийной системы по биполярной схеме западного образца, в основе которой лежал бы противовес двух основных сил – блока Национального согласия («Уифак») и Демократического блока («Кутля»). Палата представителей была избрана 27 сентября 2002 г. Из 24 млн. избирателей проголосовало 14,4 млн. (52%). Большинство мест (50) получила партия Социальный союз народных сил. Удивление вызвало увеличение количества мест исламской партии Справедливости и развития, которая увеличила свое представительство более чем в 4 раза (42 места) по сравнению с выборами 1997 г., когда она получила только 9 мест в парламенте[23].

Таким образом, правящие партии имеют наибольшее представительство в парламенте, в то время как многие другие существующие политические партии не могут провести в представительный орган своих представителей.

Порядок функционирования парламентов и статус депутатов

Сроки избрания депутатов национальных ассамблей устанавливаются конституцией.

В дополнение к конституционным положениям обычно принимаются специальные обыкновенные законы, которые детально определяют условия избрания законодательного органа, его численность, требования, предъявляемые к кандидатам в депутаты, их заработную плату и т.д. Законы также определяют условия и процедуру занятия депутатского мандата в случае его вакантности, а также условия проведения досрочных парламентских выборов. Что касается правильности и законности проведения как очередных, так и досрочных выборов законодательного органа, а также занятия вакантных депутатских мест, то все, что связано с этими процедурами в арабских монархиях, определяет сам парламент или Конституционный суд. Так, ст. 71 конституции Иордании предусматривает, что «палата депутатов обладает правом решать вопрос о действительности мандатов своих членов. Любой избиратель обладает правом направить протест в Секретариат палаты в течение 15 дней с момента оглашения результатов выборов в его избирательном округе, представив правовые основания для признания недействительным мандата лица, против которого заявлен протест. Мандат депутата признается недействительным, если за такое решение проголосовало большинство в 2/3 членов Палаты депутатов».

Конституции предусматривают, что в случае невозможности проведения выборов законодательного органа в установленные законом сроки в связи с военными действиями или другими чрезвычайными обстоятельствами, согласно специально изданному закону, мандаты депутатов действующего парламента должны быть продлены до тех пор, пока чрезвычайные обстоятельства не будут ликвидированы, что позволит провести отложенные выборы. С этим же может быть связана и возможность

переноса заседаний Национальной ассамблеи из столицы страны в любое другое место национальной территории.

Конституции арабских монархий вводят для депутатов законодательных органов *принцип индемнитета и иммунитета*. Причем в трактовке текстов арабских конституций индемнитет означает запрещение преследования, ареста или осуждения депутата за выраженные им мнения, сделанные предложения, голосование или другие действия, осуществляемые им во исполнение своего мандата члена национального парламента. Принцип иммунитета означает, что депутат в течение всего периода действия его мандата не может быть арестован или осужден за преступления или другие правонарушения до тех пор, пока Национальная ассамблея не снимет с него парламентскую неприкосновенность, за исключением случаев flagrante delicto, т.е. захвата на месте преступления. Но даже в этом случае законодательный орган, к которому принадлежит захваченный на месте преступления и арестованный депутат, должен быть немедленно проинформирован о случившемся компетентными органами, осуществившими арест. Если Национальная ассамблея потребует его освобождения, депутат должен быть немедленно освобожден. Ст. 89 конституции Бахрейна гласит, что «член Консультативного совета и Палаты депутатов представляет весь народ и заботится об общественных интересах. Он не должен находиться под чьим-либо влиянием при осуществлении своих полномочий в палате или ее комитетах и не несет ответственности за высказывание своего мнения в соответствующей палате или ее комитетах при условии, что эти высказывания не противоречат основам ислама, не нарушают единства нации, принципов уважения Короля или личную жизнь гражданина. В период сессии Консультативного совета и Палаты депутатов запрещены задержание депутата, инициирование против него расследования, арест, проведение процессуальных или иных действий, за исключением случаев, санкционированных самой палатой, или задержания на месте преступления. Когда сессия не проводится, разрешение на такие действия может быть дано председателем соответствующей палаты. Отсутствие ответа палаты или ее председателя на запрос о разрешении, которое было затребовано в течение месяца со дня его представления, рассматривается как разрешение. Палата должна быть информирована о любых мерах, предпринимаемых в отношении ее

членов, когда она заседает, и о любых мерах, предпринятых против ее членов, когда она находилась на каникулах».

Эти конституционные принципы должны формально гарантировать независимость депутата от каких-либо властей или от какого-либо частного влияния. Но как было уже отмечено ранее, угроза досрочного роспуска парламента и автоматического лишения сразу всех депутатов парламентской неприкосновенности делает их во многом зависимыми от постороннего влияния, хотя конституции декларируют, что мандат депутата не может быть связан с какими-либо ограничениями или условиями.

Декларируется, что депутат должен осуществлять свой мандат, руководствуясь своей честью и совестью, поскольку он является представителем всего народа. И в конституционном смысле мандат депутата законодательного органа большинства арабских стран формально можно отнести к категории «свободного» мандата, когда он не связан какими-либо групповыми интересами и наказами избирателей и не может быть досрочно отозван избирателями того округа, которые его избрали в парламент.

Конституции вводят *требования, которым должен отвечать кандидат в законодательный орган власти*; в частности, он должен быть гражданином данной страны. Возрастные требования установлены обычно в 25 лет для кандидата в нижнюю палату или однопалатную Ассамблею и 35 лет для сенаторов в парламентах с двухпалатной структурой. Кандидатом в депутаты Национальной Ассамблеи Кувейта может быть только урожденный кувейтец, не моложе 30 лет, умеющий хорошо читать и писать по-арабски. Конституция Иордании в ст. 75 перечисляет условия, препятствующие возможности стать депутатом, а именно: не может быть сенатором или депутатом: «не иорданец; лицо, принявшее иностранное гражданство или подданство; лицо, объявленное официальным банкротом и не восстановленное в правах в законном порядке; лицо, лишенное гражданских прав и не восстановленное в них; лицо, приговоренное к тюремному заключению на срок более одного года за неполитическое преступление и неоправданное; лицо, имеющее материальную заинтересованность в любом контракте, кроме договора об аренде земли или собственности, заключенного с государственным учреждением, при условии, что это положение не применимо в отношении членов акционерного общества, насчитывающего более десяти членов; лицо, являющееся душевнобольным или слабоумным; лицо, являю-

щееся родственником Короля в степени кровного родства, определяемой специальным законом».

Требований постоянного проживания в стране или в соответствующем избирательном округе для кандидатов в законодательный орган конституции обычно не вводят, как нет и ограничений по какому-либо другому основанию. После выборов Национальная ассамблея сама правомочна решать вопрос о действительности депутатских мандатов.

Конституции предусматривают *основания, по которым Национальная ассамблея может принять решение о досрочном прекращении депутатских полномочий*. Это может быть постоянное физическое или умственное заболевание депутата, осуждение его за преступление, содержащее моральные факторы или бесчестье; отсутствие на заседаниях в течение всего периода сессии Национальной ассамблеи без соответствующего разрешения или без уважительной причины; письменное заявление от депутата о добровольной отставке, оглашенное на заседании Национальной ассамблеи; смерть депутата.

Законодательные органы собираются на свою первую после выборов сессию по декрету главы государства, изданному обычно в течение 15 дней со дня объявления результатов голосования. Если такого декрета о созыве сессии законодательного собрания не последует, ассамблея должна собраться на 16-й день после объявления результатов выборов.

Начало, продолжительность и окончание очередных сессий устанавливается текстами конституций. Сессия может быть по решению большинства депутатов продлена по времени на устанавливаемый конституцией период. Сессия обычно объявляется закрытой в связи с завершением обсуждения и принятием решений по основным вопросам повестки дня. Возникшие в ходе сессии важные вопросы могут быть дополнительно включены в повестку дня по решению большинства депутатов, присутствующих на сессии.

Национальная ассамблея может быть созвана на внеочередную или чрезвычайную сессию. Внеочередная сессия может быть созвана по решению председателя законодательного органа или одной трети либо даже большинства депутатского корпуса, а также по требованию монарха. Внеочередная сессия рассматривает только те вопросы, для решения которых она была созвана. Так, согласно ст. 41 конституции Марокко, «парламент может быть созван на специальную сессию по

требованию абсолютного большинства членов одной или двух палат парламента, или королевским декретом. Специальная сессия парламента проводится только по определенной повестке дня. Если повестка дня полностью рассмотрена, сессия закрывается королевским декретом».

Согласно конституции Иордании, король может задержать созыв действующего Национального собрания (не более чем на два месяца), откладывать (до трех раз) его заседания, продлять очередные сессии Национального собрания на срок до трех месяцев (статьи 78, 81, 82). С января 1960 г. король также имеет право (конституционная поправка) продлять срок полномочий нижней палаты, если парламентские выборы не могут быть проведены из-за внутриполитической ситуации.

Обычно на первом ежегодном заседании законодательный орган большинством голосов избирает председателя, не менее двух его заместителей и секретарей сессии. Законодательный орган сам принимает на весь период своих полномочий собственный регламент, который регулирует основные вопросы внутренней организации и деятельности законодательного органа. Регламент предусматривает проведение открытых или закрытых заседаний законодательного органа, причем депутаты сами решают режим работы. Кворум для открытия заседания составляет больше половины общего состава законодательного органа. А решения считаются принятыми, если они одобрены абсолютным большинством голосов присутствующих на заседании депутатов, кроме тех случаев, когда регламент требует принятия решения квалифицированным большинством голосов. Право участвовать в голосовании для члена парламента является личным. Специальный закон при особых обстоятельствах может разрешить делегировать право голоса одного депутата другому, но в этом случае депутат может получить еще не более одного голоса.

Депутаты работают на пленарных заседаниях и в специальных постоянных комиссиях, которые формируются в соответствии с регламентом законодательного органа.

* * *

Таким образом, в свете изложенного очевидно, что конституционные принципы построения государства и функционирования законодательных органов таковы, что в конкретных условиях развития арабских монархий они обеспечивают максимальную устойчивость режима, консолидацию сил вокруг трона

и бесперебойную работу механизмов принятия важнейших политических решений. Однако в специфических условиях каждой страны и региона в целом следует иметь в виду, что жизнеспособность государства в будущем во многом будет зависеть от того, насколько гибкой будет политика правящей элиты как внутри страны, так и за ее пределами. Пределы гибкости определяют устойчивость власти, которая в настоящее время полностью использует предоставленные ей конституциями и действующим законодательством возможности, чтобы наращивать свой потенциал влияния на общество, минимизировать противоречия и гарантировать внутреннюю стабильность.

---

[1] Донцов В.Е., Чурилина Т.А. Политические системы монархий Аравийского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока. – М.: Восток-Запад, 2007, с. 213.

[2] Совет по делам управления был создан по рекомендации англичан еще в 1924 г. и возглавлялся британским чиновником.

[3] Мелкумян Е.С. Некоторые аспекты политического развития современного Кувейта. – М., 1997, с. 113.

[4] Цит по: Донцов В.Е., Чурилина Т.А. Политические системы монархий Аравийского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока. – М.: Восток-Запад, 2007, с. 209.

[5] Ковачев Д.А. Предмет, способы и формы конституционного регулирования. Очерки конституционного права иностранных государств. – М., 1999, с. 20–21.

[6] Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М.: РГГУ, 2001, с. 164.

[7] Крылов Б.С. Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и формы парламента и парламентаризма на современном этапе. – М., 1963, с. 197–198.

[8] Так, например, ориентируясь на Конституцию Французской Республики 1958 г., Основной закон Туниса ограничивает круг вопросов, по которым Палата депутатов может принимать законы (статья 34): создание государственных учреждений и служб, вопросы гражданства, денежное обращение и финансы, судебный процесс, установление уголовных санкций за преступления и др. Международные договоры, заключаемые президентом, также подлежат ратификации путем принятия соответствующего закона. Причем международные договоры, ратифицированные в законном порядке, превосходят по своей юридической силе внутреннее законодательство (статья 32).

[9] Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика, с. 177.
[10] См. Сапронова М.А. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики в арабских странах // Конституционно-правовой механизм внешней политики: Учеб. пособие. – М.: РОССПЭН, 2004.
[11] Цит. по: Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика, с. 200.
[12] Мелкумян Е.С. Бахрейн: современные проблемы политического развития // Ближний Восток и современность. Вып. 31. – М.: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока, 2007, с. 86.
[13] Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности). Под ред. Б.Г.Сейранян. – М., 1998, с. 128.
[14] Компас. ИТАР-ТАСС № 202, 19.10.1992.
[15] Донцов В.Е., Чурилина Т.А. Политические системы монархий Аравийского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д.Восресенского. – М.: Восток-Запад, 2006, с. 172.
[16] О предыдущих избирательных законах см.: Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 229–231.
[17] Закон № 22 от 17 мая 1986 года о выборах в Палату Депутатов Иорданского Хашимитского Королевства (извлечения):
Глава вторая. Право голоса.
Статья 3.
А. Каждый иорданец, достигший полных 19 лет (по солнечному календарю) имеет право избирать членов Палаты Депутатов при условии, что его имя зарегистрировано в окончательном избирательном списке.
Б. Права голоса лишены:
1. лица, приговоренные к тюремному заключению, превышающему один год за неполитическое преступление, и неамнистированные;
2. лица, объявленные банкротами и не восстановленные в прежнем статусе;
3. лица, лишенные личных прав и не восстановленные в прежнем статусе.
Статья 4. Избиратель не может осуществлять свое право голосовать более чем в одном избирательном округе, где он зарегистрирован, и не может голосовать более одного раза на одних и тех же выборах.
Статья 5. Права голоса лишены члены Иорданских вооруженных сил, службы Государственной безопасности и Гражданской обороны в период их нахождения на действительной службе.

Глава 4. Кандидаты в члены Палаты Депутатов.
Статья 17. После того, как Король издает декрет о проведении выборов в Палату Депутатов, Совет министров принимает решение о назначении даты выборов, которая должна быть объявлена премьер-министром и опубликована в «Официальной газете».
Статья 18. Кандидат в члены Палаты Депутатов должен отвечать следующим требованиям:
А. быть иорданским подданным в течение не менее 10 лет и не ходатайствовать об иностранном подданстве или защите;
Б. быть избирателем, зарегистрированным в одном из окончательных избирательных списков;
В. быть не моложе 30 лет (по солнечному календарю) на момент окончания периода его пребывания в качестве кандидата;
Г. не быть приговоренным к тюремному заключению, превышающему один год за неполитическое преступление и не оправданным; не быть обвиненным в преступлениях морального характера или в другом судебно наказуемом проступке;
Д. не принадлежать к незаконной организации, определяемой как партия или организация, принципы, направление деятельности и цели которой противоречат положениям Конституции Иордании;
Е. не иметь никакой материальной заинтересованности в каком-либо контракте с любым правительственным органом, кроме аренды земли или помещения. Это положение не применимо к совладельцу компании с более чем десятью участниками;
Ж. не быть родственником Короля в степени, установленной специальным законом.
Статья 19. Любой иорданец может выдвинуть свою кандидатуру в качестве кандидата в члены Палаты Депутатов в одном избирательном округе.
Статья 20. Служащие правительственных министерств и департаментов, а также официальных государственных организаций, которые получают свою заработную плату из государственного казначейства или государственных фондов при казначействе, а также служащие международных организаций и председатели муниципальных и сельских советов не могут выдвигать свою кандидатуру в качестве кандидата в члены Палаты Депутатов до момента ухода в отставку со своих постов не позднее одного месяца до проведения выборов. Соответствующий государственный департамент может принять или отклонить отставку, но она считается принятой на основе закона, если не будет принято никакого решения в установленные для принятия решения сроки.

Статья 21. Выдвижение кандидатур для членства в Палате Депутатов начинается за 25 дней до даты проведения выборов и продолжается в течение 3 дней. Никакое выдвижение кандидатов не принимается после окончания этого срока.
Статья 22. Желающий выдвинуть свою кандидатуру в члены Палаты Депутатов должен уплатить Директору Казначейства того избирательного округа, в котором он выдвигает свою кандидатуру, 500 динаров, которые рассматриваются как доход этого казначейства и не возвращаются кандидату ни при каких обстоятельствах.
Статья 28. В случае, если число кандидатов, зафиксированных в окончательном списке, равно числу парламентских мест, предназначенных для данного избирательного округа, эти кандидаты объявляются победителями при таких неоспариваемых выборах.
Статья 30. Любой кандидат может отозвать свою кандидатуру до окончания срока избирательной кампании в день, непосредственно предшествующий дню голосования.
Статья 31. Как только дата проведения первых всеобщих выборов в Палату Депутатов будет установлена в соответствии с принятой процедурой, Иорданское Хашимитское Королевство делится на ряд избирательных округов в соответствии со схемой, прилагаемой к данному закону, и для каждого округа устанавливается определенное количество парламентских мест.
Статья 32. Голосование по избранию депутатов является всеобщим, тайным и проходит в один тур.
Статья 33. Голосование по избранию членов Палаты Депутатов проводится в один и тот же день во всех избирательных округах. Министр внутренних дел может назначить специальный день для каждого округа или сразу для нескольких округов, если безопасность голосования и общественный интерес потребуют таких действий.
Статья 43. А. Голосование осуществляется с помощью бланков, на которых напечатано словосочетание «Министерство внутренних дел» и поставлена печать избирательного округа и подпись на обороте председателя избирательной комиссии.
Статья 60. В соответствии с положениями данного закона предвыборные публикации являются свободными, и любой кандидат может их использовать с начала избирательной кампании и до дня, непосредственно предшествующего дню голосования, в который любая предвыборная публикация запрещена и влечет за собой законное наказание.
Статья 61. Б. Официальная правительственная эмблема не может быть использована на предвыборных митингах, объявлениях и публикациях и во всех других видах письма, рисунков и картин, используемых с целью избирательной публикации. Использование громкоговорителей на транспортных средствах запрещено в целях избирательной агитации.

Статья 64. Должностные лица правительства и других официальных государственных институтов и местных государственных органов не могут осуществлять агитацию в пользу каких-либо кандидатов.
Глава 9. Преступления в ходе выборов.
Статья 66. Суд первой инстанции наказывает тюремным заключением сроком не менее 3 месяцев и не более 1 года или штрафом в размере не менее 200 и не более 500 динаров или устанавливает два наказания одновременно для лиц, совершивших следующие действия:
А. присвоение личных данных или имени другого человека с намерением проголосовать вместо него;
Б. осуществление права голоса более одного раза;
В. ношение огнестрельного оружия или другого вида оружия или инструментов, представляющих угрозу для общественной безопасности или безопасности избирательного участка в день голосования;
Г. захват силой центра голосования или подсчета голосов для воздействия или задержки избирательной процедуры, а также осуществление любых других насильственных действий в отношении официальных лиц на выборах;
Д. воздействие любым способом на свободу выборов или проведение избирательных процедур;
Е. осуществление различного рода махинаций с избирательными урнами или избирательными списками, или документами для голосования либо их кража, уничтожение списков, а также совершение любого другого насильственного действия с целью воздействия на целостность и секретный характер избирательных процедур. В этом случае, лицо, совершившее подобные действия, подлежит максимальному наказанию, предусмотренному данной статьей.
Статья 67. Лицо, похитившее или пытавшееся похитить урну с бюллетенями до того, как будут подсчитаны голоса, наказывается физическими работами на период не менее 5 лет и не более 10 лет и штрафом не менее 1000 и не более 5000 динар. Лицо, способствовавшее этому преступлению, подвергается аналогичному наказанию (Источник: Law Of Election To The House Of Deputies. Law No.22 for the Year 1986. Published in the Official Gazette No. 3398 of 9 Ramadan 1406 A.H., being 17 May 1986 A.D. – на официальном сайте Палаты депутатов Иордании – http://www.kinghussein.gov.jo/electlaw.html)

[18] Компас, ИТАР-ТАСС.
[19] Салех Джаварне. Иордания: опыт общественно-политического развития. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997, с. 141.
[20] Там же, с. 142.
[21] В настоящее время в Марокко насчитывается более 15 политических партий. Однако некоторые из них, учитывая их небольшую численность и незначительный реальный вес в политической системе королевства, существуют практически только на бумаге. Ведущими партиями Марокко являются: Конституционный союз (КС) – проправительственная буржуазная центристская партия, созданная по инициативе властей в 1983 г., объединяющая представителей госаппарата и деловых кругов, полностью зависящих от дворца; Народное движение (НД) – партия крупных берберских земельных собственников, сельской и торговой буржуазии, возникшая по этническому признаку в 1958 г., призванная способствовать сохранению культурно-языковой самобытности берберов; Национальное народное движение (ННД) – возникла в 1991 г. в результате раскола в Народном движении и, несмотря на приверженность берберизму, стремится объединять всех марокканцев на политико-экономической платформе; Национально-демократическая партия (НДП) – промонархическая центристская партия, созданная в 1981 г. группой депутатов парламента, отколовшихся от партии Национальное объединение независимых, выражает интересы крупной буржуазии. Эти четыре партии входят в блок Национальное согласие («Уифак») и имеют большинство в парламенте. Среди других партий можно выделить: Национальное объединение независимых (НОН) – монархическая партия, выражающая интересы представителей государственного аппарата, деловых кругов, крупного и среднего частного капитала, была основана в 1978 г.; Партия независимости («Истикляль») – старейшая буржуазно-националистическая партия, одна из наиболее влиятельных, была создана в 1943 г., выражает интересы крупной, средней и мелкой буржуазии, части чиновничества, интеллигенции, крестьянства, ставит целью сохранение конституционной монархии, развитие общества на базе ценностей ислама и национальной, прежде всего арабской, самобытности; Социалистический союз народных сил (ССНС) – крупная оппозиционная партия, которая имеет сильные позиции среди интеллигенции, студенчества, была основана в 1975 г., выступает за демократизацию политической жизни в стране; Партия прогресса и социализма (ППС) – авангард марокканского рабочего класса, беднейшего крестьянства и революционной интеллигенции, преемница Марокканской коммунистической партии (1943–1968 гг.) и Партии освобождения и социализма (1968–1974 гг.), была легализована в 1974 г.; Организация народно-демократического действия (ОНДД), создана в 1983 г. на базе нелегальной молодежной организации «23 марта», пользуется весьма ограниченным влиянием, в основном в кругах интеллигенции и среди студентов. Накануне парламентских выборов 1994 г. партии ССНС, Истикляль, ППС, ОНДД создали Демократический блок («Кутля») и выработали свой программный документ – «Национальную хартию», одним из положений которого являлось требование о проведении глубокой конституционной реформы, создании основ правового государства, введении новых элементов в политическую систему страны, таких как гарантирование демократии и модернизация органов власти на всех уровнях, формирование правительства, представляющего интересы большинства общества, независимость судебных органов и защита прав человека. Главная цель созданного блока определялась как «установление здоровой демократии в рамках конституционной монархии».
[22] Сергеев М.С. История Марокко. XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001, с. 200–201.
[23] www.electionworld.org/morocco.htm

И.Н.Серенко

РОССИЯ И ПАКИСТАН: ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Российско-пакистанское межгосударственное сотрудничество перешагнуло 60-летний рубеж. Начало этому процессу было положено 1 мая 1948 г., когда между министерствами иностранных дел СССР и Пакистана состоялся обмен нотами об установлении межгосударственных дипломатических отношений и учреждении соответствующих представительств в ранге посольств. Это событие выводило оба государства на путь налаживания двусторонних внешнеэкономических связей, открывало возможности и перспективы их всестороннего сотрудничества[1]. Первый посол Пакистана 30 декабря 1948 г. вручил свои верительные грамоты в Москве, а первый посол СССР в Пакистане приступил к своим обязанностям 22 марта 1950 г.

Следует отметить, что исторически отношения Пакистана с Советским Союзом, а затем и с Россией как его правопреемницей носили нестабильный характер, отмеченный спадами и подъемами в процессе их развитии. Взаимное недоверие и напряженность, имевшие место в отношениях двух государств в прошлом, были обусловлены существовавшей тогда биполярностью мира и общей расстановкой сил на международной арене, связанной с военно-политическим противостоянием двух социально-экономических блоков.

С установлением дипломатических отношений с СССР Пакистан не торопился. Его руководство было сориентировано на союз с западными государствами, прежде всего США – главным соперником Советского Союза в годы «холодной войны». Отсюда и столь стремительное развитие пакистано-американских дипломатических отношений: первый поверенный в делах США прибыл в г. Карачи (получивший статус столицы Пакистана) еще накануне обретения независимости (13 августа 1947 г.), а первый посол Пакистана в США вступил в свою должность уже в октябре 1947 г.

Прозападная позиция Пакистана препятствовала развитию его сотрудничества с СССР, которое на первоначальном этапе носило довольно ограниченный характер и сводилось в основном к торговым связям[2]. Советский Союз в свою очередь стремился укрепиться в Южноазиатском регионе с помощью налаживания добрососедских отношений с Индией и Афганистаном, у которых имелись значительные территориальные разногласия с Пакистаном. Последний вскоре осознал утерянные им самим политические выгоды из-за своей односторонней ориентации на США и отчужденности, дистанцированности от ближайшего соседа – СССР, игравшего немаловажную роль в региональной политике. Спохватившись, он попытался наверстать упущенное[3].

Стремление Пакистана улучшить свои отношения с Советским Союзом сопровождалось некоторым охлаждением американо-пакистанских отношений в начале 60-х годов XX века. В апреле 1965 г. состоялся официальный визит в СССР президента Пакистана Мохаммада Айюб-хана. Успешная посредническая миссия Советского Союза в урегулировании индо-пакистанского конфликта (1965), завершившаяся подписанием в начале 1966 г. Ташкентской декларации, также способствовала процессу постепенного сближения СССР и Пакистана.

Именно в данный период в отношениях между двумя государствами, по оценке авторитетного американского историка и политолога Хафиза Малика (пакистанца по происхождению), начинают складываться «реалистические взаимоотношения»[4]. Они нашли свое выражение в установлении стабильных торгово-экономических связей и развитии социально-культурного сотрудничества между двумя странами. Основа этого процесса всестороннего взаимодействия была заложена за счет заключения ряда двусторонних соглашений: о технико-экономическом сотрудничестве в поисках нефти и газа (1961), об установлении прямого воздушного сообщения между Москвой и Карачи (1963), о поставках советской сельскохозяйственной техники в Пакистан (1964), об экономическом и техническом сотрудничестве в энергетической, аграрной и коммуникационной сферах (1966), о создании и финансировании Карачинского металлургического завода (1968).

В рамках подписанных соглашений советская сторона приступила к оказанию помощи Пакистану в подготовке квалифицированных кадров в области геологоразведки, металлургиче-

ского производства и строительства. Так, в учебном центре при металлургическом заводе в г. Карачи, созданном при содействии СССР и Международной Организации Труда ООН, ежегодно обучалось до 1500 учащихся по 78 специальностям. Это способствовало постепенной ликвидации зависимости Пакистана от иностранных специалистов в новой для молодого государства металлургической отрасли[5]. Автор данной статьи, находясь в Пакистане в служебной командировке (1983–1984), принимала непосредственное участие в реализации совместного советско-пакистанского проекта Карачинского завода, сыгравшего важную роль в установлении взаимопонимания и взаимодействия между народами двух стран и ставшего главным символом плодотворного, взаимовыгодного российско-пакистанского сотрудничества.

Сближению государств на человеческом, гуманитарном уровне несомненно способствовало и подписание в г. Равалпинди (Пакистан) в июне 1965 г. первого двустороннего соглашения о культурном и научном сотрудничестве. Уже в 1966 г. в Москве создается Общество советско-пакистанской дружбы. Общество пакистано-советских культурных связей было соответственно создано и в Пакистане. Основу этих общественных организаций составляла научная и творческая интеллигенция двух стран[6].

Подписание в апреле 1968 г. в ходе визита в Пакистан Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина ряда соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между двумя странами способствовало активизации двустороннего взаимодействия по всем направлениям. Как результат, заметно возросла доля Пакистана во внешнеторговом обороте СССР: с 0,06% от всего объема внешней торговли Советского Союза в 1960 г. до 0,27% к 1970 году[7]. Советская сторона существенно расширила экономическую помощь и содействие Пакистану в реализации промышленных проектов в области геологоразведки, автомобильного и железнодорожного транспорта, средств связи и коммуникаций. Кроме того, в отношениях двух стран впервые была предпринята попытка по налаживанию связей в военно-технической сфере: было заключено соглашение о поставках Пакистану советских танков, артиллерийских орудий и военных вертолетов (1969). Однако под давлением индийской стороны оно так и не было выполнено, если не считать поставки Пакистану на льготных

условиях 12 вертолетов МИ-8 и 170 бронетранспортеров для перевозки личного армейского состава. В данный период благодаря усилиям дипломатических кругов обеих стран заметно возрос уровень их внешнеполитических контактов, активизировалось двустороннее взаимодействие между учеными, журналистами и деятелями культуры. Показательно, например, что научные достижения выдающегося пакистанского ученого-физика Абдус Салама (1926–1996) были высоко оценены его советскими коллегами, и в 1971 г. он стал иностранным членом Академии наук СССР по специальности ядерная физика. Государственный комитет СССР по использованию атомной энергии и Комиссия по атомной энергии Пакистана приступили к совместной деятельности в области мирного использования атомной энергии по плану, рассчитанному на десятилетний период (1970–1980)[8].

Следует отметить, что советская сторона оказывала Пакистану значительную помощь в подготовке инженеров, врачей, экономистов, юристов, физиков, преподавателей русского языка и литературы, а также других специалистов высшей квалификации. Пакистанские студенты получали высшее образование в советских вузах бесплатно. Кроме того, им ежемесячно выплачивалась студенческая стипендия. В целом к 1979 г. в высших учебных заведениях Советского Союза обучалось более 300 пакистанских студентов[9]. Но все же эта цифра была несоизмеримо мала по сравнению с количеством пакистанских студентов, продолжавших по-прежнему получать образование в основном в западных странах, прежде всего в США и Великобритании, что не в последнюю очередь предопределяло прозападные настроения среди «вестернизированных» кругов правящей пакистанской элиты.

Начавшийся было процесс взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества и постепенного взаимного лучшего узнавания друг друга и сближения двух стран, однако, замедлился из-за обострения внешнеполитической ситуации, связанного с конфликтом в соседнем с Пакистаном Афганистане и вводом на территорию последнего ограниченного контингента советских войск (1979). Пакистан также оказался вовлеченным в эпицентр глобального противостояния двух мировых сверхдержав – СССР и США. Традиционно заняв проамериканскую позицию, он тем самым подорвал и без того хрупкие советско-пакистанские отношения.

Только после отмены военного режима в Пакистане (1988) и вывода советских войск из Афганистана (1989) сложились благоприятные предпосылки для улучшения советско-пакистанских, а с распадом СССР (1991) – российско-пакистанских отношений. Стоит отметить, что возникновение в мировой геополитической структуре новой демократической России было позитивно встречено пакистанским руководством и широкими общественно-политическими кругами страны. Как следует из воспоминаний опытного российского дипломата, бывшего посла СССР и России в Пакистане (1988–1993) В.П.Якунина, Исламская Республика Пакистан была фактически первым государством, заявившим о признании России в качестве правопреемницы СССР. По мнению отечественного дипломата, в самом начале отношений России с Пакистаном был краткий период «несколько завышенных ожиданий и надежд у обеих сторон на быстрое расширение и решительное изменение содержания российско-пакистанских отношений»[10]. Впервые была предпринята попытка их выведения на прагматическую, экономически взаимовыгодную основу, свободную от идеологической нагрузки и восприятия через призму отношений с третьими странами.

В ходе состоявшихся визитов в Пакистан вице-президента Российской Федерации А.В. Руцкого (1991) и министра иностранных дел А. Козырева (1993), в частности, обсуждалась возможность российских поставок современных систем оружия в обмен на пакистанские товары народного потребления. Во время ответного визита в Москву министра иностранных дел Пакистана (1994) был парафирован проект российско-пакистанского Договора о сотрудничестве и принципах взаимоотношений, а также проекты других документов по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству двух стран.

Однако сохранявшаяся у России и Пакистана инерция стереотипных внешнеполитических подходов периода «холодной войны» в отношении друг друга не позволила им продвинуться далеко в этом направлении. Краткосрочный официальный визит премьер-министра Пакистана Навваза Шарифа в Российскую Федерацию в апреле 1999 г. также не способствовал выводу двусторонних отношений на новый уровень взаимовыгодного сотрудничества. Не удалось преодолеть тенденции постепенного сворачивания двусторонних торгово-экономических

отношений. Так, объем товарооборота между двумя странами сократился с 98 млн. долларов в 1992 г. до 72 млн. долларов в 1998 году[11].

Между тем, даже в этих условиях российская и пакистанская дипломатия, общественность и академические круги двух стран не прекращали попыток налаживания конструктивного диалога для выявления оптимальных путей взаимного сближения и сотрудничества. Проблемы двусторонних отношений России и Пакистана в свете новой геополитической обстановки в Южноазиатском регионе и в мире в целом обсуждались, например, российскими и пакистанскими учеными, а также представителями заинтересованных министерств и ведомств, дипломатических и деловых кругов двух стран на состоявшихся в г. Москве международных конференциях и семинарах (1991, 1992, 1994, 1995, 1998).

Большое внимание участники этих представительных международных форумов уделяли необходимости расширения и укрепления российско-пакистанских политических и торгово-экономических связей, сотрудничеству двух стран в области науки, культуры и образования. Российская сторона, в частности, неоднократно предлагала расширять взаимовыгодные связи в нефтегазовой и металлургической отраслях, налаживать двустороннее сотрудничество в сфере энергетики, ирригации и мелиорации, а также в области новейших технологий для создания на их основе высокоэффективных наукоемких производств. Обращала внимание на возможность оказания помощи Пакистану в подготовке высококвалифицированных специалистов широкого профиля, в том числе инженерных и научных кадров в области новейших технологий на базе отдельных технических вузов России, которые ранее были закрыты для иностранных студентов. Рекомендовалось также развивать двустороннее сотрудничество в области востоковедных исследований[12].

Высокая оценка усилиям российских пакистановедов и востоковедов, направленным на развитие многогранных двусторонних отношений, неоднократно давалась Чрезвычайным и Полномочным послом Исламской Республики Пакистан в РФ Танвиром Ахмад-ханом (1994–1997) в его многочисленных выступлениях как на представительных международных научных форумах, так и на страницах пакистанской прессы, а также в личных беседах с автором этой статьи. Он постоянно призывал

пакистанскую сторону использовать российские востоковедные научные изыскания, представляющие собой, по его оценке, «поистине золотой кладезь знаний», при разработке стратегии двустороннего сотрудничества, указывая одновременно на необходимость осуществления совместных российско-пакистанских научных исследований в этом направлении[13].

Подписание в 1997 г. соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве между Россией и Пакистаном (хотя его проект был согласован обеими сторонами еще задолго до этого события – в июле 1994 г. во время визита министра иностранных дел Пакистана в РФ) в определенной степени способствовало решению этой задачи. Оно заметно оживило двусторонние научные контакты. Получило развитие научно-техническое сотрудничество двух стран в области космической связи и технологий. Российские и пакистанские ученые приступили к выполнению ряда совместных проектов по исследованию космического пространства и использованию спутниковых телекоммуникаций[14].

Вместе с тем следует с сожалением констатировать, что двустороннее соглашение о научно-культурном сотрудничестве (1997) не было реализовано в полной мере. Это, по мнению пакистанской стороны, тормозило процесс «наведения прочных мостов дружбы и сближения с Россией», которая по-прежнему оставалась для большинства пакистанцев «загадочным евроазиатским "тяжеловесом"», играющим важную роль не только в регионе Южной и Центральной Азии, но и на макромировом уровне[15]. Свертывание внешнеполитических контактов двух государств в 90-е годы XX в. способствовало неуклонному снижению уровня сотрудничества по всем направлениям.

Нависшая над миром в начале XXI в. всеобщая угроза международного терроризма внесла значительные коррективы во внешнеполитические ориентиры большинства стран, объединив их в совместной борьбе с этим главным злом современности. Россия и Пакистан также присоединились к международной антитеррористической коалиции, что открыло возможности для налаживания ими двустороннего взаимодействия и по другим направлениям политического, экономического и социально-культурного сотрудничества.

Официальный визит в Российскую Федерацию президента Пакистана Первеза Мушаррафа в феврале 2003 г. вывел отношения двух стран из состояния застоя, подняв их на новый

уровень «реалистических взаимоотношений». Выступая на итоговой пресс-конференции по результатам своего визита в РФ, президент Пакистана, в частности, заявил, что между двумя странами начинается «новая эра дружбы» и для ее развития оба государства «должны взять из прошлого все полезное и похоронить все плохое»[16].

В ходе состоявшегося саммита обозначилось сближение России и Пакистана по отдельным региональным и глобальным проблемам, включая недопущение гонки вооружений в космосе, борьбу с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, незаконным оборотом ядерных материалов и наркотиков, транснациональной организованной преступностью. Кроме того, были намечены главные направления перспективного взаимовыгодного сотрудничества: энергетика, металлургия, нефтегазодобыча, телекоммуникации и использование космических технологий[17].

Активизация внешнеполитических контактов двух государств, в том числе их поддержка друг друга в таких организациях, как Организация Исламская конференция и Шанхайская организация сотрудничества, куда при взаимном содействии Россия (2003) и Пакистан (2005) были соответственно приняты в качестве наблюдателей, позитивно сказались на всем спектре двустороннего российско-пакистанского сотрудничества. Так, наметилась тенденция роста товарооборота между двумя странами: в 2003 г. его общий объем составлял всего 100 млн. долл., в 2005 г. – 278 млн. долл., а к 2007 г. он уже превысил 400 млн. долл.[18] Но несмотря на это, показатели двусторонней торговли остаются все же довольно скромными.

Важным шагом в достижении широкого взаимопонимания и взаимодействия между двумя странами стало принятие Программы сотрудничества в области науки, культуры и образования на 2003–2006 годы. Практическая реализация конкретных положений этой программы способствовала развитию в последние годы сотрудничества между академиями наук двух стран, министерствами культуры и образования РФ и Пакистана[19]. Обмен научными и культурными делегациями, совместные научные, образовательные и культурные проекты постепенно становятся реалиями российско-пакистанских отношений, что, несомненно, позволяет народам двух стран преодолеть негативные стереотипы и предубеждения, существовавшие у них по отношению друг к другу в прошлом.

Приверженность Москвы и Исламабада курсу дальнейшего развития двустороннего взаимовыгодного сотрудничества была подтверждена и в ходе официального визита в Пакистан российского премьер-министра Михаила Фрадкова (апрель 2007 г.), который, в частности подчеркнул, что «Пакистан занимает важное место среди внешнеполитических партнеров России. Конструктивное взаимодействие с этим государством в региональных и общемировых делах имеет для Российской Федерации большое значение»[20]. И здесь просматриваются усилия отечественной дипломатии по «выравниванию» и «диверсификации» внешнеполитической стратегии России в Южной и Центральной Азии с учетом традиционных связей и реального соотношения сил в данном регионе, приданию ей «более сбалансированного и адекватного характера»[21].

Несмотря на отдельные проблемы двусторонних отношений, связанных в основном с текущими событиями (будь то пересмотр пакистанской стороной результатов аукциона по приватизации Карачинского металлургического комбината с участием российской стороны в июне 2006 г. или последняя российская инициатива на саммите НАТО в Бухаресте по предоставлению наземных транзитных путей для поставки невоенных грузов в Афганистан в качестве альтернативы действующему пакистанскому транспортному коридору – апрель 2008 г. и т.д.), между Российской Федерацией и Исламской Республикой Пакистан в настоящее время все же существуют благоприятные возможности для развития всестороннего взаимовыгодного сотрудничества. И хотя, как показал предпринятый в данной статье анализ эволюции российско-пакистанского межгосударственного взаимодействия, пока рано говорить о существенном прорыве в двусторонних отношениях, основа для их продвижения вперед благодаря усилиям официальной и «народной» дипломатии уже заложена, а взаимная заинтересованность России и Пакистана в достижении региональной и глобальной стабильности, по всей видимости, будет способствовать интенсификации межгосударственного взаимодействия по всем направлениям.

[1] Среди многочисленных трудов, посвященных проблемам советско-пакистанского, а затем и российско-пакистанского сотрудничества, можно выделить, например, работы следующих авторов: Компанцев И.М. Пакистан и Советский Союз. М., 1970; Жмуйда И.В. Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981, с. 143–148; Белокреницкий В.Я. Российско-пакистанские отношения в свете новой ситуации в регионе //Ближний Восток и современность. Вып. 19. М., 2003, с.189–199; Шах Наваз. Пакистано-российские отношения: общие тенденции, главные препятствия и перспективы развития. – Там же, с. 108–117; Рудницкий А.Ю. О российских подходах к развитию отношений с Индией и Пакистаном. – Там же, с. 118–130; Ramzan Ali. Pakistan-Russia Relations: Economic Dimensions. – Там же, с. 131–161 и др.

[2] Об этом см., например: СССР и Пакистан. М., 1984, с. 15–18, 27–31; Каменев С.Н. Российско-пакистанские экономические отношения // Пакистан в современном мире. М., 2006, с. 74–75.

[3] Подробный анализ эволюции российско-пакистанских отношений см.: Икбал В. Пакистано-российские отношения //Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю.В.Ганковского. М., 2004, с. 87–97.

[4] Hafeez Malik. Pakistan`s Troubled Relations with the Soviet Union // Domestic Determinants of Soviet Foreign Policy towards South Asia and the Middle East. London, 1990, с. 170.

[5] Об опыте профессионального обучения в учебном центре Карачинского металлургического комбината см.: Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006, с. 109–111.

[6] Более подробно см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Взгляд на развитие отечественного пакистановедения // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 11. М., 2002, с. 89–97; Серенко И.Н. Проблемы социально-культурного сотрудничества России и Пакистана // Ближний Восток и современность. Вып. 31. М., 2007, с. 117–118.

[7] Каменев С.Н. Указ. соч., с. 78.

[8] О научном и военно-техническом сотрудничестве двух стран в данный период см. подробнее: СССР и Пакистан. М., 1984, с. 100, 203–209; Икбал В. Указ. соч., с. 94–95; Халиуллин Ю.Н. Лауреат Нобелевской премии Абдус Салам. М., 2006, с. 66–76.

[9] Hafeez Malik. Op. cit., с. 173.

[10] Якунин В. Понять партнера //Азия и Африка сегодня. М., 1997, № 8, с. 48.

[11] Каменев С.Н. Указ. соч., с. 87.

[12] Об этом см., например: Ганковский Ю.В. Международная конференция, посвященная проблемам российско-пакистанских отношений // Восток. М., 1992, № 6, с. 146–147; Ганковский Ю.В., Веселов В.Т. Международная конференция «Российско-пакистанские отношения» // Восток. М., 1996, № 1, с. 152–153; Серенко И.Н. Междуна-

родный семинар «Пакистан и Южная Азия на пороге XXI века» // Восток. М., 1998, № 4, с. 176.

[13] Tanvir Ahmad Khan. Russian Orientalism // The News. Islamabad, 27.08.1997, с. 7.

[14] О российско-пакистанском сотрудничестве в области исследования космического пространства см. подробнее: Каменев С.Н. Указ. соч., с. 90–92; Шах Наваз. Указ. соч., с. 113–114.

[15] Walid Iqbal. The Road Ahead // The Nation. Islamabad, 02.02.2003, с. 1, 10.

[16] Итоговая пресс-конференция президента Пакистана Мушаррафа состоялась в Москве 6 февраля 2003 года. На ней среди многочисленных приглашенных присутствовали также и сотрудники Института востоковедения РАН, включая и автора данной статьи, цитирующей отдельные высказывания пакистанского президента. Об итоговой пресс-конференции см. также: The Moscow Times. М., 07.02.2003.

[17] См также: Каменев С.Н. Указ. соч., с. 100–102; Шах Наваз. Указ. соч., с. 115–116.

[18] Каменев С.Н. Перспективы российско-пакистанских отношений. // www.iimes.ru/rus/stat/2007/18-04-07 a.htm.

[19] См также: Каменев С.Н. Указ. соч., с. 100–102; Шах Наваз. Указ. соч., с. 115–116.

[20] www.strana-ru/stories/06/11/15/3720/310659.html

[21] Цит. по: Якунин В. Указ. соч., с. 50; Рудницкий А.Ю. Указ. соч., с. 128.

С.Ю.Серёгичев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СУДАНЕ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Так уж повелось, что весна в политическом календаре Судана имеет репутацию сезона потрясений, мятежей и переворотов. Так, в ночь с 5 на 6 апреля 1985 г. был свергнут режим Нимейри, в апреле 1996 г. крупнейшей и влиятельной суданской партией «Аль-Умма» была совершена неудавшаяся попытка государственного переворота, в конце марта – начале апреля 2004 г. также безрезультатно прошла попытка государственного переворота, устроенная Национальным народным конгрессом. Не стала исключением и весна 2008 года.

Утром 10 мая колонна из джипов с боевиками ДСР (Движение за справедливость и равноправие), которое поддерживает связи с лидером суданских исламистов Хасаном ат-Тураби[1], попыталась прорваться в Омдурман, бывшую столицу махдистского государства, ныне часть Хартума, но была остановлена суданскими силами безопасности в 50 километрах западнее Омдурмана.

В ходе ожесточенного трехчасового боя боевики ДСР, понеся большие потери (по некоторой информации, среди 60 убитых есть и командир отряда, некий Мохаммед Салих Джарбо), были рассеяны[2].

Впервые за всю историю независимого Судана столица страны подверглась столь дерзкому и демонстративному нападению со стороны одного из повстанческих движений. Как нам представляется сейчас, целью этой беспрецедентной боевой операции был не захват Омдурмана, не говоря уже о целом Хартуме, а именно запугивание населения столичного региона, распространение неконтролируемых панических настроений.

О том, что это прекрасно понимают суданские власти, говорит и заявление, сделанное Махдуром аль-Махди, политическим секретарем правящего НКС (Национальный конгресс Судана): «Главной целью провалившейся террористической

атаки было создание у людей с помощью СМИ представления о том, что они [*боевики ДСР – автор*] могут легко войти в Хартум»[3].

Именно поэтому основные бои между суданским правительством и ДСР развернулись на национальном и международном медиа-полях. Первыми нанесли свой удар пропагандисты ДСР, заявившие на странице своего сайта, что это именно их боевики контролируют сейчас Омдурман, а официальные радио и телевидение просто вводят людей в заблуждение относительно реальной обстановки в городе[4].

В ответ на это государственные электронные СМИ стали активно и в деталях показывать картины с десятками сожженных машин боевиков, чуть позже к ним добавились кадры с задержанными и кающимися боевиками ДСР.

Кульминацией государственного медиа-наступления стало объявление вознаграждения размером в 250 млн. суданских фунтов (приблизительно 125 млн. долларов) за любую информацию, которая поможет арестовать лидера суданского освободительного движения (СОД) Халиля Ибрагима. Последний, как считается, был ранен и скрывался некоторое время в Хартуме[5], пока не перебрался в безопасное место на территории Дарфура.

Ответственность за помощь боевикам ДСР в подготовке этого нападения суданские власти возложили на Чад. Так, по словам Камаля Обейда, госминистра министерства информации и коммуникации, «террористическая операция с целью саботажа была спланирована Чадом и осуществлялась под руководством лидера ДСР Халиля Ибрагима»[6].

Но самое громкое заявление на следующий день после атаки ДСР сделал главный ньюсмейкер суданской политики президент страны Омар аль-Башир: «Эти силы [*боевики ДСР – автор*] пришли из Чада, где они тренировались. …Мы знаем, что чадский режим несет полную ответственность за произошедшее… У нас не остается иного выбора, как разорвать отношения с ним»[7].

Через день, 13 мая, Судан потребовал, чтобы поверенный в делах Чада в Судане покинул страну. Однако за перипетиями всех этих событий остался без ответа главный вопрос: «Что же дальше?».

Вместо этого самой популярной темой стало обсуждение мотивов «политически самоубийственной атаки» (по словам

Садыка аль-Мади аль-Махди, президентского помощника[8]) ДСР на Хартум, а также сил, стоящих за ним. Кроме уже упомянутого «чадского» следа в событиях 10 мая египетские журналисты из газеты «Аль-Джумхурия» обнаружили и «иранский»: «Иран играл важную роль в попытке переворота, совершенной ДСР … суданская армия, задержав боевиков ДСР, обнаружила при них современное иранское оружие»[9].

Итак, возвращаясь к главному вопросу суданской политики: «Чего ожидать в будущем и как к этому готовиться?», – необходимо отметить, что Судан как никогда близок к состоянию широкомасштабной гражданской войны. В последнее время помимо дарфурской проблемы резко накалилась проблема провинции Абъей. Суть проблемы состоит в вопросе демаркации границы между Югом и Севером Судана, так как именно от этого зависит, на чьей в итоге территории после 2011 года окажутся нефтяные месторождения Абъей.

Главная опасность, таящаяся в возможном начале общесуданской гражданской войны, состоит в том, что боевые действия могут развернуться на всей территории страны, в них примет участие огромное количество повстанческих группировок, каждая из которых, будучи не в силах завоевать большую часть Судана, станет намертво удерживать свой район.

Иными словами, мы не можем исключать вариант «сомализации» гражданской войны в Судане с самыми худшими для страны последствиями. Безусловно, это прекрасно понимают как руководители СНОД (Суданское народно-освободительное движение, правящая партия Юга Судана), так и Национального конгресса Судана, которым подобный сценарий развития суданской внутриполитической ситуации крайне не желателен.

Если рассматривать самые реалистичные способы, с помощью которых можно, если и не избежать, то хотя бы минимизировать последствия развития негативного сценария, то стоит подробнее остановиться на двух наиболее возможных вариантах.

Первый вариант мы условно назовем «исламистским». Суть его в следующем: Омар аль-Башир, как и в начале 90-х годов, мобилизует миллионы суданцев под лозунгом защиты «дар уль-ислам» («земли ислама») от происков неверных, стремящихся руками южносуданских и/или дарфурских повстанцев отобрать у них «дары Аллаха», главным из которых является нефть.

К несомненным «плюсам» данного варианта стоит отнести следующие:

1. В случае гражданской войны Хартуму, пусть и ценой жесточайших репрессий, скорее всего, удастся удержать Центральный и Северный Судан от развала на автономные квазигосударственные образования.

2. Гарантированная моральная (не исключено, что и материальная) поддержка арабо-мусульманского мира. Возможно, что помощь правительственным силам Судана в осуществлении малого джихада (войны с неверными) будут оказывать арабские наемники исламистской направленности.

3. Этот вариант уже имеет опыт практического применения в первой половине 90-х годов, когда, несмотря на немалые сложности (не было нефтедолларовой подпитки), режим аль-Башира и ат-Тураби выстоял.

Как известно, недостатки – это продолжение достоинств, поэтому все «минусы» варианта «реисламизации Судана» проистекают из его «плюсов»:

1. Жесточайшие репрессии как следствие политики защиты «дар уль-ислам» приведут к серьезному кризису в отношениях с международным сообществом, в частности, ужесточению режима санкций со стороны США.

2. Возможный приток большего числа воинствующих исламистов из всего арабо-мусульманского мира в Судан резко дестабилизирует обстановку в Северо-Восточной Африке. Первой «жертвой» этой дестабилизации может стать Египет, чьи исламисты получат в таком случае бесценный опыт ведения современной войны, а вместе с ним огромное количество оружия и военного снаряжения.

3. Придание гражданской войне в Судане характера этноконфессионального конфликта лишь усилит взаимную ненависть участников войны, что приведет к увеличению жертв вооруженного противостояния.

4. Колоссальный масштаб жертв гражданской войны побудит мировое сообщество объявить весь Судан зоной миротворческой операции ООН и начать отправку туда новых отрядов «голубых касок» (стоит ожидать активной помощи людьми и материальными средствами со стороны АРЕ, для руководства которой смертельно опасно неконтролируемое развитие суданской гражданской войны).

Другой вариант можно назвать «компромиссным». В его основе лежит поиск и решение проблемы Абъейя путем взаим-

ных уступок со стороны Хартума и Джубы, которые могут привести к заключению компромиссного соглашения.

Плюсы компромисса по Абъейю выглядят следующим образом:

1. Будет устранена самая «горячая» причина возможного конфликта между Югом и Севером.

2. Не исключено, что за уступки, сделанные Хартумом по Абъейю, Джуба займет нейтральную позицию по отношению к дарфурскому конфликту, воздерживаясь, по крайней мере, от открытой поддержки дарфурских повстанцев.

3. Мировое сообщество убедится в благоразумии и договороспособности хартумского режима, что позитивно отразится на международном имидже Судана.

4. Этот вариант крайне выгоден важнейшему стратегическому партнеру Судана в регионе – Египту, чей режим оказывает активную поддержку всем сторонам суданского конфликта в поиске его компромиссного решения.

Однако этот вариант имеет и очень значительные «минусы»:

1. Он не только не решит дарфурскую проблему, но и обострит ее (Хартум, убедившись, что войны с Югом не будет, активизирует свои усилия по вооруженной борьбе с дарфурскими повстанцами в надежде уничтожить самые сильные и опасные их группировки, что приведет к еще большей эскалации конфликта).

2. Нет надежной гарантии, что аль-Башир и его команда полностью и в срок выполнят все взятые на себя в рамках абъейского компромисса обязательства.

3. Пойдя на уступки по Абъейю, Хартум не сможет не пойти на послабления и по Дарфуру, так как именно этого от него и будет ждать мировое сообщество.

4. Уступки по Дарфуру укрепят другие региональные элиты во мнении, что только вооруженной силой можно получить желаемое от центральной власти, и, как следствие, не исключено образование в недалеком будущем новых «дарфуров».

Анализ последних внутрисуданских событий показывает, что аль-Башир и его единомышленники склоняются к «компромиссному» варианту или делают такой вид: администрация суданского президента объявила 7 июня о намерении НКС подписать со СНОД соглашение по Абъею[10].

Спустя два дня это намерение стало реальностью: Омар аль-Башир, Сальва Киир Майардит и Али Осман Таха подписали «Дорожную карту возвращения беженцев и выполнения протокола по Абъейю»[11].

Однако за исключением передачи спора по Абъейю на рассмотрение в международный арбитраж, выбранный обеими сторонами конфликта по взаимному согласию, ничего революционного данный документ не содержит. Его задача – сохранить статус-кво в этом проблемном регионе до тех пор, пока в третейском суде не будет по существу разрешен спор Джубы и Хартума по Абъейю. Арбитражу на это отводится 6 месяцев с момента подачи туда заявлений сторон[12].

На это время в регионе устанавливается режим совместного (НКС/СНОД) управления, предусмотрено создание Фонда по развитию приграничных территорий по линии Север-Юг, куда Хартум будет отчислять 50% от своей нефтяной ренты в Абъейе, а Джуба 25%[13].

О стремлении не допустить необратимого ухудшения ситуации в стране говорит и заявление, сделанное лидером Юга и первым вице-президентом Судана Сальвой Кииром на встрече с делегацией египетских журналистов: «Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы люди на себе ощутили плоды мира и единства»[14].

Тем не менее, оглядываясь назад на весь период независимости Судана, мы считаем, что, как бы это ни парадоксально звучало, в интересах ООН и остального мирового сообщества усиление властных позиций команды аль-Башира с целью продления его времени пребывания на верху суданской политической пирамиды.

Иными словами, делая выбор между развитием демократии в Судане ценою его развала из-за возможной смены руководства страны и сохранением относительной административно-политической целостности суданского государства путем неизбежного нарушения общепринятых демократических норм и традиций, следовало бы предпочесть последнее.

Кроме того, конфликт в Судане наглядно показывает потребность выработки мировым сообществом единого подхода к таким острым кризисным ситуациям, базирующегося на своде четких, простых и всем понятных правил, которые можно сформулировать, используя Устав ООН.

Как нам представляется, эти правила должны быть оформлены в виде документа международной конвенции о помощи странам, находящимся в состоянии хронической дестабилизации, этот документ в идеале должны подписать все страны-члены ООН.

Возвращаясь к суданской ситуации, стоит еще раз отметить, что ее исход не предрешен. Делая нелегкий выбор между демократией и заведенным порядком жизни рядовых суданцев, мировое сообщество, скорее всего, будет вынуждено взять под опеку Судан, сделав ООН гарантом мира и стабильности в этой африканской стране.

Но это станет лишь первым шагом на пути построения сильного, стабильного и независимого Судана, где населению будут обеспечены все его права и свободы. Этот этап неизбежно растянется на десятилетия, будет сопровождаться рецидивами старых «болезней» (региональные конфликты, вспышки сепаратизма и т.д.), но при условии приложения всех сил и средств со стороны как самих суданцев, так и помогающего им мирового сообщества он все-таки сможет завершиться построением настоящего нормального цивилизованного государства.

Необходимо, чтобы руководители ООН и ведущих стран мира, заинтересованных в скорейшем урегулировании суданского конфликта, сделали основной упор не на помощи беженцам, содействии в их расселении по другим странам, а на налаживании нормальной жизни у них на родине. И достижение этой цели не находится за гранью политической фантастики.

На наш взгляд, применительно к Дарфуру, а также к иным аналогичным суданскому конфликтам, мировому сообществу и в первую очередь ООН целесообразно было бы предпринять следующие шаги (часть из них уже осуществляется):

1. Как можно быстрее взять под международный контроль внутриполитическую обстановку в Судане через разоружение дарфурских военно-политических группировок и просто банд-формирований. Группировки, отказывающиеся разоружаться, должны быть уничтожены.

2. С этой целью нужно также быстро завершить процесс развертывания в Дарфуре сил Миссии ООН в Дарфуре (ЮНАМИД) и передачи в ее распоряжение большого парка военной авиации с целью обеспечения надежного воздушного контроля над территорией данного конфликтного региона.

3. Взять под строгий контроль и всеми силами и средствами пытаться пресечь нелегальную торговлю оружием и военными материалами в регионе. Если понадобится, то создать для решения этой задачи специальные подразделения, подчиняющиеся ООН, оснастив их всем необходимым.

4. Силой привести стороны дарфурского конфликта к компромиссному мирному соглашению и жестко следить за выполнением всех его пунктов.

5. Создать в стране нормальную социальную инфраструктуру, заставив Хартум и Джубу выделить на это финансовые средства.

6. Всемерно повышать политическую грамотность населения Судана, научив его мирным способам отстаивания своих законных прав в спорах с центральными властями.

7. Оказывать международное давление на Хартум и Джубу с целью недопущения игнорирования прав и свобод граждан своей страны.

8. Формирование хорошо вооруженного корпуса миротворческих сил быстрого реагирования, находящегося в непосредственном подчинении генсека ООН, и предоставления ему права в особо исключительных случаях без одобрения всеми членами Совбеза ООН немедленно направлять подразделения этого корпуса в страны, где в ходе внутренних конфликтов гибнут мирные люди.

9. Предание международному трибуналу лиц, ответственных за массовую гибель жителей Дарфура. В случае признания этих лиц виновными они должны быть приговорены к самым суровым наказаниям.

10. Деятельность трибунала должна получить широкую мировую огласку.

11. Страны, укрывающие подозреваемых, необходимо подвергнуть жестким международным санкциям, снятие которых будет обусловлено выдачей международному трибуналу таких лиц.

Разумеется, это далеко не полный перечень тех мер, которые необходимо предпринять как мировому сообществу, так и Судану для преодоления дарфурского кризиса и недопущения возникновения в будущем ему подобных.

Однако, как нам представляется, успешная реализация этих мер позволит значительно улучшить внутрисуданскую социально-политическую и экономическую обстановку, разрядить ситуацию в регионе и, наконец, что также важно, вернуть доверие к ООН как главному международному арбитру. И в этом случае можно с полным основанием заявить, что ожидаемый апокалипсис в Судане не наступил.

[1] В связи с чем ат-Тураби и был задержан 12 мая суданскими силами безопасности, но по прошествии двадцати часов был отпущен

на свободу без предъявления каких-либо обвинений (Sudan Tribune, 12.05.2008).

[2] Associated Press, 10.05.2008; Xinhua, 11.05.2008; Сурков Н. Повстанцы Дарфура атаковали столицу Судана // НГ, 12.05.2008.

[3] Reuters, 10.05.2008.

[4] http://www.sudanjem.com/en/index.php?page=archiv&id=9605.

[5] Sudan Tribune, 11.05.2008.

[6] Xinhua, 11.05.2008

[7] Associated Press, 11.05.2008.

[8] Xinhua, 11.05.2008.

[9] Agency France Presse, 27.05.2008.

[10] KUNA, 07.06.2008.

[11] Sudan Tribune, 09.07.2008.

[12] The Road Map for Return of IDPs and Implementation of Abyei Protocol.

[13] Там же.

[14] Sudan Tribune, 10.06.2008.

И.И.Стародубцев

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТОРГИ ПО СООРУЖЕНИЮ АЭС В ТУРЦИИ

Турецкая энергетика переживает период коренных преобразований, начатых в 2001 г. с принятием Закона № 4628 «О рынке электроэнергетики». Ключевые направления развития отражены в Стратегии реформы электроэнергетики и приватизации от 2004 г. Вкратце промежуточные результаты реформы можно сформулировать следующим образом: в результате либерализации происходит постепенный уход государства из отрасли и передача доминирующей роли частным компаниям, которые начинают играть все более заметную роль в удовлетворении быстро растущих потребностей страны в электроэнергии (за последние 10 лет в среднем на уровне 6–7% в год).

Энергетическая политика Турции, определяемая Министерством энергетики и природных ресурсов Турции, наряду с прочим с целью диверсификации источников электроэнергии и повышения энергетической независимости (от поставок сырья из-за рубежа) и безопасности предусматривает ввод в эксплуатацию АЭС установленной мощностью 4,5 ГВт до 2020 г. Принятие Турцией в конце 2007 – начале 2008 г. пакета документов, связанных с развитием атомной энергетики, позволило 24 марта 2008 г. объявить международные торги. Ожидаемое участие в конкурсе российского Атомстройэкспорта предопределяет актуальность настоящей статьи.

Проблема сооружения атомных электростанций в Турции не нова. Первые проработки были начаты еще в начале 60-х годов прошлого века. В рамках технико-экономического обоснования, подготовленного в период с 1967 по 1970 г., к 1977 г. предполагалось пустить в эксплуатацию АЭС мощностью

300–400 МВт. Из-за целого ряда проблем проект реализован не был. В 1973 г. турецкой Государственной энергетической корпорацией (ТЕК*) было принято решение о сооружении блока-прототипа АЭС мощностью 80 МВт. Программа была свернута для объявления полноценных торгов на сооружение АЭС мощностью 600 МВт в южной Турции. В 1975 г. выбор площадки был сделан в пользу Аккую (в районе г.Мерсин), а в 1977 г. был открыт международный тендер. Контрактные переговоры продолжались до 1980 г. и были прекращены после возникших проблем с финансированием (1). В дальнейшем торги безуспешно проводились в 1983 и 1996 гг. Результаты последнего конкурса приведены в Приложении 1 (2).

В целом можно констатировать, что по ряду причин, в большей степени финансово-экономических, технических и организационных, а также под мощным нажимом противников использования атомной энергии попытки сооружения атомных электростанций, предпринятые в Турции, до настоящего времени не увенчались успехом.

Экономические успехи страны, достигнутые в период правления Партии справедливости и развития, позволили вновь вернуться к этой теме. Так, 8 мая 2007 г. Великим национальным собранием (Меджлисом) Турции был принят Закон № 5654 «О сооружении и эксплуатации АЭС и о продаже электроэнергии». Однако Закон, направленный на утверждение президенту Турции А.Н.Сезеру, подписан не был, со ссылкой на выявленные противоречия Конституции страны (3).

Переработанный Закон (получил номер 5710) был принят Меджлисом 9 ноября 2007 г., утвержден вновь избранным президентом А.Гюлем и вступил в силу 21 ноября 2007 г. после публикации в Официальной газете.

Уместно вкратце остановиться на содержании документа.

Цель Закона (Статья 1) формулируется следующим образом: «...Установить порядок и принципы сооружения и эксплуа-

* ТЕК – Турецкая энергетическая корпорация, вертикально интегрированная государственная корпорация, ответственная за производство, передачу и распределение электроэнергии. Существовала до реструктуризации в 1993 г., когда она была разделена на две компании – TEAŞ (генерация и передача) и TEDAŞ(распределение). В 2001 г. произошло дальнейшее разделение TEAŞ на EÜAŞ (генерация), TE1AŞ(передача) и TETAŞ (оптовая покупка-продажа э/э).

тации атомных станций для производства электрической энергии, а также продажи электроэнергии в соответствии с энергетическим планом и политикой...» (4).

Закон, по сути, призван дать «зеленый свет» проведению торгов на сооружение АЭС, определяя ответственные стороны и сроки для подготовки технических условий проекта (ТАЕК, Агентство по атомной энергетике), подзаконных актов (ETKB, Министерство энергетики и природных ресурсов), проведения торгов (TETAŞ, госкомпания, ответственная за оптовую покупку-продажу электроэнергии), выдачи лицензий (ЕРБК, Совет по регулированию энергорынка) и подписания с подрядчиком соглашения о продаже вырабатываемой электроэнергии (TETAŞ). Общие координирующие функции передаются Министерству энергетики, при этом контроль за деятельностью, связанной с развитием атомной энергетики, до образования специальной структуры остается за ТАЕК.

Закон, широко очерчивая рамки ответственности будущего подрядчика, который должен не только обеспечить сооружение объекта с привлечением необходимых инвестиций, но и его эксплуатацию с последующим демонтажем по истечении срока «жизни»*, не дает однозначного ответа на вопрос, будет ли проект реализован частным или государственным сектором, оставляя возможными оба варианта плюс опцию создания совместного предприятия государственными и частными компаниями (4).

К настоящему времени подготовительные мероприятия, упомянутые выше, завершены, и 24 марта 2008 г. объявлены международные торги с крайним сроком подачи предложений – 24 сентября 2008 г.

Не вдаваясь в детали технических и организационных аспектов проекта, стоит выделить несколько принципиальных моментов.

Строго говоря, объявленный конкурс сложно назвать торгами, где участники должны следовать детально проработанным и посему, в основе своей, одинаковым для всех условиям. Разработанная конкурсная документация оставляет широкое

* Обязанности подрядчика будут включать проектирование и сооружение АЭС, эксплуатацию станции, производство и продажу электроэнергии, поставку топлива, вывод объекта из эксплуатации по истечении срока «жизни», складирование радиоактивных отходов и т.д.

поле для «маневра», к примеру, перекладывая нагрузку по концептуальному проектированию станции уже на этапе конкурса на подрядчика. Технические требования ТАЕК носят рамочный характер, обозначая лишь требования по единичной блочной мощности (не менее 600 МВт), по гарантиям безопасности используемых технологий и решений и т.д. (5)

Место сооружения первой турецкой АЭС сохранено за Аккую. Установленная мощность станции, ввод в эксплуатацию которой должен состояться не позднее 2020 г., должна составить (4000-+25%) МВт (6).

Важным вопросом, получившим разъяснение в подзаконных актах, явилась схема реализации проекта. Если до сих пор рассматривалось несколько вариантов, в т.ч. партнерского участия госсектора и частных фирм, то из конкурсной документации и заявлений официальных лиц стало ясно, что проект по замыслу турецкого руководства должен быть в полном объеме реализован частным сектором (7).

Бюджет проекта оценивается государством в размере 8 млрд. долл. США плюс-минус 25% в зависимости от установленной мощности в очерченных выше пределах (8). При этом, как указано выше, подрядчику придется выступить в роли инвестора, изыскивая финансирование под гарантию покупки электроэнергии со стороны TETAŞ. Контракт между подрядчиком и TETAŞ будет заключен на 15-летний срок с момента пуска в коммерческую эксплуатацию соответствующего блока или же до 2030 г., в зависимости от того, что наступит раньше. Кроме того, на подрядчика ляжет значительное бремя выдачи гарантии предложения (бид-бонда) и должного исполнения*, а также полного страхования рисков в период строительства.

Предложение подрядчика должно включать (не ограничиваясь) следующие компоненты (6, 9):

1-й конверт: письмо-обращение, регистрационные документы компании, гарантия предложения и прочие документы, перечисленные в конкурсной документации;

2-й конверт: документы, подтверждающие соответствие техническим требованиям ТАЕК;

* Сумма гарантии предложения составляет 35 млн. тур. лир, срок действия – не менее 400 дней. Технико-коммерческое предложение должно оставаться действительным в течение срока не менее 360 дней. Сумма гарантии должного исполнения составит 200 млн. тур. лир (6).

3-й конверт: прогноз по ежегодной выработке электроэнергии и стоимость кВтч вырабатываемой активной электрической мощности с ценовой разбивкой на компоненты (стоимость инвестиций, постоянные расходы на эксплуатацию, переменные расходы на эксплуатацию, стоимость топлива и т.д.)*.

Как указано в тендерной документации, победитель торгов будет определен на основании лучшей предложенной цены за кВтч э/э. В том случае, если у нескольких компаний цена окажется на одном уровне, предпочтение будет отдано компании, предложившей больший ежегодный объем генерации.

По состоянию на 31 марта 2008 г. три компании приобрели тендерные спецификации: Ciner Group (Park Enerji, Турция), ERG Insaat (Турция) и AECL (Канада) (10). Вслед за ними для участия в конкурсе зарегистрировались французско-бельгийская группа Suez-Tractebel, японский холдинг Itochu и французская Vinci Group (11). Помимо перечисленных фирм известно об интересе к проекту, проявляемом со стороны Unit group (Бельгия) и Mistui (Япония), а также крупных турецких холдингов: EnerjiSA (Sabanci group), Entek Elektrik (Koç Group), Çalik group, Doğuş group, Alarko holding, Akenerji group, Enka Holding, Gama Holding и Karadeniz Holding (12).

Несмотря на многочисленность участников, как зарубежных, так и турецких, стоит отметить некоторых из них.

Канадская фирма AECL борется за присуждение проекта уже более 30 лет, приняв участие во всех ранее объявленных в Турции конкурсах. Так, компания участвовала в торгах в 1977 г. В 1985 г. AECL и Турецкая энергетическая корпорация подписали протокол о намерениях заключить контракт. Фирма также участвовала и в позже отмененных торгах в 1996 г. (результаты см. в Приложении 1). Вкупе с готовностью активно привлекать к сооружению объекта местные фирмы, остается открытым вопрос о готовности AECL быть оператором станции.

Французско-бельгийская группа (Suez-Tractebel), напротив, заявляет о готовности выступать в качестве инвестора с учетом имеющегося у нее опыта как по эксплуатации АЭС в Бельгии (суммарная установленная мощность составляет 5800 МВт) и Франции (1200 МВт), так и по инвестициям в турецкий энергетический сектор. Возможно, к указанной группе также присоединится бельгийская компания Unit Corp. (11)

* Важно отметить, что цена за кВтч вырабатываемой э/э должна быть твердой, т.е. эскалация не предусмотрена, и определяется в долл. США (6).

Говоря о европейских компаниях, также нельзя не отметить французскую Vinci Group, вовлеченную как в эксплуатацию французских АЭС, так и передающую энергию в распределительные сети Франции.

Активный интерес к проекту проявляют и азиатские корпорации.

Так, в начале 2008 г. турецкий холдинг ENKA и корейская компания KEPCO подписали соглашение о совместной работе в области использования атомной энергии в Турции.

В то же самое время, по имеющимся сведениям, японская экспортная корпорация ITOCHU ведет переговоры с такими японскими производителями, как Hitachi, Toshiba и Mitsubishi, а также с потенциальными партнерами в Турции (11).

Несмотря на то, что неизвестно о приобретении американскими компаниями (Westinghouse, GE) тендерных документов, не стоит их сбрасывать со счетов. Вероятнее всего, они будут участвовать в качестве партнера или субподрядчика одной из перечисленных выше турецких корпораций (или групп компаний).

В числе первых, приобретших конкурсную документацию и заявивших о намерении участвовать в тендере – турецкая компания ERG insaat, подписавшая в мае 2007 г. соглашение о партнерстве с российским Атомстройэкспортом[5] ERG уже имеет опыт работы с российскими фирмами. В настоящее время компания во главе международного консорциума с участием российского ОАО «ВО Техностройэкспорт» сооружает плотину и ГЭС «Деринер» мощностью 670 МВт в провинции Артвин на реке Чорух вблизи границы с Грузией. Фирма не только заинтересована в строительстве энергетических объектов, но и в их эксплуатации. Так, завершается процесс передачи компании прав на эксплуатацию ТЭС Афшин Эльбистан, серия А, мощностью 1440 МВт (10).

Разумеется, приведенный выше список компаний нельзя считать окончательным, поскольку проект привлек внимание в мире, как кредитных организаций и инвесторов, так и производителей энергетического оборудования. Также вряд ли стоит считать установившейся конфигурацию участия компаний. Стоимость, масштаб и сложность проекта диктуют необходимость консолидации (под патронажем правительств стран-участников) финансово-инвестиционных групп, производителей оборудования, строительно-подрядных организаций и операторов АЭС.

В целом вряд ли кто возьмется на этом этапе предсказать исход конкурса. Поддержка правительствами разных стран

своих производителей (при традиционно сильном влиянии США в стране, развивающихся, хотя и несколько потерявших динамику российско-турецких отношениях, неоднозначном отношении к Франции и т.д.), с одной стороны, и конкурентные преимущества каждого из участников, как технического (в т.ч. опыт участия в ранее проведенных в Турции торгах), так и финансового свойства, с другой стороны, образуют сложный и, в известной степени, противоречивый комплекс факторов. Кроме того, как во многих проектах подобного масштаба, существует риск того, что принятие решения может затянуться или конкурс вовсе будет отменен (как это уже было не раз с турецкими торгами по АЭС). Последний вариант возможен под влиянием дела, открытого в марте 2008 г. в Конституционном суде страны, о прекращении деятельности правящей Партии справедливости и развития, следствием чего станет растущая обеспокоенность потенциальных инвесторов.

Относительно перспектив российского Атомстройэкспорта стать победителем торгов можно отметить, что, кроме принципиальной констатации наличия шансов, их оценить достаточно сложно, и здесь помимо лучшей цены за кВтч вырабатываемой электроэнергии и полных гарантий безопасности предлагаемых технических решений, Россией на уровне высшего руководства страны должна быть продемонстрирована последовательная заинтересованность в получении заказа и широкий взгляд на расширение российско-турецкого сотрудничества по направлениям, представляющим для Турции серьезный интерес. Не говоря уже о том, что между Россией и Турцией должно быть подписано рамочное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Стоит напомнить, что Россия – единственная страна-участница торгов, не имеющая с турецкой стороны такого нормативного акта*.

Очевидно, что страна-победитель получит не только выгоды финансово-экономического свойства. Проект способен явиться осью, на которой будут строиться отношения с Турцией на десятилетия вперед. И в подобном проекте после завершения строительства газопровода «Голубой поток» остро нуждаются российско-турецкие отношения.

* Турцией подписаны двухсторонние соглашения с Канадой, Францией, Германией, Кореей, Аргентиной и США (23.01.08 передано президентом Дж.Бушем для ратификации в Конгресс).

Предложения на сооружение АЭС в Турции, поданные в ходе торгов в 1996 г.

I. Консорциум AECL

Участники: AECL (Канада) – Kuarner John Brown (Великобритания) Hitachi (Япония) – Güriş, Gama, Bayindir (Турция)

Первый опцион:

Цена предложения:	2.571.637.552 долл. США
Мощность:	1.339 МВт (два агрегата)
Цена инвестиции:	1.920 долл./кВт
Себестоимость производства:	3.3 цента/кВтч

Второй опцион:

Цена предложения:	4.819.911.000 долл. США
Мощность:	2.678 МВт (четыре агрегата)
Цена инвестиции:	1.800 долл./кВт
Себестоимость производства:	3.1 цента/кВтч

II. Консорциум NPI

Участники: NPI (Франция) – Siemens (Германия) Framatome (Франция) GEC Alstom (Франция) ampenon Bernard (Франция) – Hochtief (Германия) Garanti Koza, Simko, STFA, Tekfen (Турция)

Первый опцион:

Цена предложения:	2.393.000.000 долл. США
Мощность:	1.482 МВт (два агрегата)
Цена инвестиции:	1.615 долл./кВт
Себестоимость производства:	2.56 цента/кВтч

Второй опцион:

Цена предложения:	4.480.000.000 долл. США
Мощность:	2.964 МВт (четыре агрегата)
Цена инвестиции:	1.511 долл./кВт
Себестоимость производства:	2.28 цента/кВтч

III. Консорциум Westinghouse

Участники: Westinghouse (США) – Mitsubishi (Япония) – Raytheon (США) – Duke E&S (США) – Initec (Испания) – Enka, MNG (Турция)

Первый опцион:

Цена предложения:	3.278.658.000 долл. США
Мощность:	1.218 МВт (два агрегата)
Цена инвестиции:	2.692 долл./кВт
Себестоимость производства:	3.35 цента/кВтч
Второй опцион:	предложение подано не было

Список литературы

1. Nuclear power in open energy markets: A case study of Turkey. Erkan Erdogdu. Energy Policy 35 (2007) 3061–3073.

2. Dünya Gazetesi. 29.03.2007. Sonuçlandinlamayan nükleer santral ihaleleri.

3. T.C. Cumhurbaşkanhği. 24.05.2007 Sayi: B.01.1.KKB.01-18/A-6-2007-385.

4. Kanun No.5710. Kabul tarihi: 09.11.2007. Nükleer güç santralanmn kurulmasi ve işletilmesi ile enerji satişina ilişkin kanun.

5. Nükleer Santral Kurup Işletecek Şirketlerin Karşilamasi Gereken Türkiye Atom Enerjisi Kurumu Ölctütleri. http://www.taek.gov.tr/

6. Türkiye Elektrik Ticaret Ve Taahhüt Anonim Şirketi Genel Müdürlüğü. Nükleer güç santrali kurup işletecek ve Tetaş'a elektrik enerjisi satacak şirketin belirlenmesi için yapilacak yanşmaya ilişkin sartname. File No: 2008-TETAŞ/061.

7. TebaNews 1352 – 31.03.2008. TETAŞ opens a competition to identify the company that will sell the electricity to be venerated at the nuclear power plants.

8. Dünya Gazetesi. 05.05.2008. Nükleer santral için nankalar kredi yanşinda.

9. Karar Sayisi 2008/13347. Resmi Gazete. 19.03.2008. Nükleer güç santralanmn kurulmasi ve işletilmesi ile enerji satişina ilişkin kanun kapsaminda yapilacak yanşma ve sözleşmeye ilişkin usul ve esaslar ile teşveklet hakkinda yönetmenlik.

10. TebaNews 1353 – 07.04.2008. TETAŞ competition for Akkuyu Nuclear Power Plant.

11. TebaNews 1354 – 14.04.2008. TETAŞ competition for Akkuyu Nuclear Energy Power Plant.

12. TebaNews 1355 – 21.04.2008. TETAŞ competition for Akkuyu Nuclear Power Plant.

Яков Файтельсон

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ИЗРАИЛЬ И РЕАЛЬНОСТЬ. ИСТОРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ НАСЕЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ (1898–2005)

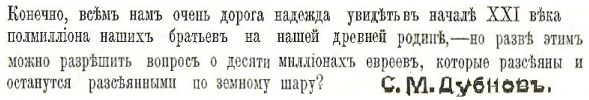

Конечно, всѣмъ намъ очень дорога надежда увидѣть въ началѣ XXI вѣка полмилліона нашихъ братьевъ на нашей древней родинѣ,—но развѣ этимъ можно разрѣшить вопросъ о десяти милліонахъ евреевъ, которые разсѣяны и останутся разсѣянными по земному шару? С. М. Дубновъ.

Рис.1

Первый в истории демографический прогноз для еврейского населения Страны Израиль был опубликован в марте 1898 г. в статье знаменитого еврейского историка и мыслителя, профессора Семена (Шимона) Дубнова (1860–1941). Он утверждал, что в самом лучшем случае сионистское движение приведет к тому, что «…в начале XXI-го века будет полмиллиона наших братьев на нашей древней родине»[1].

Профессор Шимон Дубнов был убит нацистами 8 декабря 1941 г. в лесу Румбула под Ригой. В Стране Израиль к тому времени уже проживало 474 тыс. евреев. Через два года их число перевалило за 503 тыс.[2]

К 2008 г., через 110 лет после публикации указанной выше статьи 5473100 человек (41% еврейского народа) жили на своей древней Родине[3]. А вместе с членами их семей, которые не считаются евреями по Галахе, их было 5 млн. 793 тыс. чел.[4], почти в 12 раз больше, чем предсказывал Дубнов.

Однако, несмотря на успехи сионистского движения, пессимистические прогнозы продолжали появляться. Так, в 1940 г. проф. Роберто Бакки опубликовал прогноз, из которого следовало, что в 1970 г. в Палестине будет 1 млн. евреев и 4 млн. арабов.

Другой такой демографический прогноз послужил основой для определения границ раздела Страны Израиля. Это было «самое полное демографическое исследование, которое когда-либо делалось для Палестины»[5], приведенное в Отчете Специальной Комиссии по Палестине для Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 г.

Таблица 1

Оценка населения Палестины на 1960 год

Год	Евреи		Всего Арабы		Мусульмане		Христиане		Другие		Всего
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек
1946 (по факту)[6]	608225	32,96%	1237324	67,04%	1076783	58,34%	145063	7,86%	15488	0,84%	1845559
1960 (прогноз ООН)	664000	27,7%	1730000	72,3%	1533000	64%	176000	7,4%	21000	0,9%	2394000
1960[7 8] (по факту)	1911300	58,8%	1340200	41,2%	1316900			40,12%	23300	1,08%	3251500

Автор этого прогноза д-р Патрик Лофтус (Patrick Loftus) предполагал, что «…не считая иммиграции, еврейское население будет увеличиваться медленнее, поскольку уровень рождаемости у него уже ниже, чем аналогичный показатель у мусульман, и он, вероятно, будет продолжать падать»[9].

П. Лофтус пришел к выводу, что в 1960 г. в Палестине будет 664 тыс. евреев и в 2,6 раза больше арабов – 1 млн. 730 тыс. человек.

В действительности численность евреев в 1960 г. почти в 3 раза превышала прогноз Лофтуса и составила 59% от всего населения Израиля. Арабов же было на 23% меньше чем в прогнозе.

Прогноз П.Лофтуса 1946 г. на 1960 г. и реальность

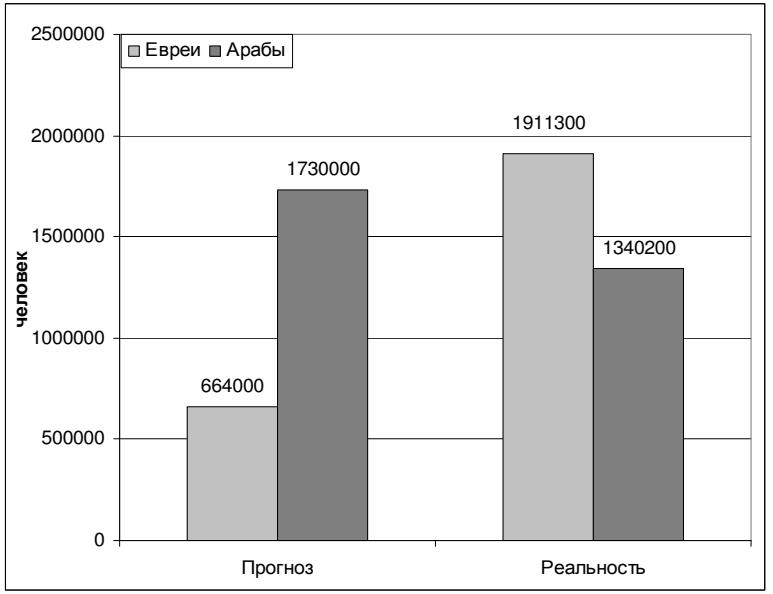


Рис. 2

В соответствии с решением ООН о разделе подмандатной Палестины Израилю доставалась узкая полоска территории величиной всего в 14 тыс. кв. километров, без Большого Иерусалима (включая Бейт Лехем – Вифлеем), без большей части Галилеи, без Яффо, Беер-Шевы и т.д.

По этому плану население Еврейского государства включало 498 тыс. евреев и 407 тыс. арабов. Еще 100 тыс. евреев должны были проживать в Большом Иерусалиме и 10 тыс. стали бы гражданами Арабского государства[10].

В 1948 г. проф. Роберто Бакки утверждал, что к 1968 г. арабы превратятся в большинство даже в этих границах, и убеждал Давида Бен Гуриона не торопиться с созданием Еврейского Государства[11]. Однако, несмотря на это предупреждение, Давид Бен Гурион провозгласил создание Государства Израиль, а проф. Бакки основал Центральное статистическое бюро Израиля (ИЦСБ), создал отделение демографии при Еврейском университете в Иерусалиме и провел первую перепись населения страны.

Рис. 3

К 1950 г. в Государстве Израиль было 1 млн. 203 тыс. евреев[12], что составляло 50,65% от всего населения, проживавшего на территории бывшей подмандатной Палестины[13].

В 1965 г. по данным ИЦСБ, в Израиле проживало 2299100 евреев и 299300 арабов. По данным ООН, 1199 тыс. арабов проживало в Иудее, Самарии и полосе Газы[14]. Доля евреев впервые перевалила за 60% всего населения Страны Израиль.

Прогноз Р.Бакки от 1940 г. на 1970 г. и реальность

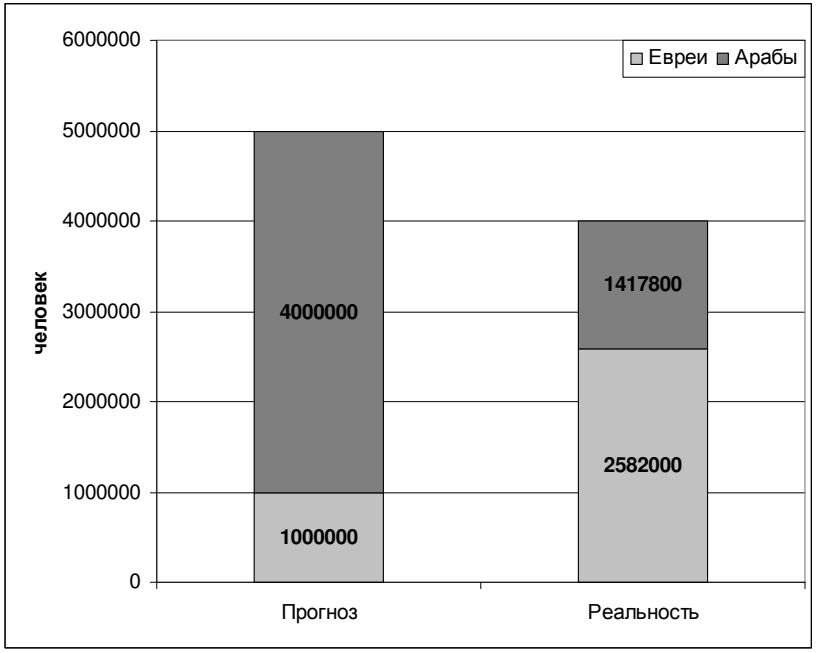


Рис. 4

В 1970 г. вся территория бывшей подмандатной Палестины уже полностью находилась под израильским контролем. К тому времени 64,5% всего населения страны составляли евреи – 2582 тыс. чел., в 2,6 раза больше, чем прогнозировал проф. Р. Бакки в 1940 г. Арабов было на 65% меньше, чем по его прогнозу – 1417800 чел.[15]

По мнению израильских демографов Ионы Шелекенса и Цви Эйзенбаха, Бакки ошибся потому, что его оценки населе-

ния, основанные на переписи 1931 г., не учитывали иммиграцию. Кроме того, он пользовался арабскими данными о регистрации рождений, которые были существенно завышены[16].

В 1968 г. ИЦСБ опубликовало демографический прогноз на 1985 г. на основании данных о населении страны в 1965 г.[17] Было подготовлено три версии прогноза о еврейском населении, исходя из разных предположений о возможном уровне его естественного прироста и количества репатриантов.

Начиная с 1963 г. алия стала резко уменьшаться, и к 1967 г. ее численность понизилась на 78% (с 64489 до 14469 чел.)[18]. В соответствии с этим положительный миграционный баланс евреев также непрерывно понижался, и в 1967 г. он насчитывал всего лишь 3675 чел. Поэтому предполагалось, что этот процесс продолжится, и влияние алии на ежегодный прирост населения будет незначительно.

В реальности же еврейское население в 1985 г. было равно 3517200 чел., выше всех вариантов прогноза ИЦСБ от 1968 г. Евреи составляли 62,7% всего населения страны и 82,4% числа всех граждан Израиля.

В 1985 г. численность арабов и друзов, граждан Израиля, составила 749 тыс. чел., на 92300 чел. больше, чем прогнозировало ИЦСБ в 1968 г. Однако с конца 1967 г. в их число включили также жителей Восточного Иерусалима, а с конца 1982 г. – друзов и мусульман, проживающих на Голанских высотах. Поэтому, поскольку прогноз ИЦСБ основывался на данных 1965 г., следует вычесть из них 148 тыс. жителей Восточного Иерусалима и Голанских высот, чтобы можно было сравнить с прогнозом на 1985 г. Скорректированные данные показывают, что численность не евреев, проживавших в 1965 г. в Израиле, увеличилась до 601 тыс. чел. в 1985 г., на 55700 чел. меньше, чем по прогнозу ИЦСБ.

В конце 1985 г. население Иудеи и Самарии составило 815500, а население Газы – 527 тыс. чел.[19] Общее число арабов в Стране Израиль было 2091500 чел., что на 727700 чел. или на 26% меньше, чем предполагалось по прогнозу 1968 г.

Прогноз ИЦСБ 1972 г. на 1990 г. предполагал, что число неевреев-граждан Израиля достигнет 939500 чел.[20] В действительности же в конце 1990 г. их было на 64500 меньше – 875 тыс. чел.

Прогноз ИЦСБ для населения Страны Израиль от 1968 г. на 1985 г.

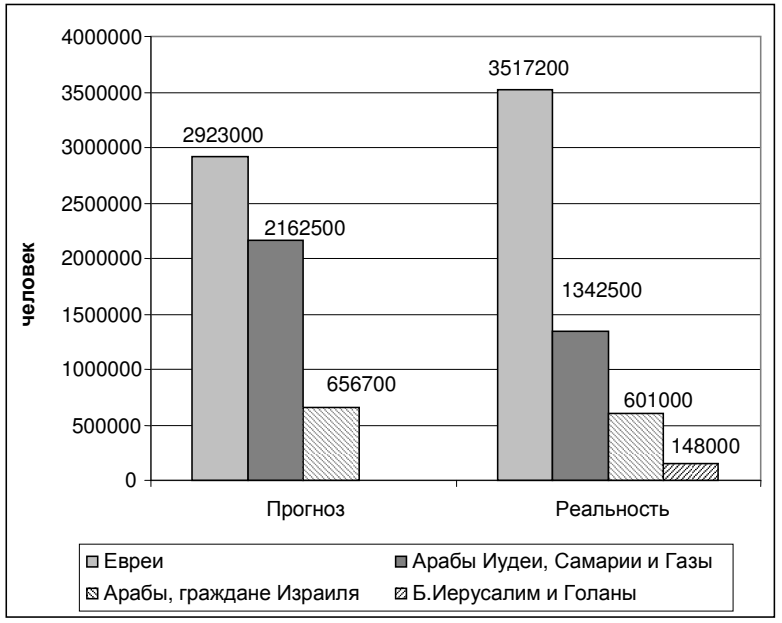


Рис. 5

В том же 1972 г. проф. Бакки предсказал, что прибытие алии фактически прекратится, поскольку «евреи Запада в ней не заинтересованы, а евреев Советского Союза не выпустят никогда»[21]. На основании этого прогноза Пинхас Сапир, один из ведущих министров и лидеров правящей партии МАПАЙ, заявил в 1973 г., что если Израиль не избавится от территорий, населенных палестинцами, то к 1990 г. перестанет быть еврейским государством[22]. Однако 421413 евреев, причем 39,6% из них было из Советского Союза, репатриировалось в Израиль с 1972 и по 1989 г.[23] В 1990 г. евреи составляли 61,5% всего населения Израиля.

11 мая 1986 г. проф. Бакки представил израильскому правительству новый прогноз, по которому в 2000 г. население страны составит 4 млн. 100 тыс. евреев и 3 млн. 100 тыс. арабов, из них 1 млн. 200 тыс. арабов, граждан Израиля[24]. Предполагалось, что численность арабов Иудеи, Самарии и

Газы составит около 1 млн.900 тыс. чел. Доля евреев должна была снизиться до 57% всего населения страны. Такое положение, по мнению проф. Бакки, было лишь временным и вело к равенству с арабским населением страны, поскольку естественный прирост арабов продолжал быть значительно выше еврейского.

Население Страны Израиль
1990 г.

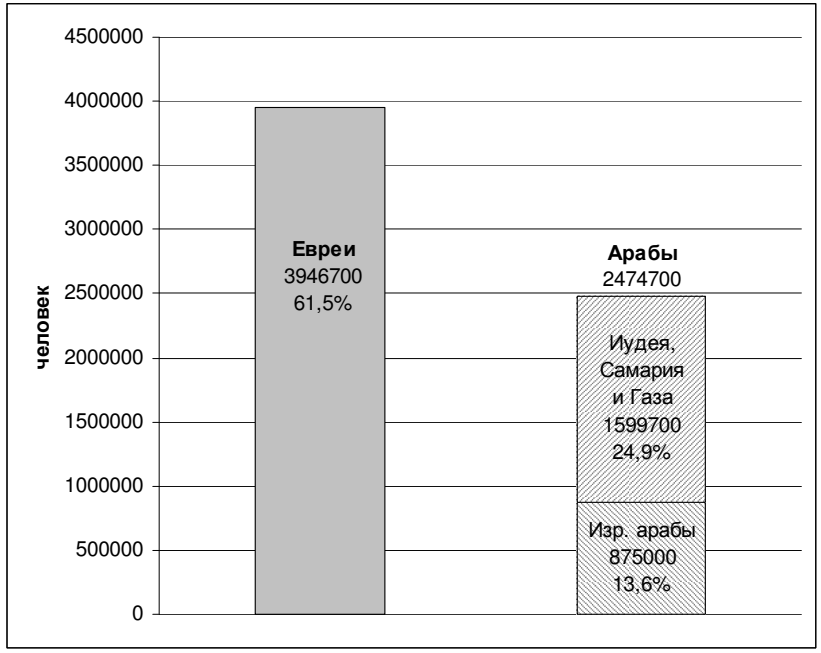


Рис. 6

В прогнозе ИЦСБ 1986 г. предполагалось, что в 2002 г. население Иудеи и Самарии составит от 1061 тыс. до 1429 тыс. чел., Газы – от 741 тыс. до 992 тыс. чел.[25], т.е. в целом от 1800 тыс. до 2421 тыс. чел.

В июне 1987 г. проф. географии Хайфского университета Арнон Софер заявил, что в 2000 г. в Стране Израиль будет «…4200 тыс. евреев и 3500 тыс. арабов: 1,2 млн. израильских арабов – внутри «Зеленой черты», еще миллион в полосе Газы

и от 1,1 до 1,5 млн. арабов на Западном Берегу»[26]. Тем самым, общая численность арабов Иудеи, Самарии и Газы в 2000 г. должна была достигнуть уровня 2100 тыс. – 2600 тыс. чел. Несмотря на то, что даже по этому прогнозу евреи все еще составляли большинство в 54,5%. Заголовок статьи в газете «Едиот Ахронот» цитировал слова профессора Софера: «**В 2000 году: Израиль не еврейский**».

Рис. 7

В августе 1987 г. проф. Софер разъяснил, на чем основан его пессимистический прогноз: «Даже не принимая во внимание коэффициенты рождаемости в будущем, для увеличения на один процент нам сегодня понадобится 170 тыс. евреев. Кто из нас реально может рассчитывать на алию в таких размерах в ближайшем будущем?»[27].

Это мнение, вновь повторявшее уже не оправдавший себя в 70-х годах прогноз численности алии проф. Бакки, тем не менее получило поддержку у других израильских демографов. 23 октября 1987 г. в газете «Едиот Ахронот» было опубликовано высказывание профессора Иерусалимского университета Серджио Деллапергола о том, что советские евреи не репатриируются в Израиль по «технологическим, экономическим, социальным и культурным причинам».

В период с 1990 г. и по 2001 г. в Израиль репатриировалось более миллиона евреев, из них более 906127 из бывшего СССР[28]. Правительство Израиля, основываясь на официаль-

ных демографических прогнозах, оказалось не подготовленным к началу этой волны алии и находилось на грани паники перед внезапно возникшей необходимостью решать вопросы о предоставлении жилья и создании рабочих мест для сотен тысяч репатриантов.

Прогноз А. Софера от 7/1987 на 2000 г.

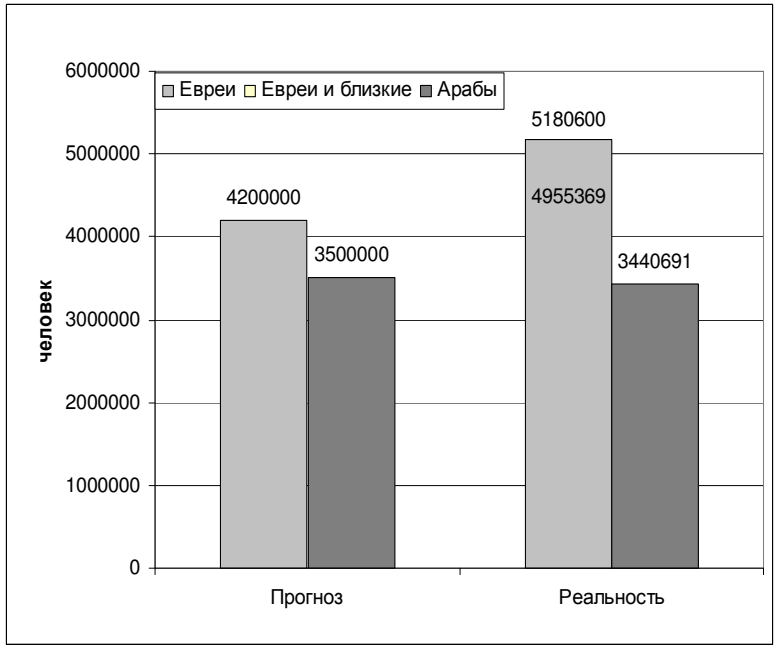


Рис. 8

За период с 1988 по 2000 г. еврейское население Израиля выросло на 1296369 чел. и составило 4955369 чел.[29], что на 21% выше прогноза проф. Бакки и на 18% выше прогноза проф. Софера. Общая численность евреев вместе с членами смешанных семей репатриантов из бывшего Советского Союза увеличилась на 1521625 чел., т.е. на 42%, и составила 5180615 чел., что на 26,3% выше прогноза Бакки и на 23,3% выше прогноза Софера.

Сравнение прогнозов профессоров Дубнова, Лофтуса и Бакки о еврейском населении Страны Израиль с 1895 и по

2000 г. с реальной действительностью представлено на следующем графике:

Демографические прогнозы для евреев Страны Израиль (1898–1986)

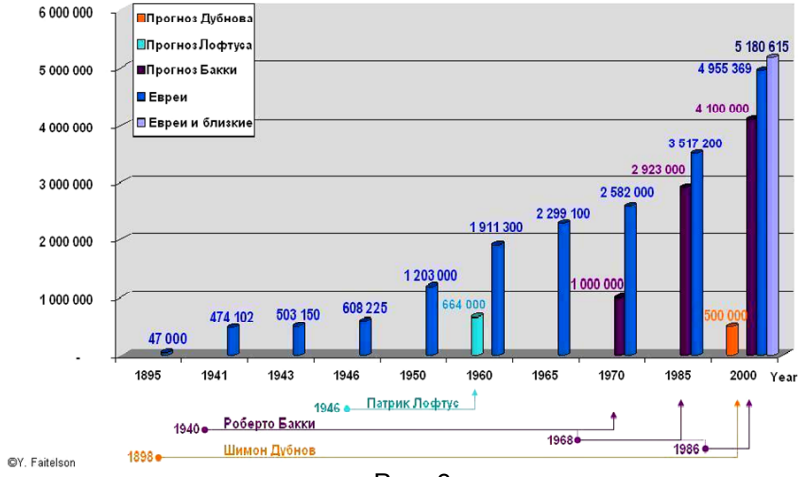


Рис. 9

В 2000 г. евреи все еще составляли более 60% всего населения Израиля, – положение, впервые достигнутое еще в 1965 г. и сохранявшееся уже на протяжении 35 лет.

Численность арабов-постоянных жителей[30] и граждан Израиля составила в 2000 г. 1188651 чел., что близко к прогнозу ИЦСБ 1986 г.[31] Однако данные ИЦСБ включали 3450 бойцов бывшей южноливанской армии и членов их семей[32], получивших статус постоянных жителей Израиля. Они учитывали также десятки тысяч арабов, в основном жителей Иудеи, Самарии и Газы, получивших такой же статус в рамках объединения семей после браков с арабами – гражданами Израиля. Эти арабские иммигранты были учтены в переписи жителей страны и стали получать все социальные и другие услуги в соответствии с израильским законодательством.

Кроме того, согласно публикации израильской газеты «Джерузалем Пост», «по существующей оценке, 40 тыс. иорданцев, въехавших в Израиль по туристским визам в 2000 г., остались в стране после истечения срока действия их виз, чтобы исполь-

зовать преимущества от предоставленной им в Израиле возможности устроиться на более высокооплачиваемую работу»[33].

Эти факты побудили Вахида Абд аль-Магида, редактора ежегодника «Арабское стратегическое обозрение» при известной египетской газете «Аль-Ахрам», предложить запланированную и скоординированную инфильтрацию жителей арабских стран в среду израильских арабов. Аль-Магид утверждал, что уже к 2035 г. «арабы 1948 г.», т.е. граждане Израиля, станут большинством и что такая тактика ускорит процесс бескровного превращения Израиля в арабское государство. Правда, для этого, писал д-р аль-Магид, надо также заставить Израиль прекратить репатриацию и убедить евреев, в частности из бывшего Советского Союза, не ехать в Израиль[34].

Известный израильский журналист Зеев Шиф отнесся очень серьезно к статье аль-Магида. В ноябре 2001 г. он писал, что «от 50 до 60 тыс. палестинцев, египтян и иорданцев уже проникли в Израиль и поселились в арабских общинах Израиля… Такое явление является одним из наиболее крупных провалов политики Израиля, и его серьезность удваивается, если принять во внимание истоки вооруженной интифады»[35].

ИЦСБ в своем прогнозе 1986 г. не предусматривало возможность арабской иммиграции в Израиль. Поэтому чтобы проверить, осуществился ли такой прогноз, следует вычесть, по крайней мере, 60 тыс. иммигрантов из числа арабов – граждан Израиля. В результате получим, что их численность в 2000 г. должна была бы быть примерно 1130 тыс. чел., что на 70 тыс. меньше прогноза ИЦСБ.

В действительности же арабская иммиграция и вместе с тем увеличение численности арабов, имеющих статус постоянных жителей Государства Израиль, была значительно больше, чем об этом писал Зеев Шиф. Основной причиной этого, по-видимому, послужил экономический кризис, разразившийся в 1982 г. в арабских странах из-за резкого падения цен на нефть. Этот кризис отразился и на потребности здесь в иностранной рабочей силе. В результате отрицательный миграционный баланс в Иудее, Самарии и Газе, достигший своего пика в 22400 чел. в 1980 г., начал уменьшаться и в 1987 г. упал на 88% до 2600 чел. Начиная с 1969 г. это был самый минимальный уровень отрицательного миграционного баланса в Иудее, Самарие и Газе за 18 предыдущих лет (за исключением 1973 г., из-за Войны Йом Киппур). Впервые миграционный баланс в Иудее и Самарии стал положительным – 700 чел., хотя в Газе он все еще продолжал быть отрицательным – 3300 чел.[36]

С 1990 по 1992 г., а также в 1994 г. арабский миграционный баланс в Иудее, Самарии и Газе был положительным и в общей сложности выразился в 41137 чел. Однако начиная с 1995 г. он вновь стал отрицательным, дойдя до 23588 чел. в 1999 г. В 2006 г. уровень отрицательного миграционного баланса в Иудее, Самарии и Газе вырос до 25 тыс. чел., это был наиболее высокий показатель, начиная с 1969 г.

По данным МВД Израиля от ноября 2003 г., в результате заключения браков с гражданами Израиля и процесса воссоединения семей 150737 арабов получили статус постоянных жителей страны[37]. Такой приток арабских иммигрантов повлиял и на естественный прирост арабского населения Израиля. Следуя законам «Демографического перехода», он достиг своего пика в 4,41% в 1964 г. и понизился до 2,77% в 1987 г., или на 37%, т.е. понижался в среднегеометрическом исчислении на 2% в год. Однако с 1988 г., в период, когда началась усиленная арабская иммиграция в Израиль в результате процесса объединения семей, понижение естественного прироста израильских арабов временно прекратилось, и он даже начал расти, достигнув пика 3,21% в 1998 г.

Естественный прирост израильских арабов
(1995–2007)

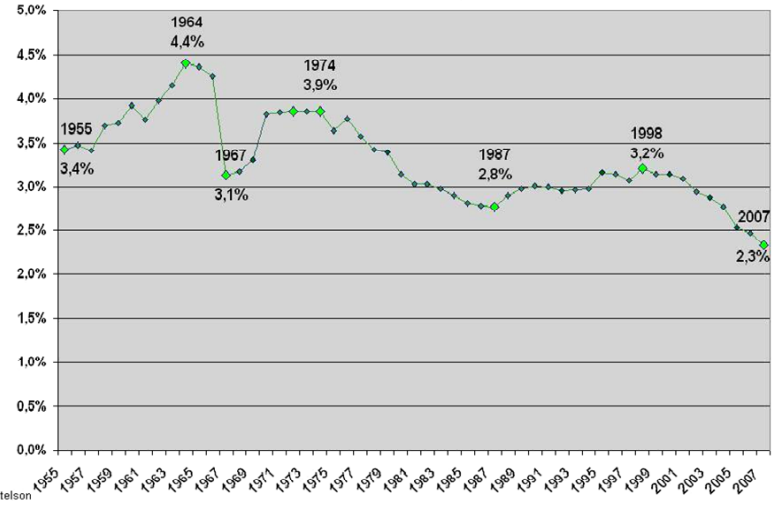


Рис. 10

С 1999 г. вновь началось падение естественного прироста численности израильских арабов, которое резко усилилось с 2002 г. и продолжает нарастать. Можно предположить, что это произошло, в частности, по двум причинам:

1. В 2002 г. были введены ограничения на получение арабами статуса постоянного жителя в Израиле в рамках объединения семей.

2. В то же время были значительно снижены пособия на детей, и источник, приносивший доход многодетной семье, сменили ощутимые дополнительные расходы.

Всего за 6 лет естественный прирост израильских арабов понизился на 32,6%, с 3,09% в 2001 г. до 2,33% в 2007 г. Он уменьшался на 4,82% в год в среднегеометрическом исчислении, т.е. в 2,4 раза быстрее, чем за период 1964–1987 гг.

Общая численность всего арабского населения в 2000 г., включая граждан Израиля и жителей Иудеи, Самарии и Полосы Газы, должна была составить от 3100 тыс., по версии майского прогноза проф. Бакки 1986 г., и до 3500 тыс. чел., по версии прогноза проф. Софера от июня 1987 г.

В декабре 1997 г. палестинцы провели свою первую перепись населения ПНА. По данным этой переписи, численность населения ПНА была 2895693 чел.[38], на 26% выше прогноза проф. Софера от 1987 г. Однако она включала 210209 жителей Восточного Иерусалима, уже учтенных в переписи жителей Израиля, и 325253 чел., эмигрировавших из ПНА[39]. Таким образом, по данным этой переписи, население ПНА в действительности составляло 2360231 чел.

Поскольку численность населения Иудеи, Самарии и Газы в конце 1993 г. составила 1832800 чел.[40], то получалось, что всего за 4 года оно увеличилось на 527431 чел., или на 29%. Для достижения такого феномена среднегеометрические темпы роста населения за этот период времени должны были бы составить 6,6% в год!

В марте 2005 года профессор Софер упомянул на разных страницах одной и той же публикации, что палестинцев было 3400000 в 2003 г. и 3800000 человек в 2004 году[41], то есть всего за год как бы произошло увеличение на 400 тысяч человек. Если поверить этим данным, то за 11 лет (с 1993 по 2004 годы) население ПНА должно было более чем удвоится. Это странно совпадает с теми же среднегеометрическими темпами роста: 6,6% в год. Получается, что темпы роста, которые якобы существовали с 1993 по 1997 год, автоматически продолжились вплоть до 2004 года.

Однако по оценке ООН, опубликованной в 2006 году, средние темпы роста населения ПНА в период с 1995 по 2000 год составляли 3,7% в год. По тем же оценкам ООН, они понизились до 3,56% в период с 2000 по 2005 год и до 3,02%, начиная с 2005 года[42]. Более того, оценки ООН не учитывали постоянно продолжающуюся арабскую эмиграцию из Иудеи, Самарии и Газы.

Поэтому более реальным объяснением такому феномену может служить предположение, что спрогнозированная в 1987 году на 2000 год максимальная общая численность **всего** арабского населения Страны Израиль (3500000 человек) была просто приписана только жителям Иудеи, Самарии и Полосы Газы.

Исследование, проведенное мною в 2003 году, привело меня к выводу, что численность арабского населения ПНА была увеличена почти на 1 миллион «мертвых душ»[43]. Еще одно странное совпадение: эти цифры как бы скомпенсировали массовую алию евреев из бывшего СССР, репатриировавшихся в Израиль в этот период времени.

Этот вывод был подтвержден в январе 2005 года исследованием, сделанным американо-израильской группой. По его данным, арабское население Иудеи и Самарии в 2000 году составляло 1280000, а население Газы – 966000 человек, в общей сложности 2246000 человек[44]. Это на 7% выше минимального и на 10% ниже максимального прогноза Софера от 1987 года.

В 1989 году был опубликован прогноз численности арабского населения Иудеи, Самарии и Газы, подготовленный группой палестинских и других демографов по заказу ООН (HABITAT). По этому прогнозу в конце 2007 года население этих территорий должно было бы достигнуть количества 3218000 человек[45], на 582 тысячи человек меньше того числа, которое, как утверждал Арнон Софер, было достигнуто уже в 2004 году.

По оценкам, опубликованным в отчетах палестинского Минздрава, численность населения ПНА составляла 3700000 человек в конце 2003 года[46], однако в 2004 году она была на 100 тысяч меньше – 3600000 человек[47]. По данным из того же источника на конец 2005 года, население ПНА насчитывало 3762005 человек (2372216 в Иудее и Самарии и 1389789 в Газе)[48].

По оценке ПЦСБ население ПНА в 2006 году достигло 3952354 человека[49], т.е. как бы увеличилось на 190349 человек

или на 5,1% всего за один год! Однако по данным Минздрава ПНА, темпы естественного прироста населения были на половину меньше: 2,4% в 2003 году[50], 2,6% в 2004 году[51] и 2,5% в 2005 году[52].

9 февраля 2008 года новый директор ПЦСБ Луи Шабане (Luay Shabaneh) опубликовал результаты переписи населения ПНА, проведенной в декабре 2007 года. По данным этой переписи, население выросло на 30% по сравнению с результатами переписи 1997 года и достигло 3760000 человек, из них 1460000 проживало в Газе и 2300000 – на территории Иудеи и Самарии.

Мы вновь обнаруживаем странное совпадение: результаты переписи населения ПНА в конце 2007 года совершенно идентичны предположительной оценке численности населения ПНА на конец 2005 года.

По данным этой переписи так же выяснилось, что численность арабского населения Восточного Иерусалима – 208000 человек, что на 2209 меньше, чем по переписи 1997 года. Эти данные уже вызвали резкую критику властей ПНА по адресу ПЦСБ и требование исправить создавшуюся ситуацию.

Насколько обоснованны и надежны данные палестинских демографов, можно понять из слов доктора Хасана Абу Либде, бывшего в конце 90-х годов директором ПЦСБ, процитированных в газете «Нью-Йорк Таймс» по поводу первой палестинской переписи населения в 1997 году: «По моему мнению, это не менее важно, чем Интифада. Это – гражданская Интифада»[53].

Неудивительно, что политически мотивированные прогнозы и оценки палестинцев численности населения ПНА не соответствуют действительности. Не случайно с сайта Минздрава ПНА стали исчезать демографические данные за прошлые годы, противоречащие информации, распространяемой ПЦСБ.

Исходя из данных переписи 2007 года, среднегеометрические темпы роста палестинского населения составляли 2,66% в год в течение 10 лет. Распространим эти средние темпы роста населения Иудеи, Самарии и Газы на 14 лет, взяв за основу данные ИЦСБ на конец 1993 года (1832800 человек). В этом случае получается, что население этих территорий к концу 2007 года должно было бы составить 2646871 человек, на 1113129 человек меньше, чем по результатам палестинской переписи 2007 года.

Разница между реально возможной численностью населения ПНА и результатами двух палестинских переписей 1997 и 2007 года сохранилась на уровне одного миллиона. О том, что это «мертвые души», было уже доказано 5 лет тому назад.

Из всего вышесказанного можно прийти к выводу, что краткосрочный прогноз, сделанный ИЦСБ в 1986 году на 2000 год, оказался достаточно верным по отношению к арабскому населению Страны Израиль и совершенно ошибочным по отношению к еврейскому населению.

В 1989 году ИЦСБ представило очередной прогноз на 1990–2010 год на основе данных о населении Израиля на 1985 год[54]. По этому прогнозу число евреев в 2005 году должно было достигнуть 4223600 человек (минимум) или 4699700 человек (максимум). Число граждан – не евреев должно было варьировать от 1236600 до 1341700 человек.

В реальности число евреев в конце 2005 года составило 5313800 человек, а вместе с членами их семей, чья национальность не была определена, – 5613600 человек[55].

Таким образом, число евреев к 2005 году было на 13% выше максимального и на 26% выше минимального прогноза ИЦСБ от 1989 года. Суммарная численность евреев и их близких превышала прогноз ИЦСБ, соответственно, на 19% и на 33%.

По прогнозу ИЦСБ от 1989 года, число евреев к 2010 году должно достигнуть от минимума 4386500 человек и до максимума 5050800 человек. В действительности число евреев превысило этот минимальный прогноз на 16 лет раньше, уже в середине 1994 года, а максимальный прогноз на 8 лет раньше – в середине 2002 года. **Численность евреев и их близких в конце 2007 года уже была 5793000 человек[56], на 32% выше минимального и на 15% максимального варианта прогноза от 1989 года на 2010 год.**

В 1999 году ИЦСБ опубликовало новый прогноз населения Израиля для 2005, 2010 и 2020, подготовленный на основе данных 1995 года[57]. Прогноз строился на трех вариантах уровня рождаемости и миграционного баланса. Предполагалось, что число репатриантов в течение прогнозируемого 25-летнего периода будет от 745 тысяч до 975 тысяч человек, из них от 535 тысяч до 600 тысяч из бывшего СССР[58]. Таким образом, в среднем ежегодное число репатриантов по прогнозу должно было быть от 30 до 39 тысяч человек.

Прогноз на 2005 год был наиболее краткосрочным, всего на 6 лет вперед, и поэтому более точным. Разница между высоким прогнозом 1999 года для 2005 года и реальностью была всего от 2 до 4%.

Сравнение прогнозов, подготовленных для еврейского населения страны, начиная с 1989 и по 2005 год, с реальной действительностью, представлено на рис. 11.

Прогнозы ИЦСБ на 2005–2010 гг. для Евреев Израиля

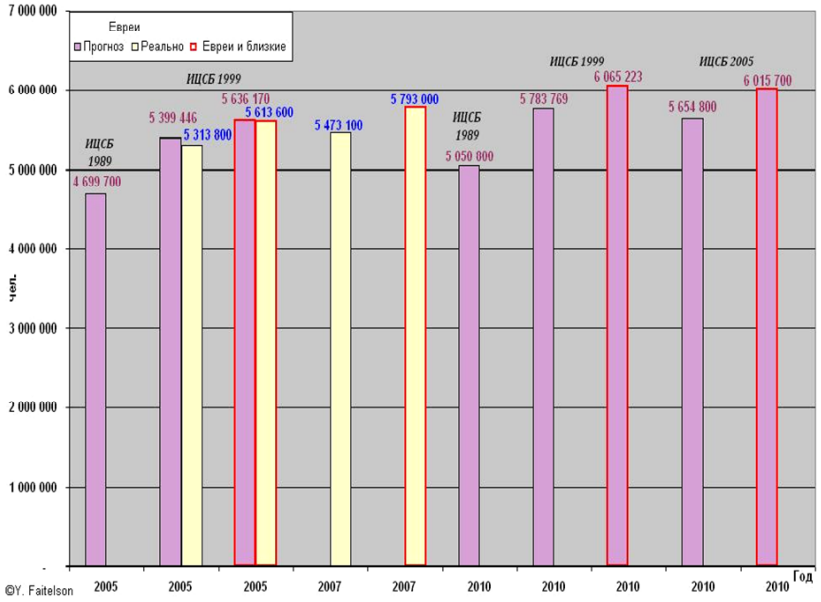


Рис. 11

В 2004 году был опубликован прогноз ИЦСБ на 2010, 2015 и 2025 гг.[59]. Этот прогноз также включал три варианта и основывался на данных 2000 года. На этот раз предполагалось, что за период 2000–2025 гг. в Израиль репатриируются от 459500 до 699000 человек[60], т.е. от 18 до 28 тысяч человек в год.

В действительности с 1995 по 2007 год число репатриантов было равно 587110 человек[61], в среднем по 45162 человека в год, т.е. на 16% выше максимального и на 50% – минимального прогноза ИЦСБ от 1999 года. Из бывшего Советского

Союза репатриировалось 379708 человек[62] [63] [64], т.е. 64,7% от всего числа репатриантов за этот период.

Если среднее ежегодное число репатриантов останется на уровне 18129 человек, т.е. столько, сколько их приехало в 2007 году, то общее число репатриантов в период 1995–2025 годов будет равно около 913 тысяч человек. В таком случае среднее число репатриантов за этот период будет около 30 тысяч в год, что на 9% больше максимального прогноза ИЦСБ от 2004 года.

Поскольку прогноз на 2010 год вновь был краткосрочным, можно предположить, что реальная численность еврейского населения будет близка к высокому прогнозу ИЦСБ.

Проверим теперь, каковы возможные сценарии демографического прогноза для населения Страны Израиль в период с 2010 и до 2050 года[65].

Сценарии демографических прогнозов до 2050 года

«… Нельзя относиться к долгосрочным прогнозам населения так, будто они являются пророчествами. В лучшем случае они показывают, какие последствия могут быть, если существующие процессы будут продолжаться»[66].

Прогноз для еврейского населения Израиля

Средний ежегодный прирост еврейского населения в период между 2001 и 2007 годами был равен 1,43% в год[67]. Такой ежегодный рост населения в нашем случае равен сумме естественного прироста в 1,27% в год и положительного миграционного баланса порядка 10 тысяч репатриантов в год. В 2007 году в Израиль прибыло 18129 репатриантов, а положительный миграционный баланс был равен 12% от годового прироста, т.е. около 14900 человек[68]. Поэтому примем ежегодный прирост еврейского населения Израиля в 1,42% за основу для расчета прогноза до 2050 года.

Результаты расчетов нашего сценария прогноза показывают, что к 2010 году численность еврейского населения может достигнуть 5711865 человек по сравнению с числом 5654800 человек, которое прогнозирует ИЦСБ в своем высоком варианте прогноза на этот год. Разница между этими

двумя прогнозами – 1,2%, значительно меньше общепринятой статистической ошибки в 4%.

Численность евреев и их близких в 2010 году должна быть 6036292 человека по нашему прогнозу по сравнению с 6015700 человек по прогнозу ИЦСБ, разница – в 0,34%.

В 2025 году по нашему прогнозу – 7068668 евреев, на 4,6% больше, чем по прогнозу ИЦСБ – 6754200 человек. Численность евреев и их близких – 7460707 человек, на 2,4% больше прогноза ИЦСБ – 7287700 человек.

В 2050 году по нашему прогнозу численность евреев достигнет 9986991 человек, а вместе с их близкими – 10524454 человека.

Прогноз для арабского населения, граждан Израиля

В последнее время израильское правительство предприняло шаги по сокращению возможности арабской иммиграции в Израиль. Поэтому для подготовки нашего прогноза о численности арабских граждан Израиля на 2050 год возьмем за основу только данные ИЦСБ об их ежегодном естественном приросте за последние 40 лет.

Произведем наши расчеты этого прогноза двумя разными способами. При первом способе воспользуемся данными ИЦСБ и рассчитаем прогноз с помощью линейной регрессии. При другом способе расчета прогноза учтем тот факт, что за период 2001–2006 гг. естественный прирост арабского населения уменьшался в среднем на 3,49% ежегодно, и предположим, что этот процесс будет продолжаться и далее.

Сравнение результатов обоих расчетов с помощью графика на рис. 12 показывает достаточно хорошую корреляцию между ними.

Расчет роста населения арабов и друзов, граждан Израиля, показывает следующее: в 2010 году – 1550566 человек, на 1,72% меньше прогноза ИЦСБ – 1573500 человек; в 2015 году – 1703981 человек на 2,8% меньше прогноза ИЦСБ – 1764200 человек.

По нашему прогнозу в 2025 году их численность будет равна 1949433 человека, на 8,1% меньше прогноза ИЦСБ от 2004 года[69] – 2122100 человек.

По обоим вариантам нашего прогноза к 2050 году возможная численность израильских арабов может достигнуть 2281312 человек.

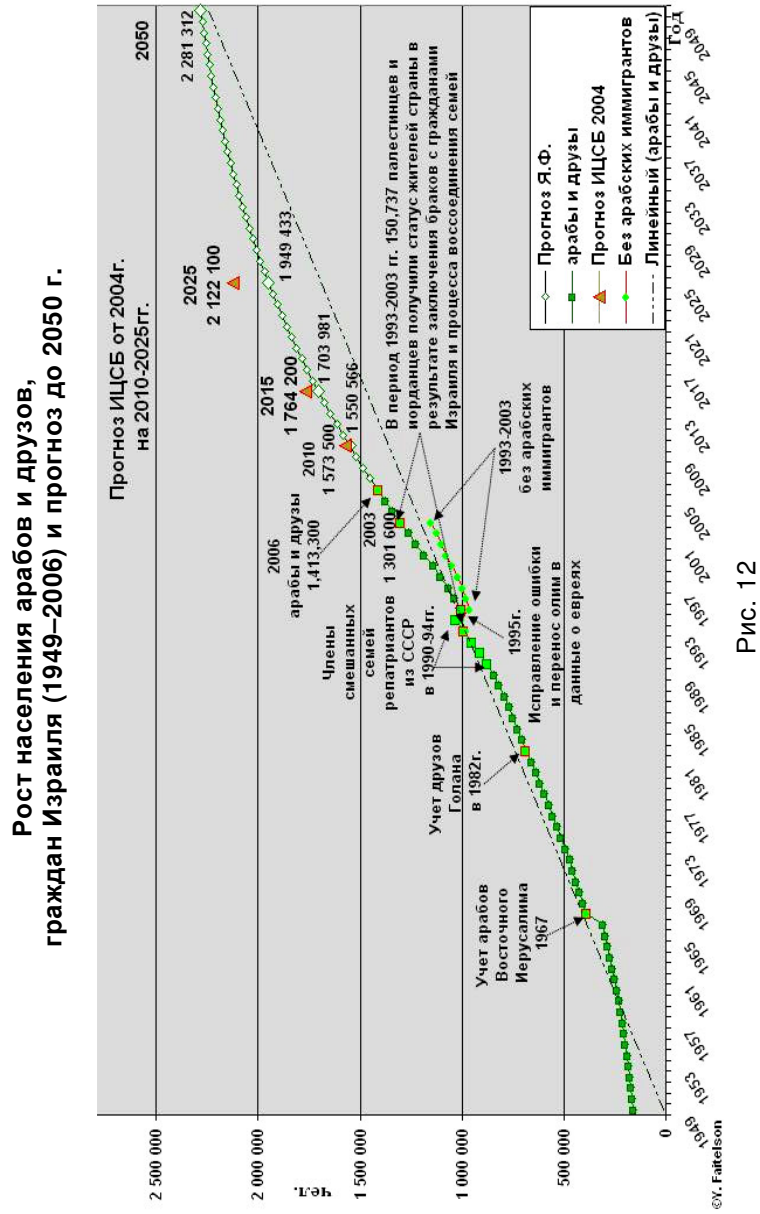


Рис. 12

Суммарный прогноз для населения граждан Израиля

Сравним суммарные результаты сделанных нами прогнозов с данными прогнозов ИЦСБ от 1999 и 2004 гг. и с данными прогнозов ООН от 2001 года по отношению к общей численности граждан Израиля (см. таблицу 3 и график, представленный на рис. 13).

Несмотря на разные методы расчетов, существует очень близкая корреляция между полученными результатами. Наиболее близкими к нашему прогнозу являются вариант прогноза ООН с постоянным уровнем рождаемости (разница от 0,6% до 2,2%) и вариант, составленный из высокого прогноза ИЦСБ от 2004 года для евреев и низкого прогноза для арабов (максимальная разница – 0,2%).

Общая численность населения граждан Израиля, по нашему прогнозу на 2050 год, должна достигнуть 12805767 человек, на 7,2% больше высокого варианта и на 2% меньше прогноза с постоянным естественным приростом ООН[74].

Прогноз для арабского населения Иудеи, Самарии и Полосы Газы

Исходя из данных ИЦСБ на конец 1993 года (1832800 человек[75]) и учитывая данные об естественном приросте населения этих регионов, опубликованные министерством здравоохранения ПНА, а также миграционные данные израильских пограничных властей, рассчитанная общая численность арабского населения ПНА в 2002 году составляла около 2406000 человек[76], т.е. на 26% больше, чем в 1993 году.

Официальные данные ООН за 2001 год указывали на ежегодный прирост населения в Иудее, Самарии и Газе в среднем по 4,02% в год в период между 1990 и 1995 годами, 3,83% в период, начиная с 1995 по 2000 год, и от 3,24% до 3,83% в период 2000–2005 гг.[77] Однако в 2006 году ООН опубликовало уже несколько другие данные: 3.89% в период 1990–1995, 3,7% – в 1995–2000 и 3,56% в период 2000–2005 гг.[78]

По низкому варианту прогноза ООН от 2006 года, средний естественный прирост населения Иудеи, Самарии и Полосы Газы должен быть 3,02% в период между 2005–2010 годами, с 2010 года и по 2015 год – 2,62% и к 2045 году понизится до 0,95% в год[79].

В 2007 году по оценке ООН естественный прирост населения Иудеи, Самарии и Газы был равен 2,9%[80].

Таблица 3

Сравнение прогнозов населения граждан Израиля до 2050 года

(в тысячах)

Год	Прогноз Я.Ф.	Прогноз ООН от 2001 г. на 2005–2050 гг.[70]		Прогноз ИЦСБ							
				Прогноз 1999 г. на 2005–2020[71]			Прогноз 2004 г. на 2010–2025 гг.[72]				
		Высокий вариант	Вариант постоянного уровня рождаемости	Низкий	Средний	Высокий	Низкий (1)	Средний (2)	Высокий (3)	Сумма (3) для евреев + (1) для арабов	
2005		6738	6736	6826	6930	6999				6991[73]	
2010	7587	7390	7421	7346	7534	7639	7465000	7542	7617	7589	
2015	8185	7975	8075				7954900	8122	8292	8203	
2020	8792	8499	8689	8151	8673	8994					
2025	9410	9045	9330				8803200	9262	9788	9410	
2050	12806	11942	13064								

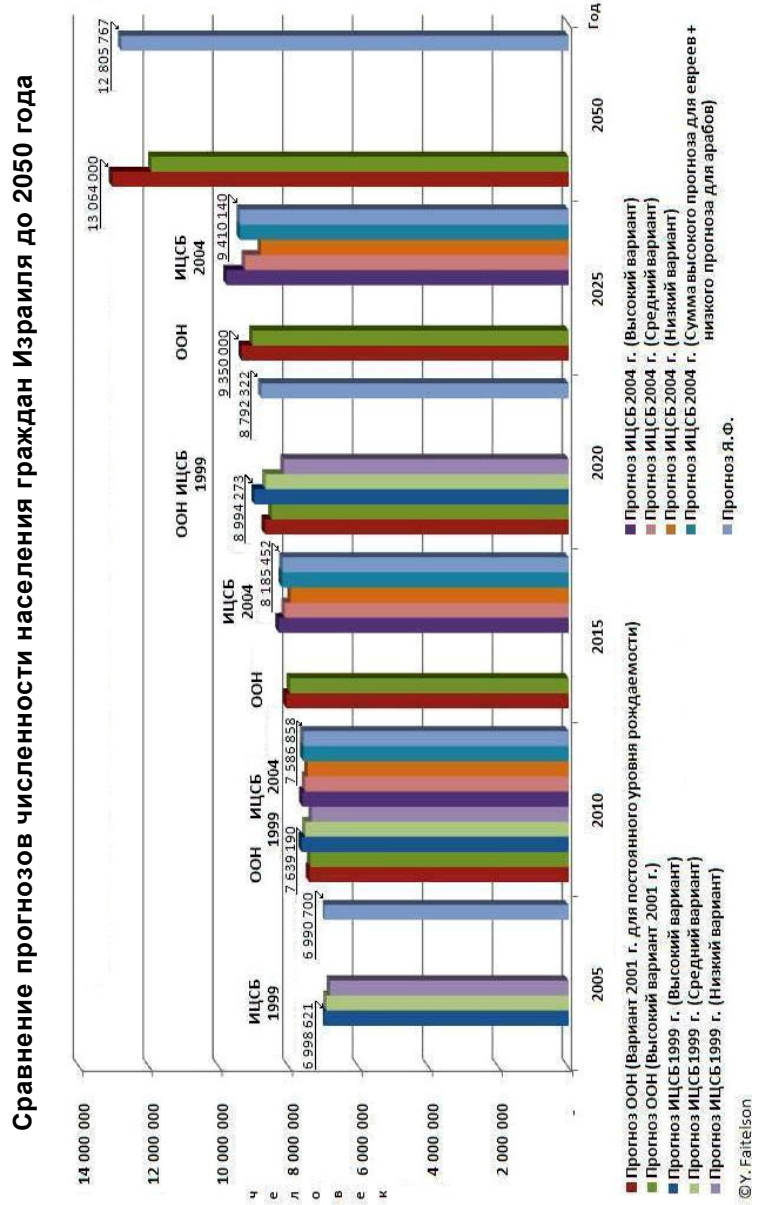


Рис. 13

В соответствии с высоким прогнозом, подготовленным демографами норвежского Института прикладных международных исследований ФАФО (FAFO), темпы понижения естественного прироста населения ПНА должны были быть значительно более быстрыми. В Иудее и Самарии он должен понизиться с 2,7% в 2002 г. до 2,6% в 2005 г., до 2,3% в 2010 г. и 2,1% в 2015 г. Подобный же прогноз для населения Газы указывал на понижение естественного прироста с 3,5% в 2002 г. до 3,3% в 2005 г., до 2,9% в 2010 г. и 2,6% в 2015 г.[81]

Надо учитывать, однако, что исходные данные, использованные норвежскими учеными, были предоставлены ПЦСБ, что заставляет усомниться в их достоверности. «Поскольку оценки рождаемости недостоверны, мы приняли два альтернативных сценария о будущем уровне рождаемости,» – сказано в вышеупомянутом прогнозе ФАФО[82].

В соответствии с данными Минздрава ПНА, уже в 2003 году естественный прирост в ПНА был 2,4% (в Иудее и Самарии – 2,3%, а в Газе – 2,8%)[83], в 2004 году – 2,6%[84], а в 2005 году – 2,5%[85] (в Иудее и Самарии – 2,1%, а в Газе – 3,1%). Как видно из следующего графика (см. рис. 15), темпы понижения естественного прироста у палестинцев опережают прогнозы ООН и ФАФО на 10–15 лет.

Интересно отметить различия между данными о естественном приросте населения, сообщаемыми Минздравом ПНА, и теми, о которых сообщает ПЦСБ. Так, по данным Минздрава ПНА, он был на уровне 2,6% в 2004 г., а по данным ПЦСБ, – 3,4%, т.е. на 31% больше[86]. По данным Минздрава ПНА за 2005 год, естественный прирост населения был равен 2,5%, а по данным ПЦСБ, – 3,3%, все еще выше на 32%[87]. Тем не менее, как видно из приведенных данных, палестинцы признают существующую тенденцию понижения их естественного прироста. Она объясняется резким снижением рождаемости, что характерно для второй стадии «Демографического перехода»[88].

И действительно, Суммарный Коэффициент Рождаемости (СКР = TFR) в Иудее, Самарии и Газе понизился с 6,24 ребенка на женщину в 1995 году[89] до 4,39 в 1999 году и до 3,89 в 2003 году (3,4 в Иудее и Самарии и 4,7 в Газе)[90], т.е. на 38% всего за 8 лет.

Прогноз ФАФО также предполагал резкое понижение СКР в Иудее и Самарии: с 5,4 ребенка на женщину в 1997 году до 2,4 (на 56%) или до 3,3 (на 39%) в 2015 году. Для населения Полосы Газы норвежские демографы предполагали еще более быстрое понижение СКР: с 7 в 1997 году до 2,6 (на 63%) или до 3,5 (на 50%) в 2015 году[91].

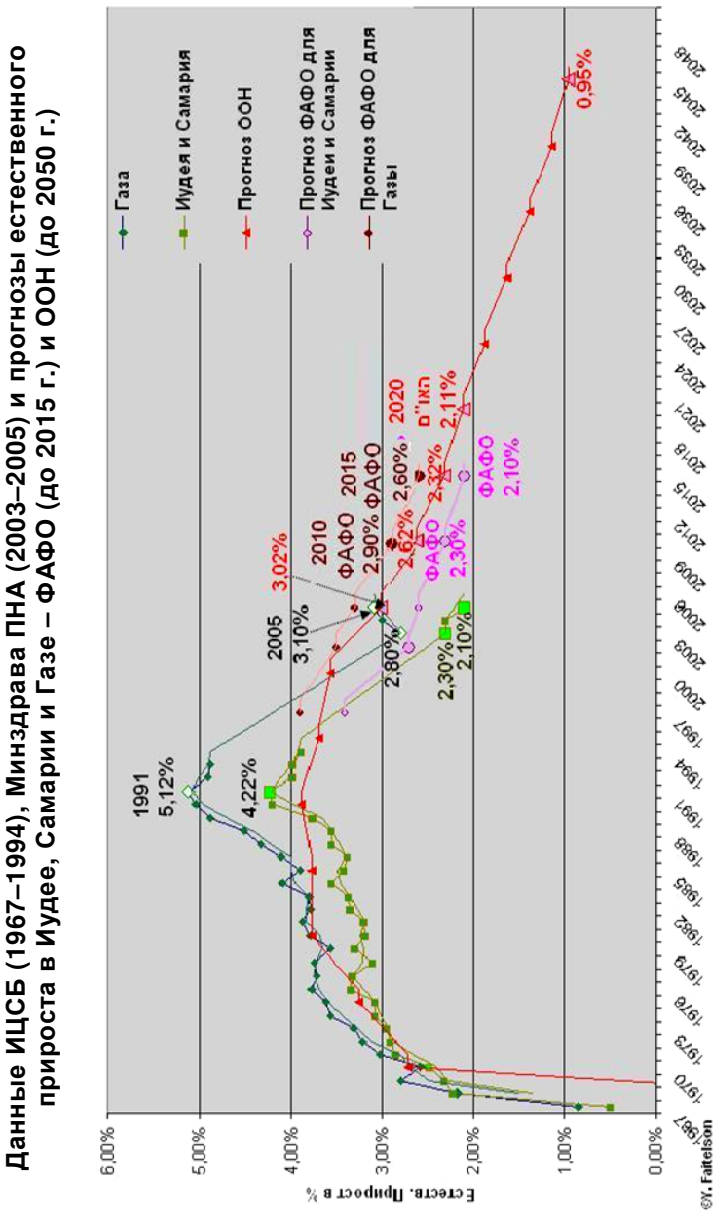


Рис. 14

Данные Минздрава ПНА показывают, что СКР в Иудее и Самарии уже в 2003 году был почти равен уровню, предполагаемому ФАФО на 2015 год. Поэтому можно предположить, что есть больше оснований, что именно вариант прогноза ФАФО с ускоренным падением рождаемости в ПА осуществится. Тогда уровень СКР арабского населения в Иудее и Самарии будет равен 2,4 в 2015 году, а ежегодный прирост населения – 1,3%[92].

Как известно, СКР у евреев Израиля с 1980 года установился на уровне 2,7 ребенка на женщину, а естественный прирост – на уровне 1,3% с 1988 года.

Таким образом, исходя из предположений демографов ФАФО, к 2015 году уровень рождаемости арабов Иудеи и Самарии будет равен уровню рождаемости евреев Израиля, а в Полосе Газы он будет равен уровню, существовавшему у израильских мусульман в конце 90-х годов XX века.

Следует обратить внимание на тот факт, что данные ООН по отношению к палестинцам всегда строились в основном на оценках чиновников Агентства помощи беженцам при ООН – UNRA, которые в большинстве своем являются палестинцами. Способы сбора данных и достоверность этих данных далеки от возможности называть их точными и научными. Эти данные принимаются на веру, поскольку, по словам самих чиновников ООН, их все равно невозможно проверить[93].

Как пишет профессор Джастин Маккарти, «все статистические данные о палестинском населении являются лишь оценками»[94]. В другом месте он добавляет: «Нужно отметить плохой уровень отчетности о случаях детской смертности в Газе и на Западном Берегу»[95].

Предположим, однако, что и в период 2005–2010 гг. средний естественный прирост населения этих регионов останется на уровне данных Минздрава ПНА за 2004 год, т.е. 2,6% в год, тем более, что это также вытекает из результатов последней переписи населения от 2007 года. Начиная с 2010 года воспользуемся данными прогноза ООН без каких-либо изменений, несмотря на их уже доказанную неточность. Прогнозы ООН также не учитывали отрицательный миграционный баланс, существующий в Иудее, Самарии и Полосе Газы уже более 60 лет и установившийся в среднем на уровне 10 тысяч эмигрантов в год.

Политические, военные и социально-экономические процессы, происходящие в Иудее, Самарии и Газе после «Догово-

ров Осло», привели к резкому ухудшению условий жизни жителей этих регионов. Эти процессы усилили и, вероятно, еще более расширят размеры эмиграции из перенаселенных областей, неспособных обеспечить минимальных условий проживания для их жителей. Подтверждение этому явлению можно получить из самих палестинских источников и из зарубежной печати. Так, профессор Жанет Абу-Луруд писала еще в 1986 году: **«Арабское население в Палестине не может расти безгранично. Некоторая эмиграция неизбежна...»**[96].

В последние годы отрицательный миграционный баланс в Иудее, Самарии и Газе продолжает расти и составил 12000 человек в 2004 году, 16000 в 2005 и 25000 в 2006 году[97].

Миграционный баланс в Иудее, Самарии и Газе,
1967–2006 гг.

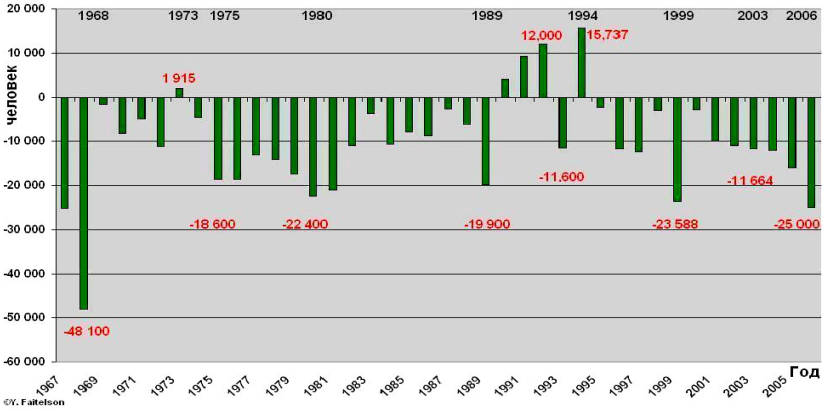


Рис. 15

В ноябре 2006 года канадский журналист Марк Маккинон сообщал: «Более 10 тысяч палестинцев эмигрировали только в течение 4 последних месяцев. Это невероятный поток (эмигрантов) в течение очень короткого времени из Западного берега и Полосы Газы… Последний опрос общественного мнения, проведенного университетом Бир-Зейт, показал, что 32% всех палестинцев и 44% от всей молодежи среди них эмигрируют, если смогут»[98].

Опрос, проведенный компанией «Near East Consulting» из Рамаллы, обнаружил, что в Полосе Газы желающих эмигрировать значительно больше – 47%[99].

Таким образом, по данным последних палестинских опросов, более 1 миллиона палестинцев хотят эмигрировать из Страны Израиль, но израильские власти мешают им осуществить это.

В июне 2007 года журналист Амит Коэн пишет в газете «Маарив»: «Около 14 тысяч палестинцев, т.е. более 1% населения, покинули Газу после осуществления плана по размежеванию…»[100].

2 июля 2007 года в интервью газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» премьер-министр ПНА Салем Файед сказал: «Как я могу справиться с такой проблемой, когда от 40 до 50 тысяч палестинцев эмигрировали и еще больше не эмигрировали только потому, что не смогли этого сделать. **Мы проигрываем в этой борьбе...»**[101].

Воспользуемся вышеупомянутыми данными для разработки 4 возможных сценариев прогноза численности населения этих регионов: первый, учитывая средний ежегодный миграционный баланс в 10 тысяч арабских эмигрантов, второй – 20 тысяч, третий – 30 тысяч и четвертый – 50 тысяч эмигрантов в год. В данной статье мы рассмотрим результаты только 2-го и 4-го вариантов (см. таблицы 4 и 5 и рисунки 16–19).

По второму варианту прогноза численность арабского населения Иудеи, Самарии и Полосы Газы может достигнуть 4344930 человек в 2050 году. Его доля в общем населении Страны Израиль растет до максимума в 27,2% в 2024 году и затем понижается до 25,3% в 2050 году к уровню 1992 года.

По этому же варианту прогноза доля арабов и друзов, граждан Израиля, растет до максимума в 15.2% в 2018 году, а затем начинает понижаться до 13,3% и возвращается к уровню, на котором они находились в 1984 году. Доля всего арабского населения к 2050 году по этому варианту может понизиться до 38,6%, т.е. до уровня 1988 года.

Доля евреев к 2050 году может быть 58,2%, а вместе с членами их семей, национальность которых не определена, – 61,4% от всего населения Страны Израиль.

В случае, если в период с 2007 по 2050 год эмиграция арабов из Иудеи, Самарии и Полосы Газы будет в среднем по 50 тысяч человек в год, то численность населения этих территорий достигнет пика в 2822017 человек к 2029 году. Затем она начнет уменьшаться и к 2050 году понизится до уровня 2496021 человек.

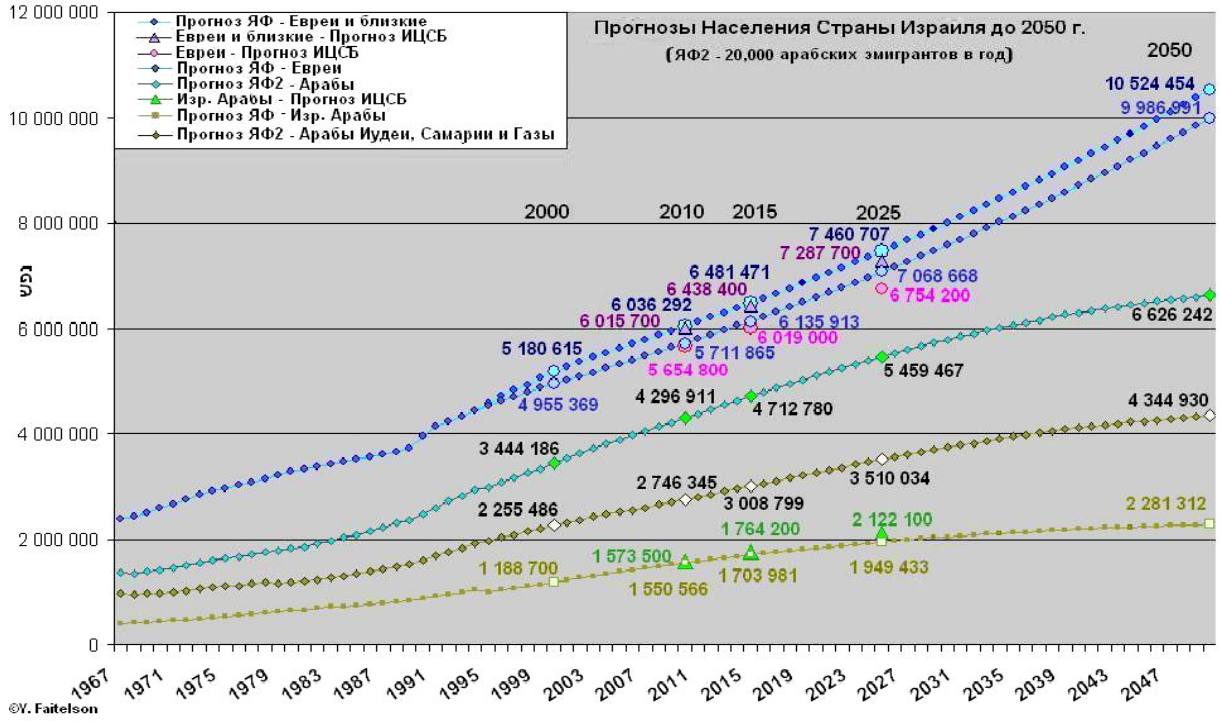


Рис. 16

Таблица 4

Прогноз населения Страны Израиля до 2050 года

Год	Евреи				Арабы и друзы, граждане Израиля		Арабы Иудеи, Самарии и Полосы Газа		Всего Арабы	
	Евреи		Евреи и их близкие							
	Вариант 2	Вариант 4	Вариант 2	Вариант 4	Вариант 2	Вариант 4	Вариант 2	Вариант 4	Вариант 2	Вариант 4
1993	60,5%				13,9%		25,6%		39,5%	
2000	57,5%		60,1%		13,7%		26,2%		39,9%	
2010	55,3%	56,0%	58,4%	59,1%	15,0%	15,2%	26,6%	25,7%	41,6%	40,9%
2015	54,8%	56,3%	57,9%	59,5%	15,2%	15,6%	26,9%	24,9%	42,1%	40,5%
2025	54,7%	57,8%	57,7%	61,1%	15,1%	16,0%	27,2%	22,9%	42,3%	38,9%
2030	55,0%	58,9%	58,0%	62,2%	14,8%	15,9%	27,1%	21,9%	42,0%	37,8%
2035	55,5%	60,3%	58,6%	63,6%	14,5%	15,7%	26,9%	20,7%	41,4%	36,4%
2040	56,2%	61,8%	59,3%	65,2%	14,1%	15,5%	26,6%	19,3%	40,7%	34,8%
2050	58,2%	65,2%	61,4%	68,8%	13,3%	14,9%	25,3%	16,3%	38,6%	31,2%

Таблица 5

Доли населения Страны Израиль по прогнозу до 2050 года
(тыс. чел.)

Год	Евреи				Арабы и друзы, граждане Израиля		Арабы Иудеи, Самарии и Полосы Газа			Всего Арабы		
	Евреи		Евреи и их близкие				Прогноз ЯФ		Прогноз ООН (низкий)	Прогноз ЯФ		Прогноз ООН + ИЦСБ
	Прогноз ЯФ	Прогноз ИЦСБ от 2004	Прогноз ЯФ	Прогноз ИЦСБ от 2004	Прогноз ЯФ	Прогноз ИЦСБ от 2004	Вариант 2	Вариант 4		Вариант 2	Вариант 4	
1993				4335,180		992,467		1832,800			2825,267	
2000		4955,369		5180,600		1188,700		2255,486	3149		3444,186	4337,7
2010	5711,9	5654,8	6036,3	6015,7	1550,6	1573,5	2746,3	2621,6	4374	4296,9	41723	5947,5
2015	6135,9	6019,0	6481,5	6438,4	1704,0	1764,2	3008,8	2709,7	4987	4712,8	44137	6751,2
2025	7068,7	6754,2	7460,7	7287,7	1949,4	2122,1	3510,0	2809,3	6223	5459,5	47587	8345,1
2030	7581,1		7998,6		2043,9		3741,0	2818,0	6840	5784,9	48619	
2035	8126,9		8571,7		2122,2		3942,9	2790,0	7421	6065,1	49122	
2040	8708,2		9182,0		2186,4		4110,4	2724,6	7952	6296,9	49110	
2050	9987,0		10524,5		2281,3		4344,9	2496,0	8833	6626,2	47773	

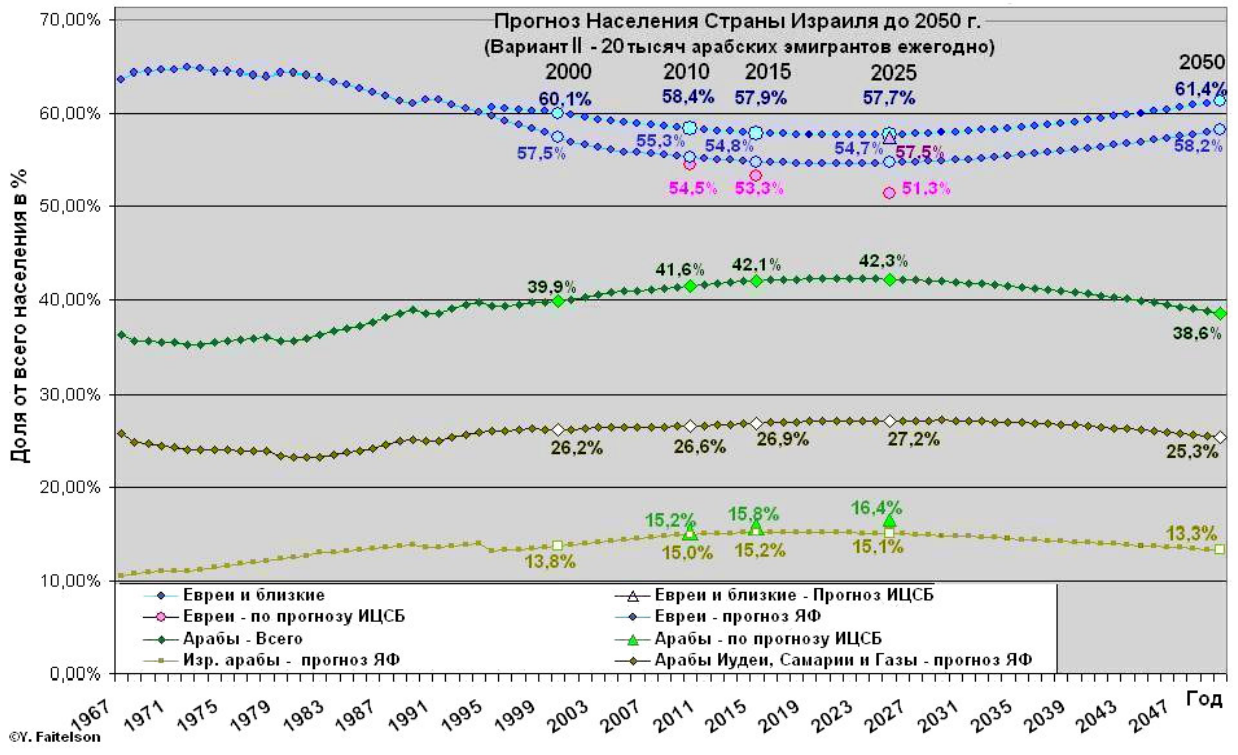


Рис. 17

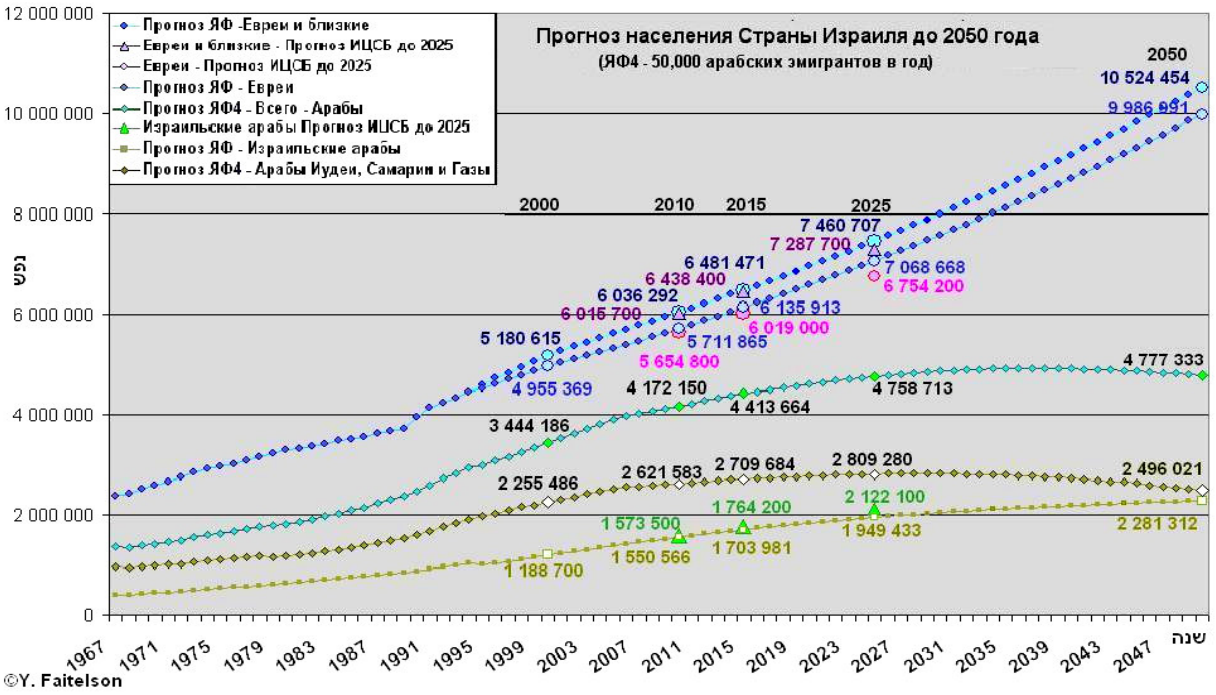

Прогноз населения Страны Израиля до 2050 года
(ЯФ4 - 50,000 арабских эмигрантов в год)
Прогноз ЯФ -Евреи и близкие
Евреи и близкие - Прогноз ИЦСБ до 2025
Евреи - Прогноз ИЦСБ до 2025
Прогноз ЯФ - Евреи
Прогноз ЯФ4 - Всего - Арабы
Израильские арабы Прогноз ИЦСБ до 2025
Прогноз ЯФ - Израильские арабы
Прогноз ЯФ4 - Арабы Иудеи, Самарии и Газы
2000
2010
2015
2025
2050
10 524 454
9 986 991
7 460 707
7 287 700
7 068 668
6 754 200
6 481 471
6 438 400
6 135 913
6 019 000
6 036 292
6 015 700
5 711 865
5 654 800
5 180 615
4 955 369
4 777 333
4 758 713
4 413 664
4 172 150
3 444 186
2 709 684
2 809 280
2 621 583
2 496 021
2 255 486
2 122 100
1 949 433
1 764 200
1 703 981
1 573 500
1 550 566
2 281 312
1 188 700
©Y. Faitelson

Рис. 18

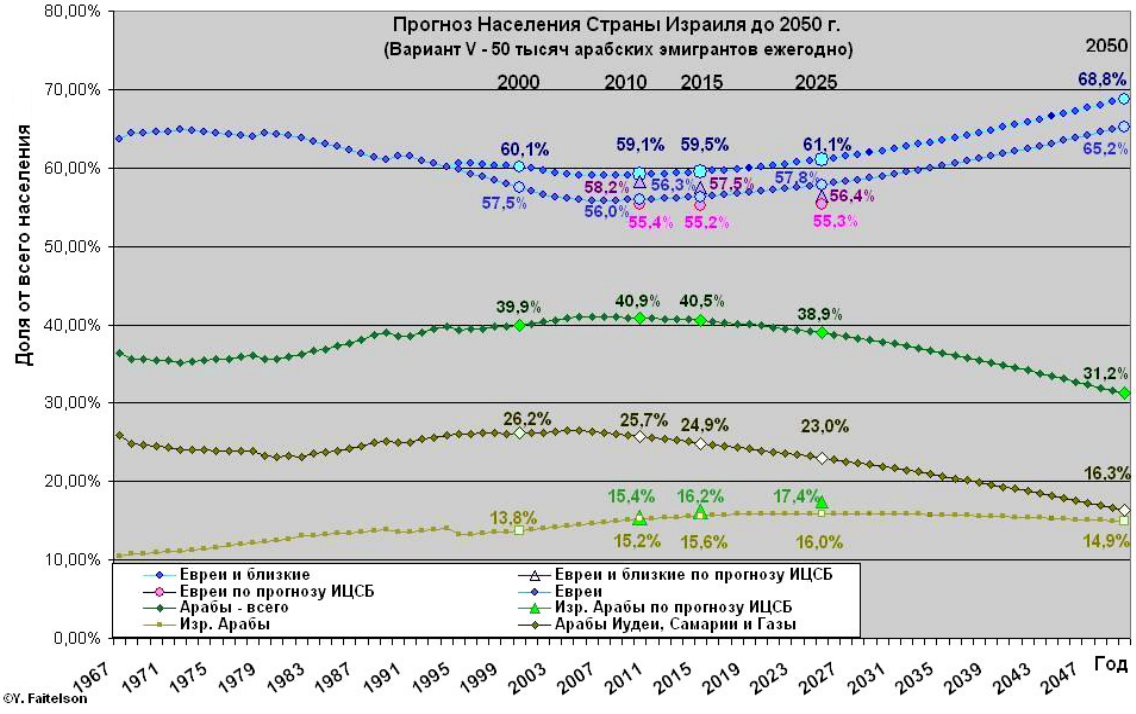

Прогноз Населения Страны Израиля до 2050 г.
(Вариант V - 50 тысяч арабских эмигрантов ежегодно)
Доля от всего населения
Год
2000
2010
2015
2025
2050
68,8%
65,2%
60,1%
59,1%
59,5%
61,1%
57,8%
58,2%
56,3%
57,5%
57,5%
56,0%
55,4%
55,2%
56,4%
55,3%
39,9%
40,9%
40,5%
38,9%
31,2%
26,2%
25,7%
24,9%
23,0%
16,3%
15,4%
16,2%
17,4%
13,8%
15,2%
15,6%
16,0%
14,9%
Евреи и близкие
Евреи и близкие по прогнозу ИЦСБ
Евреи по прогнозу ИЦСБ
Евреи
Арабы - всего
Изр. Арабы по прогнозу ИЦСБ
Изр. Арабы
Арабы Иудеи, Самарии и Газы
©Y. Faitelson

Рис. 19

При этом варианте доля населения Иудеи, Самарии и Полосы Газы растет до максимума в 26,5% в 2004 году, а затем понижается к 2050 году до 16,3%.

Доля всего арабского населения к 2050 году по этому варианту прогноза может понизиться до 31,2%, что на 21,8% ниже их доли в 2000 году.

Доля евреев к 2050 году может возрасти до 65,2%, а вместе с членами их семей, национальность которых не определена, до 68,8% от всего населения Израиля.

Общая численность населения страны Израиль в 2050 году может достигнуть 17,2 миллионов человек по второму варианту и 15,3 миллионов человек по четвертому варианту нашего прогноза. Для сравнения, по низкому варианту прогноза ООН от 2001 года, общая численность населения Страны Израиля к 2050 году должна достигнуть 17,2 миллионов[102].

Заключение

На сегодняшний день большинство средних и долговременных демографических прогнозов, представленных за последние 110 лет, оказались не состоятельными по отношению к численности населения Страны Израиль. Оперирование кратковременной статистикой, не учитывая долговременные экологические, военно-политические, экономические и социальные процессы в стране и за ее пределами, их влияние на демографию еврейского и арабского населения, приводит к значительным ошибкам в прогнозах.

Начиная с 1947 года осуществление прогноза, что евреи будут меньшинством в своей собственной стране, отодвигается уже в шестой раз. Сначала оно было перенесено с 1960 на 1968 год, затем на 1985 год, потом на 1990 год, на 2000, а сейчас уже на 2012 год.

Отсутствие объективной и точной переписи населения позволяет выдвигать фантастические предположения и необоснованные оценки численности арабского населения страны, используемые как оружие в психологической войне против еврейского государства.

Рост еврейского населения в Израиле всегда зависел от сочетания алии и естественного прироста, и алия всегда имела решающее значение. Естественный прирост еврейского населения, являющийся самым высоким в Западном мире, стабилизировался в течение последних десятилетий. Миграционный баланс в Израиле был отрицательным лишь в течение нескольких лет в 1953 (-1687 человек), в 1981 (-9747), в 1985 (-4421), в 1986 (-4226) и 1988 годах (-1100). Начиная с 1989 года он вновь стал положительным и остается таковым по сей день[103].

По сообщению ИЦСБ число эмигрантов из Израиля на 1000 жителей в 2005 году (1,6) было самым низким за последние 22 года, начиная с 1983 года[104]. Проверка данных ИЦСБ за 2006 год указывает на то, что этот процесс продолжается и что число эмигрантов сократилось до 1,4 на 1000 жителей.

Развитие внешнеполитических и экономических событий в странах диаспоры, а также улучшение или ухудшение безопасности и внутренней социоэкономической ситуации в Израиле могут повлиять в ту или иную сторону на уровень репатриации в страну.

Наблюдение за демографическими процессами, происходящими в течение последних 120 лет, показывает необоснованность утверждения, что евреи станут меньшинством в Стране Израиль, между Средиземным морем и рекой Иордан. Начиная с середины 60-х годов XX века в Израиле удерживается еврейское большинство в 59–60%.

Это большинство будет сохраняться и дальше, учитывая данные о темпах снижения естественного прироста арабского населения[105] в результате процессов урбанизации, распространения образования в широких слоях арабской молодежи, в особенности среди женщин, а также продолжающуюся постоянную и нарастающую арабскую эмиграцию из Иудеи, Самарии и Полосы Газы.

По результатам последних палестинских опросов общественного мнения, более 1 миллиона жителей ПНА хотят эмигрировать. Этот миграционный потенциал постепенно реализуется, несмотря на то, что меры безопасности, предпринимаемые израильскими властями, затрудняют доступ арабов Иудеи, Самарии и Газы к иностранным консульствам в Израиле, мешают оформлению эмиграционных документов и массовой арабской эмиграции.

700 тысяч жителей Газы, прорвавшихся на территорию северного Синая в феврале 2008 года, и десятки тысяч из них, требовавших разрешить им проезд в другие страны, продемонстрировали серьезность своих намерений.

Поскольку, как правило, эмигрируют люди молодого и среднего возраста, то можно предположить, что естественный прирост арабского населения начнет уменьшаться еще быстрее. Соответственно, еще более ускорится уменьшение доли арабов среди всего населения страны.

Сионистская поселенческая деятельность добилась столь колоссальных успехов, потому что поставила себе целью в корне изменить существовавшую демографическую реальность и предпринимала конкретные шаги для достижения этой цели. Лишенная прежней целенаправленной идеологии политика нынешнего израильского истэблишмента строится на ошибочных пессимистических прогнозах, исследованию которых была посвящена эта статья.

Правильная демографическая политика, направленная на продолжение алии и на усиление эмиграционных тенденций среди арабского населения, может вновь привести к увеличению доли евреев среди всего населения страны к середине XXI столетия.

[1] *Дубнов С.* Письма о Старом и Новом Еврействе: Письмо Шестое. Утопическое и реальное в сионизме. – С.-Петербург, 1907, с. 171.
[2] ICBS Yearbook for Israel 1970, #21, st. 3/B, c. 25.
[3] ICBS Yearbook 2007, #58, Jewish Population in the World and Israel, st. 02_27.
[4] ICBS. Last produced for Monthly Bulletin of Statistics No. 1/2008. B. Population. Table B/1.
[5] Official Records of the Second Session of the General Assembly, Supplement No. 11, United Nations Special Committee on Palestine, Report to the General Assembly, Volume 1, Chapter II The Elements of the Conflict, A. Geographic and Demographic Factors, *Population,* (c) Future Trends, cl. 18, c. 14. Lake Success, New York, 1947.
[6] UN General Assembly, A/364, «UNSCOP Report to the General Assembly», September 3, 1947.
[7] Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision, Occupied Palestinian Territory, http://esa.un.org/unpp, 15 July 2002.
[8] ICBS Yearbook 2006, #57, The Population by Religion & Population Group, c. 02.01, c. 85.
[9] See Footnote #5. (c) Future Trends, cl. 18/2, c. 14.

[10] United Nations Special Committee on Palestine (September 3, 1947). Recommendations to the General Assembly, A/364 Chapter VI, Part II.
[11] *Ezra Zohar.* Demographia – sakana kiyumit o mitus? (Демография – опасность для жизни или миф?) // Nativ 6 (101), November 2004.
[12] ICBS Yearbook 2003, № 54, The Population by Religion & Population Group, st. 02–01.
[13] See Footnote #8.
[14] See Footnote #8.
[15] See Footnote #9.
[16] *Jona Schellekens and Zvi Eisenbach*, The Predecline Rise in Israeli Moslem Fertility // The University of Chicago. Moslems Fertility development from 1900 500304.web.pdf. 2002. Appendix, c. 12.
[17] Tahazit hauhlusiya beIsrael ad 1985 (al basis sof 1965) (Прогноз населения Израиля до 1985 г. (на базе данных на конец 1965 г.)) // ICBS J-m 1968. st. 2; c. 2, st. 10, c. 10; st. 11, c. 11.
[18] ICBS Yearbook 1996, #47, 5.Immigration. st. 5.1. Immigrants and Potential Immigrants, by Period of Immigration.
[19] ICBS Yearbook 1987, #38, st. 27/1, c. 701.
[20] ICBS Yearbook 1972, #23, st. 17/b, c. 44.
[21] Encyclopedia Judaica (Энциклопедия Иудаика) V. 9, c. 474–493.
[22] *Shmuel Fridman.* Al Demographia ve'kzavim (О демографии и о лжи) // Ma'ariv. 07.07.1987.
[23] ICBS Yearbook 2006, #57, Immigrants by period of immigration, country of birth and last country of residence st. 04.4.
[24] Reported by *Dalia Shehori* in Al-Hamishmar, 12/5/1986, translated in *Israel Press Briefs*, No. 45, 5–6/1986, c. 14–15.
[25] Tahazit hauhlusiya be'Yehuda, Shomron vehevel Aza ad 2002 (Прогноз численности населения Иудеи, Самарии и полосы Газа до 2002 года) // ICBS, J-m, #802, December 1986.
[26] *Yerah Tal*. Be'shnat 2000: Israel lo yehudit. (В 2000 году: Израиль не еврейский) // Yediot Ahronot, 07.06.1987.
[27] *Dan Petreanu*. Demographics: Men or Myth // Jerusalem Post, 16.08.1988.
[28] See Footnote #24.
[29] ICBS Yearbook 2001 #52, Population, Population Estimates, the Population, by Religion and Population Group. st. 2.1.
[30] Постоянный житель Израиля (не гражданин страны) получает израильское удостоверение личности, регистрируется в переписи населения страны и имеет все права на все услуги государства, полагающиеся гражданину страны, за исключением права выбора в Кнессет и получения израильского паспорта.

[31] ICBS Yearbook 2006, #57. 2. Population. Sources of Population Growth. st. 2.2.
[32] ICBS, Statistical Abstract of Israel 2007. #58. 2. Population. Population Estimates, c. 80.
[33] The Jerusalem Post, 04.07.2001.
[34] La Presse Palestinienne, An Egyptian Intellectual: Arabs must use the Demographic factor against Israel: quoted from Al-Hayat (London-Beirut). July 29, 2001
http://www.crif-grenoble.org/revue%20de%20presse/presse%20palestinienne/pp0014.htm
[35] *Ze'ev Schiff*. Beating Israel without a battle. // Ha'aretz, 21.11.2001
http://www.aijac.org.au/updates/Nov-01/261101/html
[36] ICBS Yearbook 1996, #47. Judea, Samaria and Gaza Area. Population. st. 27.1 Migration Balance.
[37] State of Israel, Ministry of Interior, Authority for Population, Jerusalem, November 2003, The General Director visit file, c. 6, 8.
[38] PA Ministry of Health. Demography of the Occupied Palestinian Territory, 11.06.2005.
http://www.moh.gov.ps/index.asp?deptid=1&pranchid=49&action=details&serial=378
[39] Justin McCarthy, Palestine's Population During The Ottoman And The British Mandate Periods, Total Population: Palestinians in the World. Posted on September-8-2001.
http://www.palestineremembered.com/Acre/Palestine-Remembered/Story559.html
[40] See Footnote #19.
[41] *Arnon Sofer and Evgenia Bystrov*, Israel Demography 2004–2020, In light of the process of Disengagement // Reuven Chalkin Chair in Geostrategy, Haifa University, Haifa, March 2005. Table 1, c. 8 and Table 2, c. 17.
[42] Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2006 Revision and World Urbanization Prospects: The 2005 Revision
http://esa.un.org/unpp, Sunday, 10.06.2007.
[43] *Haggai Segal*. Ha'baya hademonografit // Hidat Faitelson. (Демонографическая проблема – Загадка Файтельсона) // Besheva, 22.01.2004.
[44] *Bennet Zimmerman* (Project Leader), *Yoram Ettinger* (Israel Team Leader), Arab Population in the West Bank & Gaza, The Million and a half Person Gap, Full Study & Presentation, presented at the American Enterprise Institute, Washington, DC, 10.01.2005, Appendix E, Population by Segment 1967–2004.

[45] *'Abdul Haq A., Al-'Amary S., Haifa S., Nasser S., Scott A., Taraki L.* Housing Requirements in the Future Independent Palestinian State. A study for the United Nations Center for Human Settlements (HABITAT) commissioned from Birzeit University, 1989, c. 121.
[46] Source: MOH-PHIC. Population and Demography. Health Status in Palestine 2003, July 2004 PA MOH annual_Report 2003 pdf file Chapter 1. 1. Population and Demography. 1.3 Executive Summary. c. 1. 16/05/2005
http://www.moh.gov.ps/index.asp?deptid=5&pranchid=59&action=details&serial=207
[47] Source: State of Palestine Ministry of Health. Annual Report 2004. Chapter 1. 1. Population and Demography. 1.2 The Palestinian Population in Palestine. c. 2. 19/11/2005.
http://www.moh.gov.ps/index.asp?deptid=5&pranchid=59&action=details&serial=727
[48] Source: State of Palestine Ministry of Health. Population 2005. 17/02/2008
http://www.moh.gov.ps/index.asp?deptid=5&pranchid=0&action=newsupdate; http://www.moh.gov.ps/prv/scroller_newstic.html
[49] Palestinian Central Bureau of Statistics, 2006. Palestinians at the End of Year 2006. Table 1: Estimated Palestinian Population in the World by Reside Country, End Year 2006. Ramallah – Palestine. December 2006, c. 31.
[50] See Footnote #47. 1.8 The Demographic Characteristics of Palestinians in Diaspora. The Palestinian Population in Palestine, c. 4.
[51] See Footnote #48. c. 3. 19/11/2005.
[52] Source: MOH-PHIC. Population and Demography. Health Status in Palestine 2005, October 2006.
Annual Report 2005. Chapter 1. 1. Demography and Population. 1.2 The Palestinian Population in Palestine, c. 4, 15/01/2007
http://www.moh.gov.ps/index.asp?deptid=5&pranchid=184&action=details&serial=3661
[53] *Joel Greenberg*. Palestinian Census Ignites Controversy Over Jerusalem // New York Times, 11.12.1997.
[54] ICBS 1989 #40, Chapter 2, Population, c. 33, Population Projection, table B/22, c. 81–80.
[55] ICBS Last produced for Monthly Bulletin of Statistics No. 6/2007, Chapter 2, Population, table B/1.
[56] ICBS Last produced for Monthly Bulletin of Statistics No. 1/2008, Chapter 2, Population, table B/1.
[57] ICBS 1999 #50, Projections of Population in Israel for 2005–2020, by Population Group, Religion, Sex and Age, table 2.26.
[58] ICBS 1999 #50, Chapter 2, Population, Population Estimate, Population Projection.

[59] ICBS 2004 #55 Projections of Population in Israel for 2010–2025, by Population group, Religion, Sex and Age, st. 2.27.
[60] ICBS 2004 #55, Chapter 2, Population, Sources, Projections of Population, c. 2–2.
[61] ICBS 2007 #58, st. 4.02, Immigrants by Period of Immigration and last Continent of Residence.
[62] ICBS 2004 #55, Population, Immigrant Population from USSR (former) immigrated at 1990–2003, st. 2.25.
[63] ICBS 2007 #58, Immigrants by Period of Immigration and last Country of Residence, st. 4.04.
[64] ICBS 2006 #57, Population, Immigrant Population from USSR (former) immigrated at 1990–2005, st. 2.25.
[65] Детальная разработка сценариев демографического прогноза для населения Страны Израиль до 2050 г. приведена в работе автора «Демографические тенденции в Стране Израиля (1882–2007)», готовящейся к печати на иврите в Израиле.
[66] Encyclopedia Britannica, Demography, vol. 5, c. 577.
[67] ICBS 2007 #58 Sources of Population Growth, Annual Growth %, Population Group, Jews, st. 2.03.
[68] ICBS Press Release 262/2007. Population of Israel on the eve of 2008 -7.2 Million, 30.12.2007.
[69] See Footnote #60.
[70] See Footnote #8. Israel. http://esa.un.org/unpp, 15 July 2002.
[71] See Footnote #58. st. 02-2abcd.
[72] See Footnote #60.
[73] Реальная численность граждан Израиля в 2005 году, по данным ИЦСБ.
[74] See Footnote #8. Israel.
[75] See Footnote #19.
[76] *Bennet Zimmerman*, *Yoram Ettinger*. Arab Population in the West Bank & Gaza, The Million and a half Person Gap, presented at the AEI, Washington, DC, January 10, 2005, Appendix E. Population by Segment 1967–2004.
[77] See Footnote #8 Growth Rate.
[78] See Footnote #43.
[79] See Footnote #43 Occupied Palestinian Territory. Demographic Profile, 1959–2050.
[80] Population Reference Bureau. 2007 World Population Data Sheet. Demographic Data and Estimates for the Countries and Regions of the World. Rate of Natural Increase (%). Palestinian Territory, c. 9.
http://www.prb.org/pdf07/07WPDS_Eng.pdf

[81] *Kristin Dalen and Jon Pedersen.* FAFO 2004, report #433, «The Future Size of the Palestinian Population of the West Bank and Gaza Strip», c. 18, www.fafo.no/english/pub/Emner/mideast.htm
[82] See Footnote #82 Fertility, c. 13.
[83] MOH-PHIC. Population and Demography. Health Status in Palestine 2003, I. Population and Demography: 1.3 Executive Summary, c. 2, July 2004.
[84] PA MOH Annual_2005_pdffile_chapter1, 1. Population and Demography, 1.2 The Palestinian Population in Palestine, c. 3.
[85] MOH-PHIC. Population and Demography. Health Status in Palestine 2005, Chapter 1, I.0. Demography and Population: 1.2 The Palestinian Population in Palestine, October 2006, c. 4.
[86] PA MOH annual_Report 2004 pdf file Demography and Population Chapter 1, 19.11.2005. PA MOH Annual Report 2003 pdf file Demography and Population Chapter I, I. Population and Demography, 1.2 The Palestinian Population in Palestine, November 19, 2005, c. 3.
[87] See Footnote #86.
[88] Кузьмин А.И. Курс лекций «Основы демографии»: Лекция 3. Теория демографии. Теория демографического перехода. С. 5.
[89] The Demographic Survey in the West Bank and Gaza Strip: Preliminary Report. // Palestinian Central Bureau of Statistics. Ramallah: PCBS, 1996, 281 c. In Arabic and English.
[90] See Footnote #84. 1.8 The Demographic Characteristics of Palestinians in Diaspora, The Palestinian Population in Palestine, High fertility rate in Palestine, July 2004, c. 4.
[91] See Footnote #83.
[92] See Footnote #82 Two Projection series, The total population, p. 16–17.
[93] Joan Peters. «From Time Immemorial», «The Needy and the Numbers» // J. KAP Publishing, 1984, c. 16–19.
[94] See Footnote #40 The Quality of the Data.
[95] See Footnote #95, Mortality, 08.09.2001.
[96] *Janet Abu-Lughod*. The Demographic War For Palestine // The Link, December 1986. Vol. 19, No. 5.
[97] *Yoram Ettinger* (in conjunction with *Bennett Zimmerman, Michael Wise and Roberta Seid*), Demography constitutes a strategic asset, not a liability // MABAT publication of Israel's Intelligence Center, *Oct. 2007.* http://www.jerusalemsummit.org/eng/razdel-inn.php?id=210
[98] *Mark MacKinnon*, «Heavy-hearted Palestinians taking their chances abroad», http://www.theglobeandmail.com/international/africa-mideast, Posted on 20/11/06

[99] *Haggai Guberman*. Seker beRetsua: kemahatsit mevakshim laazov (Исследование в Полосе Газы: около половины населения хочет уехать). October 5, 2007. http://www.inn.co.il/News/News.aspx/167201
[100] *Amit Cohen*. Meaz hahitnatkut hapalestinim borhim miAza (С момента размежевания палестинцы бегут из Газы) // Ma'ariv, Hadashot (Новости), 11.06.2007, с. 3.
http://epaper.maariv.co.il/Repository/ml.asp?Ref=TXJ2LzIwMDcvMDYvMTEjQXIwMDMwMg==&Mode=HTML&Locale=hebrew-skin-custom.
[101] *Dalit HaLevi*. Harashap mode: asarot alfei palestinim higru. (Руководство ПА признает: десятки тысяч палестинцев эмигрировали за границу) // Aruts 7 (7-й канал) Hadashot (Новости), 02.07.2007.
http://www.inn.co.il/News/News.aspx/164272
[102] See Footnote #71.
[103] See Footnote #68.
[104] Roi Mendel. Keshlish meha'yordim be-2005 – olim mi'Brit hamoetsot (Около трети эмигрантов в 2005 г. – репатрианты из бывшего Советского Союза) // Y-net. 15.08.2007.
[105] See Footnote #82, pages 12–13.

Владимир (Зеэв) Ханин

ФЕНОМЕН ГАЙДАМАКА: ОПЫТЫ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Современный Израиль – это страна, которой удалось сформировать почти полноценную (хотя и, в силу исторических причин, весьма специфическую) модель либеральной демократии в совершенно, казалось бы, цивилизационно не приспособленном для этого регионе мира – Ближнем Востоке. В том числе, и поэтому для политической культуры Израиля характерен симбиоз целого ряда весьма противоречивых элементов. Одним из них является очевидное несоответствие между высокой степенью политизации израильского общества и внешней динамичностью политических процессов, с одной стороны, и стабильностью, даже консерватизмом политической структуры страны, с другой.

Одним из проявлений этого парадокса является тот факт, что смена поколений в израильской политике идет крайне медленно, а новые лица в политической элите появляются довольно редко. «Русская политика» в стране, базой для которой является почти миллионная община выходцев из бывшего СССР, обретшая свою самостоятельную роль в структурах власти Израиля только 10–15 лет назад, несмотря на ее молодость, не стала исключением. По сути, выходцам из СССР, в массе своей колеблющимся между идеей поддержать «свою» общинную партию (по опросам, примерно 50% русскоязычных) или общеизраильское движение с «сильным русским крылом» (эту опцию обычно поддерживают от четверти до трети опрошенных), и сегодня приходится в основном выбирать из деятелей «первого призыва», вышедших на политическую арену в самом начале 90-х годов прошлого века.

Эволюция идеи

Тем больше надежд было связано с российско-израильским бизнесменом и филантропом Аркадием Гайдамаком, ко-

торый оказался в центре общественного внимания после того, как во время второй Ливанской войны организовал эвакуацию тысяч жителей северных городов Израиля в основанный им палаточный городок в центре страны, а также предпринял целый ряд других, часто не менее громких благотворительных проектов. Тем самым он снискал огромную известность в стране и популярность в определенных группах, и ни у кого не вызвало удивления, что на определенном этапе он решил «конвертировать» эту популярность в политический капитал.

Собственно, идея создания очередной «общеизраильской партии с русским акцентом» была озвучена Гайдамаком еще накануне предыдущих выборов в Кнессет. В тот момент его очевидной целью было занять центристскую нишу, освобождающуюся после распада Шинуя – партии «угнетенного среднего класса» радикально-антиклерикальной ориентации. (Последняя на выборах 2003 г. получила 15 мандатов, четыре из которых дали русскоязычные избиратели, в основном из бывшего электората «русской центристской партии» «Исраэль ба-алия» – ИБА). 27 ноября 2005 г. Гайдамак объявил о намерении создать новую партию на базе возглавляемого им (и исторически связанного с Ликудом) международного молодежного движения «Бейтар». Однако уже на следующий день Гайдамак заявил, что его движение поддержит партию Кадима, незадолго до того созданную тогдашним премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном[1], но не получив никаких предложений от последнего, на время отложил свои партийно-политические планы.

Гайдамак вернулся к идее создания собственного общественного движения в конце 2006 г., и некоторое время казалось, что на этот раз его союзником станет правоцентристский Ликуд. Последний, потерпев поражение на выборах 2006 г., вскоре стал вновь быстро «набирать очки» – параллельно с падением (в свете невнятных итогов второй Ливанской войны и коррупционных скандалов) рейтинга правящей Кадимы и ее лидера, нынешнего премьер-министра страны Эхуда Ольмерта. При этом руководителям Ликуда было понятно, что задачу возвращения их движению статуса правящей партии (который она имела в 1973–1992, 1996–1999 и 2001–2005 гг.) будет невозможно решить без массовой поддержки русскоязычных избирателей. В этих условиях было большим искушением сконструировать «партию-спутник», которая могла бы «подобрать» ту часть бывшей инфраструктуры и электората ИБА, которая

осталась «бесхозной» после поражения партии на выборах 2003 г. и присоединения ее лидеров Натана Щаранского и Юлия Эдельштейна и небольшой группы их сторонников к Ликуду. Гайдамак и его движение, как тогда казалось многим, почти идеально подходили на эту роль силы, способной переключить на себя, а затем привести в блок с Ликудом тех избирателей, которые при любом исходе предпочитали голосовать за «свою русскую партию» (и которые за неимением другой опции в 2006 г. массово проголосовали за «русскую партию с израильским акцентом» НДИ А. Либермана.)

По данным прессы, в течение 2007 г. лидер Ликуда Биньямин (Биби) Нетаниягу неоднократно встречался с Гайдамаком (в частности, появился на массовом Ханукальном вечере, который Гайдамак организовал в том году) и в ходе одного из таких контактов предложил русскоговорящему бизнесмену создать собственную партию, чтобы оттянуть на себя часть голосов НДИ. Хотя Нетаниягу всячески отрицал, что подобное предложение с его стороны имело место, по утверждениям СМИ (например, «Гаарец»), Аркадий Гайдамак координировал планы по созданию новой партии с лидером Ликуда, чью кандидатуру на пост премьер-министра активно поддерживал.

Первоначально казалось, что события развиваются именно по задуманному в Ликуде сценарию. После серии интервью, которые оба дали различным русскоязычным СМИ и где они восхваляли друг друга, опросы показали, что популярность Нетаниягу на «русской улице» выросла на 17%. Параллельно структурировался и лагерь Гайдамака: в феврале 2007 г. он объявил о создании движения «Социальная справедливость» (Цедек хеврати – ЦаХ)[2], 12 июля того же года ЦаХ был официально преобразован в политическую партию[3], которая заранее была объявлена журналистами «русским сателлитом Ликуда». Однако уже вскоре события приняли совсем иной оборот: в отношениях двух политиков началось заметное охлаждение. Поводом, по слухам, стало обращение одного из приближенных Биби к госконтролеру с просьбой проверить легитимность участия бизнесмена в рекламной кампании фирмы «Пелефон». Они остались натянутыми и после того, как канцелярия Нетаниягу опровергла этот факт.

В итоге после того, как Гайдамак месяцами твердил, что лучший кандидат в премьер-министры – это Нетаниягу, в прессе замелькали намеки, что Гайдамак, возможно, поддержит

нового председателя партии Авода Эхуда Барака. Более того, в мае-июне 2008 г. появились сообщения, что Гайдамак ведет «тайные переговоры по неформальному каналу связи» и с лидером Кадимы и премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом, которого миллионер менее года назад именовал не иначе, как «политическое ничтожество». Теперь же, по сообщениям СМИ, оба лидера, которые еще ранее перестали выступать с нападками друг на друга, всерьез обсуждали возможность кооперации на муниципальных выборах в ноябре 2008 г.[4], причем Ольмерт в интервью газете «Гаарец» заявил, что не отвергает идеи поддержать кандидатуру Аркадия Гайдамака на пост Иерусалимского мэра[5].

Платформы для избирателя

На практике, вероятно, все было намного сложнее, чем просто кризис взаимоотношений Гайдамака с Нетанияху, который, кстати, не спешил гарантировать русско-израильскому «олигарху» заявленное им место в своем будущем правительстве либо поддержку Ликуда в борьбе Гайдамака за пост мэра Иерусалима. Намного большую роль сыграла очевидная трансформация концепции создаваемой партии. Насколько можно судить, «Социальная справедливость» первоначально мыслилась как центристский политический проект, весьма близкий по конструкции «обновленной НДИ» Либермана.

Подобно последней, партия ЦаХ могла бы быть отнесена к новому поколению «русских несекторальных партий», которые в отличие от НДИ позиционируют себя не в правоцентристской, а в левосоциальной части политического спектра страны. При таком раскладе было понятно, что основной политический капитал Гайдамака находится на русской улице (в первую очередь это те самые 6–7 бывших мандатов распавшейся «Исраэль Ба-алия», которые в 2006 г. в массе своей проголосовали, за неимением другой «русской» альтернативы, за НДИ). Однако политические амбиции лидера нового социально-центристского движения довольно скоро вышли за рамки «русского» сектора, а возможно, никогда им и не ограничивались. Создается впечатление, что Гайдамаку и его советникам в какой-то момент показалась продуктивной идея освоить всю нишу «социально-протестного голосования», ко-

торую на прошлых выборах заняла Партия пенсионеров, имеющая, судя по опросам, мало шансов вновь пройти электоральный барьер.

В итоге, начав с «русских», партия ЦаХ постепенно стала все активнее обращаться к иным общественным силам, прежде всего, учитывая социальную направленность этого движения, к малообеспеченным слоям, уделяя приоритетное внимание группам, обиженным на систему за многолетнее пренебрежение и нежелание решать их закоренелые проблемы. Так, в интервью русскоязычному Девятому каналу Гайдамак заявил, что его главный приоритет – привлечь избирателей-сефардов, во вторую очередь – ортодоксальных иудеев-ашкеназов и только затем – российских репатриантов[6], а в других заявлениях обещал учесть также потребности израильских арабов, бедуинов и друзов. Показательно также, что место в партийном списке было обещано и председателю Израильской организации инвалидов Момо Наквэ. По сути, речь теперь шла о создании не столько секторального списка, сколько партии «институционализированного социального протеста», кредо которой Гайдамак сформулировал хоть и расплывчато, но претенциозно:

«Мое движение призвано сформировать взаимопонимание среди неимущих «меньшинств», составляющих большинство, для людей, никогда не допускавшихся во власть, людей, которым недоступно новое богатство, людей незащищенных и не имеющих покровителей среди столпов общества. У таких людей много общего, хотя власть имущие стремятся натравить их друг на друга – марокканцев и русских, палестинцев и евреев-ортодоксов, и всех рядовых израильтян из малообеспеченных слоев. У этих людей нет причин враждовать между собой – все они нуждаются в социальной справедливости, ибо при недавнем перераспределении благ они остались ни с чем. Израиль расслоился при старой социалистической модели, изобиловавшей протекционизмом и несправедливостью, однако новая модель оказалась слишком жестокой для простых людей»[7].

Обозреватели уже отметили уникальность «ноу-хау» Гайдамака, который начал вхождение в израильскую политику с арабоязычных меньшинств. Показательно, что Гайдамак фактически начал муниципальную кампанию своей партии со встречи в своем доме в Кейсарии с полусотней глав местных

советов, директоров школ и других видных представителей друзского сектора, которые выразили миллиардеру «глубокую признательность» за поддержку их образовательных проектов. По данным прессы, встречу организовал председатель Высшего координационного совета друзских общин Мухаммед Рамаль, который считается человеком, близким к Гайдамаку[8]. В свою очередь, Салем Абу Ганэм, пользующийся большим влиянием на бедуинское население юга страны и которого, по данным израильских СМИ, свела с людьми Гайдамака член муниципального совета Ашкелона от Аводы Софа Бейлина, пообещал «Социальной справедливости» поддержку 20 тысяч бедуинов. Наконец, по данным журналистов газеты «Едиот Ахронот» Гидона Мэрома и Одеда Шалома, представители Аркадия Гайдамака в рамках его борьбы за пост мэра Иерусалима обещали «влиятельным фигурам» в Восточном Иерусалиме, что, если их патрон получит этот пост, он обязательно выберет себе арабского заместителя. «Парадоксальным образом «чужеродность» Гайдамака, – пишет обозреватель «Гаарец» по «русским» вопросам Лили Галили, – делает его привлекательным в глазах арабов. В арабском секторе Гайдамака воспринимают эдаким Джеймсом Бондом, который появился, чтобы проучить истеблишмент и совершить благое дело»[9].

Вероятно, именно данные соображения подвигли авторов программы ЦаХ включить в платформу партии, вопреки стремлению всех классических партий центра выносить за скобки вопросы арабо-израильского конфликта, идеи «равенства и мирного сосуществования» с израильскими арабами и палестинцами за «зеленой чертой», урегулирование по модели «два государства для двух народов» и параллельно с признанием Абу-Мазена лидером палестинцев проведение переговоров с ХАМАСом, если эта организация прекратит террористическую деятельность[10]. В остальном, будируя прежде всего, социальную тему, движение остается вполне в рамках «центристской» логики, делая весьма размытые, часто взаимоисключающие заявления по поводу базовых общественных проблем. Так, говоря о своих политических взглядах, Аркадий Гайдамак заявил: «В том, что касается социальной защиты граждан, я левый. В международной политике и стремлении к миру я центрист. А в экономике – крайне правый»[11].

Опыт политической технологии

Во всех этих, в принципе, эффектных шагах, которые вполне могут принести и электоральные очки, содержится немало внутренних противоречий и зерен будущего кризиса. Помимо обычной для центристских партий противоречивости подходов, что может взорвать движение изнутри, – если не сейчас, то в ближайшем будущем, – у ЦаХ есть и более неотложные проблемы. Во-первых, апеллируя к широким «непривилегированным» общественным слоям и играя лево-популистской риторикой, лидеры ЦаХ рискуют потерять «русскую улицу». Партия Гайдамака, которая, судя по первым оценкам, могла переключить на себя едва ли не треть нынешнего потенциала НДИ и немалую часть разваливающегося электората Кадимы[12], стала вскоре быстро сдавать обороты.

Понятно, мало кто из аналитиков верил данным «внутренних» опросов общественного мнения, которые сулили «Социальной справедливости» 12–17 мандатов. Тем не менее можно было предположить, что Гайдамак будет в состоянии аккумулировать протестный потенциал общины и собрать 2–3 «русских» мандата (вероятно, тех, которые поддержали партию ИБА Натана Щаранского в 2003 г., но не последовали за ним в Ликуд), а также 1–2 мандата на «общеизраильском рынке». Т.е, войти в ту нишу, которую сегодня пока занимает Партия пенсионеров «ГИЛь» (Показательно, что после недавнего выхода трех депутатов из фракции «ГИЛь» в Кнессете Гайдамак заключил соглашение с новой группой. Последние, приняв название «Цедек ле гимлаим» – «Справедливость пенсионерам», заявили, что они являются парламентским представительством ЦаХ. Это соглашение, впрочем, не прошло утверждения Кнессетом).

У Гайдамака есть и другая кардинальная дилемма, которая уже сейчас – или очень скоро – может стать трудно решаемой. Речь идет о противоречии между его позиционированием в качестве несистемного или даже антисистемного лидера и вполне конкретными политическими целями, которых Гайдамак намерен добиться в рамках существующей политической системы страны. Иными словами, нападая на истеблишмент и активно привлекая радикально-протестный электорат, немалая доля которого желает просто «досадить» власти, Гайдамак рискует сильно разочаровать своих нынешних сторонни-

ков, когда, войдя во власть, неизбежно будет вынужден «играть по правилам», причем на чужом поле. Пока что у Гайдамака, который, похоже, решил до конца придерживаться избранной популистско-протестной линии, нет иного выхода, кроме как поддерживать «высокий накал страстей», обрушиваясь с нападками на «эгоистичных профессиональных политиков», «тенденциозную юридическую систему», «непрофессиональных бюрократов» и «продажную прессу».

На этом пути он все чаще теряет чувство меры и переходит границы дозволенного даже по весьма размытым нормам израильской политики, что может на каком-то этапе стать для него контрпродуктивным. Нападки, которые все больше выходят за рамки «хорошего тона», уже сейчас сильно раздражают немало представителей информационно, политически и экономически влиятельных кругов, которые чем дальше, тем больше перестают относиться к нему как к «забавному казусу» и готовятся «открыть огонь». В итоге по подсчетам Globes, если в апреле 2008 г. про него вышло 45 положительных упоминаний в прессе и 27 отрицательных, то в июле того же года почти половина материалов про Гайдамака содержала отрицательный контекст[13]. Кроме того, подчеркнуто резкий (в стиле «а-ля Жириновский») тон Гайдамака способен отвратить от него немало потенциальных избирателей, особенно на «русской улице», где чуть ли не каждое его высказывание (типа скандального интервью Илане Равве на радио РЭКА) лишает его от нескольких сот до нескольких тысяч потенциальных голосов. В итоге русскоязычные избиратели составляют уже менее трети потенциала движения «Социальная справедливость», которое, судя по опросам, может получить сегодня три, максимум – четыре мандата, хотя и имеет все еще неплохой шанс пройти электоральный барьер.

Партийное строительство в контексте выборов

Тестом, судя по всему, станут ноябрьские муниципальные выборы 2008 г., на которых «Социальная справедливость», по имеющимся данным, намерена выдвинуть своих претендентов на посты мэров в 22 населенных пунктах, а связанные с партией списки включают около 200 претендентов на места в городских и районных советах. Среди претендентов от его партии на

посты мэров в других городах числятся как бывшие активисты ШАСа, Ликуда и НДИ, так и новые заметные лица (типа отставных военных и полицейских высокого ранга). Примерно теми же методами идет работа и в арабском секторе. (Так, в прессе появилась информация, согласно которой «шейхи и старейшины деревни Айн-Махеле благословили Хабибаллу Мухаммеда Абду, в прошлом активиста арабских партий, баллотирующегося от «Социальной справедливости» на пост мэра этого арабского населенного пункта»). В целом же партия рассчитывает на представительство в 78 из 251 муниципалитетов Израиля. Сам Гайдамак выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Иерусалима: 30 июля 2008 г. он официально начал свою предвыборную кампанию в городе, обещая найти «индивидуальный подход к светским, религиозным и арабским жителям столицы». (Предвыборный штаб ЦаХ, который, по данным прессы, намерен открыть также 10 филиалов в разных кварталах города, возглавил Арье Шумер, бывший гендиректор канцелярии президента Израиля, руководивший предвыборной кампанией в 2003 г. нынешнего главы муниципалитета Ури Луполянского)[14].

К этим выборам, успех на которых, как считается, обеспечит и «входной билет» в Кнессет, Гайдамак и его сторонники стали готовиться загодя, на протяжении уже почти года структурируя институты «Социальной справедливости». Последние, по мнению наблюдателей, все более выглядят как грамотно выстроенный «политический бизнес-проект», требующий и соответствующих расходов. В окружении Гайдамака отмечают, что в кампанию по выборам в местные органы власти он вложит 30 млн. шекелей, а в целом «на пути к созданию партии» он пока истратил примерно 80–90 млн. долл.[15] Немалую часть этих средств составили крупные пожертвования, сделанные Гайдамаком представителям каждой из трех групп малообеспеченных слоев израильского общества, на которые имеет электоральные виды ЦаХ – этнические меньшинства (друзы, арабы и бедуины), ультрарелигиозные евреи и жители городов периферии – в массе своей сефардского и «русского» происхождения[16].

По данным прессы, выработка концепции «партийного строительства» поручена стратегическому советнику Гайдамака, тоже выходцу из бывшего СССР Йоси Мильштейну; а к разработке идеологической программы партии привлечены представители академических кругов, среди которых выделяется

специалист по социальной работе доктор Гитит Гиль Рон. Платформу ЦаХ по вопросам внешней политики и безопасности (несмотря на «объявленный нейтралитет» в этой сфере) призвана разработать экспертная группа, которой, по данным СМИ, согласился руководить бывший глава Совета национальной безопасности и один из «архитекторов» шароновского плана «одностороннего размежевания с палестинцами» генерал-майор запаса Гиора Айленд.

Непосредственно же формированием инфраструктуры партии, по тем же данным, занимаются два ветерана Ликуда – отец и сын Яков и Давид Нородецкие. (Первый входил в Центр Ликуда, а второй, адвокат по профессии, до недавних пор был активистом отделения Ликуда в центре Тель-Авива и принадлежал к лагерю сторонников Нетаниягу в этой партии). Основные усилия Нородецкие затрачивают на создание десятков местных отделений ЦаХ по всей стране. Используя разветвленные связи, они продвигают своих людей на ключевые позиции в местных советах, вербуя тех, кто остался вне политических структур (например, бывших активистов распущенного Шинуя и слившихся, соответственно, с Аводой и Ликудом партий «Ам-эхад» и «Исраэль ба-алия»), а также тех, кто согласен сменить партийную принадлежность. Предложения войти в «Социальную справедливость» получили, по данным «Едиот Ахронот», сотни активистов различных партий, глав местных советов и мэров городов, и часть из них («в том числе один из самых известных и уважаемых мэров») ответила на эти предложения положительно.

Уже на первом этапе формирования ЦаХ ииициаторы проекта объявили в качестве сверхзадачи ни много ни мало «развалить Ликуд и переманить в «Социальную справедливость», по крайней мере, половину ликудников и сравняться с этой партией по численности»[17]. В итоге, если верить информации, которую распространяли Народецкие, численность партии выросла с примерно 4 тыс. израильтян, которые изъявили желание вступить в нее в первые месяцы и после ее регистрации, до более 110 тыс. активистов в мае 2008 г. На момент же окончания 27 июля продолжавшейся с марта 2008 г. кампании массовой записи общее количество членов партии Аркадия Гайдамака, согласно утверждению его советников, достигло 120 тыс. человек, в том числе более 28 тыс. (24%) русскоязычных[18]. Если верить этим данным, то движение Гайдамака обошло по численности все крупные израильские партии.

Впрочем, пока не вполне понятно, идет ли речь о реальном числе формальных членов партии или Гайдамак просто имеет в виду число избирателей, соответствующих тем трем или чуть более мандатам, которые опросы дают ЦаХ, если бы выборы в Кнессет состоялись сейчас. Нетрудно также заметить, что число «объявленных русскоязычных» членов партии тоже почти точно соответствует тем 0,7–0,8 мандата, которые партия, по данным опроса Института «Мутагим», пока набирает в общине. В любом случае лидеры партии продолжают официально оперировать именно этими цифрами, которые фигурировали и на состоявшейся 29 июня 2008 г. в рамат-ганском отеле «Кфар Маккабия» первой конференции партии «Социальная справедливость», где и было официально объявлено о начале предвыборной муниципальной кампании партии. На съезде были представлены 78 муниципальных штабов ЦаХ, причем доля русскоязычных глав отделений не превышала 30%.

Итак, в качестве «русского общинного проекта» партия Гайдамака более не существует. Чем же она сегодня является? И в чем состоит суть самого Аркадия Гайдамака как феномена современной израильской политики?

Who is Mr. Gaydamak?

Сам Гайдамак, отвечая на подобный вопрос корреспондента пятничного приложения газеты «Едиот Ахронот» («Шева Ямим», 23 мая 2008 года), утверждал следующее: «Я не сефард, и не ашкеназ, я израильский феномен. Меня все знают и принимают – арабы и евреи, светские и религиозные. Я другой, но не чужой. Глава правительства – это только функция, я же уже лидер. Я обладаю большей силой, чем премьер-министр, и достиг своего статуса, даже не зная языка. Я стал самым популярным человеком в стране не из-за слов, а из-за действий»[19].

Даже если оставить в стороне дискуссию о том, насколько подобная оценка соответствует реальному уровню его популярности, в самоопределении Гайдамака вполне можно усмотреть заявку на «революционное перераспределение власти» в пользу новых лидеров и элит. Похоже, что именно так «феномен Гайдамака» поначалу был воспринят «Первым Израилем» – потомками «поколения основателей» израильского государства из первых волн еврейской репатриации в тогда еще подмандатную Пале-

стину, населяющими сегодня благополучные поселки и кварталы городов центра страны и составляющими ядро ее правящего слоя. По утверждению сторонников бизнесмена-политика, этим и объясняются затеянные его «врагами» бесконечные полицейские расследования его деловой деятельности, «антигайдамаковские» законопроекты в парламенте (согласно одному из них, сумму благотворительных пожертвований следует вычитать из суммы средств, законодательно разрешенных как максимальные расходы на предвыборную пропаганду), требования продать принадлежащие Гайдамаку СМИ и т.д.

Традиционные израильские элиты, запутавшиеся в противоречиях своих постсионистских проектов, действительно уже давно и с опасением ждут появления новых политических лидеров у «неосионистских» по своей идеологии общественных групп, связанных со слабоконтролируемыми «постсоциалистическим истеблишментом» сферами, где, кстати, широко представлены выходцы из бывшего СССР. А именно: демонополизированными секторами постиндустриальной экономики (такими, как хай-тек), альтернативными (особенно электронными и интернет) СМИ, складывающейся системой открытого образования, новыми гражданскими институтами, новым поколением поселенческого движения и т.д.

Не исключено, что Гайдамак в какой-то момент был воспринят ими как зримая реализация этих опасений. Похоже, однако, что эти страхи были несколько преждевременными. Гайдамак, несмотря на всю его риторику, совсем не революционер: он обращается не к «массам», а к «электорату» и зовет его не на баррикады, а на избирательные участки. Да и аппарат его политических структур состоит в массе своей из традиционной (хотя и второразрядной) партийной и бюрократической номенклатуры, хотя там есть и «юноши бледные со взором горящим». Созданная им партия «Социальная справедливость» – это отнюдь не «народный фронт за перестройку», как кто-то мог бы подумать, а стандартный социально-центристский проект. Таковые на протяжении последних 40 лет в изобилии поставляет на политическую арену страны «Второй Израиль» (отчужденные от власти жители периферии и социально неблагополучных кварталов больших городов, в массе своей восточного происхождения).

Вожди эти слоев уже давно «прикормлены» ашкеназскими элитами, которые, быстро оправившись от легкого шока «Черных пантер» и «электорального переворота» 70-х годов XX в., вполне эффективно манипулируют происходящими в данной среде процессами. Собственно, первые признаки осознания того, что Гайдамак, судя по всему, не устраивает «общественный переворот», а реализует старый, привычный и понятный в обращении сценарий, проявляются хотя бы в том, что целый ряд влиятельных «левых» СМИ в последние недели, как по команде, сменили тон в отношении Гайдамака и его движения с высокомерно-подозрительного на «сочувственно-понимающий».

Заключение: Что же дальше?

Здесь возможны, как всегда, три варианта.

Первый: ЦаХ проваливается на муниципальных выборах и/или не проходит электоральный барьер на выборах в Кнессет, и вся тема снимается – надолго или навсегда – с общественной повестки дня.

Второй: ЦаХ добивается минимально необходимого результата на парламентских выборах, но вскоре после них распадается на составляющие. То есть становится «одноактным политическим спектаклем одного актера», подобно другому одноразовому протестно-популистскому проекту – партии «Единственный», которую перед выборами 1977 г. создал франко-израильский миллионер Шмуэль Флатто-Шарон, с которым А. Гайдамака очень часто сравнивает израильская и зарубежная пресса.

Третий: Гайдамаку удается, опираясь на муниципальную базу, закрепиться на некоторую неопределенную перспективу на политической арене в качестве постояннопротестного движения типа партии сефардов-традиционалистов ШАС. Подобно ему, лидеры ЦаХ в этой ситуации должны будут сделать акцент на одном или нескольких наиболее перспективных секторах своего электората, старательно культивируя у него комплекс «отчуждения от власти» и чувства постоянной, из поколения в поколение, принадлежности к «обиженным и угнетенным». Понятно, что ЦаХ должен будет «отбить» этот электорат у других популистских движений либо договориться о разделе сфер влияния с их лидерами. Так, согласно просочившимся в прессу слухам, Гайдамак пытается договориться с бывшим председателем Партии труда А. Перецом. Последний, насколько можно судить, все еще колеблется между желанием

вступить в новый виток борьбы за власть в партии и перспективой восстановить организационную самостоятельность своего «профсоюзного» движения «Ам эхад», которое имеет неплохие шансы в периферийных «городах развития».

В принципе, не исключен и четвертый сценарий – Гайдамак входит во власть и оставляет позади ЦаХ и ее избирателей как «отработанный материал», используя полученный политический ресурс для нового политического проекта. Но это в таком маловероятном случае будет уже совсем иная история.

---

[1] «Гайдамак создает партию либерального толка», cursorinfo.co.il, 27 ноября 2005 и Радио РЕКА, 28 ноября 2005.
[2] Attila Somfalvi. Israeli-Russian tycoon unveils Social Justice movement // Ynet, 02.21.2007.
[3] Lily Galii. Gaydamak completes manifesto for his future center-right party // Ha'aretz, 21.03.2007.
[4] *Едиот Ахронот*, 02.05.2008.
[5] Ha'aretz, 21.04.2008.
[6] Quoted by Channel Nine of the Israeli TV, 11 June 2007; *Jerusalem Post*, 12.07.2007.
[7] «Гайдамак отвечает на вопросы». Пресс-служба Аркадия Гайдамака, 18.03.2007 http://newsru.co.il/israel/18mar2007/gaid_answers_104.html
[8] Лили Галили. Партия Гайдамака рассчитывает вырасти до 100000 членов // *Ха'арец*, 31.10.2007 (перевод cursorinfo).
[9] Лили Галили. Гайдамак шагает по стране // *Ха'арец*, 26.12.2007 (перевод cursorinfo.co.il).
[10] Lily Galili. Gaydamak completes manifesto for his future center-right party // Haaretz, 21.03.2007; Lily Galili // Haaretz, 20.06.2008.
[11] *Globus* (Tel-Aviv), 14.02.2007.
[12] Опрос Института социологических исследований «Дахаф» по заказу «Едиот Ахронот», 22.11.2006 г.
[13] Цит. по: izrus.co.il 3.08.08.
[14] Гайдамак начал бой за Иерусалим // *Izrus*, 30.07.2008.
[15] Гидон Мэром и Одед Шалом. Создай себе партию.
[16] *Маарив* (приложение «*Соф шавуа*»), 03.01.2008.
[17] Цит по: Лили Галили. Партия Гайдамака рассчитывает вырасти до 100000 членов // *Ха'арец*, 31.10.2007 (перевод cursorinfo).
[18] Две «русских дивизии» Гайдамака // *IzRus*, 28.07.2008. http://izrus.co.il/article.php?article=1451.
[19] *Едиот Ахронот* (Приложение «Шева Ямим»), 23.05.2008 (на иврите).

Н.И.Черниченкина

ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕС

Для Турции вопрос об интеграции в Европейский Союз имеет особое значение. Присоединившись к ЕС, страна не только получит импульс для дальнейшего экономического развития, но и утвердится в историческом выборе в пользу именно европейского пути развития.

Однако вступление Турции в Евросоюз – сложная многогранная проблема. Путь к членству в ЕС ни одной другой страны не пробуждал такие страсти. Корни проблемы вступления Турции в ЕС кроются в особенностях этого противоречивого «двуликого» государства. Оно словно включает в себя две части, две непохожие друг на друга страны-кандидата. И вопрос, которую из этих стран ЕС согласен принять, безусловно, весьма щекотлив.

Первая часть – член НАТО уже на протяжении 50 лет, с развивающейся демократией, свободной прессой и правительством, опирающимся на парламентское большинство. Почти все население здесь, не порывая с традициями ислама, одновременно лояльно к принципам светскости. Начиная с 2005 г. положение в экономике существенно улучшилось: за последние два года средние темпы роста ВВП составили 8,4%, а инфляция снизилась на три четверти и близка к значениям, выраженным однозначными числами. В отличие от других государств ЕС в Турции молодое и довольно быстро растущее население. Такая страна является бесспорным кандидатом на вступление в ЕС.

Вторая часть является абсолютной противоположностью первой. Большая площадь расположена в Азии, она граничит с такими проблемными государствами, как Ирак, Сирия и Иран. Экономика страны оставалась слабой на протяжении десятилетий, ее валюта неоднократно девальвировалась, многие банки находятся в скверном состоянии, и Турция является одним из самых крупных должников МВФ. Она беднее, чем де-

сять самых бедных стран, присоединившихся к ЕС в 2004 г. В ее истории неоднократно происходили военные перевороты. Зарегистрированы факты нарушения прав человека и пыток заключенных. Подавляющее большинство населения – мусульмане. К тому же Турция может оказаться самой крупной по численности населения страной-членом ЕС.

С того момента, как Турция сделала первый шаг к вступлению в Европейское экономическое сообщество 31 июля 1959 г. во время правления А. Мендереса, прошло уже почти 50 лет. За эти годы западные партнеры Турции неоднократно высказывали мнение, что Турция не готова к вступлению в ЕС, при этом политики умалчивали о том, что и само Европейское сообщество еще не решилось принять нового члена. Турция была готова подписать европейское соглашение о сотрудничестве уже в 1963 г., что рассматривалось бы как прелюдия к членству.

Как писал турецкий исследователь К.К. Туран в своей работе, посвященной отношениям Турции с ЕС и МВФ, «формально Турецкая Республика подала заявление на членство в 1987 году. Европейская Комиссия не поддержала это заявление, однако вопрос остался на обсуждении. В 1983 г. Европа приняла окончательное решение объединиться, но это было еще не объединением, а лишь поставленной целью. Еще один важный аспект заключался в том, что на момент принятия этого решения в 1983 г. еще не были четко сформулированы ни полномочия, ни структура европейского интеграционного объединения. Исходя из этого, можно сказать, что принять Турцию в ЕС в качестве полноценного члена в то время, когда еще у самого сообщества было много неопределенностей, не представлялось возможным. Впоследствии, определившись со своей внутренней структурой, Европа смогла уяснить и роль Турции в этой системе»[1].

В течение 90-х, даже когда ЕС был готов принять восемь центральноевропейских стран, и более того, даже после формирования в 1996 г. таможенного союза между Европой и Турцией европейские лидеры относились с большой осторожностью к ожиданиям Турции. А в 1997 г. на встрече ЕС на высшем уровне Турция сознательно не была включена в список кандидатов.

Турецкие политические деятели продолжали настаивать на европейском признании страны. Неустойчивость развития Турции в 90-х, достигшая высшей точки во время государст-

венного переворота в 1997 г., который вытеснил нерадикальную исламистскую Партию ПВП из правительства, сделала разговоры о членстве в ЕС спорными. Экономическим следствием этой неустойчивости стали кризисы платежеспособности, выход из которых удалось найти лишь с помощью Международного валютного фонда. Война Турции с курдскими террористами на юго-востоке, и новые нарушения в области прав человека также ухудшили кандидатский имидж Турции.

Переговоры получили новый импульс в 1999 г., когда, как отметил журнал «The Economist», «в результате встречи на высшем уровне в Хельсинки, ЕС формально принял Турцию в кандидаты. В 2002 г. лидеры ЕС пошли дальше, объявив, что если бы к декабрю 2004 г. Турция удовлетворяла бы требованиям, известным как "Копенгагенские критерии", они назначили бы дату переговоров о вступлении. Эти критерии включают соблюдение гарантирующих демократию правовых норм, в том числе, прав человека и уважения к национальным меньшинствам, а также наличие функционирующей рыночной экономики, способность справиться с конкуренцией в пределах ЕС и способность выполнять обязательства члена союза[2].

Партия справедливости и развития, нерадикальная исламистская партия, которая пришла к власти в ноябре 2002 г. (хотя Т. Эрдоган стал премьер-министром только в марте 2003 г.), провела ряд реформ, направленных на то, чтобы соответствовать Копенгагенским критериям.

Экономика стабилизировалась после 2001 г., главным образом благодаря Международному валютному фонду и экономической политике правительства Т. Эрдогана. Еще есть препятствия впереди: дефицит по текущему счету платежного баланса остается большим, и огромный долг Турции нуждается в постоянном рефинансировании. Иностранные инвестиции остаются незначительными: в 2005 г. их чистый приток составил 1 млрд., но налоговая политика жесткая, и инфляция находится под контролем.

На политическом фронте правительство Эрдогана использовало свое подавляющее парламентское большинство, чтобы провести ряд существенных реформ, включая три больших пакета конституционных изменений. Был установлен гражданский контроль над армией, и над ее бюджетом. Ликвидированы государственные суды безопасности. Судебная власть реформируется. Были предприняты усилия, что-

бы более полно обеспечить соблюдение прав человека. Отменена смертная казнь.

Значительный прогресс был достигнут на курдском юго-востоке Турции.

Острота борьбы с Рабочей партией Курдистана спала после захвата лидера РПК Абдуллы Оджалана в 1999 г. В начале того же года в Турции разрешили обучение на курдском языке, прежде запрещенном, в июне 2006 г. телевидение впервые начало вещание на курдском языке.

Но религиозная свобода в Турции остается ограниченной. Невероятно трудно открыть новую христианскую церковь, и греческая Православная семинария на острове Халки остается закрытой. Это означает, что новых православных проповедников больше не обучают, даже при том, что Патриарх Константинопольский находится в Стамбуле.

Тем не менее по экономическим, политическим и судебным реформам Турция опережает Румынию, которая надеется стать членом ЕС. Но в отношении Турции действуют особые критерии, при учете которых она не соответствует статусу страны- члена ЕС.

Для европейцев большинство этих особых подходов к Турции сводится к четырем ключевым направлениям: страна очень большая; она очень бедная; не вся ее территория находится в Европе; и страна мусульманская.

Совершено ясно, что решение о вступлении Турции создает риски для самого ЕС. Начнем с численности населения. «В Турции уже более 70 миллионов человек. Если она присоединится к ЕС, то в течение 15 лет она по данному показателю опередит Германию, являющуюся ныне самым крупным членом ЕС, с наибольшей долей голосов в Брюсселе и самым большим национальным блоком в европейском парламенте. Хотя даже если она будет иметь 15% всего населения ЕС, она останется одной из 28 или 30 стран-членов, едва ли такая позиция дает право доминировать при принятии решений», – заключил The Economist[3]. Нет никакой логики в том, чтобы отказывать стране из-за многочисленности ее населения: в самом деле, следует признать, что ЕС проигрывает от небольшого размера большинства стран-членов. Действительно, Турция могла бы сбалансировать структуру Союзного клуба, в котором наблюдается преобладание небольших стран. ЕС, образовавшийся из трех больших и трех маленьких стран, теперь имеет шесть больших

и 19 маленьких стран. После вступления Турции вслед за Болгарией, Румынией и Хорватией структура ЕС стала бы следующей: семь больших государств-членов и двадцать два малых.

Возникает еще один вопрос, относится ли Турция к Европе? Соглашения ЕС о географических границах Союза неопределенны. На северном конце моста через Босфор табличка приветствует водителей надписью «Добро пожаловать в Европу». Никто и не оспаривает, что часть Турции, включая ее самый большой город – Стамбул, находится на европейском континенте. В любом случае, Брюссель в 1963 г. признал, что Турция является в достаточной степени европейской для того, чтобы стать кандидатом на вступление в ЕС. И теперь это довольно сложно оспорить.

Бедность Турции может вызвать определенные проблемы. «ВВП Турции на душу населения составляет только 29% от среднего уровня для 25 стран-членов ЕС, и значительно ниже, чем во всех странах-членах. Одна треть населения занята в сельском хозяйстве, что является вызовом для сельскохозяйственной политики ЕС. Последнее обстоятельство наряду с ее бедностью означало бы долгосрочные бюджетные переводы из Брюсселя»[4]. Риск того, что волна бедных турок может эмигрировать на Запад, тоже не особенно радует министров внутренних дел.

Но самая большая проблема из всех – ислам. Европейский Союз не является христианским клубом. Среди граждан более чем 12 стран-членов ЕС есть мусульмане, и основополагающие статьи европейского законодательства предусматривают уважение к свободе выбора религии. Тема религии в отношении вступления Турции включает два главных утверждения. Первое: ислам – это религия, по своему характеру исключающая светскую, свободную демократию. Второе: исламский фундаментализм сейчас ширится во всем мусульманском мире, включая Турцию. 11-е сентября, Ирак и борьба с террором акцентировали основное внимание на том, следует ли ЕС рассматривать вопрос о принятии в свои члены мусульманской страны. Приход к власти Партии справедливости и развития, последовательно придерживающейся курса на развитие отношений с ЕС, не помог решить этот вопрос, так как даже в пределах самой Турции имеется достаточно подозрений о наличии у исламистов скрытых планов. Эрдоган резко оспаривает исламистские угрозы, но все же нельзя забывать, что его партия имеет исламистские корни.

В последнее время турки стали более негативно настроены к Европе. В декабре 2004 г., когда правительство Эрдогана добилось начала переговоров о вступлении в ЕС, реакция во всей Турции была эйфорической. Но переговоры продвигались мучительно медленно. Анкара все отчетливей осознает, что ЕС, предъявляя масштабные требования по конституционным изменениям, экономической либерализации, большей религиозной терпимости, предлагает взамен немногое.

По данным информационного агентства «Росбалт», «в целом в Европе отношение к Турции ухудшается в последние годы. Так, например, в Австрии за вступление Турции в ЕС выступают только 5% населения, в то время как в 2002 г. этот показатель достигал 32%. Причем большинство противников вступления отмечают не религиозное, а культурное отличие турок от европейцев. В Германии число согласных на прием Турции в ЕС достигает 16%, во Франции – 22%»[5].

За период с начала переговоров некоторые лидеры таких стран, как Франция, Германия и Австрия, ясно дали понять, что они против присоединения Турции к ЕС. Во Франции бывший президент Жак Ширак высказался против турецкого членства, хотя ранее он заявлял, что выступает "за". Сменивший его Николя Саркози также крайне негативно относится к вступлению Турции в ЕС. Так, французский президент определил позиции Франции и Германии по данному вопросу: «Турции не может быть места в Европейском союзе по той причине, что она расположена в Малой Азии. Если мы будем бесконечно расширять ЕС, то уничтожим политическую Европу»[6].

Канцлер Германии А. Меркель, посетившая Анкару в 2006 г., также не считает, что Турция может стать полноправным членом этой организации. Она предложила Турции специальный статус "привилегированного партнерства", то есть такой уровень сотрудничества, который уже был достигнут. Таким образом, позиция Меркель означает не что иное, как требование оставить отношения ЕС с Турцией на нынешней ступени.

В то же время Н. Саркози с начала 2007 г. продвигает проект создания Средиземноморского сообщества, построенного по модели ЕС, куда, по его плану, войдут Португалия, Испания, Италия, Греция и Кипр. Турции же предлагается стать ключевой страной нового союза. Однако вступление Турции в Средиземноморский союз в качестве альтернативы членству в ЕС не устраивает премьер-министра Турции Т. Эрдогана: «Мы – против такого понимания. И мы – определенно против участия Турции в таком формировании, если это выдвинуто как альтернатива ЕС».

Становится ясным, что подобные заявления глав европейских государств продиктованы сугубо экономическими соображениями и принципами безопасности. Как известно, государства ЕС, особенно Франция, пережили проблему, связанную с большим числом приехавших с Востока иммигрантов. Начиная с 2005 г. во Франции время от времени повторяются беспорядки, организуемые иммигрантами. Кроме того, набирают силу националистические и расистские движения.

В Германии был принят Закон об иммигрантах, призванный ограничить иммиграцию и управлять притоком иностранцев.

"Требованиям великих держав о реформах не будет конца". Так написал Абдулхамид II перед смертью. Эта вера, разделенная миллионами граждан современной Турции, только усилилась по итогам доклада Европейской Комиссии о достигнутом прогрессе на пути к членству Турции, обнародованном в Брюсселе 8 ноября 2006 г.

Т. Эрдоган намекнул, что Турция могла бы пересмотреть (но не отменять) печально известную статью 301 Уголовного кодекса, разрешившую преследование турецких академиков и писателей по обвинению в «оскорблении турок». Закон был резко раскритикован в докладе комиссии, как были осуждены и длящиеся репрессии в отношении немусульманских меньшинств и курдов.

Следует ли считать, что надежды Турции на полное членство в ЕС будут навеки похоронены? Некоторые утверждают, что переговоры о членстве уже имеют основания для приостановки. Переговоры по одному из 33 пунктов, по которым Турция должна договориться с ЕС (о науке и технике), были завершены. Турецкая же непримиримость по Кипру могла побудить греческую и кипрскую стороны наложить вето в любой момент, чтобы блокировать переговоры по остальным пунктам.

Усиление националистических настроений в Турции снижает поддержку членству ЕС. Опрос, проводимый журналом «The Economist», показал спад поддержки полного членства Турции в ЕС в 2006 г. до 23% по сравнению с 67% в 2004 г. В то же самое время он омрачил надежды 14 миллионов турецких курдов на улучшение ситуации, поскольку страны ЕС могли бы принудить Анкару изменить свою позицию по статусу

юго-восточных территорий. Под американской защитой иракские курды практически достигли независимости, что очень раздражает Турцию[7]. Пауза в переговорах с ЕС также подстрекает генералов Турции к попыткам вернуть власть, которую они потеряли на волне вдохновленных ЕС реформ. Это может угрожать экономическому росту последних лет.

Как всегда, прозападно настроенные турки возлагают свои надежды на США. Американское давление играло значимую роль в сохранении стремления Турции к вступлению в ЕС, ведь именно США лоббировали членство Турции в Евросоюзе. Такая политика преследует две цели. Во-первых, внутреннее ядро ослабляется благодаря внедрению политически гиперактивной Анкары. Во-вторых, сохраняются и укрепляются рычаги влияния на Турцию в ближневосточной политике США.

Экономическое и политическое беспокойство, вызванное приостановкой переговоров о членстве в ЕС, могло бы побудить Америку к использованию своего влияния на канцлера Германии А. Меркель. Но проблема состоит в том, что Т. Эрдоган сейчас уже имеет не так много друзей в Вашингтоне. Его неудачные попытки выполнить обещание по облегчению вторжения Америки в Ирак и обеспечению подступов к Ирану и Сирии представили его как ненадежного партнера.

Возможным риском для Турции является то, что оппозицией правительству могут стать не только курдские и исламистские группы, но и его противники в стране с подозрительными связями с исламистскими террористами, которые проводят политику террора против «неверных»: взрывают синагоги, с невероятной жестокостью убивают христианских миссионеров. Из этих же групп сотни рекрутов вербуются в «армию джихада», воюющую против христиан в бывшей Югославии, Афганистане, Карабахе, Чечне, Ираке.

Развитие ситуации показывает, насколько членство в ЕС, без преувеличения, является лучшей и, возможно, единственной гарантией осуществления мечты Ататюрка о западной демократии в стране. С 2006 г., когда переговоры о вступлении Турции были заморожены по ряду направлений, турецкие политики обещали, что правительство будет особенно активно работать над вопросом о членстве в ЕС и добьется положительных результатов. Так, министр иностранных дел Турции и глава делегации на переговорах о вступлении в ЕС Али Бабаджан объявил 2008 год «годом ЕС» в Турции. «С сентября

2007 г. проведено 229 заседаний. За пять месяцев в Брюссель мы отправили 17 делегаций» – заявил Бабаджан[8].

Несмотря на такую целеустремленность, по оценке экспертов, переговоры о приеме Турции в ЕС могут занять 10–15 лет, даже без гарантий предоставления этой стране полноправного членства в организации. Однако выбор не столько за Т. Эрдоганом, сколько за Западом. Имея в своем составе сильные при отдельном рассмотрении страны, ЕС так и не достиг мощи в единстве. Учитывая хронический уровень внутренней безработицы, проблемы роста расходов по пенсионному обеспечению, в будущем Европы предвидятся большие риски. Несмотря на все меры по использованию потенциала роста, сейчас наблюдается процесс упадка экономики. В Европе идет серьезная борьба за власть и конкуренция за получение политических выгод. В свете этих проблем ожидать, что Европа безусловно примет в свой состав Турцию, было бы слишком оптимистично.

---

[1] Turan K.K. Atatürk, Arupa Birliği ve İMF üzerine notlar. İst., 2007, c. 25.
[2] The Impossibility of Saying No // The Economist. – L., 2004, № 8393, c. 33.
[3] Why Europe Must Say Yes to Turkey // The Economist. – 2004, № 8393, c. 13.
[4] Там же.
[5] http://www.rosbalt.ru/2008/02/04/453220.html
[6] Sarkozy N., Royal debate Turkey's EU bid // Turkish Daily News, 04.05.2007.
[7] Troubles Ahead // Ibid., 2006, № 8500, c. 33–34.
[8] http://www.euractiv.com/en/enlargement/2008-eu-year-turkey-foreign-minister/article-170121